

Проф. В. В. БОЛОТОВЪ.

ЛЕКЦІИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.

III.

Исторія церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

I. Церковь и государство. II. Церковный строй.

Посмертное изданіе подъ редакціей

проф. А. Бриллиантова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій, № 8.

1918.

Приложение къ „Християнскому Чтенію“ за 1911, 1912 и 1913 гг.

Исторія церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

I. Церковь и государство.

II. Церковный строй.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	СТР. XI—XIII
-----------------------	-----------------

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРІОДЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Общій характеръ этого періода	1—4
---	-----

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫИ.

Церковь и государство.

Значеніе союза церкви съ государствомъ въ этомъ періодѣ .	5—7
---	-----

I. Обращеніе въ христіанство Константина В. . . . . 7—35

Вопросъ о мотивахъ обращенія Константина (7—8).—Разказы Лактанція, Евсевія и Созомена (9—14) и вопросъ о значеніи для Константина „богознаменія“ (14—16).—Недостаточность для объясненія обращенія Константина однихъ политическихъ расчетовъ; вопросъ о числѣ христіанъ въ римской имперіи (16—29).—Идеальные мотивы обращенія Константина; характеръ его религіозности (29—31), отношеніе его къ христіанству и язычеству (31—32) и послѣдняя цѣль его религіозной политики (32—34); замѣчаніе о фактахъ, указываемыхъ противъ его христіанскаго настроенія (34—35).

II. Значеніе національныхъ особенностей грековъ и римлянъ и традицій римскаго государства и христіанской церкви при установленіи отношеній между церковію и государствомъ. . . . . 36—43

Национальныя особенности грековъ и римлянъ и значеніе ихъ для рѣшенія тѣми и другими вопроса объ отношеніи между церковію и государствомъ (36—39).—Абсолютизмъ римскаго государства (40—41) и духъ религіозной свободы въ христіанской церкви (41—43).

III. Исторія отношеній между церковію и государствомъ со времени Константина В. . . . . 44—90

1. **Религіозная политика Константина В. и его сыновей.**—Вопросъ о способѣ покровительства государства церкви (44).—Первые шаги Константина В., какъ покровителя церкви (45).—Вынужденное вмѣшательство его въ дѣла церкви по случаю раскола донагистовъ (45—47).—Роль Константина въ аріанскомъ спорѣ и начало преслѣдованія еретиковъ государственною властью (47—50).—Общій характеръ отношеній между церковію и государствомъ при Константинѣ и ихъ оцѣнка (50—52).—Константій, его агрессивныя дѣйствія противъ язычества и примѣненіе вѣншей силы въ дѣлѣ св. Аванасія В. (52—53).—Признаніе авторитета соборовъ въ теоріи и отсутствіе свободы па нихъ въ дѣйствительности (53—54).—Заявленія Аванасія, Иларія, Осія, о свободѣ религіознаго убѣжденія (54—56); недостаточная убѣдительность для Константія ихъ протестовъ, какъ исходившихъ съ говимой партіи, и распространенность въ средѣ христіанъ воззрѣній другого рода (56—58).

2. **Языческая реакція при Юліанѣ Отступникѣ.**—Юліанъ, его воспитаніе и отношеніе къ христіанству до вступленія на престолъ (58—62).—Попытка Юліана возстановить язычество и ея неуспѣшность (61—68).—Мѣры его противъ христіанъ (68—72).

3. **Религіозная политика императоровъ послѣ Юліана.**—Религіозная политика Іовіана, Валентиніана I, Валента, Граціана (72).—Теодосій В. и его отношеніе къ церкви (72—74); непризнаніе Амвросіемъ медіоланскимъ компетенціи императора въ дѣлахъ вѣры (74—77) и требованіе имъ отъ императора покровительства церкви (77—80).—Времена Аркадія и Гонорія; отношеніе св. Іоанна Златоуста и бл. Августина къ вопросу о принужденіи въ дѣлахъ вѣры (80—73).—Теодосій Младшій, его принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла церкви и безсиліе провести его на дѣлѣ (83—84).—Болѣе строгое проведеніе этого принципа при Маркіанѣ и Львѣ (85) и нарушеніе его при Василискѣ и Зинонѣ (84—86); вынужденная необходимость вмѣшательства императоровъ въ дѣла церкви (86).—Юстиніанъ, его церковная политика и теорія двухъ властей (86—87).—Общее заключеніе (87—90).

IV. Борьба христіанства съ язычествомъ въ жизни и мысли . . . . . 90—103

Отношеніе къ язычеству ближайшихъ преемниковъ Юліана Отступника и ограничительныя мѣры противъ язычества въ дальнѣйшее время; положеніе язычниковъ въ имперіи (90—93).—Литературная борьба между христіанствомъ и язычествомъ (93—95).—Вопросъ о свободѣ религіозныхъ убѣжденій въ разсматриваемую эпоху (95—101).—Слѣдствія массоваго обращенія въ христіанство (101—103).

У. Права и привилегіи церкви въ христіанскомъ государствѣ . . . . . 103—138

1. **Имущественныя права.**—Право приобрѣтенія церковію имущества покупкою, дареніемъ и по завѣщанію (104—106); дары изъ государственной казны (106—107).—Матеріальное положеніе церквей (107—108).—Нежелательныя послѣдствія этихъ правъ и необходимость матеріальныхъ средствъ для благотворительныхъ цѣлей церкви (108—111).

2. **Свобода отъ податей и повинностей (иммунитетъ).**—Гражданскій строй въ римской имперіи; опредѣленіе обязанностей гражданина чрезъ *origo* и *domicilium* (111—114); различіе обязанностей, какъ *honores*, и какъ *munera* а) *personalia* и б) *patrimonialia* (114—115).—Развитіе системы освобожденія отъ *munera personalia* (115—118); *curiales*, *possessores*, *negotiatores* (118—119); освобожденіе христіанскаго клира отъ *munera personalia* 119—120).—*Munera patrimonialia* а) *sordida* и б) *extraordinaria*; освобожденіе клира отъ *munera sordida* (120—121).—Ограниченіе привилегій клира въ интересахъ курій (121—124) и слѣдствія этихъ привилегій (124—125).—Налогъ на недвижимыя церковныя имущества (125).—Льготы клириковъ при занятіи торговлею (125—126).

3. **Судебныя привилегіи.**—Льготы духовныхъ лицъ, какъ подсудимыхъ или отвѣтчиковъ (126—128).—Права епископовъ, какъ судей въ судѣ третейскомъ и судѣ формальномъ (128—130); судъ надъ клириками (130); обременительность для епископовъ привилегій суда и цѣлесообразность ея (130—131).

4. **Право ходатайства и право убѣжища.**—Право ходатайства епископовъ и его примѣненіе (131—132).—Право убѣжища, его отміна и восстановленіе (132—134).—Неблагоприятная сторона этихъ привилегій и ихъ цѣлесообразность (134—135).

5. **Прочіе менѣ важныя законы въ пользу церкви.**—Заковъ о воскресномъ днѣ, право церкви отпускать рабовъ, законодательство о бракѣ (135—137).—Общее значеніе усвоенныхъ церкви привилегій (137—138).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Церковный строй.

1. Кирь и іерархія . . . . . 138—200

Различіе между клиромъ и мірянами (138—139).

1. **Условія вступленія въ кирь.**—Требованіе извѣстной степени богословскій образованности и средства для церковнаго образованія (139—142).—Нравственныя требованія (142).—Требованіе безбрачія для духовенства въ западной церкви и утвержденіе безбрачія епископовъ на востокѣ (142—148).—Запрещеніе поставлять на священныя должности двубрачныхъ и женатыхъ на вдово

вахъ (148—151).—Запрещеніе брака по принятіи священнаго сана (151—152).—Общія нравственныя требованія (152—153).

2. **Увеличеніе клира и новыя церковныя должности.**—Ordines minores; чтецы и экзорцисты, аколумы и иподіаконы, могильщики, lectionarii и decani, параваланы (153—156); діакониссы (156—158).—Служебныя должности; нотаріи, хартофилаксы, экомомы, заведующіе дѣлами благотворительности, эджики, скенофилаксы (158—160).

3. **Діаконы и пресвитеры.**—Вторые діаконы и вторые пресвитеры; архипресвитеры и архидіаконы (169—161).—Значеніе діаконъ въ древней церкви (161—165) и положеніе архидіакона (165—167).—Возвышеніе пресвитеро въ виду образованія поручаемыхъ имъ приходо въ (168); избраніе пресвитеро въ древнее время (169—171).

4. **Епископы.**—Возвышеніе епископскаго сана съ вѣдшей стороны въ настоящемъ періодѣ и общественное значеніе епископа (172—174).—Избраніе епископа клиромъ и мірянами (ψῆφος) и провѣрка избранія спископами (δοκίμασία) (174—177).—Примѣненіе выбораго начала до IV вѣка и возможность злоупотребленій (177—180).—Усиленіе злоупотребленій съ IV вѣка и ограниченіе правъ народа, вліяніе на замѣщеніе каедръ гражданской власти и злоупотребленія съ ея стороны (180—186).—Несоотвѣтствіе дѣйствительности высокимъ принципамъ и попытки регулировать выборы (186—189); проникновеніе аристократическаго начала въ церковное управленіе и окончательное устраненіе Юстиніаномъ простаго народа отъ избранія епископо въ (189); слѣдствія этого (189—190).—**П р и л о ж е н і е.**—Избраніе патріарха у сироперсидскихъ христіанъ и у копто въ (190—194).—Избраніе папы въ римско-католической церкви (194—200).

II. Формы церковнаго союза . . . . . 201—340

1. **Парикія, управляемая епископомъ, и образованіе приходо въ повдѣйшемъ смыслѣ.**—Древняя парикія съ епископомъ во главѣ и появленіе приходо въ, управляемыхъ пресвитерами (201—204).—Вопросъ о территоріи древнихъ епископій и количествѣ христіанскаго населенія ихъ (204—206).—Приходы въ Римѣ, въ Константинополѣ (206—209).—Права приходскихъ церковей (209—210).

2. **Митрополіи.**—Права митрополитовъ (210—211).—Развитіе митрополитанской системы въ связи съ гражданскимъ дѣленіемъ римской имперіи на провинціи (211—214) и неполное соответствіе ея этому дѣленію (214—216).

3. **Экархаты.**—Экархаты, какъ церковная единица, соответствующая гражданскому діоцезу (216—217).—Отсутствіе указаній на экархаты (respective патріархаты) въ постановленіяхъ Никейскаго и Антиохійскаго (333 г.) соборо въ (217—220).—Постаиовленіе Константинопольскаго собора 381 г. и начатки экархатовъ въ IV вѣкѣ (221—222).

4. **Патріархаты.**—а) Константинопольскій патріархатъ.—Возвышеніе константинопольской кафедръ, какъ столичной, и недовольство этимъ Александріи и Рима (223—225).—3е правило Константинопольскаго собора 381 г. и дальнѣйшая исторія константинопольской кафедръ (225—228).—Утвержденіе власти константинопольскаго патріарха Халкидонскимъ соборомъ и фактическая основа ея (228—232); устраненіе власти трехъ экзарховъ и возвышеніе надъ другими патріархами (232—234).—Общая причина возвышенія константинопольскаго патріарха (234—236).—б) Александрійскій патріархатъ.—Особенности строя церковной жизни въ Египтѣ: отсутствіе митрополитовъ и непосредственная власть александрійскаго папы надъ всѣми епископами (236—237).—Разборъ возраженій (237—238) и давняя, доказывающія существованіе такого порядка въ Египтѣ (238—241).—Значеніе этого факта (241—242).—в) Антиохійскій и іерусалимскій патріархаты.—Выдѣленіе іерусалимскаго патріархата изъ антиохійскаго; значеніе Іерусалима и положеніе іерусалимскаго епископа (242—244); дѣйствія Ювеналія и созданіе особаго патріархата (244—246).—г) Патріархатъ *Justinianae Primaе*.—Устройство его Юстиніаномъ I и его недолговѣчность (246—248).—д) Римскій патріархатъ и развитіе папства.—Причины развитія папства; національный инстинктъ римскихъ епископовъ (248—249) и особый авторитетъ церкви Рима, какъ столицы всего міра (249—253).—Обнаруженія папскихъ притязаній въ эпоху до Константина В. (253—255).—Римскій епископъ, какъ патріархъ запада.—Власть римскихъ епископовъ ко времени Никейскаго собора, какъ митрополитовъ надъ *ecclesiae suburbicariae* (въ области „состаго камня“) (255—259).—Стремленіе римскихъ епископовъ къ подчиненію себѣ всей западной церкви, или къ патріаршей власти на западѣ (259—260); противодѣйствіе въ церквахъ сѣверной Італіи—медіоланской, аквилейской, равеннской (260—261), и успѣхъ въ въ Иллирикѣ и Испаніи (261—263); борьба съ галльской церковію (263—267) и африканской (267—273).

5. **Притязанія римскаго епископа на главенство въ церкви вселенской: римскій епископъ, какъ папа.**—Параллельное развитіе притязаній римскихъ епископовъ на права патріаршіи и папскія (273—274) и значеніе для развитія папства измѣненія политическаго положенія Рима въ IV в. (274—275).—Основы римско-католическаго догмата о папствѣ: 1) признаніе особыхъ полномочій ап. Петра (275—278), 2) мнѣніе о передачѣ имъ этихъ полномочій преемникамъ (278), и 3) именно римскимъ епископамъ (278—280).—Теорія Льва В. о шевченствѣ римскаго епископа и практическіе выводы изъ нея (280—285); значеніе рѣчей Льва и неясности въ его ученія (285—286).—Признаніе особыхъ правъ папы на западѣ (286—288).—Отношеніе къ папскимъ притязаніямъ со стороны востока.—Отсутствіе на востокѣ интереса къ жизни западной церкви (288—290).—Случаи вмѣшательства папы въ дѣла востока до Льва В. (290—294).—Осторожность Льва В. въ заявленіи папистическихъ притязаній по отношенію къ востоку (294—

295); Халкидонскій соборъ и отношеніе восточныхъ къ протесту противъ 28 правила его римскихъ легатовъ и самого Льва В. (295—300)—Притязанія и успѣхъ Рима во время акакіанской схизмы (300—305).—Отношенія между Римомъ и Константинополемъ въ VI в. (305—307).—Протестъ Рима противъ наименованія константинопольскаго патріарха „вселенскимъ“ и раскрытіе смысла этого протеста папою Адріаномъ I (307—312).—Разрывъ церкви при Фотіи и Николаѣ I, какъ завершеніе исторіи предшествовавшаго времени (312—314).—Общее заключеніе объ успѣхахъ папистической идеи на западѣ и о недостаточномъ сопротивленіи и даже содѣйствіи ея утвержденію со стороны востока (314—319).

6. **Соборы.**—Высшее представительство церковнаго строя въ соборахъ и виды соборовъ: соборы епархіальные, діоцезальные, вселенскіе (319—320).—Дѣятельность вселенскихъ соборовъ съ исторической точки зрѣнія (321) и значеніе участія въ соборахъ представителей гражданской власти (321—323).—Оцѣнка значенія соборовъ; свѣтлая и темная стороны соборной дѣятельности (323—324).

7. **Перемѣны въ формѣ церковнаго союза.**—Развитіе церковнаго строя въ эпоху вселенскихъ соборовъ на основѣ историческихъ данныхъ (324—325).—Перемѣны въ формѣ церковнаго союза, представляемой епархіей или митрополіей (325—326).—1) Упадокъ соборнаго института въ жизни епархій и причины этого явленія (326—329).—2) Разрушеніе митрополитанскаго строя.—Неудобство полного соответствія гражданскому дѣленію имперіи церковнаго дѣленія и отступленія отъ этого соответствія (329—330); введеніе въ дальнѣйшее время новаго гражданского дѣленія на темы и отраженіе его на церковной организаціи (330—331); необходимость примѣненія къ новымъ гражданскимъ порядкамъ и желаніе удержатъ прежніе порядки въ церковной жизни (332—333); стремленіе епископовъ къ замѣнѣ зависимости отъ митрополитовъ зависимостью отъ патріарха (333—335); результаты историческаго движенія, въ частности, появленіе автокефальныхъ архіепископій (335—340).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое изданіе первыхъ двухъ отдѣловъ лекцій В. В. Болотова по исторіи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, „Церковь и государство“ и „Церковный строй“, сдѣлано частію на основаніи собственныхъ записокъ его, относящихся къ первымъ годамъ его профессорской дѣятельности, главнымъ же образомъ на основаніи литографированныхъ курсовъ 1884/5, 1887/8, 1892/3, 1898/9 и 1899/900 гг. Именно, введеніе къ исторіи всей эпохи и къ первому отдѣлу (стр. 1—7) взято изъ автографа. Въ первомъ отдѣлѣ глава I—изъ записей лекцій 1899/900 г. ¹⁾, II—изъ автографа, III, 1—тоже, III, 2—изъ литографированныхъ записей лекцій 1894/5 г., III, 3—изъ автографа, IV—частію изъ записей лекцій 1894/5 г., частію изъ автографа, V—изъ записей лекцій 1892/3 и 1899/900 гг., съ нѣкоторыми заимствованіями изъ автографа. Во второмъ отдѣлѣ I, 1—изъ автографа, I, 2—тоже, съ заимствованіями изъ литографированнаго курса 1892/3 г., I, 3—изъ автографа и изъ того же курса, I, 4—изъ автографа и литографированныхъ курсовъ 1892/3 и 1898/9 гг., приложение—изъ курса 1898/9 г., II, 1—2—изъ записей лекцій 1892/3 и 1899/900 гг., съ нѣкоторыми дополненіями изъ автографа, II, 3—изъ автографа и записей лекцій 1899/900 г., III, 4—5—изъ курсовъ 1884/5, 1892/3, 1898/9, 1899/900 гг., съ дополненіями изъ автографа, II, 6—изъ автографа (незаконченнаго), II, 7—изъ записей лекцій 1887/8 и 1899/900 гг.

---

¹⁾ Для этого курса сохранились студенческія записи лекцій, представлявшіяся В. В. Болотову для исправленія и служившія оригиналомъ для литографированнаго изданія. Изображеніе лабарума на стр. 11 представляетъ воспроизведеніе рисунка самого В. В. Болотова, сдѣланнаго на полѣ этихъ записей.

Какъ и для исторіи церкви первыхъ трехъ вѣковъ, общій порядокъ распредѣленія имѣвшагося матеріала намѣчался печатною программю В. В. Волотова отъ 1895 г., дающею, вслѣдъ за двумя отдѣлами исторіи церкви въ періодъ до Константина В. (I. Христіанство и міръ языческой. II. Исторія богословской мысли), такую схему для изложенія двухъ дальнѣйшихъ, издаваемыхъ теперь, отдѣловъ церковной исторіи въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

III. Церкви и государство.—а) *Борьба государства съ язычествомъ*. 1. Обращеніе Константина великаго въ христіанство. 2. Религіозная политика Константина великаго и его преемниковъ. 3. Языческая реакція при Юліанѣ отступникѣ. 4. Религіозная политика послѣдующихъ императоровъ.—б) *Борьба христіанства съ язычествомъ въ области мысли*. 1. Апологіи язычниковъ и полемическія сочиненія христіанъ.—в) *Борьба христіанства съ язычествомъ въ жизни*. 1. Образъ дѣйствія предстоятелей церкви.—д) *Положеніе христіанской церкви въ государствѣ*. 1. Права и привилегіи, предоставленныя ей христіанскими государями.—IV. Церковный строй.—а) *Клиръ и іерархія*. 1. Степени іерархія. 2. Древнія и новыя церковныя должности. 3. Условія вступленія въ клиръ. а) Извѣстная степень богословскаго образованія. Просвѣтительные центры. б) Нравственныя требованія. Целибатъ на западѣ и отчасти на востокѣ. Двубрачіе въ смыслѣ препятствія. в) *Ψῆφος καὶ δοκιμασία*. Участіе клира и народа въ избраніи на іерархическія степени. Мѣра участія. Историческая оцѣнка этого „выборнаго начала“.—б) *Формы церковнаго союза*. 1. Факторъ церковный. *Sedes apostolicae*. 2. Факторъ политическій—административное дѣленіе римской имперіи на *praefecturae, dioeceses, provinciae*. 3. Основная единица: „ἐκκλησία“—„парокія“, пасомая епископомъ. а) Ея подраздѣленіе на „приходы“. Исторія ихъ образованія. Различія между ними. 4. Союзъ „парикій“—„епархія“ съ митрополитомъ во главѣ. 5. Союзъ „епархій“—„область“ съ архіепископомъ (ексархомъ, патріархомъ) во главѣ. а) Очеркъ исторіи патріархатовъ αα) римскаго, ββ) александрійскаго, γγ) антиохійскаго, δδ) константинопольскаго, εε) іерусалимскаго и ςς) патріархата Первой Юстиніаны. 6. Римское папство: а) Историко-догматическія предположенія папства. б) Борьба противъ папистическихъ притязаній на западѣ и на востокѣ. 7. Соборы. 8. Перемѣны въ формѣ церковнаго союза къ концу

періода. α) Мотивы этихъ перемѣнъ. β) Упадокъ соборнаго начала. γ) Умноженіе автокефальныхъ церквей. 9. Средства матеріальнаго содержанія церквей.—с) *Μίριαι* (λαός). 1. Вступленіе въ церковь. „Оглашенные“. „Просвѣщаемые“. Крещеніе. 2. Жизнь въ церкви. Богослуженіе. Церковная дисциплина. 3. Монашество. 4. Христіане какъ нравственная общественная сила.

Въ нѣкоторыхъ частностяхъ эту схему оказалось необходимымъ видоизмѣнить примѣнительно къ сохранившемуся изложенію въ автографѣ или въ записяхъ лекцій. Вторую главу перваго отдѣла, съ довольно длиннымъ заглавіемъ, пришлось ввести сверхъ программы, чтобы дать то или иное мѣсто имѣвшемуся матеріалу. Нѣкоторыя рубрики программы остались незаполненными за отсутствіемъ матеріала или недостаточною пригодностію его для появленія въ печати въ настоящемъ его видѣ.

Указатель именъ для исторіи періода вселенскихъ соборовъ будетъ приложенъ къ слѣдующему отдѣлу лекцій, посвященному исторіи догматическихъ споровъ въ эту эпоху.

А. Бриллиантовъ.

Исторія церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Съ началомъ этого періода мы вступаемъ въ строй церковной жизни въ общемъ весьма близкій къ тому, какой существуетъ и доселѣ. Сфера дѣйствія, бытовая сторона церковной жизни предшествующаго періода, въ своихъ подробностяхъ для насъ не совсѣмъ представимы: церковь мучениковъ, общество гонимое, отрицаемое, юридически непризнанное, и тѣмъ не менѣе живущее такою жизнью, которая предполагаетъ значительную публичность обнаруженій,—представляетъ явленіе слишкомъ своеобразное, экстраординарное. Интересъ, который возбуждаетъ послѣдующая церковная исторія,—другого рода—не столько эстетическій, сколько практически положительный. Церковная жизнь въ настоящемъ періодѣ принимаетъ характеръ нормальный, легче укладывается въ выработанныя обыденнымъ опытомъ формы представленія. Этотъ періодъ посредствуетъ—не хронологически только—между позднѣйшею церковною исторіею и ея самымъ древнимъ періодомъ. Необыкновенно энергичная церковная жизнь живо напоминаетъ предшествующій періодъ; но она развивается при такихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, которыя общи настоящему періоду съ послѣдующими. Это сочетаніе новыхъ формъ и древняго содержанія и силы сказалось вѣскими послѣдствіями почти на всѣхъ пунктахъ церковной жизни.

Вопросъ объ отношеніи между церковію и государствомъ впервые въ этотъ періодъ явился въ болѣе естественной постановкѣ. Въ теченіе этихъ 6 вѣковъ эти отношенія приняли тѣ формы, которыя, съ измѣненіями несущественными, удержались и доселѣ въ большей части христіанскаго міра. Даже тѣ отношенія, которыя какъ исключеніе существуютъ въ немногихъ христіанскихъ государствахъ,—имѣютъ

свои прецеденты въ нѣкоторыхъ, правда разрозненныхъ, явленіяхъ этого періода.

Отношенія церкви къ міру языческому внѣ предѣловъ римской имперіи въ настоящій періодъ принимаютъ тотъ миссіонерскій характеръ, который они сохраняютъ и донынѣ: медленное воздѣйствіе массы на массу, постепенное проникновеніе христіанъ въ среду языческаго населенія, замѣняется внѣшнимъ, большею частію случайнымъ воздѣйствіемъ на міръ языческой немногихъ вольныхъ или невольныхъ эмисаровъ міра христіанскаго, — результатомъ котораго является не усиленіе церкви существующей, а зачатки новой, филиальной.

Внутреннія отношенія христіанскаго общества вообще принимаютъ такіа твердыя очертанія, что на долю будущаго остается лишь детальная ихъ разработка. Главные моменты іерархическихъ отношеній, мірянъ и клира, низшаго клира къ епископу, внутреннія развѣтвленія самого епископата, остаются неизмѣнными. Формы соборнаго управленія, положеніе клира должностнаго, чиновнаго, относительно членовъ іерархіи, обрисовывается достаточно ясно.

Исторія богословской мысли составляетъ самую блестящую страницу, а одною своею стороною — и специфическую характеристику этого періода. Этотъ пунктъ церковной жизни въ эти вѣка является центромъ, къ которому тяготеютъ всѣ жизненныя силы христіанской церкви. Богословская мысль развивается здѣсь во всей своей красотѣ и силѣ. Въ энергіи ея проявленій, въ необыкновенномъ — для нашего времени — по своей широтѣ и глубинѣ интересѣ, который богословская мысль возбуждаетъ въ различныхъ слояхъ общества, — чувствуется непосредственность связи этого періода съ предшествующимъ, когда люди жили своими религиозными убѣжденіями и умѣли стоять за нихъ до самоотверженія. Въ сознаніи величайшихъ представителей церкви нашего періода героическая стойкость за православіе была естественною замѣною героизма исповѣдниковъ предшествующаго періода ¹⁾. — Борьба съ различными ненормальными обнаруженіями богословствующей мысли, непрерывною цѣпью проходящая чрезъ нѣсколько вѣковъ, — разрѣшается настолько цѣнными въ догматическомъ отношеніи результатами, что даже консерватив-

¹⁾ Athan. ep. ad ep. Aeg. et Lib. n. 21. 23 p. 231; 588 sq.

ный протестантизмъ не оспариваетъ ихъ высокаго значенія. Рѣшеніе существенныхъ вопросовъ христіанства о Троицѣ, воплощеніи, благодати, въ настоящемъ періодѣ дано въ такихъ формулахъ, противъ которыхъ современное богословіе критическаго оттѣнка могло выставить довольно острые возраженія, но не могло предложить въ замѣну ихъ ничего болѣе цѣльнаго, ни даже дать счастливый опытъ разрѣшенія выставленныхъ имъ недоумѣній. Наряду и совместно съ раскрытіемъ содержанія христіанства на соборахъ съ замѣчательною мощью развивается и индивидуальная богословская мысль. Греческая церковь этого періода выдвигаетъ цѣлую плеяду столь глубокихъ и тонкихъ богослововъ, что другіе періоды гордились бы, если бы могли насчитывать ихъ хотя единицами. Латинская церковь также въ этотъ періодъ достигаетъ кульминаціоннаго пункта своей богословской производительности, выставляя самаго глубокаго изъ своихъ богослововъ и самаго многостороннаго изъ своихъ ученыхъ.

Богослужебный строй къ концу этого періода—по крайней мѣрѣ въ греческой церкви—достигаетъ своего завершения, и послѣдующая исторія не привноситъ въ эту область ничего кромѣ немногихъ штриховъ.

Нравственная жизнь въ этотъ періодъ вырабатываетъ новыя формы аскетическаго подвига, неизвѣстныя въ древней церкви, сохраняющіяся впоследствии на востокѣ безъ перемѣнъ, на западѣ развивающіяся во всемъ разнообразіи. Общій нравственный уровень христіанской жизни этого періода сближается съ послѣдующими,—результатъ одинаковыхъ общихъ условій для ея обнаруженія; ея экстенсивность развивается не безъ ущерба для ея интенсивности.

Наконецъ, если обратить вниманіе на явленія отрицательнаго порядка,—то и съ этой стороны исторія этого періода сдѣлала несомнѣнный успѣхъ. Послѣдующій періодъ характеризуется раздѣленіемъ западной и восточной церкви и необыкновенно быстрымъ и сильнымъ развитіемъ папства. Но раздѣленіе церквей уже въ настоящій періодъ намѣчено не только въ своей возможности, не только въ благоприятныхъ условіяхъ и причинахъ, его произведшихъ,—эти причины существовали раньше самаго христіанства,—нѣтъ, оно дано было уже въ самомъ обнаруженіи: церкви греческая и латинская уже пережили 35 лѣтъ (484—519) въ формальномъ разрывѣ между собою, фактически могли убѣдиться въ возможности

существованія одной безъ другой. Равнымъ образомъ и папство въ нашъ періодъ не только зародилось, но и достигло, хотя и незамѣтно, довольно значительнаго роста. Никслай I, которымъ открывается слѣдующій періодъ церковной исторіи, имѣлъ за себя довольно солидные прецеденты; а это было, по образу своихъ мыслей и дѣйствій, вполне средневѣковый папа.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Церковь и государство.

Настоящій періодъ церковной исторіи открывается фактомъ обращенія римскаго императора въ христіанство. Замѣна враждебныхъ отношеній государства къ церкви нормальными, юридическими, превращеніе христіанской религіи въ государственную, — это событіе, въ собственномъ своемъ элементѣ коснувшееся лишь внѣшней стороны церкви, сопровождалось столь обильными послѣдствіями, что не могло не отразиться и на внутреннемъ строѣ церковныхъ отношеній. Даже такая глубоко внутренняя сторона церковной жизни, какъ постепенно развивающееся выясненіе ученія вѣры, въ своихъ историческихъ обнаруженіяхъ стоитъ въ тѣсной зависимости отъ факта измѣнившихся отношеній церкви къ государству. Оставаясь христіанская церковь въ своемъ прежнемъ положеніи, — прошли бы цѣлые вѣка прежде, чѣмъ состоялся бы вселенскій соборъ. Борьба съ ересями отличалась бы инымъ характеромъ, и если догматическіе ея результаты были бы тѣ же самыя, то, весьма вѣроятно, ея исторія была бы значительно другая.

Значеніе факта новыхъ отношеній между церковью и государствомъ для христіанской религіи понимаютъ различно. Со дней Готфрида Арнольда въ значительной части церковной исторической литературы установился обычай — оплакивать эту перемѣну. У протестантскихъ авторовъ нерѣдко слышится жалобная нотка: съ эпохи Константина датируютъ «оміръщеніе» церкви. При рѣзкомъ развитіи этого взгляда, разность между двумя періодами доводится до противоположности, предполагается разрывъ въ церковной жизни. Свѣжая, полная силъ и энергіи жизнь древнихъ христіанъ уступаетъ мѣсто вялому византизму, вмѣсто нравственной свободы — цезаропапизмъ, деспотизмъ совнѣ и внутри; вмѣсто нравственныхъ идеальныхъ стремленій — погоня за матеріальными благами и внѣш-

нимъ преобладаніемъ. Подобный взглядъ и въ самой рѣзкой формѣ и въ нашей духовной печати былъ выставляемъ какъ квинтэссенція либеральной научности.

Но богословъ, который по своимъ вѣроисповѣднымъ принципамъ видитъ въ періодѣ послѣконстантиновскомъ новый фазисъ развитія, когда церковная жизнь входитъ не только въ нормальныя, но во многихъ отношеніяхъ даже образцовыя формы,—съ удовольствіемъ замѣтитъ, что теперъ въ самой протестантской литературѣ точка зрѣнія Арнольда считается уже отсталюю. Ученые, которые въ послѣднее время касались съ той или съ другой стороны интересующаго насъ вопроса, ни признаютъ уже разрыва между двумя эпохами и Константина не думаютъ дѣлать отвѣтственнымъ за все то, чѣмъ церковная жизнь нашего періода невыгодно отличается отъ предшествующаго. Положеніе созданное Константиномъ, по большей мѣрѣ, только содѣйствовало, благопріятствовало раскрытію и обнаруженію тѣхъ темныхъ сторонъ, которыя крылись уже въ предшествующей исторіи церкви. И не особенно трудно убѣдиться въ вѣрности этого взгляда. Противоположное воззрѣніе игнорируетъ хронологію до того полно, что его можно упрекнуть въ неумѣнны считать.

Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе позорными представителями разлагающихъ вліяній константиновской эпохи считаются тѣ епископы, въ которыхъ придворный беретъ верхъ надъ предстоятелемъ церкви, которые за императорскую благосклонность готовы жертвовать и достоинствомъ своего сана и догматическими убѣжденіями. Таковъ былъ, по общему вѣрованію ученыхъ этого лагеря, Евсевій кесарійскій. Однако Константинъ ли создалъ этого рода типъ епископа? Справка съ хронологіею показываетъ намъ, что Евсевій родился вѣроятно между 253—259 г., что 313-й годъ застаеъ его зрѣлымъ 54-лѣтнимъ мужемъ и вѣроятно даже епископомъ кесарійскимъ. Слѣдовательно, ко времени Константина это былъ уже вполне сложившійся и нравственно окрѣпшій характеръ, который долженъ былъ бы противостоять разлагающимъ вліяніямъ новаго царствованія. Другой епископъ того же типа—Евсевій никомидійскій, былъ вѣроятно сверстникомъ Евсевія кесарійскаго: къ 320 г. онъ успѣлъ уже переимѣнить виритскую катедру на никомидійскую. Слѣдовательно, и этотъ епископъ — полупридворный воспитанъ подъ всеми благотворными вліяніями церкви свободной, не преклонявшей своего

колѣна предъ Вааломъ цезаропапизма,—церкви мучениковъ діоклетіановской эпохи.—Словомъ хронологія говоритъ намъ, что царствованіе Константина было не настолько продолжительнымъ, чтобы въ это время могли занять первенствующую роль въ церкви лица воспитавшіяся подъ новыми вліяніями: развѣ лишь Урсакій и Валентъ, игравшіе такую позорную роль при Константіи, нравственно возрасли при новыхъ условіяхъ церковной жизни. Всѣ другіе церковные дѣятели, съ которыми вступалъ въ отношенія Константинъ, принадлежатъ по воспитанію предшествующему періоду и обязаны своимъ положеніемъ свободному выбору вѣрующихъ, незагруженныхъ вліяніями нарождающагося византизма.

А если мы припомнимъ кое-какія подробности изъ жизни послѣднихъ десятилѣтій этого періода, то увидимъ, что современники Константина дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, въ какомъ дѣйствовали бы ихъ предшественники, которыхъ смело діоклетіаново гоненіе. Люди эпохи Константина слишкомъ высоко цѣнятъ свой союзъ съ императоромъ; но не низко цѣнили его напр. и епископъ Феона, дававшій извѣстную инструкцію оберкаммергеру Діоклетіана. Епископаты времени Константина считаютъ въ своихъ рядахъ лицъ недостойныхъ. Какъ узнаемъ изъ Евсевія, и епископы времени Діоклетіана далеко не всѣ были лучезарными свѣтилами религіознаго и нравственнаго; и ихъ дѣянія были таковы, что нуждались въ прикрывающемъ молчаніи нашего историка.

Сводя вмѣстѣ всѣ разнородныя слѣдствія происшедшей перемѣны, мы найдемъ здѣсь не упадокъ на всѣхъ пунктахъ, а поступательное движеніе. Церковная жизнь входитъ теперь въ свои обычныя формы, которыя она удерживаетъ и въ своей послѣдующей исторіи. Фактъ же, открывающій настоящій періодъ церковной исторіи, будетъ предметомъ пререканій до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена идеальная форма отношеній между церковью и государствомъ. Попытаемся выяснитъ истинный объемъ его слѣдствій и мѣру участія въ нихъ обоихъ вступающихъ въ союзъ элементовъ, церкви и государства.

I. Обращеніе въ христіанство Константина В. ¹⁾

Въ дѣлѣ установленія новыхъ отношеній между этими новыми союзниками многое зависѣло отъ личныхъ воззрѣній

¹⁾ Ср. Th. Friege, Constantin der Grosse als Religionspolitiker. Gotha 1880. J. Burekhardt, Die Zeit Constantins des Grossen. Leipzig 1880

перваго христіанскаго императора, отъ мотивовъ, которыми онъ руководствовался въ усвоеніи христіанства, отъ искренности его расположенія къ новой вѣрѣ.

Для многихъ протестантскихъ ученыхъ представляется безспорнымъ, что Константинъ перешелъ въ христіанство не путемъ внутренняго убѣжденія. Если такъ, то фактъ этотъ уже не триумфъ для церкви, и возникаетъ вопросъ: зачѣмъ церковь приняла такого человѣка въ свои нѣдра? Но подобное толкованіе обращенія («не по внутреннему убѣжденію») не измѣняетъ существа дѣла, и фактъ обращенія по прежнему нуждается въ объясненіи: если Константинъ принялъ христіанство, не будучи убѣжденъ въ его истинности, то гдѣ мотивы такого поступка?

Всѣмъ извѣстенъ разсказъ древнихъ церковныхъ историковъ, прежде всего Евсевія, объ обращеніи Константина по случаю видѣнія предъ рѣшительною битвою съ Максентіемъ въ 312 г. креста съ надписью: «in hoc vinces». Тропарь: «Креста Твоего образъ на небеси видѣвъ и, якоже Павелъ, званіе не отъ человѣкъ пріемъ», походитъ на цитату изъ церковной истории Феодорита; Созоменъ въ числѣ побужденій къ обращенію также указываетъ въ особенности на это знаменіе.

По этому вопросу уже давно написана цѣлая литература. Ставили его въ такой формѣ: имѣло-ли это событіе характеръ чуда, или было только провиденціальною случайностью? Дѣло въ томъ, что около солнца видны бывають иногда полосы, принимающія, — если это явленіе, «Parhelion», «ложное солнце» — бываетъ около полудня, форму креста. Но въ такой постановкѣ намъ задаваться этимъ вопросомъ не приходится. Въ сущности — то и другое представленіе отдѣляются лезвіемъ бритвы. Вѣдь и для чуда не требуется творческаго акта: Богъ пользуется здѣсь тѣми же силами, которыя расположены въ міровой массѣ. Чѣмъ бы мы ни объясняли этотъ фактъ: сверхъестественнымъ-ли вмѣшательствомъ, или естественными факторами, — дѣло въ сущности не измѣняется.

(рефераты объ этихъ книгахъ В. В. Болотова въ Христ. Читеніи 1881, II, 523—527, 527—533). Прочая литература о Константинѣ В. указана напр. въ Hauck's Realencyklopädie für protest. Theologie und Kirche. V. X [1901], 757—758 (V. Schultze, Artik. „Konstantin der Grosse“). На русскомъ языкѣ ср. А. Спасскій, Обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство, въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1904, декабрь, и 1905, январь (и отдѣльно).
А. Б.

Намъ приходится считаться съ различеніями не столь тонкими, а съ самою установкою факта. О *θεοσημεία* существуютъ три разсказа: Лактанція, Евсевія кесарійскаго и Созомена. Рүфинъ, Сократъ и Θεодоритъ въ счетъ не идутъ въ данномъ случаѣ, потому что они передаютъ извѣстія другихъ.

Древнѣйшее извѣстіе идетъ отъ Лактанція (*De mortibus persecutorum*, с. 44). Сочиненіе Лактанція, въ которомъ разсказывается объ этомъ событіи, появилось, по моему мнѣнію, въ концѣ 313 года, какъ думаютъ другіе—не позже 315-го ¹⁾). Разсказъ Лактанція слѣдующій. Константинъ остановился противъ моста Мульвія. Приближалось 27 октября. Во время сна (*in quiete*) Константинъ получилъ вразумленіе (*commonitus est*), чтобы онъ изобразилъ на щитахъ небесное знаменіе Бога (*coeleste signum Dei*). Константинъ и сдѣлалъ такъ, какъ ему было открыто: изобразилъ на щитахъ монограмму и вооруженный этимъ знаменіемъ выступилъ въ походъ. Произошла битва съ Максентіемъ и Константину досталась побѣда.

О знаменіи на солнцѣ нѣтъ здѣсь и рѣчи, а повелѣніе изобразить монограмму было получено во снѣ. Еслибы одинъ Лактанцій передавалъ объ этомъ событіи, тогда не было бы о немъ и никакихъ споровъ и дѣло представлялось бы совершенно естественнымъ. Нужно припомнить, что у Константина было меньше войска, чѣмъ у Максентія: галльскіе легіоны считали этотъ походъ дѣломъ прямо отчаяннымъ; намѣренія выступить въ борьбу никто не одобрялъ; въ войскахъ роптали; ауспиции предвѣщали несчастія. На сторонѣ Максентія были испытанные преторіанцы, которые въ сраженіи 27 окт. доказали, что они стоили своей репутаціи: они легли здѣсь костьми, но не уступили неприятелю ни пяди. Схватка предстояла жестокая, тѣмъ не менѣе Константинъ шелъ съ увѣренностью и этою увѣренностью желалъ заразить и свои войска. Нужно имѣть въ виду, что отсутствіе вѣры въ языческихъ боговъ хорошо уживается съ разными суевѣріями. Максентій совершалъ всѣ языческія *sacramenta*, вопрошалъ внутренности жертвъ, Сивиллины книги ²⁾). Такимъ образомъ всѣ

¹⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Отзывъ о сочиненіи проф. А. И. Садова „Древне-христіанскій церковный писатель Лактанцій (1895 г.)“, въ *Журналахъ Совѣта Свѣд. дух. Академіи* за 1895/6 г., стр. 142—143 (отд. отгискъ 46—47). А. Б.

²⁾ Интересна одна подробность. Раньше Максентію удалось побѣдить августа Севера. Въ то время генераль-губернаторомъ Рима (*praefectus*

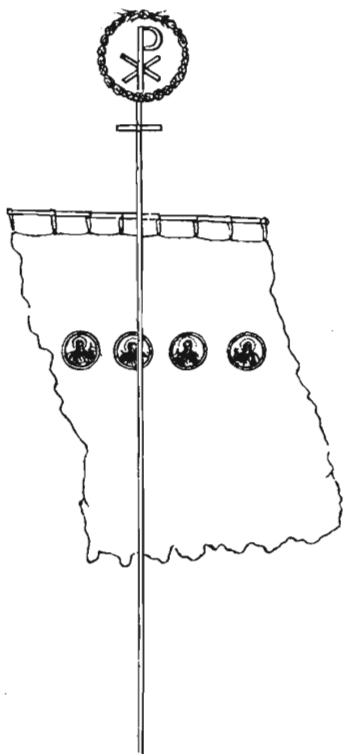
«omina» (предзнаменования) были противъ Константина. Ему нужно было поднять духъ въ своемъ войскѣ. Съ этою цѣлью онъ и повелѣлъ, быть можетъ, выставить на щитахъ таинственный знакъ, заявивъ воинамъ, что это дастъ имъ побѣду. Дѣйствіе этого знаменія на умы было тѣмъ болѣе мощно, чѣмъ менѣе его понимали. Итакъ, все по этому разсказу естественно и психологически объяснимо.

Слѣдующій по времени разсказъ объ обращеніи Константина принадлежитъ Евсевію кесарійскому. Онъ разсказываетъ объ этомъ событіи два раза. Первый разъ—въ IX книгѣ своей исторіи (IX, 9, 2), написанной между 313 и 323 гг. Константинъ изображается у Евсевія высоко нравственнымъ человѣкомъ, отъ отца наслѣдовавшимъ всѣ добрыя качества. «Когда онъ», разсказываетъ Евсевій, «шелъ освободить Римъ, то онъ призвалъ въ молитвѣ въ союзники Бога небснаго и Его Слово, Иисуса Христа». О внѣшнихъ знакахъ на щитахъ у Евсевія нѣтъ и рѣчи. Константинъ выступилъ на борьбу, одержалъ побѣду и засвидѣтельствовалъ свою вѣру во Христа. Свидѣтельство это прикровеннаго характера: онъ велѣлъ поставить въ Римѣ свою статую, со спасительнымъ знаменіемъ креста въ рукѣ; въ рукѣ статуи былъ крестъ, но не крестъ поднятый, какъ у проповѣдника, а копье съ вершиною креста. Такимъ образомъ, это знаменіе можно было понимать двояко: язычники полагали, что побѣда одержана силою оружія Константина, тогда какъ христіане приписывали это дѣло силѣ креста.

Другое извѣстіе о разсматриваемомъ событіи находится въ сочиненіи Евсевія кесарійскаго *Vita Constantini*, написанномъ между 337—340 гг. Въ первой книгѣ этого сочиненія (I, 26—31) Евсевій а) передаетъ то же событіе, о которомъ есть разсказъ и въ исторіи, и при этомъ аа) въ разсказѣ о статуѣ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ прежнимъ повѣствованіемъ. Но бб) когда онъ говоритъ о молитвѣ предъ походомъ, — прибавляетъ: «призвавъ къ себѣ на помощь Бога всѣхъ и Христа и побѣдный трофей — спасительное знаменіе...», т. е. очевидно св. крестъ. Но б) сверхъ того еще ранѣе Евсевій передаетъ извѣстіе о *θεοσημαία*, предваряя, что фактъ чудесенъ, но онъ заимствованъ изъ достовѣрнаго источника: самъ царь много

urbis Romae) былъ нѣкто Аяній Анулинъ. Суевѣрный Максентій предъ выступленіемъ въ походъ противъ Константина назначилъ префектомъ города Рима нѣкоего Аянія, полагая, что это полагаетъ ему успѣху.

лѣтъ спустя рассказывалъ объ этомъ и завѣрилъ клятвенно. «Около полудня, когда день склонялся къ вечеру (по нашему около 3-хъ часовъ), императоръ увидѣлъ выше солнца (ἰσπερ-
 κειμενον τοῦ ἡλίου) знаменіе креста съ надписью: «симъ по-
 бѣждай» (τοῦτο νικᾷ—hoc vin-
 се). Ужасъ объялъ его и сви-
 ту. Ночью явился ему Хри-
 стосъ съ крестомъ же и по-
 велѣлъ сдѣлать подобіе его и
 съ этимъ знаменіемъ высту-
 пить противъ своихъ враговъ.
 Утромъ Константинъ расска-
 залъ свой сонъ друзьямъ,
 призвалъ художниковъ и по-
 велѣлъ имъ сдѣлать это изо-
 браженіе (labarum)¹⁾. Далѣе
 идетъ описаніе знамени; опи-
 саніе сводится къ тому же,
 къ чему и рассказъ Лактан-
 ція. Знамя это водружено
 было на древкѣ и обведено
 было золотымъ вѣнкомъ съ
 драгоценными камнями; на
 шелковой ткани, прикрѣплен-
 ной къ древку, были изобра-
 женія Константина и сыновъ
 его. Монограмма украшала и
 шлемъ Константина, а о ши-
 тахъ у Евсевія ничего не
 говорится.

Давно неблагопріятно относятся къ этому рассказу проте-
 станты, основываясь на его различіи отъ перваго рассказа.
 Но разность эта не имѣетъ значенія: Константинъ могъ допол-
 нить рассказъ, передать его обстоятельнѣе и лучше. Пускають
 въ ходъ догматическія соображенія: Богъ любви и мира будто бы
 является въ рассказѣ Евсевія богомъ войны, поэтому весь раз-
 сказъ нужно предать забвенію и презрѣнію, какъ natürlich

¹⁾ Это слово принадлежитъ баскамъ, жителямъ Пиринеевъ, но не гре-
 ческое и не латинское. Могло употребляться и въ Галліи, благодаря со-
 сѣдству и близости. Буквальное значеніе его, вѣроятно, — „знамя“.

erlogen. Такая критика не заслуживает одного красиваго мильнаго пузыря. Говорю это не потому, чтобы мы были обязаны отстаивать святость Евсевія, которая—въ такомъ случаѣ—не даетъ мѣста такимъ предположеніямъ, но потому, что возраженіе это методически никуда не годится. Говорятъ: если всѣ знали объ этомъ событіи, то Константину не зачѣмъ было и клясться. Но когда ставится дѣло такимъ образомъ, я посоветовалъ бы ученымъ протереть свои очки. Разсказъ о клятвѣ помѣщается предъ повѣствованіемъ о чудѣ. А это чудо, которое передаетъ Евсевій, состоитъ изъ двухъ фактовъ—а) знаменія и б) сна.

Для Евсевія разсказъ о снѣ является несомнѣннымъ потому, что о немъ разсказалъ Константинъ; а вѣдь только онъ одинъ въ дѣйствительности и могъ передать содержаніе этого сна точно. Предпосылая разсказу о чудѣ клятвенное завѣреніе Константина, Евсевій является эмпирически тонкимъ психологомъ; вѣроятно ли, чтобы ничего о Христѣ не знавшій язычникъ увидѣлъ Христа во снѣ? Это—обоснованное психологически—сомнѣніе разсѣяла въ Евсевіи клятва Константина. Но суммарное завѣреніе, что клятва была не нужна, хромаетъ и въ томъ случаѣ, если мы центръ тяжести въ чудѣ перенесемъ на *θεοσημία*. Говорятъ: это знаменіе на небѣ видѣли всѣ, и Евсевій могъ узнать объ этомъ и не отъ Константина. Но Евсевій выражается очень осторожно: знаменіе креста, по Евсевію, видѣло *στρατιωτικὸν ἄπαν*, т. е., собственно, всѣ военные; а это, быть можетъ, означаетъ только свиту. Евсевій не употребилъ выраженій *στρατιά*, или *στράτευμα*, которыя безспорно означали бы все войско. Мысль, что знаменіе креста на небѣ было всѣмъ извѣстно,—поэтому критически не обоснована. Да при томъ галльскіе легіоны, вѣроятно, по выслугѣ лѣтъ военной службы возвратились къ себѣ на родину и тамъ сообщали разсказъ о небесномъ видѣніи, а въ Палестину быть можетъ ни одинъ солдатъ изъ этихъ легіоновъ и не появлялся; и Евсевію точныхъ извѣстій и о *θεοσημία* собрать было не откуда.

При оцѣнкѣ сказанія Евсевія кесарійскаго о знаменіи креста не слѣдуетъ опускать параллельныхъ языческихъ сказаній.—Осенью 313 г. въ Галліи ораторъ Евменій, говорившій похвальное слово Константину, выразился очень неопредѣленно: «какой-то богъ побудилъ Константина отправиться въ походъ, какъ на побѣду, обѣщанную уже богомъ». Для объа-

сновенія этого достаточно одного сновидѣнія. Въ 321 г. галльскій риторъ Назарій, говорившій похвальное слово Константину В., утверждалъ, будто во всей Галліи рассказывали, что видны были на небѣ войска, заявлявшія, что они посланы отъ Бога. И хотя небесное не является земному, однако видѣли, какъ помощь страшно сіяла, и щиты, которые войны несли; блестяли, а сами они говорили: «мы идемъ на помощь Константину». Такимъ образомъ, въ языческомъ сказаніи особенно подчеркивается одна черта—о свѣтѣ, истолкованномъ язычниками, какъ блескъ оружія и сіяніи щитовъ. Слѣдовательно, утверждать, что рассказъ о крестѣ покоится на одномъ Евсевіи, не представляется возможнымъ. Утверждать Назарію о видѣніи такъ смѣло было неудобно, еслибы рассказъ о видѣніи не имѣлъ въ Галліи большой огласки.

Но Евсевій подлежитъ критикѣ—и серьезной—съ другого конца. Отдѣлъ о Константиинѣ представляетъ самыя плохія страницы въ его сочиненіяхъ. Онъ просто не понималъ рассказа, сообщеннаго ему Константиномъ. Императоръ не такой собесѣдникъ, котораго можно интервьюировать и ставить ему вопросы. Онъ сказалъ нѣсколько словъ, а Евсевій истолковалъ ихъ по своему. Настроеніе Константина обрисовывается очень смутно. Когда онъ видитъ крестъ и надпись, то смущается и не знаетъ, что это означаетъ. Очевидно, онъ былъ настолько неосвѣдомленъ въ христіанствѣ, что и крестъ ему былъ неизвѣстенъ. Господь является ему во снѣ, а проснувшись онъ спрашиваетъ: «кто это былъ? кто явился?» Но потомъ онъ для истолкованія сна призываетъ почему-то христіанскихъ епископовъ, которые и сообщаютъ Константину свѣдѣнія о Христѣ. Какъ Константинъ догадался пригласить епископовъ?..

Бьетъ Евсевія и другая сторона дѣла. Константинъ видитъ крестъ съ надписью и въ сонномъ видѣніи ему является Христосъ съ крестомъ. А у себя на знамени и на шлемахъ онъ воздвигаетъ не крестъ, а монограмму Христа. Такимъ образомъ, онъ употребляетъ особый, неявленный ему знакъ. Очевидно, Евсевій сбивъ съ толку предвзятымъ мнѣніемъ, что Константинъ видѣлъ крестъ, и въ этомъ смыслѣ понималъ выраженіе Константина о небесномъ Божіемъ знамени ему. Христіанское настроеніе Константина онъ усмотрѣлъ въ томъ, что Константинъ поставилъ свою статую съ копьемъ, увѣнчаннымъ крестомъ. Выраженія Лактанція о небесномъ Божіемъ знамени

онъ не понялъ. Во всякомъ случаѣ возможно было перетолкованіе небеснаго видѣнія, и всё затрудненія являются примѣсью собственныхъ недоразумѣній Евсевія.

Въ заключеніе отмѣтимъ третье повѣствованіе— Созомена о томъ, что Константину было богознаменіе (I, 3). Когда Константинъ отправлялся въ походъ противъ Максентія, онъ видѣлъ во снѣ знаменіе креста, на небесахъ блистающее, и представшій ангель сказалъ: «о Константинъ, симъ побѣждай!» А другіе говорятъ, что явился самъ Христосъ. И затѣмъ идетъ повѣствованіе Евсевія. Повѣствованіе Созомена очень характерно: оно посвящено Θεодосію Младшему и въ 440 году передано ему въ Константинополѣ, какъ наиболѣе вѣроятное. Если же въ немъ и приводится Евсевій, то ему однако здѣсь не придается безусловнаго значенія.

Такимъ образомъ, объективная сторона дѣла передается у историковъ различно, такъ что точный характеръ повѣствованія установить трудно: что видѣлъ Константинъ? во снѣ или на яву? было ли это явленіе совершенно естественное или сверхъестественное? Такимъ образомъ, этотъ разсказъ по своей неопредѣленности не можетъ быть предметомъ историческаго повѣствованія и его можно устранить. Гораздо важнѣе для насъ установить связь между видѣніемъ и принятіемъ Константиномъ христіанства.

Религиозное настроеніе Константина было крайне неопредѣленно. Его отецъ Константій былъ поклонникомъ солнца, или бога Митры, — культъ котораго былъ очень распространенъ на западѣ среди войскъ. Даже во времена Константина изображеніе этого божества встрѣчалось на монетахъ, и настроеніе Константина предъ 313 г. было такъ неопредѣленно, что Евсевій правъ, говоря, что Константинъ весьма мало зналъ о христіанствѣ, и его знанія сводились почти ни къ чему. Припятіе христіанства было у Константина скорѣе дѣломъ политики, чѣмъ религіознаго убѣжденія. Онъ могъ наблюдать, что императоры-гонители христіанства кончали жизнь свою несчастно, а отецъ его Константій, благосклонно относившійся къ христіанамъ, умеръ естественною смертью. Это не могло не наводить Константина на раздумье.

Видѣніе же или откровеніе во снѣ не могло произвести въ его душѣ рокового перелома. Сравненіе Константина съ ап. Павломъ неудачно. Эти натуры совершенно диспаратны. Въ 1666 г. на глазахъ Ньютона упало яблоко, а въ 1687 г.

появилась его натурфилософія съ объясненіемъ закона тяготѣнія. Милліоны яблокъ падали и раньше и послѣ Ньютона, однако законъ тяготѣнія не былъ открытъ ни раньше, ни послѣ его какимъ-нибудь самоучкой. Слѣдовательно, одно и то же явленіе можетъ производить различныя впечатлѣнія, смотря по различнымъ настроеніямъ. Ньютонъ былъ очень наблюдателенъ и изъ извѣстнаго явленія онъ вывелъ законъ. У ап. Павла предъ путешествіемъ въ Дамаскъ всѣ религіозные вопросы доведены были до высшей точки кипѣнія, и потому одно краткое «да» или «нѣтъ» могло сразу радикально измѣнить его настроеніе. Изъ Евсевія же видно, что воззрѣнія Константина были неопредѣленны, и знаменіе на небеси не давало опредѣленнаго отвѣта на несуществующіе опредѣленные вопросы: Константинъ вообще не отличался религіозностью. Онъ приблизился къ христіанству не во мгновеніе ока, а постепенно.

Нѣтъ побужденій думать, что до видѣнія знаменія Константинъ былъ язычникъ, а послѣ него сдѣлался христіаниномъ. Евменій достаточно даетъ понять это, придавая «богознаменію» неопредѣленную окраску: «какой-то богъ». Сенатъ видѣлъ, что Константинъ въ религіозномъ настроеніи стоитъ на особой почвѣ, а не строго-языческой. Сенатъ редактировалъ надпись на аркѣ Константину (315 г.) въ формѣ довольно неопредѣленнаго свойства: «Константинъ освободилъ Римъ по внушенію божества (*instinctu divinitatis*)». Для сената естественно было написать: «повелѣніемъ Юпитера», но онъ чувствовалъ, что это было бы смѣло и негодно Константину. Очевидно, что настроеніе Константина не было строго языческое. Но не было оно и строго христіанское. Если бы сенатъ и могъ скрыть его подъ указанной формулой, будучи большой силой (какъ онъ и сдѣлалъ, напр., усвоивъ ему имя *pontifex maximus*, или провозгласивъ Константина послѣ его смерти, т. е. послѣ принятія имъ христіанства,—богомъ), то этого никакъ не могъ сдѣлать Евменій. Этотъ простой галльскій риторъ врядъ ли рѣшился бы на такое толкованіе, если бы зналъ, что всѣмъ извѣстно христіанство Константина.

Сама монограмма могла быть простой аббревіатурой, составленной изъ греческихъ буквъ ХР или РХ,—какъ угодно. Ее носили всѣ, имѣющіе имена, начинающіяся этими буквами. Монограмма эта сама по себѣ ничего не говорила, и только христіане понимали ее, какъ указаніе на благопріятный поворотъ въ ихъ положеніи; для язычниковъ же она была неясна.

Эта монограмма и потомъ часто встрѣчается на многихъ другихъ предметахъ, такъ что одинъ ученый считаетъ ее знакомъ расположенія носившаго ее къ войску. Въ жизни Константина она была только начальнымъ шагомъ къ христіанству. Только одно вѣроятно, что монограмма эта была употреблена въ походѣ противъ Ликинїя.

Итакъ, сверхъестественное событіе, въ чемъ бы Константинъ ни полагалъ въ немъ центръ тяжести, не могло имѣть для него рѣшающаго значенія.

Каковы же были мотивы къ тому, что Константинъ далъ христіанству господствующее положеніе?—Если онъ сталъ на сторону христіанства безъ глубокаго религіознаго убѣжденія, то мотивовъ для этого очевидно должно искать въ политикѣ.

Вопросъ можетъ быть лишь о специальномъ характерѣ того политическаго вопроса, съ которымъ онъ обращался къ новой вѣрѣ, того—пожалуй—разчета, который имѣлъ свою долю вліянія на обращеніе Константина. Видѣлъ ли онъ въ христіанствѣ людей, въ силу своихъ нравственныхъ убѣжденій неограниченно преданныхъ правительству? Или онъ разсматривалъ ихъ какъ партію, на которую выгодно было опереться въ борьбѣ съ своими соперниками за единоедержавіе? Первое невѣроятно; исторія христіанъ за три вѣка достаточно показала, что въ ихъ убѣжденіяхъ есть такіе тайники, коснуться которыхъ они не позволятъ никакому правительству въ мірѣ. Въ свою очередь, какъ значительная политическая партія, т. е. какъ готовая, организованная сила, содѣйствіемъ которой можно было воспользоваться въ вооруженной борьбѣ съ врагами наличными, христіане не существовали.

Константинъ видѣлъ, что преслѣдованія христіанъ вносили лихорадку въ организмъ римской имперїи, возбуждали нездоровое настроеніе умовъ. При Діоклетіанѣ уже масса язычниковъ не сочувствовала гоненіямъ, и такимъ образомъ переломъ въ отношеніяхъ правительства къ христіанамъ не представлялъ опасности со стороны язычества, тѣмъ болѣе, что и жизнь христіанъ была устроена такъ, что они предъявляли самыя ничтожныя требованія. Они хотѣли только вѣрить въ Бога по своему усмотрѣнію, не добивались должностей и даже готовы были отказаться отъ предоставленія ихъ религіи особыхъ привилегій (напр., дозволенія процессій). Для нихъ достаточно было имѣть религіозные дома, въ которыхъ они свободно могли бы молиться. Константинъ могъ бы этимъ удовле-

твориться, но онъ идетъ дальше: даетъ не свободу только, но и господствующее положеніе.

Къ нѣкоторымъ вещамъ люди способны относиться безразлично, когда онѣ не выглядятъ, какъ личное ограниченіе. Язычники могли быть настроены не религиозно, могли не защищать своихъ боговъ. Но когда христіанство становилось религіею господствующею, а язычество отодвигалось на второй планъ, становилось, такъ сказать, въ разрядъ униженныхъ и оскорбленныхъ, тогда подобный переломъ былъ рискомъ недюжиннымъ.

Важно, очевидно, знать, какъ много христіанъ было тогда въ римской имперіи, какой они составляли процентъ въ государствѣ? ¹⁾ Если ихъ было половина на половину, то выборъ былъ, конечно, не труденъ, ибо христіане были энергичны. Но вопросъ терпитъ крушеніе даже на томъ, какъ велико было населеніе вообще римской имперіи. По мнѣнію Гиббона, при Константинѣ В. христіане составляли $\frac{1}{20}$ часть всего населенія римской имперіи. Къ нему присоединяется и Фридландеръ. Другой историкъ, Рихтеръ [H. Richter, Das weströmische Reich. Berlin 1865] полагаетъ, что христіане составляли $\frac{1}{10}$ часть населенія: 5—6 миллионъ ихъ приходилось на 45 миллионъ язычниковъ. Последняя цифра находитъ подтвержденіе въ результатахъ изслѣдованія Юліуса Белоха о населеніи классическаго міра [J. Beloch, Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig 1886].

Вообще нужно сказать, что о точной статистикѣ въ отдаленной древности нечего и думать. Встрѣчаются у классическихъ писателей записи о плотности населенія и приводятся цифровыя данныя, напримѣръ, о составѣ арміи; но къ нимъ слѣдуетъ относиться осторожно. Белохъ пришелъ къ заключенію, что на греческомъ востокѣ ко времени смерти Августа было 28 милл. жителей, а на латинскомъ западѣ, со включеніемъ земель на Дунаѣ—26 милл., всего въ римской имперіи 54 милл. Въ опредѣленности эти цифры разбиваются такимъ образомъ: въ Европѣ 23 милл., въ Азіи $19\frac{1}{2}$ милл., въ Африкѣ— $11\frac{1}{2}$ милл.; въ частности: въ Египтѣ—5 милл.; въ Италіи, Испаніи, Асіи и Сиріи по 6 милл.

Для насъ интересно, повысилась ли цифра ко времени

¹⁾ Ср. A. Harnack, Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. 2 Aufl. B. II. Leipzig 1906. S. 276—287.

Константина В. и насколько? Если положиться на Рихтера, то произошла даже убыль. Во всякомъ случаѣ важенъ фактъ, что при Августѣ не включалась въ составъ имперіи Месопотамія, которая присоединена впоследствии. Но существуютъ точные признаки, что если населеніе увеличилось, то весьма слабо, а можетъ быть—уменьшилось. Въ 252 г. въ имперіи появилась чума—*pestis*, и длилась 15 лѣтъ; опустошеніе было произведено страшное; прорѣха не могла быть заполнена ко времени Константина. Можно вообще предполагать, что при императорахъ населеніе не разрослось. Конечно, нынѣ всѣми уже оставлена легенда, что при императорахъ водворился деспотизмъ и всѣмъ жилось худо. Напротивъ, провинціямъ при республикѣ было хуже. Знатные римляне наживали въ Римѣ долги и отправлялись въ провинціи для обогащенія, а судъ и управу въ Римѣ при республикѣ найти было трудно. Такіе порядки при императорахъ были рѣдки и даже невозможны. Такимъ образомъ, провинціи при императорахъ находились въ состояніи процвѣтанія.

Но политика не составляетъ всего. Въ Греціи еще раньше была замѣтна убыль населенія вслѣдствіе недостатка пропитанія. Индустрія и торговля служили интересамъ богатыхъ, масса же населенія жила земледѣлемъ. Въ Италіи земледѣліе было экстенсивное: о какомъ-либо удобреніи, напр., гуано, не могло быть рѣчи, а такое земледѣліе истощаетъ почву. Варронъ († 27 г. до Р. Х.) писалъ, что на 10 югеровъ высѣвается 5 или 6 модіевъ ячменя и урожай бываетъ самъ 10. Цицеронъ въ своей рѣчи противъ Верреса говоритъ также, что урожай въ Италіи самъ 10 и 8, именно, изъ 6 посѣянныхъ модіевъ собирается 48, а при выдающемся урожаѣ—60. Между тѣмъ, Колумелла, писавшій при Клавдіи († 13 окт. 54 по Р. Х.) говоритъ: «едва ли кто запомнить случай, когда урожай былъ самъ 5». Такимъ образомъ, мы видимъ паденіе урожая на половину. При подобныхъ обстоятельствахъ жить среднему человѣку было трудно. Поэтому цифру Бэлоха, опредѣляющую населеніе имперіи при Августѣ въ 54 милл., можно принять и ко времени Константина В.

Для дальнѣйшихъ разсужденій важны свѣдѣнія о населеніи большихъ городовъ: Рима, Александріи и Антиохіи. Въ цвѣтущее время въ Александріи всего жителей съ рабами было около $\frac{1}{2}$ милл., а при Августѣ и его преемникахъ, можетъ быть, увеличилось. Въ Антиохіи въ началѣ нашей эры было

300 тыс. свободныхъ, такъ что по населенію она соперничала съ Александріей. Не такъ ясны свѣдѣнія о населеніи Рима. Многіе рѣшали этотъ вопросъ и впадали въ преувеличенія. Соблазнительнымъ представлялся тотъ фактъ, что правительство рѣшилось сначала за умѣренное вознагражденіе, а потомъ и даромъ выдавать пшеницу гражданамъ. Но значеніе этого факта не слѣдуетъ преувеличивать. Цифра выдачи полагалась опредѣленная, и не всякій могъ рассчитывать на получение, а тотъ, кто попадалъ въ списокъ. Притомъ, выдавалось не только римлянамъ, но и жителямъ ближайшихъ селеній. *Civis Romanus*, хотя бы онъ жилъ въ Остіи или во Флоренціи, оставался тѣмъ же гражданиномъ Рима и имѣлъ право на получение хлѣба. Но вопросъ въ томъ, выгодно ли было ему прибыть изъ Флоренціи въ Римъ, чтобы получить 5 модіевъ пшеницы? Такимъ образомъ, цифра выдачи хлѣба не даетъ основаній для сужденія о числѣ жителей Рима.

Къ счастью, у насъ есть твердые данныя для опредѣленія всего населенія Рима. По свидѣтельству Спартіана (п. 23), императоръ Септимій Северъ († 4 февр. 211 года въ Йоркѣ) оставилъ сапогъ *frumentarius* на 7 лѣтъ, по которому въ Римѣ должно было расходоваться 75 тыс. модіевъ пшеницы ежедневно; если же меньше, то наступалъ голодъ. Параллельное извѣстіе находится въ схоліяхъ къ Лукану, именно, что въ Римѣ расходовалось ежедневно 80 тыс. модіевъ. Изъ этихъ цифръ можно вывести отъ 750 до 800 тыс. населенія Рима. Эта цифра опредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Извѣстно, что древніе греки и римляне были вегетаріанцы; мяса ѣли мало, не потому что оно было дорого, а потому что было мало потребности въ сильномъ питаніи: югъ проявлялъ свое дѣйствіе. И въ настоящее время въ Италіи питаются болѣе пшеницей, а въ древности весь столъ римлянина сводился къ зерновому хлѣбу, причемъ предполагалось, что сами молили и пекли хлѣбъ. Въ Римѣ дневная порція раба равнялась одному хинику ¹⁾ ячменя. Но ячмень былъ не вкусенъ и поэтому замѣнялся пшеницей, которой для одного человѣка полагалось отъ 3 до 5 хиниковъ. Для солдата пѣхотинца полагалось 4 хиника, 5 же хиниковъ считалось щедрымъ продовольствіемъ. Дѣти до 11 лѣтъ и женщины не

¹⁾ Извѣстно, что римскій модій равенъ $8\frac{3}{4}$ франц. литра, такъ что пашъ четверникъ равенъ 3 модіямъ, модій же содержитъ 40 хиниковъ: хиникъ составляетъ $\frac{1}{40}$ модія.

получали ничего; поэтому предполагалось, что мужчина будет дѣлиться съ ними. Если на дневное содержаніе солдата хватало 4 хиника, то для обыкновеннаго человѣка ихъ было достаточно вполнѣ: женщины и дѣти ѣли меньше, такъ что круглымъ числомъ на каждого человѣка можно считать 36 модіевъ въ годъ. На основаніи этого расчета и опредѣлено количество населенія Рима въ 800 тысячъ. Нужно предполагать, что ко времени Константина В. эта цифра населенія не понизилась, а повысилась, потому что обыкновенно большіе города втягиваютъ въ себя бѣдныхъ поселянъ, которые при упадкѣ земледѣлія ищутъ заработковъ въ городѣ¹⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы приступимъ къ проверкѣ процентнаго отношенія язычниковъ и христіанъ во времена Константина В. Одни говорятъ, что христіане составляли $\frac{1}{20}$ часть всего населенія, другіе— $\frac{1}{10}$. Въ 1887 году занялся подробнымъ разсмотрѣніемъ этого вопроса Максъ Викторъ Шульце [V. Schultze, Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums. I. Staat und Kirche im Kampfe mit dem Heidentum. Jena 1887]. Онъ пришелъ къ заключенію, что христіанъ при Константинѣ В. было минимумъ 10 милл., а вѣроятно—16, что составляетъ $\frac{1}{8}$ населенія. Но это изслѣдованіе имѣло плачевный исходъ: оно попало для рецензіи профессору берлинскаго университета Юлихеру [Theolog. Li-

¹⁾ Если мы отъ времени Константина В. перенесемся къ началу нашей эры, то получатся самыя удачныя сопоставленія. Роль хиника въ жизни раба была настолько характеристична, что коринѳяне назывались *хот:хотѣтра*. У нихъ было много рабовъ (на одного свободнаго—15 рабовъ) и они цѣлый день отмѣривали имъ хиники. Здѣсь должны быть сопоставлены слѣдующія мѣста изъ Новаго Завѣта: Апок. VI, 6; Матѣ. XX, 2, 13, 14; Лук. X, 35. Въ притчѣ о милосердіи самарянинъ видно, что въ Палестинѣ 2 динарія составляли порядочную сумму: самарянинъ, оставляя больного на попеченіе хозяина гостяницы, считаетъ вполнѣ достаточнымъ уплатить за все это 2 динарія. Изъ притчи о работникахъ въ виноградникѣ слѣдуетъ, что одинъ динарій считался щедрою платой поденщику. Апокалипсисъ, описывая грядущее бѣдствіе, говоритъ, что будетъ продаваться одинъ хиникъ пшеницы и 3 хиника ячменя по динарію. Такимъ образомъ, получая одинъ динарій въ день, поденщикъ истрачиваетъ его весь, а если какой день не работаетъ, то принужденъ былъ голодать. Въ Римѣ модій стоилъ одинъ динарій, такъ что рабочій, поступая къ хорошему хозяину, могъ во времена Христа Спасителя заработать въ одинъ день пшеницы на 8 дней. Это заставляетъ предполагать, что въ Римѣ и низшій классъ пользовался экономическимъ до-
вольствомъ.

teraturzeitung 1887, № 22, 513—518]. Онъ занялся подсчетомъ христіанъ по самому сочиненію Шульце и пришелъ къ удивительному результату, что христіанъ было 4 милл., а не 16 милл. Если въ Асіи, наиболѣе христіанской странѣ, христіане составляли, по Шульце, $\frac{1}{10}$ всего населенія, то каки́мъ образомъ они могли составить $\frac{1}{6}$ населенія во всей римской имперіи? Это тѣмъ болѣе удивительно, что на западѣ христіанъ было меньше,—въ Италіи съ Римомъ, Африкѣ, Испаніи и Галліи было 400 тыс., а вообще съ Германіей, Британіей и Балканскимъ полуостровомъ едва ли болѣе $\frac{1}{2}$ милл.

Нѣкоторые опредѣляютъ количество христіанъ при Константинѣ по количеству епископовъ, бывшихъ на первомъ вселенскомъ соборѣ. Но число епископовъ имѣетъ условную пѣнность. Изъ лучшаго списка епископовъ, каки́мъ является сирійскій, явствуетъ, что *diocesis Oriens*, митрополіей котораго была Антиохія, выставилъ 91 епископа; *diocesis Asia* (митрополія Ефесъ)—51; *diocesis Pontus* (митрополія Кесарія каппадокійская; къ нему причисляются Халкидонъ, Никоя, вообще сѣверъ Малой Азіи)—37; Египеть съ Оиваидой—19; Палестина—19. Но означаетъ ли паденіе цифръ епископовъ паденіе христіанскаго населенія? Нѣтъ; во-1-хъ, потому что не всѣ были въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы вопросами вселенскаго собора; во-2-хъ, епархія не приходилась на епархію.

Въ Африкѣ на [294000] кв. километровъ въ 484 г. приходилось [450] епархій, т. е. на каждую епархію — [680] кв. килом. Представимъ себѣ вещь практически невозможную, что каждая епархія была въ видѣ круга, и кафедральный городъ находился въ центрѣ; тогда бы радіусъ равнялся $14\frac{1}{2}$ килом. Русскій аршинъ равенъ 71,119 сантим., такъ что километръ немного меньше версты. Поэтому епископъ по грязной грунтовой дорогѣ могъ объѣхать епархію въ $1\frac{1}{2}$ часа. Епископіи *diocesis Oriens* равнялись 1492 кв. килом., въ Понтѣ—4272 кв. килом., въ Асіи—799, близко къ африканскимъ. Приводя къ одному знаменателю, можно сказать, что въ нашей новгородской епархіи было бы 29 епархій понтійскихъ, 39 каппадокійскихъ, 82 восточныхъ, 153 асійскихъ и 185 африканскихъ. Разница между 185 и 29 подавляющая, да и разстояніе между 29 и 153, если брать восточныя епархія, также немалое.

Если что мы знаемъ подробно, то это объ епархіи Θεодорита кирскаго—Кирестикѣ. Въ посланіи ко Льву В. онъ пи-

шесть, что у него—800 парикій, т. е. приходоѡвъ. Предъ гражданской властью—*praefectus praetorii*—онъ свидѣтельствуеть, что Кирестика имѣеть 40 *millia passuum* въ длину и 40 *millia pass.* въ ширину. Это свидѣтельство точно и не опровергается вычисленіемъ территоріи по картѣ. По словамъ Теодорита—Кирестика имѣла 3498 кв. килом., а по картѣ 3562 кв. килом. Отсюда видно, что эта епископія несравнима съ другими восточными. Такимъ образомъ, вычисленія числа христіанъ по числу епископовъ не ведутъ ни къ чему ¹⁾).

Свѣдѣнія о христіанскомъ населеніи Александріи заимствуются у Аѡнасія изъ его апологіи къ Константію (п. 16). Совершенно случайныя обстоятельства побудили Аѡнасія дать эти свѣдѣнія. Пресловутая Клеопатра когда-то вздумала строить *ἄρφον* въ честь Кесаря, нѣчто въ родѣ полухрама-полумузея. Явилось зданіе *Κατοικητεῖον*, храмъ въ честь кесаря. Въ IV в. этотъ храмъ былъ переданъ въ распоряженіе христіанъ для христіанской церкви. Расходы на постройку принялъ на себя императоръ Константій, при которомъ должно было происходить торжество освященія церкви ²⁾). Естественно, что онъ былъ заинтересованъ въ освященіи этого храма. Онъ самъ хотѣлъ прибыть въ Александрію, но злые языки донесли Константію, что Аѡнасій уже совершилъ обновленіе храма и онъ долженъ былъ дать подробное объясненіе по этому поводу.

Онъ писалъ: «обновленія храма еще не было; обновилъ ты его самъ, государь». Глупые языки говорятъ что обновленіе ужъ было, потому что въ пасху уже было совершено богослуженіе въ этомъ храмѣ. Когда его предшественникъ Александръ строилъ церковь, именно «Θεωυᾶ», то обновленіе совершено было послѣ, хотя въ церковь собирались для богослуженія во дни св. четыредесятницы еще ранѣе обновленія. На западѣ было въ обычаѣ, что въ церкви, которая строилась, богослуженіе совершалось ранѣе обновленія, и потомъ торжественно совершался праздникъ самаго обновленія храма. Разумѣется, Аѡнасій подчеркиваетъ, что храмъ необновленный освящался молитвою. Всѣ церкви Александріи, со включеніемъ и «Θεωυᾶ», въ настоящее время, бла-

¹⁾ Ср. въ запискѣ В. В. Болотова, напечатанной въ „Прибавленіяхъ къ Церк. Вѣдомостямъ“ за 1906 г. отдѣль, озаглавленный „Епархіи въ древней церкви“. № 3, стр. 99—105. А. Б.

²⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Разказы Діоскора о Халкидонскомъ соборѣ. Христ. Чт. 1885, I, 32—33 (отд. отт. 69—70). А. Б.

годатию Божию, оказывались уже тѣсными, и когда люди собирались въ дни четырехдесятницы, то пострадало много дѣтей, молодыхъ женщинъ, старухъ и молодыхъ людей. Они были такъ сдавлены, что ихъ нужно было вынести на рукахъ. Хотя изъ пострадавшихъ никто не умеръ, но произошелъ ропотъ. Если такая давка была во время четырехдесятницы, то что могло быть въ пасху?! Аѳанасій говоритъ, что онъ предлагалъ собраться въ пасху въ различныхъ мѣстахъ, но народъ не хотѣлъ и слышать: непременно хотѣли быть вмѣстѣ, и ему предложили совершить богослуженіе въ пустынѣ подъ открытымъ небомъ, лишь бы только собрались всѣ вмѣстѣ. Церковь строящаяся могла вмѣстить всѣхъ и Аѳанасій рѣшилъ совершить въ ней литургію въ день пасхи ¹⁾).

Аѳанасій сообщаетъ намъ свѣдѣнія драгоцѣнныя, что христіанъ въ Александріи было въ его время, съ одной стороны, такъ много, что они не вмѣщались въ одномъ храмѣ, а съ другой — и такъ немного, что могли всѣ помѣститься въ соборѣ *Κατὰρειον*. Какую же цифру даетъ намъ это сообщеніе?

Римскій соборъ св. Петра можетъ вмѣстить 54 тыс. чело-вѣкъ, соборъ миланскій — 37 т., знаменитый соборъ парижскій — 21 т. Я привожу свѣдѣнія иностранныя, и вы могли бы спросить, почему я не говорю о петербургскихъ церквахъ.

¹⁾ Въ нашей литературѣ высказываются странные взгляды, будто бы Аѳанасія обвиняли за то, что онъ совершилъ богослуженіе въ неосвященномъ еще храмѣ, да онъ—будто бы—и самъ не оспариваетъ того, что поступилъ неправильно и какъ бы извиняется. Это представленіе дѣла наивно. Аѳанасій не въ этомъ оправдывается. Понятіе о церкви было совершенно реальное. Разъ народъ былъ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ, никто не могъ обвинить его въ парасинагоги. И если народъ не сомнѣвался въ личности своего епископа, то епископъ имѣлъ право совершить богослуженіе и въ неосвященномъ храмѣ. Вѣдь и наши антиминсы удостовѣряютъ только о томъ, что въ данномъ храмѣ епископъ рѣшилъ совершать богослуженіе. Припомнимъ, что мученикъ Лукіанъ антиохійскій предъ своею мученическою кончиною не затруднился совершить евхаристію у себя на груди. Онъ лежалъ, изнуренный мученіями, въ темницѣ и у себя на груди совершилъ евхаристію. Когда Теодоритъ кирскій посѣтилъ одного подвижника въ затворѣ, то спросилъ его, какое ему можно доставить удовольствіе. Подвижникъ повѣдалъ епископу свою скорбь, что онъ оный, прекрасный пѣвецъ, не видалъ много лѣтъ совершенія богослуженія. Теодоритъ потребовалъ священные сосуды изъ сосѣдней церкви, заставилъ діаконовъ держать ихъ въ рукахъ и здѣсь и совершилъ богослуженіе. Аѳанасія поэтому никто не могъ обвинять въ томъ, что онъ совершилъ богослуженіе въ неосвященномъ храмѣ.

Откровенно сказать—я не знаю: имѣющіеся въ моемъ распоряженіи путеводители дають свѣдѣнія довольно своеобразныя. Сказано объ Исаакіевскомъ соборѣ, сколько подъ нимъ вбито трехсаженныхъ свай, а не сказано, сколько онъ можетъ вмѣстить молящихся. О соборѣ въ Измайловскомъ полку сказано, что онъ имѣетъ 37 саж. высоты, а о вмѣстимости—ни слова. Но главное основаніе, по которому приходится предпочесть приведенныя выше даты, слѣдующее: и въ IV в. и позже въ восточныхъ церквахъ богослуженіе слушали если не всѣ, то многіе, сидя, и возгласъ «ὀρθοί» — «прѣсти» имѣлъ смыслъ приглашенія встать. Можно предположить, что въ пасху сидѣли при Аѳанасіи не всѣ, но все таки было много и сидящихъ. Въ западныхъ соборахъ удержался этотъ обычай и до нашего времени, поэтому и приходится пользоваться свѣдѣніями западными, а не нашими. Римскій соборъ вмѣщаетъ 54 тыс. человѣкъ. Предположимъ, что такая же вмѣстимость была и въ александрійскомъ строящемся храмѣ. Выводъ получится не особенно опредѣленный.

Составъ христіанъ при Аѳанасіи В. былъ не особенно великъ, такъ какъ многіе принимали крещеніе въ зрѣломъ возрастѣ, а нѣкоторые откладывали до престарѣлыхъ дней. Дѣти еще только готовились быть христіанами, молодые люди находились въ состояніи оглашенія, и лишь лица зрѣлаго возраста крестились, дѣлались христіанами совершенными, которые и присутствовали при литургіи вѣрныхъ. Но Аѳанасій едва ли имѣетъ въ виду только крещенныхъ (имѣвшихъ право присутствовать при литургіи вѣрныхъ). Не вѣроятно, чтобы оглашенные не пожелали присутствовать при христіанскомъ пасхальномъ богослуженіи. По всей вѣроятности, Аѳанасій считаетъ присутствовавшихъ въ храмѣ не только вѣрныхъ, но и оглашенныхъ. Онъ начинаетъ перечисленіе съ дѣтей, включаетъ молодыхъ людей и заканчиваетъ старыми. Здѣсь были и дѣти, были старики и старухи, кромѣ большихъ. Можно предположить, что нѣкоторые остались дома для домашнихъ хлопотъ. Для древняго времени вопросъ о домашней прислугѣ былъ вопросомъ о рабахъ; рабы же могли быть и не христіанами. Такимъ образомъ, цифру оставшихся дома мы не можемъ считать великою. Вѣроятно около $\frac{1}{3}$ (и это maximum!) въ это время осталось дома. Если предположить, что присутствовало въ храмѣ 50 тыс. человѣкъ, то мы дойдемъ до цифры—70 тыс. христіанъ въ Александрію. Если предполо-

жить, что цифра всего населенія Александрии равнялась $1/2$ милл., то получится очень незначительный процентъ христіанъ—1 христіанинъ на 7 человѣкъ, а то и на десять.

Затѣмъ у насъ имѣются свѣдѣнія о церкви римской. Они заимствуются изъ посланія римскаго епископа Корнелія—ок. 252 г. Онъ, говоря о расколѣ Новаціана, замѣчаетъ, что онъ, образовавъ схизму, не изволилъ обратить вниманія на то, римская церковь немалочисленна: въ римской церкви пресвитеровъ—46, діаконовъ—7, иподіаконовъ—7, аколуюевъ—42, эксоркистовъ и чтецовъ вмѣстѣ съ остіаріями (*ostiarīi*—*πολιῶοί*, привратники)—52, вдовъ вмѣстѣ съ нуждающимися въ помощи (*σὺν θλιβομένων*)—свыше 1500 (*ὕπερ τὰς χιλιάς πεντακοσίας*), и всѣхъ ихъ пропитываетъ благодать и человѣколюбіе Господа (Eus. h. e. VI, 43, 11). Вотъ показанія о римской церкви.

Здѣсь требуется отклонить объясненіе, котораго держатся многіе. Епископъ африканскій Опатъ милевскій писалъ сочиніе о схизмѣ донатистовъ. Онъ рассказываетъ, что въ началѣ IV в. явился у донатистовъ епископъ въ лицѣ Виктора гарбенскаго. Этотъ Victor garbensis присутствовалъ на соборѣ нумидійскомъ въ 305 году. Онъ характеризуетъ Виктора, какъ пастыря безъ паствы; нельзя же считать за паству ничтожное число его послѣдователей. Для паствы Виктора не нашлось мѣста въ сорока и болѣе базиликахъ въ Римѣ. Итакъ, римскіе христіане въ началѣ IV в. имѣли болѣе 40 базиликъ. Такъ какъ и Корнелій насчитываетъ 46 пресвитеровъ, то ученые и полагаютъ, что при Корнеліи у христіанъ было до 40 богослужебныхъ мѣстъ.

Я думаю, что это не такъ. Корнелій называетъ 7 діаконовъ и 7 иподіаконовъ. Цифрѣ 7 церковь римская всегда оставалась вѣрна; тогда многіе полагали, что въ каждой церкви (епископіи) не должно быть болѣе 7 діаконовъ и иподіаконовъ. Параллельно съ иподіаконами держался чинъ аколуюевъ, который считался почетнымъ наряду съ иподіаконами. Понятіе аколуюевъ заключаетъ въ себѣ идею послѣдованія-сопровожденія. Аколуюевъ Корнелій называетъ 42; эта цифра дѣлимая на 7, и даетъ 6 человѣкъ, а по раздѣленіи на 14—3 человѣкъ. Въ гражданскомъ отношеніи Римъ дѣлился на 14 *regiones*. Дѣленіе Рима и въ христіанскомъ отношеніи на 14 частей есть безспорный фактъ: 7 діаконовъ и 7 иподіаконовъ=14. Это были лица, которымъ было поручено завѣды-

ваніе 14 regiones, а аколуючы должны были сопровождать діаконовъ и иподіаконовъ при ихъ обходѣ въ опредѣленномъ regio. Такимъ образомъ, мы получаемъ діакона и иподіакона во главѣ и трехъ аколуючыхъ при каждомъ изъ нихъ; 4 человекъ могли, напр., легко перенести больного, если бы это потребовалось, и такимъ образомъ цифра 14 имѣетъ смыслъ реальный и совершенно понятный.

Тогда получить известное освѣщеніе и цифра 52, которой обозначаетъ Корнелій число экзоркистовъ, остиаріевъ и чтецовъ. Экзоркисты произносили заклинательныя молитвы, напр., при крещеніи. Нельзя думать, чтобы экзоркистовъ, чтецовъ и остиаріевъ было поровну. Несомнѣнно, что для каждого богослужебнаго мѣста требовалось по чтецу и по остиарію—привратнику. Въ то время христіане должны были жить осторожно: возгласъ—«возлюбимъ другъ друга»—и тогда даже формулировали такъ: «смотрите другъ на друга и признавайте другъ друга» (предосторожность противъ не-христіанъ); въ то время совершать богослуженіе, не имѣя остиарія, было бы неосторожно. Необходимъ былъ и чтець, такъ же какъ остиарій. Но на 40 базиликъ невозможно было изъ 52 лицъ получить по одному чтецу и остиарію. Слѣдовательно, базиликъ было меньше. Легко предположить, что оставалось по 14 чтецовъ и по 14 привратниковъ или остиаріевъ, а можетъ быть, чтецовъ было и больше—по 2 чтеца при одномъ богослужебномъ собраніи, откуда $28 \text{ чтецовъ} + 14 \text{ остиаріевъ} + 10 \text{ экзоркистовъ} = 52$. Слѣдовательно, весьма возможно, что въ это время въ каждомъ regio было только по одному мѣсту для богослужебныхъ собраній, куда собирались для богослуженія въ большіе праздники.

Но остается сдѣлать расчетъ, какъ много людей могла вмѣстить подобная частная базилика? Къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ не имѣется, приблизительный же расчетъ возможенъ. Древніе христіане при богослуженіи сидѣли, а сидящій человекъ занимаетъ 0,4 кв. метра, слѣдовательно, 10 человекъ занимаютъ 4 кв. метра и требуется очень большая зала, чтобы вмѣстить 1000 человекъ (примѣрно 5 саж. въ ширину и 20 саж. въ длину). Разумѣется, римскіе христіане были не такъ богаты, чтобы у нихъ было много залъ, вмѣщавшихъ такое количество человекъ. Поэтому, мы должны предположить, что къ богослуженію собирались далеко не всѣ, а по очереди. Мы можемъ начать съ цифры 14—15 тысячъ въруч-

щихъ. Удвоить эту цифру будетъ уже очень смѣло (30 тысячъ вѣроятно максимум!).

Далѣе, у насъ есть свѣдѣніе о $1\frac{1}{2}$ тысячахъ чел. вдвое вмѣстѣ съ нуждающимися въ помощи. Трудно рѣшить, какъ отъ количества лицъ, нуждающихся въ помощи, заключать къ определенной цифрѣ христіанъ вообще. Іоаннъ Златоустъ въ одной проповѣди высказываетъ, что въ составъ антиохійскаго населенія входила $\frac{1}{10}$ часть богатыхъ и $\frac{1}{10}$ часть бѣдныхъ, такимъ образомъ онъ опредѣляетъ суммарно бѣдныхъ $\frac{1}{10}$ частью населенія. Но въ сущности далеко не всѣ бѣдные нуждались въ постоянной церковной помощи. Иные изъ нихъ пользовались помощью лишь отъ времени до времени. Такимъ образомъ цифра: $\frac{1}{10}$ часть цѣлаго = бѣдные — нѣсколько рискованна. Если взять это отношеніе, то отъ 1500 челов. бѣдняковъ придется заключить къ общей цифрѣ христіанъ въ 15 тыс. Но эта цифра подавляюще большая. По переписи 1880 г. въ г. Парижѣ зарегистрировано 130 тыс. лицъ, признанныхъ совершенно бѣдными, и 1 бѣднякъ приходится на 18 жителей. На основаніи этого можно допустить, что среди римскихъ христіанъ 1 нуждающійся приходился даже на 20 человекъ; и тогда общая цифра будетъ 30.000 христіанъ въ половинѣ III вѣка.

Какъ незначительно могло быть чисто христіанское населеніе даже въ позднѣйшее время въ городахъ съ большимъ сравнительно населеніемъ, показываютъ данныя житія Порфирія газскаго, составленнаго діакономъ его Маркомъ (конецъ IV—начало V вѣка).

Житіе это какъ памятникъ, представляетъ довольно значительную загадку для историка, но трудности не заставляютъ заподозривать, что показанія его невѣрны. Газа—приморскій, богатый и довольно населенный городъ Палестины. Это видно изъ того, что въ немъ было 8 языческихъ храмовъ. И такъ какъ языческое богослуженіе состояло въ принесеніи жертвъ, жертвы же могли приноситься вездѣ, то можно предположить, какому количеству жителей удовлетворяли эти храмы; именно—не будетъ рискованнымъ сказать, что число жителей Газы простиралось до 30—40 тыс. Порфирій былъ по меньшей мѣрѣ пятымъ епископомъ Газы (первымъ былъ Сильванъ, пострадавшій при Максиминѣ). Когда онъ явился въ Газу въ качествѣ епископа, языческое населеніе города отнеслось къ нему очень враждебно. Какъ извѣстно, благоденствіе Палестины зависѣло отъ раннихъ дождей. Дождь долженъ падать около

3 ноября — около дня Георгія — и если дождь начинался за 15 дней до этого времени, то всё радовались, а между тѣмъ въ годъ вступленія Порфирія на гавскую каеедру дождь къ этому времени не выпалъ. Мало того, прошелъ ноябрь, декабрь, наступилъ 3-й мѣсяцъ, а дожда все нѣтъ. Тогда язычники стали говорить, что это случилось изъ-за Порфирія, потому что въ лицѣ его они впустили въ городъ врага богу Марнѣ. Въ 7 день 3 мѣсяца собрались мужчины, женщины и дѣти въ количествѣ 280 и упросили Порфирія совершить христіанскую литанію и обойти вокругъ города. Нельзя предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о депутаціи отъ христіанъ, потому что для такого простаго случая ее не требовалось. Можно думать, что эти 280 человекъ и составляли все христіанское населеніе Газы. Можетъ быть, даже вѣроятно, что въ этотъ счетъ не вошли старяки, малолѣтніе и оберегающіе дома. Это моленіе совершено было 8-го авинея (4 января). Когда же христіане, обойдя городъ, подошли къ воротамъ, то нашли ихъ запертыми. Но къ счастью вдругъ показались дождевыя капли и пошелъ дождь. Язычники отворили ворота, большою толпою сопровождали христіанъ по городу и нѣкоторые кричали: «великъ Богъ христіанскій». Въ этотъ день, замѣчаетъ писатель, въ христіанство обратилось 127 человекъ, именно — 78 мужчинъ, 35 женщинъ, 14 дѣтей, въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ. Дождь этотъ былъ такъ великъ, что жители стали опасаться чтобы не смыло ихъ домовъ, которые сложены изъ необожженныхъ кирпичей. Всѣ эти мелкія детали даютъ право полагать, что цифра сообщается точная. Христіанъ, значить, было очень мало. Число ихъ едва ли доходило до 400. Это видно и изъ того, что впоследствии, когда христіанство было въ полномъ разцвѣтѣ, когда разрушенъ былъ идолъ Марны и строился христіанскій храмъ, то и тогда число христіанъ было не очень велико. Это видно изъ того, что народъ ропталъ на Порфирія за то, что онъ взялъ слишкомъ большой масштабъ для храма, говоря: «зачѣмъ онъ строить такой большой храмъ, когда народу мало». Но Порфирій утѣшалъ его словами, что Богъ пополнилъ и увеличилъ число вѣрующихъ.

Если примемъ во вниманіе всѣ эти цифровыя данныя, то увидимъ, какое малое число христіанъ нужно было для основанія епархіи, а это обстоятельство должно служить препятствіемъ къ заключенію о большомъ количествѣ христіанъ. Мы не должны считать христіанъ въ епархіяхъ милліонами. Даже тысяча для многихъ изъ нихъ велика.

Поэтому безопасно можно предположить минимальныя цифры и относительно населенія всей имперіи и относительно количества христіанъ: первая цифра колеблется между 50 и 60 милліонами, а вторая между 4 и 5 мил. Въ свое время Тертуліанъ насчитывалъ, что христіанъ гораздо меньше, чѣмъ язычниковъ. «Что сдѣлается съ Кареагеномъ, говоритъ онъ, кареагенскому проконсуду Скапулѣ, если ты подвергнешь христіанъ децимаціи?» (decimatio—военная казнь десятаго). Это показываетъ, что, истребивъ христіанъ, онъ лишится $\frac{1}{10}$ населенія. Эта цифра очень преувеличенная. Очень можетъ быть, что только ко времени Константина В. населеніе христіанское равнялось $\frac{1}{10}$ всего населенія; но можетъ быть и эту цифру нужно понизить. Всякое же представленіе, что христіанъ было болѣе 10% въ массѣ населенія, будетъ рискованнымъ.

Но тогда нужно предположить, что Константинъ В. рѣшился опереться на $\frac{1}{10}$ часть населенія. Но опираться на $\frac{1}{10}$ часть, относительно которой исторіи извѣстно, что она не вмѣшивалась въ политику, было бы не разсчетливо, и съ этой точки зрѣнія оказываются необъяснимыми политическіе мотивы Константина В. Опереться на $\frac{1}{10}$ часть населенія, опереться на ту часть, которая не бросалась на политическіе разсчеты, для него было бы большимъ рискомъ, еслибы онъ не имѣлъ кромѣ политическихъ разсчетовъ другихъ—свойства болѣе идеальнаго.

Правда, разные случаи изъ временъ гоненія довольно ясно показали, что масса ничего не имѣетъ противъ христіанства, но это было тогда, когда христіанство не было господствующимъ. Между тѣмъ неизвѣстно было, какъ посмотрятъ, если меньшинству даны будутъ преимущества, а большинство будетъ отодвинуто назадъ. Поэтому, чтобы рѣшиться на такую мѣру, нужны были не одни политическія разсужденія, но и вѣра и убѣжденіе, что христіанство—истинная религія. Константинъ, нужно замѣтить, былъ государь, а не частный человѣкъ, а потому слѣдуетъ принять во вниманіе и особенности этого положенія. Тертуліанъ остроумно замѣчаетъ, что христіанъ такъ много, что и самъ императоръ могъ бы стать христіаниномъ, если бы міръ могъ обойтись безъ императора. Стало быть, еслибы Константинъ былъ изъ числа такихъ людей, которыхъ религіозный пламень охватываетъ сразу, то ему нужно было бы сложить порфиру. Но Высшая рука поставляетъ въ лицѣ его такого государя, который довольствуется минимальнымъ въ области религіи. Своимъ дѣятемъ

Константинъ даетъ христіанское воспитаніе, а самъ остается «pontifex maximus»; къ христіанамъ въ первые годы онъ проявляетъ довольно скромныя отношенія большею частію охранительнаго характера, напр., издаетъ законъ, защищающій христіанъ отъ іудеевъ, предоставляетъ церкви отпускать рабовъ на волю, и только уже въ 321 г. объявляетъ, что досточтимый «день солнца» долженъ быть свободнымъ отъ занятій въ городахъ, хотя опредѣленно высказывался, что земледѣльцы должны работать и въ воскресенье. Воскресенье онъ не называлъ другимъ словомъ, какъ «dies solis», которое много говорило и язычникамъ.

Предполагать особенное благотворное вліяніе на него Елены нѣтъ основаній. Напротивъ, Амвросій медиоланскій говоритъ, что сама Елена обязана вліянію Константина. По всей вѣроятности, для Константина въ молодости былъ идеаломъ достойный подражанія образъ отца. Когда Константинъ сдѣлался кесаремъ, то Константинъ принужденъ былъ видѣть, какъ порываются связи между отцомъ и матерью. По своему положенію Константинъ долженъ былъ развестись съ Еленой и жениться на Теодорѣ, сестрѣ Максиміана. Отъ этого брака появились дѣти, которые должны были раздѣлить власть Константія. Правда, и Константину было дано понять, что его не забудутъ, именно—маленькая дочь Максиміана подняла ему племѣ. Но въ сущности на востокъ Константинъ былъ въ качествѣ заложника. Положеніе его при Галеріи было незавидное. Правда, были случаи отличиться, но съ рискомъ сломать себѣ голову. Когда Діоклетіанъ и Галерій отказались отъ престола, то Константинъ неделикатно былъ обойденъ и въ Италію назначенъ былъ Северъ. Едва онъ получилъ разрѣшеніе явиться къ отцу, какъ уже долженъ былъ считаться съ тѣмъ, что въ Италіи его враждебно встрѣтилъ Северъ и хотѣлъ схватить его, вслѣдствіе чего служители Константина заходили на станціяхъ въ конюшни и перерѣзали конямъ жилы, чтобы не было погони. Вотъ каково было дѣтство Константина.

Константинъ въ своей дѣятельности долженъ былъ поддерживать мирную политику отца, который былъ близокъ къ христіанству и не преслѣдовалъ его. Константинъ былъ монотеистъ. Нужно замѣтить, что были двухъ родовъ монотеисты. Первые—монотеисты неоплатонической школы. Они истолковывали въ философскомъ смыслѣ сказанія о богахъ, истолковывали въ

смыслъ силъ и заключали ихъ въ одномъ теоретическомъ богѣ, по большей части въ лицѣ Зевса. Монотеисты этого сорта были враждебны христіанству. Во главѣ ихъ стояли ученые и они видѣли, что христіанство противно ихъ монотеизму, который они не успѣли еще утвердить, и поэтому истребленіе христіанства было для нихъ самымъ задушевнымъ желаніемъ. Вторые монотеисты — это поклонники культа «непобѣдимаго солнца» — *invicti solis*, къ которымъ принадлежалъ и Константинъ Хлоръ. Подъ этимъ именемъ скрывается персидскій культъ Митры, производившій большое впечатлѣніе своими различными церемоніями. Важно то, что культъ этотъ иноземный, ввозный. Поэтому поклонники его могли считать христіанство однороднымъ съ нимъ и одноправнымъ. И у Константина является культъ непобѣдимаго солнца, но только онъ преобразуется въ культъ Аполлона, что видно изъ привѣтственной рѣчи одного оратора Константину, гдѣ онъ употребляетъ выраженіе: «*Apollo tuus*». Дальнѣйшее знакомство Константина съ христіанами зародило еще большее къ нимъ расположеніе. Онъ видѣлъ, что христіане, какъ подданные, народъ хороший, что они подчиняются двойкой дисциплинѣ — императора и епископа.

Можно видѣть, что Константинъ велъ дѣла весьма послѣдовательно и послѣ 312 г., когда въ началѣ 313 г. онъ, вмѣстѣ съ соправителемъ Ликиніемъ, далъ христіанамъ только свободу вѣроисповѣданія, и не только христіанамъ, но и всему населенію имперіи, свободу держаться каждому своей религіи, чтить того Бога, въ котораго самъ вѣруетъ; если о христіанахъ и говорится въ эдиктѣ, то это потому, что они особенно настойчиво просили свободы. Эта милость простиралась и на собранія христіанъ. Эдиктъ 313 г. не стѣснялъ язычниковъ въ ихъ вѣрованіяхъ, но онъ давалъ возможность перехода не только въ христіанство, но и въ другіе языческіе культы. Этотъ эдиктъ заключалъ въ себѣ элементы большой вѣротерпимости. Въ сущности можно допустить, что человекъ, бывшій поклонникомъ Митры, прежде могъ считать его верховнымъ богомъ и въ то же время былъ обязанъ признавать и Юпитера. Теперь же онъ получилъ возможность чтить только Митру и не чтить другихъ римскихъ боговъ, чего онъ прежде не могъ сдѣлать безъ опасности. Такимъ образомъ, первый шагъ Константина былъ таковъ, что христіанству ничего не общалъ, кромѣ равенства съ другими религіями, кромѣ сво-

боды исповѣданія. Дальнѣйшее было только проявленіемъ благородства Константина; онъ видѣлъ, что христіане представляли изъ себя сторону жестоко потерпѣвшую: у нихъ отбирали собственность, лишь за то, что они чтили Бога по своему вѣроисповѣданію. Константинъ былъ настолько великодушень, что далъ распоряженіе возвратить христіанамъ отнятыя имущества (мѣста богослужебныхъ собраний).

Одинъ шагъ влекъ за собой и другой. По первому слову императора легко было возвратить христіанамъ имущества, которыя составляли еще казенную собственность (перешли отъ христіанъ въ казну). Но много было имуществъ, которыя стали частною собственностью, когда ихъ продали съ аукціоннаго торга. Это вносило бы неравенство въ среду христіанъ: одни могли получить, а другіе—нѣтъ. Рѣшено было, поэтому, выкупить имущества у частныхъ владѣльцевъ. Затѣмъ открылась третья категорія. Храмы христіанъ не только отбирались въ предшествующее гоненіе, но и были разрушаемы: дѣлали зло для зла. Нужно было возстановить равенство между христіанами и здѣсь. Константинъ рѣшился возстановить разрушенныя храмы: сталъ отпускать суммы на постройку храмовъ; посредникомъ для него явился проконсулъ Африки Аннулинъ, который прежде преслѣдовалъ христіанъ. Константинъ думалъ, что если дать христіанамъ то, чего они лишились ранѣе, то этимъ онъ никого не оскорбитъ изъ язычниковъ, или если и задѣнетъ болѣе рьяныхъ изъ нихъ, то во всякомъ случаѣ немногихъ, такъ какъ предшествующее гоненіе велось только формально.

Такимъ образомъ, первый шагъ, благопріятный для христіанства, Константинъ въ 313 г. могъ сдѣлать совершенно безопасно. Для его объясненія не требовалось бы никакого сверхъестественнаго посредства, для этого не нужно было бы ни небеснаго знаменія, ни откровенія во снѣ. Это—изліаніе благородства духа Константина. Но зато эти первые шаги нисколько не объясняютъ того, что онъ *самъ* сталъ на сторону христіанства. Въ этомъ направленіи онъ шелъ весьма медленно и осторожно. Это былъ мудрый, просвѣщенный и осмотрительный государь. Онъ могъ оставаться навсегда язычникомъ, какъ это мы и видимъ изъ обстоятельствъ его жизни. Константинъ не счелъ нужнымъ сложить съ себя титулъ «pontifex maximus». Ни въ чемъ въ дѣйствительности жрецы языческіе и жреческая коллегія не были стѣснены. Разумѣется, и язы-

чество неизбежно должно было понести нѣкоторую поруху: теперь нельзя было привлекать къ исполненію религіозныхъ языческихъ обязанностей лицъ не желающихъ. Не воспрещалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, язычникамъ строить новые храмы въ честь его. Одинъ храмъ былъ построенъ, напримѣръ, въ честь фамиліи императора—gens Flavia.

Если Константину и приходилось ограничивать «свободу» язычниковъ, то лишь въ ея безобразныхъ проявленіяхъ: удары были направлены противъ тѣхъ языческихъ храмовъ, въ которыхъ практиковались безцравственные культы; правда, отняты были у язычниковъ и такіе храмы, которые стояли на тѣхъ мѣстахъ, которые для христіанъ были по преимуществу священными; но это былъ лишь выводъ изъ того общаго положенія, что и христіане имѣютъ право чтить своего Бога. Какъ мѣсто святое для христіанъ, возвращенъ былъ имъ, напр., знаменитый мамврійскій дубъ. Столь же ничтожны были и другія ограниченія, которымъ языческая религія подверглась при Константинѣ В. Правительство преслѣдовало язычниковъ за «divinationes»: это были темныя, секретныя гаданія съ цѣлію узнать будущее относительно императора; за другія гаданія, признаваемые языческою религіею, не преслѣдовали. Въ послѣдніе годы Константинъ В. пытался отмѣнить sacrificia—кровавыя жертвы. Если не былъ приведенъ въ исполненіе этотъ законъ, то только потому, что эта мѣра для многихъ была непрята.

Такимъ образомъ, совершенно справедливо, что положеніе религіи при Константинѣ В. должно быть разсматриваемо, какъ Parität, — какъ равенство между религіями. Константинъ В. старался соблюдать это равенство всюду, даже въ мелочахъ, напр., въ символическихъ изображеніяхъ на монетахъ встрѣчаются символы и христіанскіе, и языческіе, хотя съ теченіемъ времени начинаютъ преобладать символы христіанскіе. Все это очевидно нисколько не опредѣляетъ Константина, какъ лицо, которое заявляетъ формально о томъ, что онъ болѣе не язычникъ, а христіанинъ.

Однако, онъ, хотя и медленно, но вѣрно приближался къ тому, чтобы христіанство сдѣлать религіей господствующей. Самъ оставаясь на нейтральной почвѣ, онъ, однако, дѣтямъ далъ христіанское воспитаніе, чѣмъ поставилъ ихъ въ невозможность соблюдать нейтралитетъ. Всѣмъ было очевидно, что такое мѣропріятіе Константина смѣнится торжествомъ христіанской религіи. Думать, что Константинъ это сдѣлалъ безъ со-

знанія превосходства христіанства, нельзя; если бы этого сознанія не было, Константинъ и дѣтей своихъ воспиталь бы такъ, чтобы они могли играть ту роль, которую игралъ онъ,— однако, имъ готовилъ онъ лучшее будущее.

Самъ Константинъ приближался къ христіанству постепенно. Языческіе писатели замѣчаютъ въ его характерѣ не прогрессъ, а регрессъ. По замѣчанію одного изъ нихъ, Константинъ В. «началъ какъ мужъ, кончилъ какъ почти отрокъ» (raene puer). Энергія его характера ослабѣвала, и вѣроятно, это отозвалось на его рѣшимости принять христіанство: онъ, хотя и желалъ креститься въ водахъ іорданскихъ, но отлагалъ свое крещеніе. Это обстоятельство не представляло ничего страннаго съ точкѣ зрѣнія современниковъ Константина В. У Константина не доставало только вѣры въ самого себя, а не вѣры во Христа. Онъ надѣялся таинственно очиститься въ крещеніи, чтобы вступить въ будущую жизнь совершенно чистымъ.

Правда, противъ этого христіанскаго его настроенія указываютъ на то, что нѣкоторыя его дѣянія были нехристіанскія. Указываютъ на казнь Максиміана, тестя Константина, Ликинія, зятя Константина, Ликиніана, сына Ликинія, наконецъ Криспа, сына Константина.

Казнь Максиміана была дѣломъ политической необходимости. Максиміанъ, по условію съ Діоклетіаномъ, долженъ былъ черезъ 20 лѣтъ отказаться отъ титула августы и сложить порфиру. Но онъ сдѣлалъ это противъ своей воли. Въ это время войска, бывшія въ Британніи и Галліи, провозгласили августомъ Константина, а римскія войска (преторіане)— Максентія, сына Максиміана. Для Максиміана это было хорошимъ поводомъ захватить корону. Онъ явился въ Римъ, попытался побудить Діоклетіана возвратить ему правленіе и даже попытался возбудить римскія войска противъ сына. Но осмѣянный, онъ долженъ былъ бѣжать въ Галлію. Здѣсь онъ встрѣтилъ Константина и отдалъ ему съ титуломъ августы руку своей дочери Фаусты. Отношенія между Константиномъ и Максиміаномъ были непрочны. Максиміанъ распустилъ молву, что Константинъ умеръ въ походѣ противъ галловъ, чтобы самому завладѣть короной. Константинъ сослалъ его въ Марсель съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ тамъ, какъ частный человѣкъ. Но Максиміанъ не остановился на этомъ. Онъ предложилъ дочери Фаустѣ быть участницей въ убійствѣ ея мужа. Фаустѣ

такимъ образомъ предстоялъ выборъ между отцомъ и мужемъ. Но она предпочла мужа и открыла ему замыслы отца. Когда Максиміанъ шелъ съ кинжаломъ съ цѣлю убить Константина, рабъ, спрятанный послѣднимъ для наблюденій, схватилъ его, и уличенный тесть былъ казненъ.

Что касается казни Ликинія, то говорятъ, что Константинъ В. каралъ Ликинія *contra fidem sacramenti*—противъ клятвеннаго обѣщанія пощадить его жизнь. Но это весьма вѣское выраженіе уничтожается показаніемъ, которое читается въ Анонимусъ Valesianus (*pars prior, Origo Constantini imperatoris*), источникъ, имѣющемъ безспорно историческую цѣнность: «*tumultu militaribus exigentibus in thessalonica jussit occidi*». Никакое клятвенное обѣщаніе не можетъ имѣть постоянной дѣйствительности, если противная сторона принуждаетъ нарушить обѣщаніе. Напр., государство NN дало обѣщаніе щадить другое государство PP. Но если государство PP вторгается съ вооруженной силой въ государство NN, то странно было бы, чтобы государство PP продолжало щадить NN. Опасались войны, какъ бы Ликиній въ Фессалоникѣ не устроилъ заговора, и вынудили у Константина повелѣніе казнить его.

Нравственнымъ пятномъ въ жизни Константина остается еще казнь сына Ликинія—Ликиніана. Но принудить къ этому могли Константина тѣ же легіоны, преданные ему. Что они способны были принудить Константина къ такому поступку, объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ избіенія ими родственниковъ Константина, дѣтей Теодоры, второй супруги Константія Хлора. По смерти Константина, изъ преданности Константину и его дѣтямъ они не желали, чтобы были другіе претенденты на его престолъ.

Указываютъ, наконецъ, на казнь сына Константина—Криспа (отъ первой супруги его Минервины). Дѣло это чрезвычайно темно, и нѣтъ причинъ не довѣрять разсказу язычника Зосима, въ которомъ замѣчено, что самъ императоръ раскаялся въ этомъ поступкѣ и поставилъ убитому статую съ надписью: *ἱδικτυέωφ* (жертвѣ несправедливости). Казнь была обставлена какъ-то таинственно, и очень возможно, что Криспа обвиняли въ томъ, что онъ задумалъ противъ отца заговоръ. Во всякомъ случаѣ, было ли это преступленіе политическое, или семейное недоразумѣніе (обвиненіе въ прелюбодѣяннн съ Фаустою, которая тоже скоро была казнена)—трудно сказать.

II. Значеніе національныхъ особенностейъ грековъ и римлянъ и традицій римскаго государства и христіанской церкви при установленіи отношеній между церковью и государствомъ.

Другой дѣятель въ опредѣленіи отношеній между церковью и государствомъ — сами члены христіанской церкви. Въ то время христіанство въ главной своей массѣ совпадало съ предѣлами классическаго міра, и сложившіяся подъ вліяніемъ естественныхъ задатковъ и исторіи черты національнаго характера грековъ и римлянъ привнесли свою долю вліянія въ практическую выработку подробностей этихъ новыхъ отношеній.

Съ представленіемъ о грекахъ естественно возникаетъ мысль о народѣ богато одаренномъ умственными способностями, со славою заявившемъ себя въ философіи, наукѣ, искусствѣ, — народѣ съ пламеннымъ чувствомъ свободы, съ ненавистью къ тиранніи, племени республиканскомъ по преимуществу. Скромно, почти въ тѣни является наряду съ идеальнымъ грекомъ фигура римлянина, съ его ограниченнымъ кругозоромъ, бѣдностью теоретическихъ началъ, слабостью умозрѣнія, съ практицизмомъ часто сухимъ, съ узкою положительностью. Міровая имперія, которую осуществили властительные римляне, цезаризмъ, явившійся какъ завершеніе ихъ историческаго развитія, часто ниспадавшій до деспотизма, не говоритъ въ пользу энергіи чувства свободы, присущаго римской расѣ. И когда мы только думаемъ, что съ Константина Великаго политическій центръ тяжести переносится съ латинскаго запада на греческій востокъ, то, повидимому, остается только привѣтствовать это счастливое историческое совпаденіе. Однако, подробное разсмотрѣніе дѣла представляетъ его въ другомъ свѣтѣ.

Вопросъ объ отношеніи между церковью и государствомъ, по своему существу, есть юридическій. Между тѣмъ юридическія начала, которыми жилъ греческій міръ, не возбуждаютъ ни въ комъ особеннаго интереса, тогда какъ юридическій смыслъ римскаго народа всегда былъ предметомъ почтительнаго удивленія ученыхъ. Римляне были недалеко въ области умозрѣнія, подъ перомъ ихъ мыслителей философскіе вопросы весьма скоро получали узко практическую постановку;

но за то этотъ народъ былъ силенъ административнымъ, организаторскимъ талантомъ; онъ умѣлъ властвовать, но умѣлъ и управлять. Между тѣмъ этого дара именно и не доставало грекамъ. Въ цвѣтущій періодъ своей исторіи они никогда не могли образовать изъ своихъ республикъ плотнаго, солидарнаго политическаго цѣлаго; даже когда гегемонія въ греческомъ мірѣ перешла въ мощныя руки государей Македоніи, и тогда центробѣжныя силы взяли верхъ надъ центроостремительными: монархія Александра не пережила его. Склонный болѣе къ умозрѣнію, грекъ естественно расположенъ былъ сосредоточить все свое вниманіе на развитіи догматической мысли и оставить въ забвеніи область практическихъ отношеній.

Равнымъ образомъ, одушевлявшее грековъ чувство свободы едва ли даетъ ихъ національному характеру много преимуществъ предъ римлянами. Свобода грековъ—понятіе очень относительное; ихъ постоянный трепетъ предъ тираниєю, можетъ быть, былъ однимъ изъ спасительныхъ инстинктовъ, въ помощи котораго они нуждались болѣе, чѣмъ другіе народы. Въ самомъ дѣлѣ, въ правленіи самыхъ чистыхъ представителей греческой расы, афинянъ, весьма сильно даетъ себя знать личное начало. Исторія Аѳинъ довольно полно можетъ быть изложена въ біографіяхъ знаменитыхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ ихъ республики; это едва ли возможно сказать относительно Рима. У грековъ въ разрядѣ историческихъ дѣятелей преобладаютъ люди высоко талантливые; у римлянъ—болѣе или менѣе посредственные; тамъ имѣетъ больше значенія гений индивидуума, здѣсь—сложившаяся система. Герои греческаго міра управляли судьбами своего отечества въ смыслѣ гораздо болѣе полномъ, чѣмъ это можно сказать о римлянахъ. Въ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ къ своимъ представителямъ есть значительная разность. Государственные люди Аѳинъ были болѣе, чѣмъ довѣренныя лица народа, это были его любимцы; римскіе консулы обыкновенно были просто чиновники. Римскій консулъ по прошествіи срока естественно ступеньвался, сходилъ въ почетный рядъ консуляровъ. Для историческихъ дѣятелей Аѳинъ не было этого срока: они стояли во главѣ управленія всю жизнь; если же они оставляли свой постъ, то это была народная опала. Они кончали даже хуже,—почти государственною измѣною: припомните Фемистокла. Афиняне любили своихъ выдающихся дѣятелей; если же ихъ только уважали,

то ихъ уже начинали бояться, и спѣшили избавиться отъ ихъ присутствія остракизмомъ. Въ этой практикѣ чувствуется признаніе беспомощности предъ обаяніемъ умственной силы, неспособности удержать его дѣятельность въ должныхъ границахъ. Аѳинянинъ колебался между крайностями бунта и благоговѣнія. Римляне умѣли просто уважать своихъ героевъ: въ то время какъ квинтиты воздавали заслуженную честь своему чиновнику-генералу, вѣрные ему солдаты забрызгивали его грязью какъ частнаго человѣка. Личность героя въ Римѣ значила не очень много; сцена римскаго триумфа на улицахъ Аѳинъ просто невѣроятна. Въ Греціи государственный человѣкъ могъ увлечь за собою общественное мнѣніе до того, что становился тиранномъ своего подвижнаго, часто легкомысленнаго народа; тираннія въ Аѳинахъ имѣетъ гражданскій характеръ. Въ Римѣ даровитая индивидуальность немного могла сдѣлать противъ твердо установившихся формъ правовыхъ отношеній; и если тиранновъ знавали и въ Римѣ, то они все же должны были опираться на грубую военную силу. Тираннія въ Римѣ была господствомъ милитаризма.

Еще одно обстоятельство значительно повліяло на характеръ грековъ: при ихъ любви къ свободѣ, они подпали желѣзной власти Рима, и никогда не могли свергнуть съ себя этого ига. Рабство даже на устойчивыхъ римлянъ дѣйствовало разлагающимъ образомъ, даже ихъ оно нравственно приносило. Грека оно просто подавляло: не будучи въ силахъ добиваться простора открытымъ путемъ, онъ дѣйствовалъ темными средствами, шелъ къ нему окольнымъ путемъ интригъ, заговоровъ, лукавства и мести. Эти низкія проявленія сдѣлали грековъ ненавистными для римлянъ: Ювеналь, далеко не въ розовомъ свѣтѣ представлявшій нравственное состояніе своихъ соотечественниковъ, о грекахъ говоритъ съ глубокимъ презрѣніемъ: *patio tota comœdia*; они представляются ему насквозь фальшивыми и низко лстивыми. Эта сторона греческаго характера, конечно, не можетъ быть допущена безъ сильныхъ ограниченій; разложеніе коснулось, конечно, главнымъ образомъ культурныхъ слоевъ греческаго племени; при томъ не всѣ говорившіе погречески были чистыми греками. Но и смѣсь національностей не всегда ихъ облагороживала.

Во всякомъ случаѣ эти два классическіе народа противостоятъ одинъ другому какъ болѣе упругій, суровый, прямой и устойчивый,—и съ другой стороны—болѣе утонченный, мяг-

кій, иногда легкомысленный, непостоянный, уклончивый до лукавства и хитрости, льстиво искательный. Оба эти народа имѣли свои достоинства и свои недостатки. Отъ римскихъ христіанъ естественноѣ ожидать болѣе стойкой, главное систематической защиты церковной свободы противъ возможнаго покушенія на нее государственной власти. Но они могли преувеличить значеніе спорныхъ вопросовъ и изъ борьбы за свободу сдѣлать борьбу за преобладаніе. Греческій христіанскій міръ, послѣ трехъ вѣковъ страданій, легко могъ поддаться обаянію новыхъ отношеній христіанскаго государя и ослабить необходимый контроль надъ его дѣйствіями. Ради догматическихъ преобладающихъ интересовъ, грекъ легко могъ поступиться нѣкоторыми формальными прерогативами. Первые могли рѣшить вопросъ объ отношеніи между государствомъ и церковью неправильно, изъ вопроса о свободѣ сдѣлать вопросъ властолюбія; въ характерѣ грековъ были задатки для того, чтобы не рѣшить этого вопроса вовсе, не понять его въ его простѣйшей, элементарной постановкѣ, съ слишкомъ большимъ довѣріемъ положиться на дѣйствія благорасположеннаго государя и начать борьбу за церковную свободу лишь тогда, когда притязанія государственной власти коснутся области догматическихъ вѣрованій.

Само собою разумѣется, что подобное вліяніе національныхъ различій трудно оправдать въ каждомъ частномъ фактѣ; повелши дѣло такимъ образомъ, мы непремѣнно встрѣтимъ множество исключеній. И это понятно. Главный колоритъ историческихъ фактовъ зависитъ отъ общихъ свойствъ и слабостей человѣческой природы: римлянинъ всего чаще дѣйствуетъ такъ же, какъ и грекъ, по тѣмъ же мотивамъ, по какимъ сталъ бы дѣйствовать и германецъ и славянинъ. То, что привноситъ національный элементъ, слабо, но постоянно отражается въ второстепенныхъ тонахъ общаго колорита; но въ концѣ концовъ даетъ такую сумму вліяній, что римская церковь ведетъ сильную борьбу за міровую власть, за господство надъ государствомъ, тогда какъ восточную церковь никогда нельзя было обвинить въ серьезномъ посягательствѣ на права государства.

Кромѣ личныхъ особенностей императора Константина съ одной стороны и національнаго характера грекоримскихъ христіанъ съ другой, на отношенія церкви и государства должны были вліять, и даже болѣе чѣмъ что другое, истори-

чески сложившіяся черты этихъ членовъ образующагося союза.

Императоръ волей или неволей долженъ былъ являться представителемъ традицій античнаго государства, а эти традиціи таковы, что они всего болѣе вели къ отрицанію равноправности новаго союзника. Римское государство исторически развивалось совмѣстно съ римскимъ культомъ, въ строгомъ смыслѣ включая его въ себя, какъ часть въ свое цѣлое. О раздѣленіи церкви отъ государства, о принципиальномъ различіи религіозныхъ и политическихъ учреждений въ предшествующей исторіи Рима не было и рѣчи. Напротивъ, исторія его сложилась такъ, что онъ не имѣлъ повода узнать своеобразный характеръ этихъ учреждений. Какъ религія естественная, религія римскаго народа заключала въ себѣ слишкомъ мало такихъ нравственныхъ элементовъ, которые могли бы возложить на римскій народъ обязанности, противоположныя его политическимъ задачамъ и стремленіямъ. Коллизіи между религіею и государственностію не могли быть значительно сильнѣе, чѣмъ возможныя въ современномъ государствѣ столкновенія различныхъ вѣдомствъ. Серьезныхъ столкновеній не могло быть. Даже и тамъ, гдѣ религія давала чувствовать свое значеніе государственной власти (разумѣется, гдѣ этотъ авторитетъ былъ фактъ, а не ораторская фраза), и въ этихъ случаяхъ религія чаще всего оказывалась только ширмою, за которою дѣйствуютъ органы аристократической партіи. Въ доказательство смѣшенія государственнаго и религіознаго начала можно сослаться, напр., на то, что тѣ же патріици, въ рукахъ которыхъ сосредоточены были и важнѣйшія государственныя должности, были и жрецами. Наконецъ, съ Августа римскіе императоры были верховными первосвященниками. Соединеніе въ одномъ лицѣ этихъ званій могло лишь усложнить задачу.

Христіанамъ приходилось вѣдаться съ силою привычки. Не въ томъ дѣло, чтобы христіанскіе императоры стали сознательно и намѣренно дѣйствовать какъ *pontifices maximi* христіанской церкви. Но то опасно, что римскій императоръ привыкъ все окружающее окидывать взоромъ неограниченнаго властелина; для него необычно было видѣть предѣлъ своей волѣ, прострпавшейся на все государство, слѣдовательно и на его религію. Прерогативы званія *pontifex maximus* входили какъ неотъемлемая часть въ его сознаніе о себѣ, какъ верховномъ, самодержавномъ государѣ. Сохраняя за собою полноту

самодержавныхъ правъ, христіанскій императоръ несознательно могъ заявлять такія притязанія, въ основѣ которыхъ лежитъ его званіе первосвященника языческаго культа. А при различіи въ основномъ тонѣ религіи христіанской и языческой (послѣдняя была по преимуществу внѣшній культъ, первая—внутреннее убѣжденіе въ догматической истинѣ) эта старая закваска могла перенести насиліе съ поверхности во внутрь, могла отзываться давленіемъ на самыя глубокіе тайники чело-вѣческаго духа. Оффиціальнѣй религіозный синкретизмъ не могъ не пригупить тонкой воспримчивости къ оттѣнкамъ религіозныхъ понятій; ихъ мало цѣнили. А въ христіанствѣ въ этихъ оттѣнкахъ иногда заключается вся сущность догмата. Слѣдовательно, синкретизмъ могъ отозваться и чело-вѣчною терпимостью къ различію догматическихъ мнѣній, и—безсмысленнымъ насиліемъ надъ этимъ разномысліемъ, какъ неважнымъ и несущественнымъ.

Совершенно противоположны были историческія традиціи христіанской церкви. Она несла съ собою духъ независимости и религіозной свободы. Въ продолженіе трехъ вѣковъ она существовала какъ государство въ государствѣ; гонимая имъ, она всетаки была независима отъ него въ своей внутренней жизни, въ своемъ устройствѣ. Въ то время, когда всѣ государственныйя права сосредоточивались въ рукахъ императора, каждый членъ церкви располагалъ правомъ голоса при выборѣ членовъ своей іерархіи. И христіане умѣли пользоваться этимъ правомъ такъ дѣльно, что римскіе государственные люди съ прискорбіемъ ставили ихъ въ примѣръ квиритамъ.—Благодаря этому, христіанская церковь обладала организациею уже окрѣпшею, нравственная зависимость мірянъ отъ клира, клира отъ епископовъ, священная власть послѣднихъ,—все это установилось настолько прочно, что съ успѣхомъ могло выдержать внѣшнія давленія.

Сознаніе разности между тѣмъ, что принадлежитъ Богу и что кесарю, — въ древній періодъ церковной жизни выяснилось на самомъ существенномъ пунктѣ. въ вопросѣ о свободѣ религіознаго убѣжденія. Классическое государство допускало поклоненіе только божествамъ, имъ признаннымъ, оффиціально дозволеннымъ. Принципъ законодательства, по воззрѣнію Цяперона, тотъ, что никто не долженъ почитать никакихъ боговъ, nisi publice adscitos, кромѣ признанныхъ государственною властію. Съ этою отрицательною стороною тѣсно связана была положительная: дозволеніе переходило въ принудительное

обязательство. Меценатъ совѣтовалъ Августу: «ненавидь и наказывай тѣхъ, которые вводятъ чужихъ боговъ. Почитай боговъ по обычаю предковъ и принуждай—ἀνάγκασε—другихъ почитать ихъ». Напротивъ, христіанинъ не признавалъ въ области религіи никакого другого законодательства, кромѣ своего собственного религіознаго чувства. Оффиціальной религіи классическаго государства, единственно дозволенной, исповѣданіе которой было обязательно для всѣхъ и гарантировалось принудительными мѣрами, — христіане противопоставили свободу вѣроисповѣданія. Въ дѣлахъ вѣры христіанинъ не признавалъ другого законодательства, кромѣ своего собственного религіознаго чувства и совѣсти, выразившихся въ опредѣленномъ религіозномъ убѣжденіи. Христіанскіе писатели не только высказали этотъ принципъ, но и обставили его весьма сильными психологическими мотивами.

«Каждый человѣкъ, писалъ Тертуліанъ, имѣетъ естественное право и власть почитать то, что онъ признаетъ достойнымъ поклоненія. Религія извѣстнаго человѣка никому другому не приноситъ ни вреда, ни пользы. Но нерелигіозно принуждать кого бы то ни было къ религіозному почтенію. Его должно воздавать добровольно, не вслѣдствіе насилія; потому что и жертвъ требуютъ отъ свободнаго расположенія духа. Слѣдовательно, если вы и принудите насъ принести жертву, вы не сдѣлаете этимъ ничего угоднаго богамъ вашимъ. Они не могутъ желать жертвъ подневольныхъ, если только они не притязательны, а Богъ не можетъ быть такимъ» (Ad Scapul. 2). «Смотрите, не послужить ли доказательствомъ вашей нерелигіозности и то, что вы отнимаете у насъ религіозную свободу и налагаете запретъ на наше стремленіе къ Божеству, такъ что мнѣ не позволяютъ почитать, кого я хочу, и принуждаютъ меня почитать, кого не хочу. Вѣдь никто, ни даже человѣкъ, не пожелаетъ, чтобы его чтили поневолѣ» (Apologet. 24).

«Нѣтъ нужды прибѣгать къ насилію, писалъ Лактанцій, потому что нельзя вынудить религіи; чтобы возбудить ее добровольно, нужно дѣйствовать словами, а не ударами (verbis potius, quam verberibus). Нужно защищать религію не убивая, но умирая; не жестокостію, а терпѣніемъ; не злодѣяніемъ, а честностію. А если ты вздумаешь защищать религію кровопролитіемъ, истязаніями, злодѣйствами,—ты не защитишь, а опозоришь и оскорбишь ее. Ибо нѣтъ ничего въ такой мѣрѣ свободнаго (добровольнаго), какъ религія, и если въ приносящемъ жертву нѣтъ

сердечнаго расположенія, то религія уже подорвана, уже ея вовсе нѣтъ (*jam sublata, jam nulla est*)» (*Instit. divin. V, 19*).

Какъ видно отсюда, христіане вступаютъ въ новый періодъ съ ясно сознанными и прекрасно поставленными началами религіозной свободы. Вопросъ сведенъ съ почвы, такъ сказать, догматической на чисто нравственную: языческому правительству дѣлаютъ упрекъ не въ томъ (только), что оно привлекаетъ людей къ поклоненію ложнымъ богамъ, но въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ насилію, дѣйствуетъ не убѣжденіемъ, а принужденіемъ, и чрезъ то вступаетъ въ противорѣчіе съ самымъ существомъ религіозныхъ отношеній. Равнымъ образомъ, и организація церковнаго общества приняла такія устойчивыя формы, что оно съ успѣхомъ могло выдерживать внѣшнія давленія: нравственная зависимость мірянъ отъ клира, низшаго клира отъ епископа, основанная на вѣрѣ въ божественный, сакраментальный характеръ священства, съ успѣхомъ могла противостоятъ внѣшнимъ давленіямъ.

Таковы теоретическія возможности для развитія правильныхъ или неправильныхъ отношеній между церковію и государствомъ. Представителями этого новаго союза являются съ одной стороны — государь, понимающій христіанство неглубоко, расположенный разсматривать его какъ политическую силу, которая можетъ стать прочною основою государственной системы, — но способный и цѣнить его за то, — вѣрующій безъ сильнаго энтузіазма, но искренно. Его душа не закрыта для благотворныхъ вліяній представителей христіанства; онъ видимо расположенъ вполне отказаться отъ языческихъ вѣрованій, но можетъ безсознательно стать въ то положеніе въ отношеніи къ христіанству, какое занималъ въ языческомъ культѣ какъ его верховный представитель. Съ другой стороны — вѣрующіе, съ явнымъ, исторически сложившимся сознаниемъ своей независимости отъ государства, по различію національныхъ характеровъ — одни, способные отстаивать эту свободу отъ внѣшней силы [лишь] нерѣшительно, неумѣло, другіе — [готовые] превратить борьбу за свободу въ борьбу за преобладаніе.

III. Исторія отношеній между церковію и государствомъ со времени Константина В. ¹⁾.

1. Религіозная политика Константина В. и его сыновей.

Въ чемъ же выразились фактически эти отношенія между церковію и государствомъ въ первое царствованіе христіанскаго императора?

Признавало ли государство за церковію право на существованіе ея, какъ самостоятельнаго общества, имѣющаго свою опредѣленную задачу, которую оно можетъ и должно разрѣшить своими средствами? Теоретически, въ ясныхъ формулахъ на эти вопросы не дано еще точнаго и опредѣленнаго отвѣта, но насколько можно судить о немъ, онъ былъ бы положительнымъ. Однако, практически важный въ этихъ отношеніяхъ вопросъ лежитъ дальше этихъ общихъ формулъ. Его можно опредѣлять такъ: если христіанская церковь есть такой институтъ, въ благосостояніи и всестороннемъ развитіи котораго государство не можетъ не быть заинтересовано, то какъ со своей стороны оно можетъ содѣйствовать его процвѣтанію? Вопросъ, словомъ, шель о способѣ покровительства церкви со стороны государства. Что оно можетъ покровительствовать ей, въ этомъ не сомнѣвались; что оно—съ своей стороны, какъ институтъ самостоятельный, можетъ покровительствовать ей, не уклоняясь отъ спеціальной цѣли, объ этомъ не было и рѣчи. Но какія средства для этого воздѣйствія? Должно ли государство ограничиться только отрицательными мѣрами, устраняя чисто внѣшнія препятствія, которыя оно само положило на пути церковной жизни? Или оно можетъ воздѣйствовать на нее и положительно, создавая благоприятную для нея внѣшнюю обстановку,—или проникая непосредственно въ область внутреннихъ церковныхъ отношеній? Наконецъ, въ этой послѣдней роли не можетъ ли оно признать за собою извѣстнаго права надъ церковію?

Первые шаги Константина В., какъ покровителя церкви,

¹⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Отзывъ объ удостоенномъ Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ преміи преосв. митрополита Макарія въ 1886 г. сочиненія В. Кирикова: „О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства съ I по IX в. Вып. I. М. 1883“. Христ. Чтеніе, 1886, II, 265—301. А. Б.

таковы, что ихъ трудно осудить даже стоя на точкѣ зрѣнія самаго строгаго невмѣшательства государства въ дѣла церкви. Доселѣ государство не признавало христіанства, запрещало присоединяться къ этому обществу; во время гоненія были конфискованы или распроданы въ частную собственность церкви и церковная недвижимая собственность. Миланскимъ эдиктомъ 313 г. Константинъ дозволилъ принимать христіанство всѣмъ, кому угодно, приказалъ возратить христіанамъ отнятыя у нихъ имущества и запретилъ привлекать христіанъ къ участию въ общественныхъ языческихъ жертвоприношеніяхъ. Какъ общество признанное закономъ, христіанская церковь утверждаетъ въ своемъ правѣ принимать дары по духовнымъ завѣщаніямъ. Клирики освобождаются отъ обременительныхъ общественныхъ должностей и повинностей, и въ этомъ случаѣ на нихъ распространяется привилегія, которою давно пользовались не только языческіе жрецы, но и медики, реторы, предстатели іудейскихъ синагогъ. Прекращается судпроизводство и другія работы въ «достопочтенный день солнца, *venerabili die solis*» (321 г.). Словомъ, въ покровительствѣ Константинъ до сихъ поръ не выходитъ изъ роли обыкновеннаго законодателя, а въ послѣднемъ законѣ—онъ выглядитъ даже какъ *pontifex maximus*. Никакого вторженія въ предѣлы церкви не видно; устраняются лишь внѣшнія искусственныя преграды, и открывается большій просторъ для дѣятельности ея членовъ.

Своеобразное отношеніе Константина къ христіанству, руководящій имъ политическій расчетъ, просвѣчиваетъ лишь въ одной чертѣ закона, правда одного изъ самыхъ первоначальныхъ, изданнаго въ 313 г. Въ этомъ эдиктѣ, данномъ на имя Анулина, проконсула Африки, сказано, что свобода отъ всѣхъ повинностей предоставляется «клирикамъ каѳолической церкви, въ которой предстаетъ Цециліанъ». Въ этихъ незначительныхъ, повидимому, словахъ, скрывается тотъ смыслъ, что на клиръ еретиковъ и раскольниковъ эти права не распространяются. Очевидно, Константинъ, при его возрѣніи на христіанство какъ на силу, которая должна упрочить связи государства, дѣйствовалъ бы противъ своей цѣли, если бы сталъ на счетъ государства поддерживать аномальныя явленія въ христіанствѣ, ослабляющія его единство.

Этотъ эдиктъ послужилъ поводомъ къ цѣлому ряду сношеній Константина съ церковію по вопросу о донагистахъ. Въ томъ же 313 г. тотъ же самый проконсулъ Анулицъ переслалъ

Константину *libellum* донатистовъ, въ которомъ они обращаются къ нему, какъ справедливому государю, сыну того Константія Хлора, который одинъ не былъ гонителемъ христіанъ,—и просить дать имъ судей изъ Галліи, чтобы покончить ихъ споръ съ Цециліаномъ, еп. карагенскимъ. По назначенію Константина состоялся соборъ (въ окт. 313) въ Римѣ подъ предѣтельствомъ папы Мельхіада (15 итал. епископовъ и 3 галльскихихъ); онъ рѣшилъ дѣло противъ донатистовъ. Тѣ опротестовали этотъ приговоръ, на томъ основаніи, что отцы собора недостаточно обслѣдовали нѣкоторые важные пункты ихъ жалобы. Константинъ поручилъ разслѣдовать этотъ вопросъ на мѣстѣ въ Африкѣ проконсулу Эліану, и назначилъ новый соборъ въ Арлѣ 314 г. (въ августѣ). Соборное рѣшеніе было опять не въ пользу донатистовъ. Однако они не остановились и на этомъ и—апеллировали къ суду императора. Это возбудило сильное негодованіе въ Константиинѣ. «Какое безумное упрямство! просить отъ меня суда, тогда какъ я самъ ожидаю суда Христова! Приговоръ епископовъ должно принимать такъ же, какъ если бы самъ Господь предѣдательствовалъ на судѣ». Сначала Константинъ не призналъ себя компетентнымъ разслѣдовать дѣло, рѣшенное на соборѣ; потомъ уступилъ постояннымъ просьбамъ донатистовъ, которые нашли себѣ поддержку въ придворныхъ сферахъ, а можетъ быть думая предотвратить и безпокойства, которыя могли произвести недовольные судомъ донатисты. На этотъ разъ императоръ приговорилъ въ 316 (въ ноябрѣ) ихъ епископовъ къ изгнанію и приказалъ конфисковать ихъ церкви. Этотъ приговоръ въ 321 г. былъ отмѣненъ,—и отщепенцамъ предоставлена была полная религиозная свобода, которою они и пользовались до самой смерти Константина.

Таковъ былъ ходъ этого оригинальнаго дѣла. Это былъ первый урокъ практики невмѣшательства въ церковныя дѣла, данный императору, можетъ быть даже и оглашенному язычнику, христіанскими епископами. Нѣсколько аналогичный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ дѣло Павла Самосатскаго. Этотъ вельможный епископъ, низложенный соборомъ, не хотѣлъ оставить занимаемаго имъ епископскаго дома. Низложившіе его вынуждены были прибѣгнуть къ содѣйствию полицейской силы, и просили императора Авреліана объ изгнаніи непокорнаго епископа. Язычникъ императоръ рѣшилъ дѣло въ пользу тѣхъ, съ кѣмъ поддерживаютъ общеніе епископы Рима

и Италіи. Дѣло донатистовъ не имѣетъ за себя даже подобнаго оправданія. Эти люди настолько мало уважали внутреннюю свободу церковныхъ отношеній, что прямо начали съ свѣтской власти. Едва ли ихъ мотивы были совсѣмъ безкорыстны: если бы судъ призналъ ихъ епископами каѳолическими, это былъ бы для императора прекрасный поводъ распространить, а то можетъ быть и перенести на нихъ тѣ привилегіи, которыя онъ предоставилъ каѳолическому клиру; ознакомленіе императора съ ихъ дѣломъ для донатистовъ представлялось такимъ образомъ весьма и весьма неизлишнимъ. Ихъ жалобы ставятъ императора въ необходимость противъ своего желанія вмѣшаться въ дѣло чисто церковное. Ихъ протесты противъ приговора римскаго собора заставляютъ императора ввести въ этотъ судебный процессъ въ качествѣ слѣдователя гражданскаго чиновника; къ счастью, его роль ограничивается чисто архивной справкою. Новый приговоръ Арльскаго собора тоже не удовлетворяетъ ихъ, потому что онъ противъ нихъ, и они отъ церковнаго суда апеллируютъ къ суду императора... точно его приговора, хотя бы для нихъ и благопріятнаго, было достаточно для того, чтобы сообщить имъ характеръ каѳоличества. Императоръ показалъ первый примѣръ вмѣшательства въ дѣла церкви. Но въ поведеніи донатистовъ такъ сильно просвѣчиваетъ эгоистическая подкладка, а императоръ такъ долго—для самодержавнаго государя и для pontifex maximus, такъ добросовѣстно противится призыву вмѣшаться въ это церковное дѣло, что приходится признаться, что если въ этомъ процессѣ кто стоялъ ниже своего положенія, то это былъ не императоръ ¹⁾.

Изъ дѣла донатистовъ Константинъ V. могъ вывести два слѣдствія: а) есть представители христіанства, которые готовы признать за нимъ весьма широкое право на вмѣшательство въ церковныя дѣла, поставить его компетенцію въ нихъ даже выше соборовъ; б) репрессивныя мѣры, принятыя съ цѣлью установленія церковнаго единства, не всегда приводятъ къ цѣли.

Дальнѣйшій случай вмѣшательства Константина въ церковный вопросъ имѣлъ мѣсто на востокѣ. Это былъ аріан-

¹⁾ Не лишено интереса то обстоятельство, что въ 347 г. Донатъ отказался принять подарокъ отъ комиссаровъ императора, замѣтивъ: „какое дѣло императору до церкви?“ А въ V в. Петиліанъ, епископъ донатистовъ, весьма сильно защищалъ противъ Августина свободу совѣсти.

скій споръ. Какъ и въ первомъ случаѣ, Константинъ выступилъ защитникомъ интересовъ церковнаго мира. Различіе лишь въ томъ, что онъ здѣсь самъ вмѣшался въ это дѣло безъ аппелляціи. Это было дружелюбное увѣщаніе къ примиренію; но такъ какъ императоръ весьма слабо понималъ догматическое значеніе вопроса, то онъ и не могъ создать базиса для примиренія между спорившими. Вѣроятно, разъясненія окружавшихъ его епископовъ указали ему какъ на средство для возстановленія церковнаго мира на вселенскій соборъ. Роль, которую отцы собора предоставили Константину, была довольно значительна. Его вмѣшательство, вѣроятно, сильно расположило нѣкоторыхъ къ принятію выраженія «единосущный». «Выслушавъ это изложеніе нашей вѣры, пишетъ Евсевій кесарійскій, никто не нашелъ въ немъ повода къ противорѣчію; напротивъ, и самъ боголюбивѣйшій царь нашъ—первый засвидѣтельствовалъ, что оно совершенно православно; „такъ сказалъ онъ, и самъ я мыслю“, и повелѣлъ принять его всѣмъ, подписать эти догматы и соглашаться съ ними, прибавивъ только одно слово: „единосущный“». Императоръ держитъ здѣсь рѣчь; тонъ ея слишкомъ высокій для человѣка, который былъ, съ христіанской точки зрѣнія, не болѣе какъ оглашенный. Онъ располагалъ, повидимому, правомъ голоса, хотя и совѣщательнаго. Догматическая проницательность императора въ это время была такъ еще ограничена, что онъ очень смутно представлялъ себѣ значеніе словъ: «рожденнаго прежде всѣхъ зѣкъ». Соборъ окончился осужденіемъ аріанства и низложеніемъ главныхъ его приверженцевъ. Императоръ, съ своей стороны, сдѣлалъ распоряженіе о ссылкѣ упорныхъ приверженцевъ аріанства, приказалъ называть аріанъ позорнымъ именемъ порфиріанъ и сжигать сочиненія аріанъ подъ угрозою смертной казни тому, кто попытается скрыть ихъ.

Такимъ образомъ, съ перваго вселенскаго собора начинается преслѣдованіе еретиковъ за вѣру мѣрами уголовного правосудія. Энергичное сознаніе безцѣльности религіознаго преслѣдованія, несоотвѣтствія его съ самымъ существомъ религіознаго чувства,—видимо затемняется. По крайней мѣрѣ эти дѣйствія Константина не были опротестованы отцами собора. Этотъ моментъ имѣетъ глубокую важность въ исторіи отношеній между церковью и государствомъ.—Нѣтъ надобности считать подлинною рѣчь отъ имени собора императору. «Причиною же настоящаго собранія и разсужденій нашихъ—не-

истовый Арій... Ибо едиnorodнаго Сына и Слово Отчее онъ не признаетъ единосуцнымъ и равнымъ Отцу... Повели, государь, чтобы онъ, оставилъ свое заблужденіе, не возставалъ противъ ученія апостольскаго, или, если остается упорнымъ въ своемъ нечестивомъ мнѣніи, изгони его изъ общества православной церкви, да не колеблетъ онъ болѣе нечестивыми мнѣніями вѣры душъ слабыхъ» (Apud Gregorium presbyterum Caesariens.). Но во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что соборному опредѣленію придается значеніе государственнаго закона; церковное осужденіе еретиковъ сопровождается и карательными мѣрами противъ нихъ со стороны государства, и отцы собора, насколько извѣстно, ни единымъ словомъ не протестуютъ противъ такого усердія императора. Вопросъ здѣсь даже не о томъ, что этимъ фактомъ нарушались краснорѣчиво защищаемыя христіанскими апологетами права совѣсти, свободаго религіознаго убѣжденія (насиліе надъ душою человѣческою. превосходящее даже практику языческихъ государей; тамъ: принесъ этой статуѣ жертву и думай о ней про себя, какъ знаешь; здѣсь: перестань о Сынѣ Божіемъ думать, какъ ты думаешь).

Обобщите только этотъ единичный фактъ, примите за общее правило, что опредѣленіе соборовъ сопровождается извѣстными гражданскими слѣдствіями. Тогда государство должно будетъ предупредительно предоставлять свои уголовныя кары въ распоряженіе или всякаго собранія епископовъ, которое усвоитъ себѣ названіе святаго собора, или не всякаго, а только нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Опасныя послѣдствія перваго отвѣта слишкомъ очевидны. Но не менѣе опасно допустить, что такое значеніе должны получить лишь нѣкоторые соборы. Тогда возникаетъ вопросъ о критеріи, и государство, и конечно уже только оно одно, призывается различать истинные соборы отъ ложныхъ, законныя соборы отъ противозаконныхъ сборищъ. Открывается широкій путь для вмѣшательства государства въ дѣла церкви. Должно же оно знать, чему оно оказываетъ содѣйствіе своею сильною рукою, а слѣдовательно оно должно и сознавать себя компетентнымъ въ церковныхъ вопросахъ, административныхъ и догматическихъ, которые могутъ быть обсуждаемы на соборахъ. И противъ такого контроля надъ соборами, противъ этихъ притязаній государства не могутъ возражать по существу представители церкви, не отрицая вмѣстѣ съ тѣмъ и его

права оказывать покровительство церкви мѣрами давленія. Между правомъ государства оказывать содѣйствіе тѣмъ религіознымъ обществамъ, которыя оно признаетъ благотворными, и правомъ карать тѣхъ, которые отъ этихъ обществъ отступаютъ, лишь за самый фактъ отступленія, проходить та, какъ кажется, непреложная граница нормальной церковной политики, которая въ 325 г. была нарушена.

Видимо, Константинъ ко времени никейскаго собора значительно отдалился отъ той точки зрѣнія, на которой онъ стоялъ въ 313 г. Однако и въ 325 г. онъ былъ не ниже своего положенія,—имѣлъ достаточно самообладанія, чтобы отклонить отъ себя судъ надъ епископами, которые обратились къ нему съ массой прошеній другъ на друга; свое уваженіе предъ священнымъ характеромъ этихъ представителей церкви императоръ высказалъ въ такихъ словахъ: если бы я увидѣлъ епископа на мѣстѣ прелюбодѣянія, я прикрылъ бы его своею порфиною, чтобы только это зрѣлище не соблазнило зрителей.

За обѣдомъ, который императоръ далъ отцамъ собора, онъ сказалъ имъ: «вы—епископы внутреннихъ дѣлъ церкви, я—поставленный отъ Бога епископъ вѣдшихъ дѣлъ» (τῶν εἰσω τῆς ἐκκλησίας καὶ τῶν ἑκτός). Этимъ словамъ, придають весьма важное значеніе, — что не совсѣмъ [точно]. Это была скорѣе шутка, любезность, чѣмъ серьезная программа церковной политики. Однако, по сознанію историка-панегириста [Евсевія], это выраженіе вѣрно характеризуетъ положеніе занятое Константиномъ. Смыслъ этихъ словъ находятъ темнымъ. Лучшій комментаторъ ихъ конечно самъ Евсевій; а по его мнѣнію, изъ этого принципа вытекали попеченія Константина о томъ, чтобы руководить, насколько отъ него зависѣло, всѣхъ подданныхъ по пути спасенія, — его законодательство, направленное къ ограниченію языческаго богослуженія, то живое участіе, какое онъ принималъ въ церковныхъ соборахъ, увѣщая всѣхъ къ единомыслію, убѣждая упорствующихъ, поощряя знаками своего благоволенія тѣхъ, которые выражали примирительное настроеніе. Въ этихъ же видахъ Константинъ позволялъ себѣ дѣйствія церковнаго характера: онъ читалъ въ своей консисторіи Священное Писаніе, говорилъ своего рода проповѣди придворнымъ, заботился—по своему—о распространеніи христіанства, составлялъ молитвы для своего войска и т. п. Такимъ образомъ, епископатъ Константина про-

старался на всѣхъ его подданныхъ, какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, и ограничивался не одною только политическою стороною, гражданскими ихъ правами, но прежде всего и болѣе всего направлялся на религіозныя отношенія: епископъ вѣдшихъ дѣлъ ограничиваетъ свободу языческаго культа—и созываетъ соборы и принимаетъ живое участіе въ нихъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ христіанской церкви Константинъ идетъ въ томъ же направленіи: онъ низлагаетъ аріанъ, посылаетъ ихъ въ ссылку, возвращаетъ ихъ оттуда, когда они изъявляютъ желаніе раскаяться, самъ принимаетъ исповѣданіе вѣры отъ Арія, отдаетъ распоряженія о присоединеніи его къ церкви александрійской и константинопольской. Впрочемъ, нельзя ставить строго ему въ вину ссылки св. Аѳанасія александрійскаго. Исторія этого дѣла служитъ новымъ свидѣтельствомъ, что императоръ стоялъ нравственно выше окружавшаго его епископата: онъ предоставилъ епископамъ церковнымъ порядкомъ разслѣдовать взводимыя на Аѳанасія обвиненія, и александрійскій епископъ вынужденъ былъ у императора искать той справедливости, которой онъ не нашелъ предъ трибуналомъ своихъ собратьевъ. Последнія распоряженія императора въ этомъ дѣлѣ весьма характерны: если бы онъ не сослалъ Аѳанасія въ Галлію по обвиненію его въ политическомъ преступленіи, а предоставилъ бы этотъ процессъ его естественному ходу, то міръ увидѣлъ бы цѣлый соборъ епископовъ на судѣ у императора мірянина.

Отношенія церкви къ государству, какъ они сложились въ царствованіе Константина, конечно не идеальны. Императоръ отказывается отъ занятаго имъ первоначально положенія, отъ своего благодѣтельнаго для церковной жизни нейтралитета, и позволяетъ себѣ довольно часто вмѣшиваться въ дѣла церкви. Не ставъ еще ея сыномъ, онъ дѣйствуетъ какъ ея покровитель, даже какъ руководитель. Его отношенія къ ней не ограничиваются созданіемъ благопріятныхъ для ея существованія условій. Но трудно сказать и то, приобрѣло ли въ его сознаніи это вмѣшательство характеръ правовой. Сфера, въ которой живетъ и дѣйствуетъ Константинъ В., весьма благопріятна для развитія власти на счетъ церкви. Кажется, скорѣе слабость, чѣмъ тонкое пониманіе положенія вещей руководили поведеніемъ большинства приближенныхъ Константина: его окружаетъ душная атмосфера придворной лести; его дѣйствія, въ которыхъ замѣтно стремленіе къ бюстительству

церкви, не опротестованы; всякій шагъ его въ этомъ направленіи отмѣченъ сочувствіемъ его панегириста-историка. Императоръ встрѣчалъ мало преградъ, и можно дивиться не тому, что онъ переходилъ ту границу, которая отдѣляетъ Божіе отъ кесарева,—а тому, почему онъ не нарушалъ ее чаще. Замѣчательно, напр., уже то, что онъ ссылалъ епископовъ несогласныхъ съ соборомъ, но не замѣщалъ ихъ мѣста своею властью. Онъ всегда дѣйствовалъ по лучшему своему разумѣнію церковныхъ интересовъ, но далеко не всегда имѣлъ подлѣ себя хорошихъ совѣтниковъ, которые раскрывали бы ему истинныя потребности церкви. Не онъ создалъ своимъ вліяніемъ тѣхъ, которые его окружали: они выбраны были свободнымъ голосомъ независимой церкви, и то, что было въ устанавливающихся отношеніяхъ неправильнаго, зависитъ не исключительно отъ личныхъ несовершенствъ Константина, но и отъ недостатковъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ самихъ членовъ церкви.

При ближайшихъ преемникахъ Константина эти отношенія не измѣняются къ лучшему. Напротивъ, дѣти Константина, въ особенности Константій, идутъ еще далѣе по тому направленію, которому слѣдовалъ отецъ ихъ въ послѣдніе годы.

Константій (337—361), не наслѣдовавъ лучшихъ сторонъ характера своего отца, его умѣренности, политическаго смысла, осторожности,—въ увеличенномъ объемѣ совмѣстилъ въ себѣ его недостатки, склонность къ деспотизму, къ жестокости, при слабости характера, открывавшей сильный просторъ всякимъ придворнымъ вліяніямъ; его лукавство, мстительность, даже вѣроломство, показываютъ, какъ мало въ немъ было личнаго величія. Въ лицѣ Константія мы въ первый разъ въ исторіи встрѣчаемъ типъ богослова на престолѣ. Преобладаніе интересовъ церковныхъ надъ государственными лучше всего видно изъ словъ самого Константія. Устраненіе отъ управленія церковными дѣлами такого преступнаго человѣка, какъ Аванасій В., доставило бы императору больше отрады, чѣмъ его счастливыя побѣды надъ Магнетіемъ и Сильваномъ.

Дѣйствія Константія противъ язычества принимаютъ агрессивный характеръ. Онъ открыто вступилъ въ борьбу съ язычествомъ, издавая противъ него законы. Законъ 341 г. требовалъ прекращенія суевѣрныхъ языческихъ культовъ (*superstitio*) и уничтоженія кровавыхъ жертвъ (*sacrificatio*). Въ 353 г. послѣдовало запрещеніе ночныхъ жертвоприношеній, а въ 356 г.

назначены были страшныя наказанія за жертвы. Но эти законы исполнялись тамъ, гдѣ удобно было исполнять ихъ. Въ Римѣ же, переполненномъ язычниками, ихъ нельзя было исполнять. Симмахъ говоритъ, что когда Константій былъ въ Римѣ, то, проходя по городу, онъ восхищался архитектурою, разспрашивалъ о надписяхъ статуй. Чествованіе идоловъ въ храмахъ продолжалось. Только не приносились кровавыя жертвы. Внѣшнюю силою пытался онъ дѣйствовать и противъ тѣхъ, кого считалъ еретиками. Исторія преслѣдованій Аѳанасія В. представляетъ не одинъ примѣръ—можно сказать—войны государя противъ своего подданнаго. Когда хотѣли арестовать его, къ Александріи двинуты были форсированнымъ маршемъ войска изъ Ливіи и верхняго Египта. Пять тысячъ солдатъ, готовыхъ къ бою, потребовалось для того, чтобы произвести обыскъ въ церкви св. Феоны (356 февр. 9). Когда же, не смотря на эти энергичныя мѣропріятія Аѳанасій В. успѣлъ скрыться, то для поимки его по эдиктамъ императора двигались трибуны, префекты, комиты, даже арміи; назначены были награды тому, кто выдастъ Аѳанасія, живаго или ужъ хоть мертваго; отправлено было посланіе къ князьямъ абиссинскимъ съ просьбою не принимать Аѳанасія; чиновники императора обыскали многочисленные монастыри Египта, и все было бесполезно.

Несмотря на эти грубыя, внѣшнія мѣры, признаніе—въ теоріи—церкви особымъ отъ государства обществомъ остается во всей силѣ. Исчезаетъ духъ правильныхъ отношеній, но—спасается форма. Единодержавный императоръ римскій чувствуетъ слабость своей власти въ дѣлахъ церковныхъ, сознаетъ, что его декретовъ не достаточно для низложенія одного даже епископа александрійскаго, и не щадитъ никакихъ усилій для того, чтобы санкціонировать свои дѣйствія авторитетомъ собора. Императоръ вмѣшивается въ выборъ епископовъ константинопольскихъ, приходитъ въ ярость, когда узнаетъ, что эта кафедра замѣщена безъ его соизволенія, незаконно переводитъ Евсевія никомидійскаго въ Константинополь. Но чаще всего прикрываетъ себя авторитетомъ какого нибудь собора. Едва ли когда собиралось такъ много соборовъ, какъ при Константіи, и не безъ основанія жаловались, что разъѣзды епископовъ на соборы по повелѣнію Константія истощили всѣ средства вѣдомства почтъ имперіи.

Что свободы на этихъ соборахъ было немного, это можно

предположить съ перваго раза. Хитрѣя махинаціи придворныхъ епископовъ, тонкій по формѣ, но сильный нравственный гнетъ, были еще не послѣдними средствами къ тому, чтобы превратить эти церковныя учрежденія въ слѣпое орудіе аріанской партіи. На миланскомъ соборѣ 355 г. императоръ потребовалъ отъ епископовъ прямо и рѣшительно, чтобы они подписали осужденіе Аѳанасія. Тѣ заявили, что это будетъ противъ каноновъ. «Чего я хочу, то вамъ и канопъ, загремѣль на нихъ императоръ:—епископы сирійскіе позволяютъ мнѣ говорить такимъ образомъ. Или повинуйтесь, или я вамъ быть въ ссылкѣ». Западныя епископы имѣли настолько присутствія духа, что поднявъ руки къ небу, смѣло опротестовали эту новую формулу отношеній между церковію и государствомъ, которую терпѣливо выслушали ихъ сирійскіе собратья, напомнили императору, что его царство принадлежитъ не ему, а Богу, который далъ его, — «бойся, чтобы онъ не лишилъ тебя его», — напомнили ему о будущемъ судѣ, и совѣтовали не производить безпорядка въ дѣлахъ церковныхъ и не смѣшивать власть надъ римскою имперіею съ церковнымъ управленіемъ. Эти отцы миланскаго собора не утрапились даже и тогда, когда императоръ вздумалъ угрожать имъ обнаженнымъ мечомъ, и мужественно отправились въ далекое изгнаніе. Папа Либерій столь же твердо выдержалъ допросъ императора и — отправился въ ссылку, отвергнувъ предложенную ему императоромъ и императрицею сумму въ 500 золотыхъ, сказавъ, что она нужнѣе самому императору — на наемъ солдатъ, а то, можетъ быть, и придворныхъ епископовъ.

Событія миланскаго собора, ссылка такихъ лицъ, какъ Люциферъ каларисскій, Иларій пиктавійскій, — послужили поводомъ къ тому, что православные епископы сильнѣе и полнѣе, чѣмъ когда либо, высказались о свободѣ церкви отъ вмѣшательства государства. Аѳанасій В. и Иларій пиктавійскій протестовали противъ дѣйствій Константія на томъ основаніи, что насильственныя мѣры противны самому существу религіознаго убѣжденія. Осій кордубскій возражалъ противъ Константія съ другой, болѣе практической (юридической) точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія раздѣльности церкви и государства.

«Новая и гнусная аріанская ересь, писалъ Аѳанасій, пытается насиліемъ, побоями и заключеніемъ въ темницы привлечь къ себѣ тѣхъ, кого не въ состояніи убѣдить разумными доводами (λόγοις), — показывая и этимъ, что она — все чтд угодно,

только не богочестіе (γνωρίζουσα ἑαυτὴν καὶ οὕτως, ὡς γὰρ τα μᾶλλον ἔστιν ἢ θεοσεβείας). Ибо богочестію (=религiи) свойственно, какъ мы сказали, не принуждать, но убѣждать (θεοσεβείας μὲν γὰρ ἴδιον, μὴ ἀναγκάζειν, ἀλλὰ πείθειν). Ибо и самъ Господь не принуждаетъ, а отдаеть на свободное произволеніе (τῇ προαφῆσει διδούς), когда говорить всѣмъ: «если кто хочетъ итти за Мною» (Мѳ. XVI, 24), и ученикамъ: «не хотите ли и вы отойти?» (Іоанн. VI, 67). Эта ересь совершенно чужда богочестія» (Hist. arian. ad monachos 67). «Если позорно во всѣхъ отношеніяхъ, что нѣкоторые епископы по страху перемѣнили свою вѣру, то еще позорнѣе и свойственно только людямъ, которые сами не вѣрятъ въ состоятельность своего исповѣданія (ὁ θαρρόντων οἷς πεπιστεύασα),—употреблять насиліе и принуждать тѣхъ, кто не желаетъ. Такъ и діаволь, поелику въ немъ нѣтъ ничего истиннаго, приходитъ *съ стькирами и бердышами*» (Іс. 73, 6) и разламываетъ двери принимающихъ его. А Спаситель такъ кротокъ, что учить: «если кто хочетъ итти за Мною» (Мѳ. XVI, 24) и «кто хочетъ быть Моимъ ученикомъ»; (Лк. VIII, 20) и, приходя ко всякому, не вторгается съ насиліемъ, а только (μᾶλλον) стучитъ» (Апок. III, 20) и говорить: «отвори Мнѣ, сестра Моя, дверь» (Пѣсн. V, 2); и когда отворяють, входятъ, а когда медлятъ и не желаютъ принять, уходятъ. Нѣтъ, не мечами и стрѣлами, не посредствомъ военныхъ отрядовъ, а убѣжденіемъ и совѣтомъ возвѣщается истина. А какое убѣжденіе тамъ, гдѣ страхъ отъ царя? Какой совѣтъ тамъ, гдѣ возражающаго наказываютъ изгнаніемъ или смертію? И Давидъ былъ царь; но когда врагъ попался въ руки его и воины хотѣли убить врага, онъ не запретилъ имъ властно, а—какъ говорить Писаніе (1 Царств. XXVI, 9), убѣдилъ Давидъ мужей своихъ словами и не далъ имъ убить Саула. А этотъ (Константiй), не имѣя доводовъ (λόγον), всѣхъ принуждаетъ со властію, чтобы показать всѣмъ, что ихъ мудрованіе—человѣческое, а не по Богу, и что арианомудрствующіе по истинѣ не имѣють царя, кромѣ кесаря; такъ какъ чрезъ него эти христорбцы и дѣлають все, что имъ вздумается» (ibid. 33).

«Для того вы и поставлены, обращается къ Константію Иларiй, за тѣмъ вы и смотрите, чтобы всѣ ваши подданные пользовались дорогою для нихъ свободою (dulcissima libertate). Возмущенный миръ церкви нельзя возстановить, разрозненныхъ нельзя собрать иначе (alia ratione), какъ предоставивъ имъ полную свободу жить (integrum vivendi arbitrium)

по своимъ убѣжденіямъ, безъ всякаго рабскаго принужденія» (Ad Const. 1, 2). «И если даже вы употребили бы подобное насиліе въ интересахъ истинной вѣры, и тогда епископы, съ ихъ учительскимъ авторитетомъ, пошли бы противъ васъ и сказали: Богъ—Господь всей вселенной, не нуждается Онъ въ подневольномъ послушаніи, не требуетъ вынужденнаго исповѣданія. Его нельзя обмануть, а Его благоволеніе можно заслужить искреннимъ исповѣданіемъ Его. Не для Него, а ради насъ самихъ должны мы чтить Его. Я и до крещенія могу допустить только желающаго, выслушать лишь того, кто проситъ, и запечатлѣть печатію дара Св. Духа того, кто исповѣдуетъ вѣру» (1, 7).

«Перестань принуждать (βιάζεσθαι), писалъ Константію Осій, не издавай эдиктовъ, не посылай комитовъ, возврати изгнанныхъ.—Перестань, прошу тебя, и помни, что ты смертный человѣкъ. Побойся дня суднаго, сохрани себя къ этому дню чистымъ. Не мѣшайся въ дѣла церковныя и не давай намъ приказовъ; не тебѣ насъ учить въ этой области, ты самъ долженъ слушаться насъ. Тебѣ Богъ вручилъ царство, намъ ввѣрилъ церковь. Кто подрываетъ твою власть, противится Богу, поставившему тебя; бойся же и ты, чтобы не впасть въ тяжкое преступленіе, привлекая въ свое завѣдываніе дѣла церкви. Написано: *«воздавайте кесарево кесарю и Божіе Богу»* (Мѡ. XXII, 21). Намъ не должно начальствовать на землѣ, ни тебѣ воскурять оуміамъ» (Ap. Athan. Hist. arian. ad monachos 44).

Принципъ свободы церкви, свободы религіознаго убѣжденія, независимости церкви отъ государства, выраженъ былъ весьма ясно и энергично. Однакоже эти протесты едва ли производили должное впечатлѣніе на императора и сторонниковъ его, и это не потому только, что голосъ разума вообще рѣдко выслушиваютъ во время страстнаго возбужденія, что Константій былъ деспотъ по природѣ. Нѣтъ, значеніе этихъ протестовъ ослаблялось уже тѣмъ, что они исходили отъ партіи гонимой. Будь эти слова сказаны тогда, когда громы императорской власти раздражались надъ аріанами,—ихъ дѣйствіе, можетъ быть, было бы болѣе сильное. А теперь противная, торжествующая партія естественно могла смотрѣть на эти слова своихъ соперниковъ, какъ на обычную аппелляцію къ праву со стороны тѣхъ, кто не можетъ дѣйствовать силою. Такъ свободу вѣроисповѣданія сильно отстаивали гонимые христіанскіе аполо-

геты; а съ измѣнившимися политическими обстоятельствами краснорѣчивые языческіе ораторы пополнили собою ряды ея энергичныхъ защитниковъ.—Къ тому же самаго важнаго практическаго вопроса: должна ли государственная власть оказывать хоть какое-нибудь вышнее содѣйствіе распоряженіямъ власти церковной, не рѣшали даже заявленія Осія. А возвышенное сознание необходимости полной свободы въ дѣлахъ религіознаго убѣжденія было достояніемъ далеко не всѣхъ христіанъ того времени. Тому же Константію, къ которому адресовалъ свое сочиненіе Иларій пиктавійскій, въ 348 г. посвятивъ свое сочиненіе «De errore profanarum religionum» и Юлій Фирмикъ Матернъ, гдѣ онъ рекомендовалъ императору—заботиться объ искорененіи язычества насильственными мѣрами, указывая на библейскій примѣръ истребленія хананеевъ. Слѣдствія подобной точки зрѣнія для церковной политики вообще ясны сами собою.

И во всякомъ случаѣ дѣйствіями Константія заправляли христіанскіе же епископы, хотя бы то и придворные. Впрочемъ, даже и тѣ, которые избраны были не только не по вліянію Константія, а даже вопреки его видамъ, не всѣ подавали примѣръ высокаго уваженія ко внутренней свободѣ церковныхъ отношеній. Сторонники Македонія хвалили его за святость жизни (Socr. IV, 6; Soz. III, 3). Между тѣмъ средства, которыя этотъ константинопольскій епископъ практиковалъ противъ тѣхъ, которые уклонялись отъ общенія съ нимъ (т. е. противъ православныхъ и новатіанъ), напоминали собою времена языческихъ гоненій. Такъ до 4000 солдатъ были отправлены имъ противъ одной новатіанской общины въ Пафлагонія для привлеченія ея къ союзу съ константинопольскою церковію. Произошло побоище столь сильное, что изъ посланнаго отряда возвратились весьма немногіе. Дѣтей вырывали изъ рукъ матерей и отдавали ихъ константинопольскому епископу для крещенія. Палкою разжимали зубы сектантовъ, сподобляли ихъ такимъ образомъ св. причащенія—и приводили въ общеніе съ епископомъ. Женщинъ подвергали такимъ утонченнымъ истязаніямъ, до которыхъ, кажется, не додумались и палачи времени Діоклетіана (Socr. II, 27, 38; Soz. IV, 20, 21). Въ виду такихъ дѣйствій христіанскаго епископа, насилія и жестокости Константія теряютъ свои грандіозные размѣры. Словомъ, общее настроеніе христіанъ того времени было еще таково, что если многіе сочувствовали протестамъ Аванасія В. или

Осія, то у большинства этому сочувствію не доставало принципальной почвы. Константія могли осуждать за его насилія, но больше потому, что его дѣйствія были направлены къ подавленію *истинной* вѣры, а не потому, что онъ вмѣшивался въ дѣла церкви; осуждали скорѣе направленіе, точку приложенія дѣйствій императора, а не самый ихъ характеръ.

2. Языческая реакція при Юліанѣ Отступникѣ.

Въ 361 г. Константій умеръ. Въ царствованіе его преемника Юліана произошла реакція. Эта реакція была связана съ натурою Юліана и обстоятельствами царствованія Константія. Константій былъ богословъ, принималъ участіе въ богословскихъ спорахъ, собиралъ соборы. Соборы вели къ большимъ государственнымъ расходамъ, и тѣмъ самымъ подготавлилась почва для негодованія противъ христіанъ. Побѣжденные язычники мечтали о возстановленіи язычества.

Флавій Клавдій Юліанъ (361—363) былъ двоюродный братъ Константія отъ одного изъ сыновей второй супруги Константія Хлора. По смерти Константина вся эта линия была убита. Были пощажены только два брата: Галлъ, потому что былъ боленъ, и Юліанъ, которому было 7—8 лѣтъ. [Галлъ былъ сосланъ въ Асію. Юліанъ] былъ отданъ на воспитаніе Евсевію никомидійскому. При немъ также находился въ качествѣ дядьки Мардоній, человѣкъ образованный, который ввелъ Юліана въ міръ классической поэзіи. Слѣдовательно, образованіе мальчика шло параллельно. съ одной стороны онъ получалъ образованіе классическое подъ влияніемъ Мардонія, съ другой—христіанское подъ влияніемъ Евсевія никомидійскаго.

По смерти послѣдняго Константій помѣстилъ братьевъ въ Макеллѣ въ Каппадокіи. Оба брата были крещены и были чтецами въ церкви. Юліанъ былъ человѣкъ даровитый, но отличался странностями, имѣлъ склонность къ теургіи, астрологіи (по цѣлымъ ночамъ наблюдалъ за теченіемъ звѣздъ), наблюдалъ отношенія къ себѣ другихъ и въ Константіи видѣлъ виновника всѣхъ своихъ бѣдъ. Очень рано развилась въ немъ подозрительность: всюду видѣлъ онъ интриги. Поэтому онъ рано привыкъ притворяться, воля его приняла странное направленіе, совѣты другихъ онъ встрѣчалъ съ подозрѣніемъ и видѣлъ благо въ томъ, что ему запрещали. Изъ Макеллы Константій вызвалъ братьевъ въ Константинополь. Здѣсь Юліанъ слушалъ

риторовъ. Но Константію показалось опаснымъ пребываніе его въ Константинополь и онъ отправилъ его въ Никомидію, при чемъ совѣтовалъ ему изучать Св. Писаніе и не слушать ритора Ливанія, потому что онъ язычникъ. Юліанъ не ходилъ къ Ливанію, но за то съ большимъ увлеченіемъ читалъ его произведенія. Въ высылкѣ Юліана въ Никомидію заключалась громадная ошибка Константія. Константинополь по самому своему основанію былъ городомъ христіанскимъ; языческій элементъ былъ въ немъ не очень силенъ. Между тѣмъ старая религія со всѣми ея характеристическими особенностями преобладала въ мѣстахъ отдаленныхъ. Юліанъ и попалъ въ эти мѣста, въ кругъ поклонниковъ старой вѣры, и занимался науками подъ руководствомъ языческихъ ученыхъ, которые выработали особыя планы возстановленія язычества. Изъ этихъ лицъ особенно замѣчательны Евсевій, Хрисаной и Максимъ. Евсевій былъ большой знатокъ классическаго міра. Свои рѣчи объ этомъ предметѣ онъ обыкновенно заканчивалъ увѣщаніемъ «опасаться обманщиковъ и беречься шарлатановъ». Хрисаной старался обратить особое вниманіе Юліана на эти послѣднія слова; но самъ объяснить ихъ отказывался, и совѣтовалъ обратиться за разъясненіемъ ихъ къ самому Евсевію. Евсевій такимъ образомъ пояснилъ свои слова: «необходимо беречься шарлатановъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Максимъ. Мы однажды, продолжалъ онъ, вошли вмѣстѣ съ Максимомъ въ храмъ. Здѣсь между прочимъ Максимъ сказалъ намъ, что статуя одной богини будетъ улыбаться и смотрѣть какъ живая. Мы, конечно, отнеслись къ его словамъ съ недовѣріемъ. Но статуя дѣйствительно улыбнулась и стала смотрѣть какъ живая. Максимъ замѣтилъ, что онъ можетъ сдѣлать еще большее, и въ ту же минуту факель, находившійся въ рукахъ богини, ярко запылалъ». Выслушавъ эти разъясненія, Юліанъ направился къ Максиму. Послѣдній своими таинственными дѣйствіями произвелъ неотразимое впечатлѣніе на Юліана.

Тогда-то собственно и совершилось дѣйствительное отпаденіе его отъ христіанства. Но только въ это время Юліанъ не могъ открыто заявить своихъ симпатій къ язычеству, тѣмъ болѣе, что въ это время его братъ Галлъ несчастно окончилъ свою жизнь. Какъ извѣстно, Галлъ былъ назначенъ правителемъ Антіохіи, по своєю жестокости онъ возбудилъ недовольствіе ея жителей и имѣлъ несчастіе навлечь на себя позорныя Константія. Константіій вызвалъ Галла въ [Миланъ]

и казнилъ его. Послѣ этого подозрительные взоры императора обратились на Юліана. Онъ также былъ вызванъ въ [Италію] и тамъ провелъ [7 мѣсяцевъ] какъ арестантъ. Только по просьбѣ императрицы Евсеіи ему было позволено отправиться въ Аѳины для окончанія образованія.

Пребываніе Юліана въ Аѳинахъ продолжалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Оно замѣчательно тѣмъ, что товарищами Юліана по образованію оказались Василій Великій и Григорій Богословъ. Послѣдній говоритъ о Юліанѣ, какъ о натурѣ весьма непостоянной: взглядъ его, по словамъ св. отца, не имѣлъ прямоты; рѣчь его была уклончива, отрывочна и проницна; всегда можно было замѣтить, что онъ что-то скрываетъ; во всемъ характерѣ его замѣчалась какая-то таинственность. На основаніи этого Григорій Богословъ предвидѣлъ, что Юліанъ не общается быть хорошимъ правителемъ, хотя, какъ выражается св. отецъ, «я и не желалъ бы оказаться пророкомъ». Всѣ въ это время обращали вниманіе на Юліана и видѣли въ немъ преемника бездѣтнаго Константія. Занятія Юліана въ Аѳинахъ были непродолжительны. Въ 355 г. Юліанъ былъ назначенъ кесаремъ въ Галлію.

Во время путешествія изъ Аѳинъ Юліанъ рѣшилъ завернуть въ Малую Азію и побѣдить тѣ мѣста, гдѣ велись войны ахейцевъ съ троянцами. Когда онъ прибылъ туда, мѣстный епископъ Пигасій вызвался быть его проводникомъ. Они между прочимъ осматривали статуи троянскихъ героевъ. Юліану бросилось въ глаза, что алтарь, находившійся предъ этими статуями, горячъ, что свидѣтельствовало о недавно еще принесенной жертвѣ. Юліанъ высказалъ предъ епископомъ недоумѣніе, неужели на алтарѣ совершаются жертвоприношенія вопреки императорскимъ законамъ. Пигасій отвѣтилъ: «почему же язычникамъ не приносить жертвъ; вѣдь и мы чтимъ мучениковъ, какъ они—героевъ». Юліанъ обратилъ вниманіе на эти слова епископа и сдѣлалъ его своимъ чичероне при осмотрѣ языческихъ храмовъ. При входѣ въ послѣдніе епископъ не свисталъ, какъ дѣлали это другіе христіане для осмѣянія языческихъ божествъ, и не совершалъ крестнаго знаменія. На основаніи этого Юліанъ сталъ видѣть въ Пигасіи тайнаго язычника и по вступленіи на престолъ сдѣлалъ его жрецомъ къ удивленію многихъ язычниковъ.

Когда Юліанъ прибылъ въ [Миланъ], Констанцій объявилъ, что назначаетъ его кесаремъ въ Галлію для защиты

ея предѣловъ отъ нападенія германцевъ. Такимъ образомъ аѳинскій ученый сталъ римскимъ генераломъ. Церемонія посвященія Юліана въ кесаря состоялась въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Юліанъ чувствовалъ себя не по себѣ, когда его облакали въ порфиру кесаря. Тогда же Юліанъ получилъ въ замужество сестру Константія Елену. Со времени назначенія Юліана кесаремъ, на востокѣ стали распространяться слухи о симпатіяхъ Юліана къ язычеству. Одна слѣпая прорицательница говорила, что этотъ человекъ отопретъ языческіе храмы.

Во время управленія Галліею Юліанъ былъ счастливъ въ борьбѣ съ германцами. Онъ обратилъ вниманіе и на внутреннее благоустройство страны. Все поведеніе Юліана во время его кесарства въ Галліи носятъ на себѣ отпечатокъ скрытности, лицемерія и двоедушія. Юліанъ старался показать себя незамѣчающимъ подозрительнаго отношенія къ нему Константія. По распоряженію послѣдняго всѣ близкія къ Юліану лица были удаляемы отъ него. Только хитростію Юліану удалось оставить около себя нѣсколько близкихъ служителей: онъ показывалъ видъ, что незнакомъ съ ними, хотя втайнѣ находился въ самомъ тѣсномъ общеніи съ ними. Между тѣмъ Константія окружилъ Юліана множествомъ шпионовъ, которые должны были слѣдить за всякимъ его шагомъ. Правленіе Юліана было благоприятно для Галліи. Поголовная подать (плата отъ опредѣленнаго участка земли), простиравшаяся ранѣе до 25 солидовъ (солидъ равенъ нашимъ 3 р. 87 к.), была понижена Юліаномъ до 7 солидовъ. Такими дѣйствіями Юліанъ приобрѣлъ симпатіи населенія Галліи.

Когда Константія, запутавшись въ войнѣ съ персами, около 360 г. потребовалъ къ себѣ на помощь галльскія войска, то они провозгласили августомъ Юліана. Въ письмѣ къ Константію Юліанъ извѣщаетъ послѣдняго о своемъ избраніи и выставляетъ себя невинной жертвой политическаго заговора, но тѣмъ не менѣе не стѣсняется вступать въ переговоры съ Константіемъ, соглашаясь признать его власть надъ собою, но отказываясь сдать на полную его волю. Въ это время Юліанъ продолжалъ казаться христіаниномъ. 6 января 361 года—въ день Богоявленія—Юліанъ былъ въ церкви. Между Юліаномъ и Константіемъ ожидалась борьба. Константія двигался къ западу, а Юліанъ къ востоку.

3 ноября 361 года Константія скончался. Юліанъ узналъ объ этомъ въ Наиссѣ, нынѣшнемъ Нишѣ. Въ рѣчи къ сво-

имъ друзьямъ Юліанъ высказалъ радость по поводу того, что возвращаются благія времена для свободнаго поклоненія богамъ. Когда такимъ образомъ Юліанъ открыто сталъ на сторону язычества, въ него стали переходить даже христіане. Между прочимъ перешель христіанскій риторъ Евлогій. Юліанъ быстро подвигался къ Константинополю. Вездѣ онъ чтить боговъ, а по прибытіи въ Константинополь участвовалъ въ языческихъ празднествахъ Сатурналій и произнесъ даже рѣчь въ честь боговъ. Около того же времени онъ заявилъ себя и какъ писатель. Онъ написалъ сатиру на предшествующихъ царей. Въ ней онъ особенно насмѣхается надъ Константиномъ. Даже Маркъ Аврелій вышелъ изъ подъ его пера не совсѣмъ чистымъ. Кромѣ того, Юліанъ писалъ много религиозныхъ трактатовъ. Часто онъ просиживалъ надъ ними по цѣлымъ ночамъ. Такимъ образомъ онъ подготовлялъ возстановленіе язычества. Въ то же время Юліанъ продолжалъ и войну съ персами, начатую Константиемъ. По дорогѣ на востокъ онъ посѣщалъ различные языческіе храмы.

Но въ сущности Юліанъ не проявилъ себя, какъ ясный мыслитель, и задача его возстановить язычество была не по силамъ даже гениальному человѣку. Это объясняется тѣмъ, что язычество было въ упадкѣ даже во время господства римской религіи. Были различныя попытки поддержать упавшее язычество. Философы находили, что римская религія слишкомъ вульгарна и носить сельско-хозяйственный характеръ. Греческая религія, по ихъ мнѣнію, наполнена мифами, которые годятся болѣе для представленія на сценѣ. Тѣмъ не менѣе новыхъ религій вводить не желали. Нѣкоторые мечтали о возстановленіи религіи чрезъ удаленіе ея недостатковъ. Предпринимали къ этому разнаго рода попытки, но всѣ онѣ оказались безуспѣшными. Вообще старались осмыслить мпы греческой религіи и истолковать ихъ духовно.

Что касается Юліана, то онъ былъ увлеченъ греческой культурой и язычествомъ, какъ ея составной частью. Его, при этомъ, какъ склоннаго къ теургіи и магіи, особенно привлекали восточныя культы. Онъ былъ намѣренъ составить теософическую религію, въ которую вошли бы какъ классическіе, такъ и неклассическіе элементы. Тѣмъ не менѣе основное его воззрѣніе было неоплатоническое, именно ученіе о трехъ мірахъ: 1) о мірѣ мысли ($\nuοητός$), 2) о мірѣ мыслящемъ ($νοερός$) и 3) о мірѣ чувственномъ ($αἰσθητός$). Міръ мысли—самый высшій,

не могущій входить въ посредство съ міромъ чувственнымъ: онъ сообщается съ послѣднимъ чрезъ міръ мыслящій, въ центрѣ котораго находится богъ солнца, нѣчто въ родѣ Филонова Логоса. Бога солнца Юліанъ почиталъ болѣе другихъ боговъ и чуть ли не болѣе самого Зевса. Его представленія о второстепенныхъ божествахъ трудно опредѣлить. Иногда онъ смотрѣлъ на боговъ, какъ на идеи, выражающія верховное божество, иногда усматривалъ въ божествахъ національный характеръ и думалъ, что для каждаго народа существуетъ свой особый богъ, въ которомъ совмѣщаются религіозныя воззрѣнія извѣстнаго народа. При такомъ взглядѣ приходилось оправдывать всѣ языческія религіи.

Многія религіозныя воззрѣнія Юліанъ заимствовалъ изъ христіанства. Онъ шокировался поведеніемъ жрецовъ, не признававшихъ никакихъ нравственныхъ правилъ. Изъ жрецовъ онъ хотѣлъ сдѣлать образцы нравственной жизни для народа: запретилъ имъ заниматься подозрительными ремеслами, посѣщать тогдашніе трактиры; требовалъ, чтобы они вели благочестивую жизнь, не были атеистами (христіанами), и вообще служили свѣтильниками для народа. Недостойныхъ жрецовъ онъ рекомендовалъ удалять отъ должности и самъ отстранилъ отъ должности на нѣсколько мѣсяцевъ одного жреца, ударившаго своего собрата. Жрецы, по предписанію Юліана, должны были читать произведенія поэтовъ, чтобы научиться правильному богопочтенію. Они могли заниматься и философіей, но только высокой и серьезной и далекой отъ пирронизма, который велъ къ скептицизму. Юліанъ намѣревался ввести въ сословіи жрецовъ нѣчто въ родѣ монашества — *ἀγνεύτρια τε καὶ παρθενοῦντες*. Обращая вниманіе на взаимное отношеніе между жрецами, Юліанъ учредилъ нѣчто въ родѣ должности провинціальныхъ архіереевъ, — главныхъ pontifex'овъ. Они должны были наблюдать за подчиненными жрецами и неисправныхъ отрѣшавъ отъ должности. Такими провинціальными pontifex'ами были: Θεόδωροςъ для Асіи, Αρσακίης для Галатіи и еще одинъ въ Пессинунтѣ.

Юліанъ обратилъ особенное вниманіе на отношеніе самихъ язычниковъ къ своей вѣрѣ и былъ пораженъ ихъ нравственною холодностію и отсутствіемъ милосердія. Послѣднее философы старались оправдать философски. Если Богъ, говорили они, обрекаетъ человѣка на нужды, то бесполезно и помогать такому. На это Юліанъ возражалъ, что совершенно позорно

для язычников не оказывать помощи нуждающимся и бѣднымъ, когда евреи благотворятъ своимъ нищимъ, а галилеяне (христіане) помогаютъ не только своимъ, но и чужимъ. Онъ самъ рѣшилъ придти на помощь бѣднымъ язычникамъ, какъ государь. Въ Галатію онъ послалъ 30 тыс. модіевъ пшеницы и 60 тыс. секстаріевъ вина; $\frac{1}{5}$ часть этого назначалась для прислужниковъ при храмахъ, а остальные $\frac{4}{5}$ части—на бѣдныхъ. Затѣмъ, онъ высказывалъ желаніе, чтобы и другіе располагали язычниковъ къ пожертвованіямъ, ибо и во времена Гомера было оказываемо милосердіе странникамъ, и кто оскорбляетъ странника, тотъ оскорбляетъ Зевса. Такимъ образомъ Юліанъ думалъ возстановить язычество на новыхъ началахъ.

Во время движенія къ Антиохіи Юліану пришлось встрѣтить непріятности со стороны христіанъ, но въ Антиохіи его ожидало еще большее разочарованіе въ самихъ язычникахъ. Антиохія была тогда едва ли не вторымъ гордомъ послѣ Александріи по вольности языка. Если александріецъ отличался отъ другихъ свободою слова и склонностію къ возмущеніямъ, то антиохіецъ по свободѣ слова оставлялъ за собою уже всѣхъ другихъ. Антиохійцы чувствовали себя истинными потомками эллиновъ и вели себя, какъ таковыя. Юліанъ думалъ, что, возвѣщая возстановленіе язычества, онъ возбудитъ радость въ язычникахъ. Но оказалось, что сами язычники не сочувствуютъ ему. Знакомый съ теургами и философами, императоръ не зналъ, что представляетъ изъ себя средній язычникъ. Въ сущности онъ былъ безбожникъ, державшійся старыхъ убѣжденій и не отдававшій себѣ отчета въ нихъ. Твердыхъ понятій о богахъ у него не было. Язычество во всякомъ случаѣ было такой религіей, которая была тѣсно связана съ эллинскою культурой. Плодами этой культуры язычникъ пользовался, но вопросомъ, въ какой связи стоитъ она съ языческою религіей, онъ не задавался. Общаго міровоззрѣнія средній язычникъ не имѣлъ. Язычество на него ничего не налагало, и онъ содержалъ языческую религію, какъ религію своихъ предковъ, считалъ только себя язычникомъ, но не заявлялъ таковымъ на дѣлѣ, а если и заявлялъ свою преданность религіи, то только повидимому и въ видѣ демонстраціи правительству.

Скоро Юліанъ узналъ о недовольствѣ противъ него язычниковъ за то, что онъ требовалъ отъ нихъ исполненія религіоз-

ныхъ предписаній. Антиохійцы говорили, что ихъ городу не причиняли огорченій ни Х, ни К (т. е. ни Христось, ни Константій), и что они по прежнему хотятъ жить спокойно. Не таковъ былъ самъ императоръ. Онъ не только заявлялъ себя ревностнымъ язычникомъ, но хотѣлъ быть и былъ на самомъ дѣлѣ главою языческихъ жрецовъ: самъ приносилъ дрова, разводилъ огонь, осматривалъ внутренности приносимыхъ въ жертву животныхъ, а языческій календарь, заключавшій въ себѣ указаніе языческихъ праздниковъ, зналъ едва ли не лучше тѣхъ жрецовъ, которые были его совѣтниками. Такимъ образомъ между антиохійцами и Юліаномъ возникли взаимныя неудовольствія, которыя съ обѣихъ сторонъ разрѣшались сатирою. Многіе изъ антиохійцевъ говорили, что своимъ мелочнымъ участіемъ въ технику жертвоприношеній онъ унижаетъ достоинство императора, являясь какъ «βωμολόχος». Это слово означаетъ буквально челоуѣка, высматривающаго около жертвенника (βωμός + λοχάω). Нѣкоторые изъ городскихъ жителей толпились около жертвенника и выпрашивали кусочки мяса, оставшагося отъ жертвоприношеній, а если удавалось, то и похищали воровскимъ образомъ, или же, наконецъ, выманивали паясничествомъ. Такія лица назывались именемъ «βωμολόχος». Этимъ же именемъ антиохійцы обзывали и Юліана, потому что ему по необходимости приходилось быть среди компаній, представляющей изъ себя всякій сбродъ, гдѣ мужчины были плохи, а женщины еще хуже. Поэтому процессіи производили на нѣкоторыхъ скандальное впечатлѣніе.

О ревности Юліана къ язычеству и о равнодушіи къ нему самихъ язычниковъ говорить такой фактъ. Около Дафны (извѣстнаго кипарисами предмѣстья Антиохіи) былъ нѣкогда храмъ Аполлона-прорицателя. Этотъ храмъ былъ закрытъ. Юліану сказали, что боги перестали говорить потому, что около храма было много мертвыхъ (на христіанскомъ кладбищѣ). Юліанъ, желая возстановить службу языческихъ прорицателей, приказалъ расчищать кладбище. Христіане въ обличіе язычниковъ съ пѣніемъ псалмовъ перенесли мощи мученика Вавилы. При этомъ пострадали отрокъ Феодоръ и женщина Публія, но не были замучены, такъ что они являются только исповѣдниками. Послѣ того какъ мѣсто было расчищено, храмъ въ ночь на 22 октября сгорѣлъ. Общественное мнѣніе обвинило въ поджогѣ христіанъ, которые будто бы сдѣлали это въ возмездіе за то, что имъ приказали очистить кладбище. Но

это подозрѣніе представляло не одну версію. Многіе приписывали пожаръ случаю. Какой-то блуждающій философъ - язычникъ пришелъ въ храмъ, поставилъ здѣсь статуэтку, зажегъ предъ ней свѣчи и ушелъ. Ночью [отъ этихъ свѣчей и произошелъ пожаръ] и огонь распространился. Какъ бы то ни было, но Юліанъ обвинилъ христіанъ и въ наказаніе повелѣлъ [разрушить храмы въ честь мучениковъ близъ Милета]. Кафедральный храмъ въ Антиохіи былъ закрытъ, сосуды кощунственно разграблены со свойственной ренегатамъ Юліана жестокостью. Впрочемъ виновники этого разгрома погибли. Надъ Юліаномъ даже стали трунить. Онъ имѣлъ такой титулъ: «Julianus Felix Augustus», но язычники произносили эти слова раздѣльно: «Julianus»,.. «Felix»,.. «Augustus»,.. намекая этимъ на смерть Юліана, ибо въ числѣ погибшихъ виновниковъ разгрома христіанскаго храма были личности, носившія имена «Julianus» и «Felix»; слѣдовательно, оставалась очередь за носящимъ имя «Augustus».

Особенно раздражало Юліана равнодушіе язычниковъ къ празднествамъ. Въ Антиохіи ежегодно совершалось празднество въ честь Аполлона. Однажды въ день этого празднества рано утромъ Юліанъ отправился изъ храма Зевса Касія въ Дафну, причѣмъ думалъ найти торжественное собраніе народа для жертвоприношеній, но вмѣсто этого встрѣтилъ одного только жреца, несшаго гуся. Юліанъ спросилъ, какая жертва будетъ приноситься? Жрецъ отвѣтилъ: «я отъ себя несу гуся». «А народа почему нѣтъ»? Жрецъ объяснилъ, что народъ не находитъ нужнымъ тратиться на жертвы. Юліанъ вслѣдствіе этого корилъ антиохійцевъ. Онъ говорилъ: «я полагалъ, что каждая фила (союзъ) принесетъ по бѣлому быку, или по крайней мѣрѣ весь городъ представитъ одного быка». Антиохійцы за это оплатили смудустишіемъ: «бѣлые быки привѣтствуютъ Юліана; если онъ побѣдитъ персовъ, то бѣлымъ быкамъ житья не будетъ».

Юліанъ своею снисходительностію думалъ завоевать расположеніе язычниковъ, но его снисходительностію злоупотребляли. Такъ, Юліанъ хотѣлъ пополнить составъ декуріоновъ. Но антиохійскій сенатъ поступилъ безцеремонно: онъ даже назначилъ декуріонамъ литургіи (*λειτοργία*), т. е. общественныя повинности. Этимъ сенатъ пересолил дѣло: указъ былъ только объ увеличеніи состава декуріоновъ, а о назначеніи имъ занятій ничего не говорилось. Однажды, когда Юліанъ прибылъ въ театръ, народъ встрѣтилъ его криками: «всего много и все дорого».

Оказалось, что торговцы на рынкѣ вступили между собою въ сдѣлки и повысили цѣны на товары. Юліанъ на счетъ своихъ доходовъ скупалъ хлѣбъ, желая помочь антиохійцамъ. Хлѣба, дѣйствительно, на рынкѣ явилось очень много, такъ что стали отпускать не по 10, какъ было прежде, а по 15 модіевъ. Но и тутъ антиохійцы остались неблагодарными. Они стали кричать Юліану: «есть хлѣбъ и масло, но нѣтъ рыбы и мяса». Юліанъ уже отвѣтилъ, что былъ бы хлѣбъ, а рыба и мясо—роскошь; человѣку умѣренному достаточно и того, что есть. Дѣло дошло до насмѣшекъ надъ наружностію Юліана, особенно надъ его бородою, которую онъ философски отпустилъ, сдѣлавшись августомъ (она оканчивалась остриемъ и была дѣйствительно солидною). Смѣялись и надъ его страннымъ образомъ жизни. Юліанъ на эти насмѣшки отвѣтилъ сочиненіемъ «*Ἀντιοχικός ἢ Μισοπώγων*», изъ коего мы и узнаемъ объ отношеніяхъ его къ антиохійцамъ. Къ концу 363 года отношенія эти настолько обострились, что Юліанъ принужденъ былъ оставить Антиохію. Антиохійцы были правы: они должны были платить за содержаніе двора императора, и потому имъ не нравилось его пребываніе у нихъ. «Пускай-де, разсуждали они, августъ накажетъ и другіе города». Вслѣдствіе такого недоброжелательства антиохійцевъ Юліанъ, отправляясь въ персидскій походъ, прямо заявилъ, что онъ навсегда оставляетъ Антиохію и избираетъ мѣстомъ своего пребыванія Тарсъ. Такимъ образомъ Юліанъ не могъ ужиться даже съ язычниками.

Но счастливъ былъ Юліанъ хотя тѣмъ, что умеръ со славою. Обманутый проводниками, онъ ушелъ въ Персію и здѣсь внезапно былъ окруженъ военными силами персидскаго царя. Въ пылу храбрости онъ, не надѣвши латы, бросился объѣзжать болѣе опасные пункты, рапечь былъ въ руку и бокъ, такъ что дротикъ дошелъ до печени. Впрочемъ есть другое мнѣніе о смерти Юліана, будто онъ намѣренно не надѣлъ латы, чтобы хотя умереть со славою, такъ какъ былъ разочарованъ въ жизни, по причинѣ недовольства имъ со стороны подданныхъ. Созоменъ утверждаетъ, что Юліанъ палъ отъ руки христіанина, и это, по его мнѣнію, ничуть не возмущительно, такъ какъ здѣсь дѣйствовала ревность о благочестіи. Но христіане виновны въ смерти Юліана. Онъ былъ раненъ въ сумятицѣ и всетаки умеръ геройскою смертію. Когда Юліанъ былъ найденъ раненымъ, его перенесли въ палатку и перевязали рану. Это облегчило его страданіе и онъ потребовалъ коня, намѣ-

реваясь снова ѣхать на поле битвы. Но его не пустили, такъ какъ кровотеченіе было очень сильно. Онъ сталъ бесѣдовать съ философами и друзьями о загробной жизни, о безсмертіи души. Въ ночь съ 27 на 28 іюня Юліана не стало.

Объ отношеніяхъ Юліана къ христіанамъ нужно сказать, что онъ рѣшился выступить врагомъ христіанъ, но врагомъ мудрымъ и осторожнымъ. Онъ заявилъ, что безбожныхъ галилеянъ не слѣдуетъ бить или наказывать, а убѣжденіями склонять къ тому, чтобы они обращались къ богочтенію. Онъ, какъ человѣкъ начитанный, понималъ, что можно вредить христіанамъ иначе—черезъ іудеевъ. И вотъ въ литературѣ онъ заявляетъ себя полемистомъ противъ христіанъ. Онъ въ сочиненіяхъ своихъ проводитъ ту мысль, что христіанство выродилось изъ іудейства, что христіане взяли у іудеевъ все, что у нихъ есть дурного, что іудеи въ религіозномъ отношеніи преимуществуютъ предъ христіанами, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что имѣютъ національную вѣру. Юліанъ писалъ іудейскому первосвященнику очень любезныя письма. Въ нихъ онъ обѣщаль посѣтить Іерусалимъ и храмъ и возобновить послѣдній. Но это, какъ извѣстно, ему не удалось.

Прямые репрессивныя мѣры Юліана по отношенію къ христіанамъ были—1) отстраненіе ихъ отъ общественныхъ должностей и 2) стѣсненіе въ полученіи классическаго образованія. Эти мѣры проводились Юліаномъ съ хитрою политикою. Такъ, онъ говорилъ, что христіанство запрещаетъ употреблять мечъ. Какъ же онъ назначить на службу христіанина и какъ тотъ будетъ служить, не нарушая своей вѣры? Желая стѣснить образованіе христіанъ, Юліанъ постановилъ, чтобы открывающіяся мѣста учителей замѣщались кандидатами, утвержденными мѣстными куріями. Это средство было дѣйствительнымъ къ устраненію христіанскихъ учителей изъ тогдашнихъ школъ, такъ какъ сами куріи состояли изъ язычниковъ. Въ 42 письмѣ къ Проэресію [?], котораго Юліанъ пытался склонить къ язычеству и предлагалъ ему мѣсто своего исторіографа, онъ послѣдовательно разсуждаетъ о неудобствѣ замѣщенія учительскихъ должностей христіанами. По его письму, преподаваніе словесности безъ изученія классическихъ образцовъ немислимо; а кто изучаетъ ихъ, тому по необходимости придется знакомиться съ языческими религіозными взглядами и объяснять ихъ. Но стоитъ ли христіанину унижать себя изъ-за нѣсколькихъ драхмъ? Поэтому пусть лучше препода-

вателями будуть язычники, а христiане пусть въ церквахъ толкують Матгея и Луку. Эта мѣра Юліана нѣкоторыми была понята и истолкована въ преувеличенномъ смыслѣ, будто онъ вовсе лишилъ христiанъ классическаго образованія. Но Юліанъ только требовалъ, чтобы въ училищахъ юношество обучалось подъ руководствомъ риторовъ—язычниковъ, а христiане родители сами не посылали своихъ дѣтей въ школу, гдѣ учителями были язычники. Впрочемъ царствованіе Юліана было непродолжительно и не успѣло положить большого отпечатка на образованіе христiанъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ предстоятелямъ церквей Юліанъ старался щегольнуть великодушіемъ, но съ цѣлями благопріятными для язычества и вредными для христiанства. Между христiанами были раздѣленія. Виновники этихъ раздѣленій были сосланы, но Юліанъ позволилъ возвратиться имъ, кто бы они ни были—православные или сектанты. Это мнимое великодушіе Юліанъ въ кругу своихъ друзей объяснилъ тѣмъ, что никто такъ другъ друга не ненавидитъ, какъ христiане, такъ что если ихъ соединить и дать волю, то они будутъ грызться, какъ собаки. Поэтому Юліанъ издалъ позволеніе возвратиться изъ мѣста ссылки представителямъ какъ православія, такъ и всѣхъ христiанскихъ сектъ. Въ то время епископомъ александрійскимъ былъ Георгій Каппадокіянинъ, проживавшій вдали отъ Александріи—на востокъ. На основаніи указа Юліана, онъ возвратился въ Александрію. Его возвращеніе вызвало бунтъ, ибо онъ отличался жестокостію, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ былъ убитъ населеніемъ города. Юліанъ въ письмѣ къ александрійцамъ сдѣлалъ имъ строгій выговоръ за это убійство. Онъ повелѣлъ розыскать бібліотеку Георгія александрійскаго и вручить ее ему, Юліану, во всей цѣлости. Дѣло въ томъ, что при убійствѣ Георгія его домъ былъ разграбленъ и имущество растаскано. По освобожденіи александрійской каѳедры въ январѣ мѣсяцѣ возвратился въ Александрію св. Афанасій. Занявши каѳедру, св. Афанасій дѣятельно сталъ приводить въ порядокъ дѣла александрійской церкви. вмѣсто раздѣленія онъ установилъ между христiанами полное единомысліе. Подъ его вліяніемъ даже нѣкоторые изъ язычниковъ стали принимать крещеніе. Видя что дѣла александрійской церкви приняли хорошій оборотъ, Юліанъ напустилъ на себя видъ оскорбленнаго величія. Онъ говорилъ, что имъ было дано разрѣшеніе—сосланнымъ ранѣ

епископамъ только возвратиться на родину, а не занимать свои кафедры, и что Аванасій не понялъ указа. А когда Аванасій обратилъ нѣкоторыхъ язычниковъ, Юліанъ въ негодованіи воскликнулъ: «и онъ осмѣлился окрестить нѣкоторыхъ ἄλλοθίδας, т. е. знатныхъ женщинъ?!» Аванасій принужденъ былъ удалиться изъ Александріи, а потомъ и изъ Египта.

Но Юліанъ не выдержалъ себя. Онъ только щеголялъ великодушіемъ и повидимому старался сблизиться съ представителями церкви; на самомъ же дѣлѣ онъ не стѣснялся подсмѣиваться надъ ними. Онъ трунилъ надъ Маріемъ халкидонскимъ, который былъ слѣпецъ. Но Марій показалъ себя героемъ. Онъ прямо въ глаза сказалъ Юліану: «благодарю Бога за свою слѣпоту, потому что имѣю счастье не видѣть безобразія отступника». Юліанъ отнесся къ этому съ видимымъ равнодушіемъ. Въ Антиохіи Юліанъ явился неустойчивымъ. Здѣсь онъ посланіями старался возбудить ссоры между христіанами и епископомъ. Въ 362 г. въ Антиохіи между христіанами и язычниками возникли неудовольствія. Юліанъ еще ранѣе писалъ въ Бостру епископу Титу, что онъ возлагаетъ на него отвѣтственность за безпорядки, производимыя христіанами. Титъ отвѣчалъ императору, что христіане никогда не будутъ повинны въ общемъ движеніи, что они послушны папѣ, и не было признаковъ какихъ-либо безпорядковъ. Юліанъ отвѣчалъ христіанамъ Антиохіи, что они унижаютъ себя, не смѣя ничего сдѣлать безъ епископа, что они потому живутъ смиренно, что ихъ сдерживаетъ епископъ.

Юліанъ откровенно заявилъ, что самъ онъ не позволитъ причинить зла галилеянамъ; между тѣмъ другіе перехватывали черезъ край, такъ что черезъ нихъ являлся виновнымъ въ насиліи надъ христіанами и Юліанъ. Эти насилія производились особенно во время разрушенія храмовъ въ Сиріи. О томъ, какъ Юліанъ относился къ этимъ несчастіямъ христіанъ, говорятъ слѣдующее обстоятельство. Недалеко отъ Газы при морѣ находилась гавань Майюмъ, въ которой всѣ жители были христіанами еще въ предшествовавшія царствованія, за что получили отъ императоровъ христіанъ самостоятельное, независимое отъ Газы, управленіе. На этомъ-то пунктѣ и произошло столкновеніе у жителей Майюма и Газы, при чемъ было убито до 10 майюмскихъ христіанъ. Когда объ этомъ донесли Юліану, то онъ отвѣтилъ: «что за важность, что рука эллина сокрушила какихъ-нибудь 10 галилеянъ!»

Юліанъ не только гналъ христіанъ, но и издѣвался надъ ними, пользуясь знакомствомъ съ ихъ ученіемъ. Такъ, однажды проѣзжая мимо пещеры подвижника Дометія, онъ обратилъ вниманіе на собравшуюся около пещеры толпу христіанъ и, желая поиздѣваться надъ ними, обратился къ Дометию съ такими словами: «если ты желаешь спастись, то для чего собираешь народъ? проводи жизнь уединенную» — и приказалъ заложить пещеру камнями. Подвижникъ, такимъ образомъ, былъ заживо погребенъ въ ней.— Въ другой разъ, отправляясь въ персидскій походъ, онъ проходилъ мимо Харрана, прославленнаго языческими жертвоприношеніями, и принесть здѣсь жертву божествамъ. Отсюда онъ општрафовалъ эдесскую церковь и при этомъ выразился такъ: «христіане несчастны, если ихъ не преслѣдуютъ», и чтобы «облегчить имъ входъ въ царствіе небесное», приказалъ отобрать всѣ сокровища церкви эдесской. — Въ интересахъ язычества онъ по отношенію къ своимъ войнамъ сдѣлалъ такое распоряженіе: его персона должна была изображаться на статуяхъ и картинахъ вмѣстѣ съ языческими божествами, такъ что солдатъ христіанинъ, поклоняясь императору, противъ воли своей долженъ былъ поклоняться и языческимъ божествамъ. Точно также при раздачѣ денежныхъ подарковъ солдатамъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы солдатъ, подходя къ нему, якобы въ гигиеническихъ цѣляхъ, бросалъ на огонь ладонь; за гардиной же скрыты были изображенія языческихъ божествъ, такъ что куреніе на самомъ дѣлѣ относилось къ языческимъ божествамъ. Когда же язычники указывали на это христіанскимъ солдатамъ, послѣдніе съ негодованіемъ бросали полученные деньги на землю. Въ тѣхъ же видахъ стѣсненія христіанъ онъ приказалъ, чтобы всѣ продукты на рынкахъ были освящаемы жертвенною кровію.

Юліанъ предоставилъ христіанамъ свободу религіозныхъ воззрѣній; но съ другой стороны онъ оставлялъ безнаказанными звѣрскіе поступки язычниковъ противъ христіанъ. Установилась наихудшая форма гоненій, при чемъ мы видимъ такія излишества, которыя трудно было встрѣтить въ предыдущія времена. Такъ, въ Газѣ и Аскалонѣ толпа язычниковъ, убивши священниковъ и дѣвственницъ, подвергла тѣла ихъ разсѣченію и, начинивши ихъ внутренности ячменемъ, бросала на съѣденіе свиньямъ. Въ финикійскомъ городѣ Геліополѣ одинъ изувѣрный язычникъ вырвалъ у діакона Кирилла ку-

сокъ печени и началъ грызть зубами. Язычники разрушали христіанскія кладбища и вырывали кости погребенныхъ христіанъ. Были попытки уничтожить открытыя мощи Іоанна Крестителя въ Севастіи, но послѣднее не удалось. Черепъ одного замученнаго христіанскаго епископа язычники привѣсили вмѣсто лампы. Торжественное возстановленіе языческаго чествованія въ Египтѣ сопровождалось смертными ударами для нѣкоторыхъ египетскихъ епископовъ. Ареузскому епископу Марку язычники предложили требованіе возстановить разрушенный христіанскій храмъ. Онъ отказался. Тогда язычники потребовали отъ него хоть часть денегъ, на что снова полученъ былъ отказъ. Тогда толпа намазала епископа медомъ и выставила на солнце для уязвленія насѣкомыми. Тѣмъ не менѣе Маркъ остался невредимъ, и въ этомъ сами благоразумные язычники видѣли предостереженіе прекратить издѣвательство. Самъ Ливаній обращался съ ходатайствомъ къ Юліану за христіанъ, указывая примѣръ Марка.

3. Религіозная политика императоровъ послѣ Юліана.

За Юліаномъ престолъ перешелъ къ Іовіану (363—364). Его недолгое правленіе отмѣчено было строгимъ примѣненіемъ начала вѣротерпимости. Объявивъ себя за православіе, Іовіанъ возвратилъ сосланныхъ при Юліанѣ епископовъ, но предоставилъ и христіанскимъ сектамъ и язычникамъ полную свободу въ дѣлахъ вѣры, находя, что разногласіе—неизбѣжный удѣлъ человѣческой ограниченности. На эту точку зрѣнія императоръ сталъ скорѣе вопреки требованіямъ большинства епископовъ, чѣмъ по ихъ внушеніямъ.

Преемникъ Іовіана, Валентиніанъ I (364—75), держался той же политики невмѣшательства въ дѣла религіи. Напротивъ, востокъ страдалъ отъ покровительства соправителя Валентиніана, Валента (364—378), тому, что онъ считалъ православіемъ. Преемникъ Валентиніана I, Гратіанъ (375—383), высказался въ смыслѣ его принциповъ, предоставивъ религіозную свободу большинству христіанскихъ партій (исключая манихеевъ, евноміанъ, фотиніанъ). Въ правленіе Валентиніана II (383—392)—замѣчается колебаніе.

Его восточный соправитель Θεодосій В. (379—395) объявилъ себя за каеволическое православіе, ту вѣру, которой держится римскій епископъ Дамась и александрійскій Петръ,—

и противъ еретиковъ. «Привилегіями въ дѣлахъ вѣры должны пользоваться только соблюдающіе католическій законъ. Мы желаемъ, чтобы еретики и раскольники не только были чужды этихъ привилегій, но и подвержены различнымъ повинностямъ. Заклейменные позорнымъ именемъ еретиковъ, они, кромѣ осужденія божественнаго правосудія, должны ожидать еще тяжкихъ наказаній, которымъ по внушенію небесной мудрости заблагодарасудить подвергнуть ихъ наше величество» (Cod. Theod. XVI, 1,2). Вообще Θεодосій В. не былъ свободенъ отъ вмѣшательства въ дѣла вѣры. Въ свое 15-лѣтнее царствованіе онъ издалъ по крайней мѣрѣ 15 законовъ противъ еретиковъ (Cod. Theod. XVI, 5, 6—23), которыми сильно ограничивались ихъ гражданскія и религіозныя права: имъ запрещено было собираться въ городской чертѣ на общественную молитву, проповѣдывать, рукополагать.

Царствованіе Θεодосія В. было во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательною эпохою въ исторіи церкви. Лично это былъ одинъ изъ немногихъ государей, украсившихъ тронъ Византіи. Воспитанный въ благочестивой христіанской семьѣ, Θεодосій съ покорностью подчинялся велѣніямъ церкви, достоинъ былъ всѣмъ лучшимъ нравственнымъ вліяніемъ приближенныхъ къ нему епископовъ, умѣлъ уважать ихъ за стойкое исполненіе своего нравственнаго долга даже и тогда, когда они давали ему почувствовать все различіе между властью епископа и государя. Θεодосій, какъ личность, былъ выше Константина, поэтому его церковная политика могла быть направлена вполне сообразно съ потребностями церкви. Если прибавимъ къ этому, что современникомъ Θεодосія былъ такой великій епископъ, какъ Амвросій медиоланскій, что этотъ глубоко проникнутый сознаниемъ церковнаго достоинства и церковныхъ интересовъ пастырь стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Θεодосію и его свободное слово раздавалось даже и противъ императора: то можно представить интересъ тѣхъ фактическихъ данныхъ, изъ которыхъ слагаются отношенія между церковію и государствомъ въ это царствованіе.

Мы видимъ, что на первыхъ же порахъ своего царствованія онъ объявляетъ себя за католическое православіе. Какъ дѣйствовалъ Θεодосій, это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. По вступленіи своемъ въ Константинополь, онъ приказалъ аріанскому епископу Димофилу или признать ученіе о единосущіи, или оставить константинопольскія церкви. Димо-

(филь предпочелъ последнее, и ариане стали собираться за городомъ (Soz. VII, 5; Socr. V, 7). Императоръ самъ ввелъ Григорія Богослова въ кафедральную церковь св. Апостоловъ. Потребовавъ отъ епископовъ различныхъ партій исповѣданія вѣры, императоръ утвердилъ законодательную властію символъ православный и разорвалъ всѣ остальные (Soz. VII, 12; Socr. V, 10). Впрочемъ, по замѣчанію историка Созомена (Soz. VII, 12), строгими законами императоръ хотѣлъ лишь устрасить еретиковъ, но не приводилъ ихъ въ исполненіе, и изгнаніе Евномія за то, что онъ продолжалъ въ Константинополѣ разсѣвать свое ученіе между православными,—было единственною насильственною мѣрою императора противъ арианъ (Socr. V, 20; Soz. VII, 17).

Конечно, въ этихъ мѣропріятіяхъ императоръ дѣйствовалъ не безъ вліянія епископовъ. Какъ же смотрѣли на эти дѣйствія императора представители христіанскаго епископата? Каковы были ихъ воззрѣнія на отношенія между церковію и государствомъ?—Между ихъ словомъ и дѣломъ можно подмѣтить нѣкоторое противорѣчіе.

Въ 385 г. Амвросій медиоланскій получилъ приглашеніе явиться по дѣлу о своемъ спорѣ съ арианскимъ епископомъ Авксентіемъ въ императорскую консисторію. Третьейскимъ судьей (arbiter) между ними хотѣлъ быть самъ императоръ Валентиніанъ II (род. 370—371), находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ своей матери Юстины, ревностной арианки. Вотъ что отвѣтилъ императору въ своемъ письмѣ Амвросій (epist. 21). «Когда же ты слышалъ, всемилостивѣйшій императоръ, чтобы въ дѣлѣ вѣры міряне были судьями епископа? И какіе-то льстецы склоняють насъ—забыть о своемъ священническомъ правѣ и добровольно другимъ отдать то, что мнѣ даровалъ Богъ! И если епископъ долженъ учиться у мірянина, то что же выйдетъ? Пусть, стало быть, мірянинъ разсуждаетъ, а епископъ слушаетъ?! Но кто же это можетъ отрицать, что въ вопросахъ вѣры,—вопросахъ вѣры, говорю я,—не императоры бываютъ судьями надъ епископами, а епископы надъ христіанскими императорами (п. 4)». «Вотъ, станешь, Богъ дастъ, постарше, тогда и самъ поймешь, чего стоитъ тотъ епископъ, который священническое право, *jus sacerdotale*, повергаетъ къ ногамъ мірянина. Отецъ твой, по милости Божіей, мужъ зрѣлаго возраста, говаривалъ: «не мнѣ быть судьей между епископами»; а твоя ми-

лость вотъ говоритъ: «я долженъ судить». Онъ, крещенный во Христа, считалъ себя неспособнымъ поднять такую тяжесть, какъ судъ надъ епископомъ; тебѣ же, всемилостивѣйшій государь, еще только предстоитъ сподобиться таинства крещенія, и однако ты изъявляешь притязаніе на судъ о вѣрѣ, тогда какъ ты не знаешь таинствъ этой вѣры (п. 5)». (Нѣтъ, не могу я явиться въ консисторію; да и моя паства не позволить мнѣ идти на этотъ судъ; при томъ же неизвѣстно, какіе міряне будутъ судьями: что, если Авксентій выберетъ для этого іудеевъ. Нѣтъ,) «если уже разсуждать, то разсуждать въ церкви: такъ дѣлали, тому и меня научили мои предшественники. Если совѣщаться (conferendum) о вѣрѣ, то это должно быть совѣщаніе священниковъ, какъ это было при Константинѣ. Этотъ священной памяти государь не издалъ предварительно никакихъ законовъ, но предоставилъ священникамъ свободный судъ... (п. 15)». «Если Авксентій апеллируетъ къ собору, чтобы разсуждать о вѣрѣ (хотя и не слѣдовало бы изъ-за одного беспокоить столько епископовъ: будь онъ даже ангель съ неба (Гал. I, 8),—и тогда его не должно предпочитать миру церквей): то, когда услышу, что собирается соборъ, и самъ буду на немъ (п. 16)» ¹⁾.

¹⁾ Ambros. epist. 21. Valentiniano aug. (script. a. D. 386). (Migne, Patr. lat. t. 16, c. 1003—1007). n. 4. Quando audisti, clementissime imperator, in causa fidei laicos de episcopo judicasse? Ita ergo quadam adulatione curvamus, ut sacerdotalis juris simus immemores, et quod Deus donavit mihi, hoc ipse aliis putem esse credendum? Si docendus est episcopus a laico, quid sequetur? Laicus ergo disputet, et episcopus audiat: episcopus discat a laico. Quis est qui abnuat in causa fidei, in causa, inquam, fidei, episcopos solere de imperatoribus christianis, non imperatores de episcopis judicare? n. 5. Eris, Deo favente, etiam senectutis maturitate provector, et tunc de hoc censebis, qualis ille episcopus sit, qui laicis jus sacerdotale substernit. Pater tuus, Deo favente, vir maturioris aevi, dicebat: „Non est meum judicare inter episcopos“; tua nunc dicit clementia: „Ego debeo judicare“. Et ille baptizatus in Christo inhabilem se ponderi tanti putabat esse iudicii; clementia tua, cui adhuc emerenda baptismatis sacramenta servantur, arrogat de fide iudicium, cum fidei ipsius sacramenta non noverit. n. 15. Si tractandum est, tractare in ecclesia didici: quod majores fecerunt mei. Si conferendum de fide, sacerdotum debet esse collatio, sicut factum est sub Constantino augustae memoriae principe, qui nullas leges ante praemisit, sed liberum dedit iudicium sacerdotibus... n. 16. Si ad synodum provocat Auxentius, ut de fide disputet (licet non sit necesse propter unum tot episcopos fatigari, qui etiam si angelus de coelo (Galat. I, 8) esset, paci ecclesiarum non deberet praeferrri); cum audiero synodum congregari, et ipse non deero.

Въ томъ же году императоръ потребоваль отъ Амвросія, чтобы онъ передалъ Авксентію базилику. Амвросій отказался. Вотъ что онъ говорилъ по этому поводу (epist. 20; sermo с. Auxentium). «Передаютъ мнѣ приказъ: «отдай базилику». Отвѣчаю: «и мнѣ нельзя отдать (sermo п. 5: того, что я получилъ для сохраненія, не для выдачи), и тебѣ, императоръ, не полезно взять»... Ссылаются на то, что императору все позволительно, что все—его (allegatur imperatori licere omnia, ipsius esse universa). Отвѣчаю: «пожалуйста, не воображай, государь, что ты имѣешь какое-нибудь императорское право и надъ божественными предметами (epist.)». «Мы воздаемъ кесарево кесарю и Божіе Богу (МѠ. XXII, 21). Дань (tributum) — кесарева; въ ней и не отказываютъ; церковь—Божія; стало быть ее нельзя присудить кесарю; потому что право кесаря не можетъ простираться на храмъ Божій (sermo п. 35): «Императору принадлежать дворцы, церкви—священнику. Тебѣ ввѣрено право надъ общественными стѣнами, а не надъ священными (epist.)». «Что можетъ быть почетнѣе для императора, какъ не то, что его называютъ сыномъ церкви? Но императоръ въ церкви, а не выше церкви, imperator enim intra ecclesiam, non supra ecclesiam est (sermo п. 36)». «Накоонецъ говорятъ, что императоръ сказалъ: «долженъ же и я имѣть (хотя) одну базилику». Я отвѣтилъ: «не позволительно тебѣ имѣть ее; зачѣмъ тебѣ прелюбодѣйца? А церковь, не соединенная законнымъ бракомъ со Христомъ, есть прелюбодѣйца» (epist.)¹).

¹) Ambros. epist. 20 Marcellinae sorori. (Migne, Patr. lat. t. 16, c. 994—1002). n. 19. Mandatur: „Trade basilicam“. Respondeo: „Nec mihi fas est tradere, nec tibi accipere, imperator, expedit. Domum privati nullo potes jure temerare, domum Dei existimas auferendam“? Allegatur imperatori licere omnia, ipsius esse universa. Respondeo: „Noli te gravare, imperator, ut putes te in ea, quae divina sunt, imperiali (sic) aliquod jus habere. Noli te extollere, sed si vis diutius imperare, esto Deo subditus. Scriptum est: „quae Dei Deo, quae Caesaris Caesari“ (Mth. XXII, 21). Ad imperatorem palatia pertinent, ad sacerdotem ecclesiae. Publicorum tibi moenium jus commissum est, non sacrorum“. Iterum dicitur mandasse imperatorem: „Debeo et ego unam basilicam habere“. Respondi: „Non tibi licet illam habere. Quid tibi cum adultera? Adultera enim est quae non est legitimo Christi conjugio copulata“. Sermo contra Auxentium de basilicis tradendis (leg. post ep. 21 instar appendicis). (Migne, Patr. lat. t. 16, c. 1007—1018). n. 5... templo Dei nihil posse decerpere, nec tradere illud, quod custodiendum, non tradendum acceperim. Deinde consulere me etiam imperatoris salutem; quia nec mihi expe-

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ одной стороны за государственною властію не признають компетенціи въ судѣ надъ епископами или въ дѣлахъ вѣры вообще, съ другой стороны вопросъ о православіи повергають на усмотрѣніе императора, ему предоставляютъ указать между разнородными символами католическій. Отъ Димофила требуютъ, чтобы онъ сдалъ свои храмы единомышленникамъ императора, епископъ аріанинъ подчиняется, и церковные писатели не находятъ, что императоръ не имѣлъ права поступать такимъ образомъ. Когда императорская власть съ подобными же требованіями обращается [къ православнымъ и] отъ Амвросія требуетъ не болѣе какъ того же, чего она потребовала отъ Димофила, — великій епископъ твердо указываетъ ей на границу, которая должна раздѣлять церковь отъ государства.

Но какъ далеко Амвросій проводилъ это раздѣленіе между церковію и государствомъ? Доходилъ ли онъ до требованія, чтобы императоръ всегда и во всемъ поступалъ только по юридическимъ принципамъ, которые лежатъ въ основѣ государства? Нѣтъ; когда въ 384 году Валентиніану II подана была сенаторами просьба о восстановленіи языческаго жертвенника *Victoriae* и возвращеніи жрецамъ государственныхъ субсидій, и императоръ видимо находилъ, что ему слѣдуетъ удовлетворить этой просьбѣ, то Амвросій строго напомнилъ ему, что какъ христіанинъ онъ не имѣетъ права хотя бы и косвенно поддерживать языческое богослуженіе, что если онъ согласится на просьбу сенаторовъ, онъ подвергается опасности отлученія отъ церкви. Когда въ 388 г. чернь по внушенію епископа разрушила іудейскую синагогу, а монахи — молитвенный домъ валентиніанъ, и Θεодосій приказалъ, чтобы епископъ, если онъ окажется виновнымъ въ подстрекательствѣ, отстроилъ синагогу на свой счетъ, то Амвросій обратился къ императору съ сильнѣйшими представленіями, и убѣдилъ его,

---

diret tradere, nec illi accipere; accipiat ergo vocem liberi sacerdotis, si vult sibi esse consultum, recedat a Christi injuria. n. 35. Solvimus quae sunt Caesaris Caesari, et quae sunt Dei Deo (Mth. XXII, 21). Tributum Caesaris est, non negatur; ecclesia Dei est, Caesari utique non debet addici, quia jus Caesaris esse non potest Dei templum. n. 36. Quod cum honorificentia imperatoris dictum nemo potest negare. Quid enim honorificentius, quam ut imperator ecclesiae filius esse dicatur? Quod cum dicitur, sine peccato dicitur, cum gratia dicitur. Imperator enim intra ecclesiam, non supra ecclesiam est; bonus enim imperator quaerit auxilium ecclesiae, non refutat.

чтобы онъ, какъ христіанинъ, не допускалъ такого торжества іудеевъ надъ христіанами, не позволяяль, чтобы насчетъ христіанъ созидались молитвенные дома враговъ Христовыхъ. Амвросій въ прямую обязанность императору ставиль защиту и поддержку истинной вѣры. Теперь Амвросію пришлось вступить въ переписку не съ мальчикомъ, но съ самимъ августомъ Θεодосіемъ.

Онъ писалъ ему: «Прошу императорское величество выслушать терпѣливо мою рѣчь, ибо хотя я и недостойнъ быть выслушаннымъ тобою, но въ то же время боюсь оказаться недостойнымъ приносить за тебя жертвы и молитвы. Когда тебѣ донесли, что по винѣ епископа сожжена синагога, то ты приказалъ наказать всѣхъ виновныхъ, а епископу выстроить новую синагогу на свой счетъ. Но тебѣ слѣдовало бы подождать отвѣта епископа, ибо епископы сторонники мира, укротители возмущенія. Допустимъ, что синагогу сжегъ епископъ. Но что если онъ, струсивъ, согласится на твою резолюцію и ничего не возразить? Ему, очевидно, нужно будетъ или взять назадъ свой поступокъ, или сдѣлаться мученикомъ. Но то и другое должно быть чуждо твоего царствованія: если онъ окажется героемъ, то бойся, ибо онъ окончитъ мученичествомъ; если же онъ окажется недостойнымъ, то бойся быть виновникомъ паденія, ибо болѣе виновенъ соблазнитель. А что если другіе трусятъ и согласятся построить синагогу? Тогда твое знамя будетъ во главѣ народа, который имѣеть цѣлю возстановить зданіе, не знающее Христа, и можно написать на фронтонѣ дома: «этотъ храмъ нечестія построенъ на счетъ контрибуціи, взятой съ христіанъ». Тебя побуждаютъ интересы общественнаго порядка. Но какой порядокъ выше? Главное значеніе въ государствѣ всегда должна имѣть религія, посему здѣсь должна быть умѣренная строгость законовъ. Вспомни Юліана, хотѣвшаго возстановить іерусалимскій храмъ: строители тогда сгорѣли отъ огня Божія. Ужели ты не боишься того, что было тогда? Да и что за строгость? Ужели она должна обрушиться только за то, что сожгли общественное зданіе? Вѣдь сколько было сожжено домовъ римскихъ префектовъ, и никто не былъ наказанъ. Итакъ повели указу быть недѣйствительнымъ, если хочешь, чтобы не произошло потрясенія. Да и сожжена-то синагога, домъ невѣрія, нечестія и безумія. А іудей сколько храмовъ сожгли при Юліанѣ въ Газѣ, Аскалонѣ, Беритѣ и другихъ мѣстахъ? Не мстилъ за церкви, а теперь будешь мстить за синагогу. Какъ послѣ этого бу-

деть помогать тебѣ Христось? Не станеть ли Онъ укорять тебя словами Нааана Давиду (2 Царств. VII, 8 и дал.): «Я избралъ тебя меньшаго изъ братьевъ и сдѣлалъ царемъ, а ты врагамъ далъ триумфъ на счетъ Моихъ слугъ»? Пойми, что меня заставляетъ говорить съ тобою любовь къ тебѣ, государь! Я должникъ твой, ибо ты по моей просьбѣ многихъ помиловалъ. Ты помиловалъ недавно возмущившихся антiохійцевъ, освободилъ врага, возвратилъ его дочерей и далъ имъ возможность воспитываться у родственниковъ, матери твоего врага послалъ средства пропитанiя изъ казны. Но этотъ новый фактъ омрачаетъ твою славу. Я сдѣлалъ, что нужно было сдѣлать въ интересахъ церкви. И благо, что ты слушалъ меня во дворцѣ, въ противномъ случаѣ я высказалъ бы тебѣ то же и въ церкви» (epist. 40).

То же самое говорилъ онъ и въ письмѣ къ сестрѣ. «Когда пришелъ докладъ о синагогѣ и о молитвенномъ домѣ валентинiанъ, писалъ онъ, я былъ въ Аквилеѣ. Услышавъ, что императоръ повелѣлъ построить новую синагогу и наказать монаховъ, я написалъ ему письмо, копію съ котораго здѣсь прилагаю. Въ церкви же сказалъ царю на текстъ: *«прими себѣ жезлъ оръховый»* (Перем. I, 11), и примѣнилъ его къ тому, что священникъ, подобно пророку, долженъ говорить и горькія вещи, если онѣ полезны. Посему и апостоль говоритъ: *«что вы хотите, чтобы я съ напiшею пришелъ къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости?»* (1 Кор. IV, 21). И въ нынѣшнемъ Евангеліи говорится, что фарисей пригласилъ къ себѣ въ домъ Христа на трапезу. Христось пришелъ и возлегъ. Тогда къ Нему подошла одна жена грѣшница, и ставши у ногъ Его, обливала ихъ слезами и отерла ихъ волосами и полила мѣромъ (Лк. VII, 37, 38). «Императоръ! заключилъ я, будь подобенъ женѣ сей. Люби церковь. Ради любви прости тѣхъ, которые признаны виновными въ указѣ. Ради церкви отмѣни свой приказъ. Возлей мѣро, чтобы весь домъ, гдѣ обитаетъ Христось, наполнился его благоуханіемъ». «Зачѣмъ ты объ этомъ началъ?» «Затѣмъ, что это клонится къ твоей пользѣ». «Конечно, я поступилъ строго, но монахи творять много преступнаго». Послѣ сихъ словъ императора монаховъ сталъ порицать военачальникъ, но я сказалъ ему: «я говорю такъ съ императоромъ, ибо онъ имѣетъ страхъ Божій; съ тобою же я говорилъ бы иначе». И сказалъ я императору: «позволь мнѣ со спокойною совѣстію совершать евхаристическую жертву, развяжи мнѣ душу»: Онъ кивнулъ головой, но не сказалъ ничего. Я снова замѣ-

тилъ ему: «пріостанови распоряженія». Онъ обѣщалъ. «Я буду дѣйствовать, полагаясь на твое слово», сказалъ я и повторилъ эти слова еще разъ. «Дѣйствуй, полагаясь на мое слово». И я приступилъ къ алтарю и, истинно, почувствовалъ благодать и незримое присутствіе Бога. Все совершилось, какъ я хотѣлъ (epist. 41)».

На соборѣ Константинопольскомъ 381 г., на мѣсто умершаго Мелетія антиохійскаго поставленъ былъ Флавіанъ. Римъ, а за нимъ и другіе западные епископы поддерживали общеніе съ партіею Павлина, и не признавая Флавіана законнымъ епископомъ, требовали, чтобы онъ явился въ Римъ на судъ западныхъ епископовъ. Такъ какъ Флавіанъ медлилъ исполнить это требованіе, то три римскіе епископа, Дамасъ, Сирикій и Анастасій, преемственно осаждали Θεодосія просьбами, чтобы онъ распорядился о присылкѣ епископа антиохійскаго въ Римъ, и даже упрекали императора, что онъ низлагаетъ своихъ собственныхъ враговъ узурпаторовъ, но оставляетъ безнаказанными тѣхъ, которые тиранически посягаютъ на законы Христовы. И уже самъ императоръ склонилъ западныхъ епископовъ къ миру и общенію съ Флавіаномъ. Такимъ образомъ сами епископы поощряли императора къ вмѣшательству въ дѣла церковныя.

Изъ времени царствованія Аркадія на востокъ (395—408) и Гонорія на западъ (395—423) можно отмѣтить слѣдующіе факты отношенія между церковію и государствомъ.

На ходъ пелагіанскаго спора имѣли немаловажное вліяніе эдикты Гонорія 418 г., въ силу которыхъ пелагіане подвергались гражданскому преслѣдованію. Эти эдикты изданы были по желанію африканскихъ епископовъ, но въ такой моментъ спора, когда папа Зосимъ еще не высказалъ своего окончательнаго сужденія по вопросу спора и ожидалъ болѣе подробныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ. Въ дѣлѣ Златоуста императорская власть—по формѣ, по крайней мѣрѣ—явилась лишь исполнительницею произнесеннаго противъ него приговора церковной власти. Но когда папа Иннокентій потребовалъ пересмотра дѣла Златоуста на вселенскомъ соборѣ, его требованіе въ Константинополѣ оставили безъ послѣдствій, какъ оскорбительное для верховной власти (Socr. VIII, 28).

Для характеристики сознанія представителей церкви того времени интересны слѣдующія заявленія. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Златоустъ говорить, что христіанамъ непозволительно (οὐδὲ θεμις) ниспровергать заблужденіе насиліемъ и при-

нужденіемъ, но слѣдуетъ содѣловать спасеніе человѣковъ путемъ разумнаго и кроткаго убѣжденія (in Baby.); въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что лучше претерпѣвать гоненіе, чѣмъ преслѣдовать другихъ (in Rhoc.). Когда военачальникъ Аркадія готъ Гайна потребовалъ у императора, чтобы аріанамъ была уступлена одна изъ константинопольскихъ церквей, Златоустъ, тогда уже епископъ константинопольскій, заявилъ въ присутствіи императора, что это требованіе противно законамъ Θεодосія В., что благочестивый императоръ не долженъ посягать на права церкви, что лучше ему лишиться царства, чѣмъ стать нечестивымъ предателемъ дома Божія (Soz. VIII, 4). Ставъ епископомъ константинопольскимъ, онъ ревностно преслѣдовалъ несогласныхъ съ церковію (новатіанъ и квартодециманъ, Soz. VI, 19).

Съ другой стороны, Августинъ, прежде державшійся мысли о незаконности принужденія въ дѣлахъ вѣры, путемъ опыта въ борьбѣ съ донатистами дошелъ до того мнѣнія, что путь нравственнаго убѣжденія, конечно, прекрасный и самый лучший, но не всегда практически примѣнимый, что для пользы самихъ же заблуждающихся слѣдуетъ дѣйствовать и страхомъ и насиліемъ. Тѣхъ, которые не входятъ въ дверь церкви добровольно, слѣдуетъ принудить войти. Въ этомъ духѣ Карфагенскій соборъ 404 года ходатайствовалъ предъ императоромъ Гоноріемъ о распрóстраненіи на донатистовъ карательныхъ законовъ, направленныхъ противъ еретиковъ. Просьба собора, разумѣется, была уважена.

Свои воззрѣнія по вопросу о принужденіи въ дѣлахъ вѣры онъ излагаетъ въ своемъ посланіи къ донатисту Винцентію (epist. 93, al. 48). Послѣдній, какъ извѣстно, находилъ, что для церкви безнравственно обращаться къ императору, что этимъ имя Христово хулится. Августинъ доказывалъ, что если на кого и нужно плакаться, то на самихъ же донатистовъ которые первые вмѣшали императора въ это дѣло. «Кто изъ нашихъ или вашихъ, продолжалъ Августинъ, не хвалитъ страха наказанія, тяготящаго надъ язычниками, а между тѣмъ наказанія язычниковъ страшнѣе, чѣмъ наказанія донатистовъ. Первымъ за принесеніе жертвъ угрожала смерть, а вторымъ за ихъ расколъ—лишеніе имущества. Вы, подобно намъ, восхваляете первый законъ, потому что онъ прилагаетъ язычниковъ ко Христу». Значитъ, Винцентій былъ солидаренъ съ Августиномъ во мнѣніи о наказаніи язычниковъ. Августинъ

отступилъ отъ прежнихъ своихъ воззрѣній, а прежнія его воззрѣнія таковы: никого не нужно принуждать къ единенію со Христомъ, а нужно дѣйствовать словомъ; нужно побуждать логикою, а не наказаніями. Оставилъ же это воззрѣніе Августинъ не вслѣдствіе какихъ-либо резонныхъ возраженій, которыя онъ могъ слышать. «Я подался фактамъ, говоритъ онъ. Епископы забросали меня примѣрами, стали указывать не на отдѣльныя только лица, но и на цѣлые города, въ которыхъ прежде господствовалъ донатизмъ, а нынѣ царитъ православіе. Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи мой городъ, жители котораго были прежде донатистами, а теперь подъ вліяніемъ императора обратились въ православіе и съ такою ненавистью относятся къ донатистамъ, что и подумать нельзя, чтобы онъ когда-нибудь былъ городомъ донатистовъ». Значитъ, Августинъ уступаетъ предъ статистическими данными. Важенъ анализъ самаго состоянія обращающихся донатистовъ. Августинъ находитъ, что донатисты твердыхъ убѣжденій не имѣютъ. Поэтому приказаніе императора есть хорошій поводъ къ ихъ обращенію. Дѣло въ томъ, что одни были на сторонѣ донатистовъ неискренно, но безъ внѣшняго побужденія переходить въ православіе не хотѣли, чтобы своимъ переходомъ не оскорбить добрыхъ знакомыхъ, и эти донатисты радовались изданію закона. Другіе, напротивъ, говорили, что дѣйствовали, не зная истины и не желая узнать ее; но подъ вліяніемъ изданнаго закона они стали подумывать: а что если, лишившись благъ съ донатизмъ, они не получаютъ ихъ и въ каеоличествѣ, вслѣдствіе чего начали изслѣдовать и то и другое и пришли къ заключенію, что каеоличество лучше донатизма. Третьи полагали, что въ какой формѣ ни исповѣдуй христіанство, все равно, вслѣдствіе чего по изданіи закона безъ особеннаго сопротивленія принимали каеолическую вѣру. Четвертые удерживались по невѣжеству и, благодаря распространявшимся ложнымъ слухамъ, боялись вступать въ каеолическое христіанство, какъ домъ мерзости; но когда были принуждены къ тому закономъ, то увидѣли, что въ немъ нѣтъ ничего мерзкаго. Такимъ образомъ на донатистовъ приходилось дѣйствовать посредствомъ наказаній. Въ отпоръ Августину Винцентій ссылался на учителей церкви; но становится на почву этихъ свидѣтельствъ Августинъ не находитъ нужнымъ, потому что еще вопросъ, не перемѣнили ли эти учителя церкви своихъ мнѣній впослѣдствіи. Онъ считаетъ достаточными основанія

изъ Св. Писанія; онъ указываетъ на слова: «*понуди войти*» (Лук. XIV, 23), и на ап. Павла, который обращенъ не кроткимъ внушеніемъ, но ослѣпленіемъ,—а кто скажетъ, что тяжелѣе лишиться имущества, чѣмъ зрѣнія.

Такимъ образомъ въ своемъ посланіи Августинъ развилъ ту мысль, что императоры должны работать Богу со страхомъ. Власть ихъ отъ Бога. Въ данномъ случаѣ изданіе закона есть работа Богу, если оно, дѣйствуя въ пользу истины, обращаетъ къ истинѣ; а если оно противно истинѣ, то является испытаніемъ для правовѣрныхъ и опасностію для слабыхъ. Вообще здѣсь личныя воззрѣнія Августина проведены вѣрно, ибо побѣда истины должна заключаться въ любви. Но всетаки воззрѣнія его таковы, что содержатъ въ себѣ прецеденты, годные для инквизиціи. Здѣсь критерій ставится внѣшній и потому вопросъ о свободѣ совѣсти отодвигается на задній планъ. Значитъ, мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ церковно-политическимъ, которое не допускаетъ ничего такого, что можно разсматривать какъ триумфъ враговъ надъ православными.

Такимъ образомъ преслѣдованіе еретиковъ при содѣйствіи свѣтской власти стало обычнымъ явленіемъ, не только твердо укоренилось въ практикѣ, но и съ яснымъ сознаніемъ возведено въ теорію. Слѣдовательно одинъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ противъ вмѣшательства государства въ дѣла церкви долженъ былъ потерять свою силу.

Царствованіе Θεодосія Младшаго (408—450) богато крупными церковно-историческими событіями, вызвавшими рядъ письменныхъ памятниковъ, выясняющихъ теоретическія начала отношенія между церковію и государствомъ, формы ихъ взаимодѣйствія. Всѣмъ извѣстна энергичная фраза Несторія: «помоги мнѣ, государь, одолѣть еретиковъ, и я помогу тебѣ въ борьбѣ съ персами». А пана Келестинъ находитъ даже, что дѣло вѣры для императора должно быть важнѣе, чѣмъ дѣло государства: «Ваша милость должна быть болѣе озабочена миромъ церковей, нежели безопасностію имперіи». Такъ смотрѣли на дѣло представители церкви.

Весьма замѣчательно, что самъ императоръ Θεодосій весьма твердо держался принципа невмѣшательства во внутреннія дѣла церкви и желалъ содѣйствовать возстановленію мира чисто церковными средствами. Его грамоты, относящіяся къ Ефесскому собору, представляютъ прекрасный памятникъ этого высокаго взгляда на церковь и ея свободу. «Всякому извѣ-

стно, отъ приказаній ли болѣе получаетъ твердости благочестіе, или отъ совѣщаній». Императорскому комиссару поставлено было въ обязанность устранять все, что могло стѣснять отцовъ собора, чтобы возбужденный догматическій вопросъ выясненъ былъ со всею возможною глубиною, но самому комиссару приказано, чтобы онъ нисколько не вмѣшивался въ происходящее изслѣдованіе о догматахъ, «ибо не принадлежащему къ числу святѣйшихъ епископовъ несправедливо вмѣшиваться въ дѣла церковныя». Но все случилось противъ его намѣреній. Къ сожалѣнію, послѣдній потомокъ великаго Θεодосія былъ слишкомъ слабъ характеромъ, чтобы настойчиво провести свои благородныя воззрѣнія. Онъ всегда былъ безпомощною игрушкою въ рукахъ придворныхъ, а они держались на данный вопросъ совѣмъ другихъ взглядовъ. Никогда, можетъ быть, со временъ Константія придворная интрига, подкупы, взятки не играли такой роли въ ходѣ дѣлъ церковныхъ, какъ въ это время, когда человѣкъ, глубоко понимавшій и церковные интересы и церковное достоинство, писалъ императору: «ты окажешь церкви услугу, если заставишь твоихъ придворныхъ перестать богословствовать» (Исидоръ Пилусіотъ). А къ тому же и сами представители церкви далеко не всѣ стояли на стражѣ церковной независимости. Представители православныхъ употребили самое сильное нравственное давленіе на императора, чтобы заставить выйти его изъ этого нейтралитета. Его личныя усилія возстановить церковный миръ—не имѣли успѣха; но его законы, направленные противъ низложеннаго Несторія, были привѣтствованы какъ проявленія ревности по Богѣ въ духѣ пророка Іліи, который не удовольствовался тѣмъ, что обличалъ лживыхъ пророковъ, но хотѣлъ наказать и погубить ихъ. Наконецъ, когда недовѣріе императора къ сословію епископовъ возросло до того, что онъ прислалъ на мѣстный константинопольскій соборъ 448 г. патриція мірянина для наблюденія за православіемъ разсужденій, соборъ привѣтствовалъ это распоряженіе возгласами: «многая лѣта царю нашему архіерею!» — Какъ извѣстно, здѣсь впервые соборно признанъ за императоромъ тотъ характеръ, который приписывалъ себѣ Константинъ В. Подобный образъ выраженія сдѣлался даже очень употребительнымъ въ эту эпоху. Левъ В. съ радостью привѣтствовалъ обнаруженія не только царскаго, но и священническаго, даже апостольскаго духа въ императорахъ Θεодосіи II и Львѣ I.

Преемники Θεодосія, Маркіанъ и Левъ, держались даже строже, чѣмъ онъ, его принципа церковной политики—невмѣшательства во внутреннія дѣла церкви, и одаренные характеромъ твердымъ, съ успѣхомъ проводили его въ жизнь. Не смотря на то, что Маркіану (450—457) выпала такая видная роль въ церковной исторіи, что, перечитывая его переписку со Львомъ I, можно думать, что не Анатолій, а Маркіанъ былъ епископомъ константинопольскимъ, этотъ императоръ дѣйствовалъ почти исключительно церковными средствами. Равнымъ образомъ и Левъ I (457—474), когда поднятъ былъ вопросъ объ авторитетѣ Халкидонскаго собора, умѣлъ разрѣшить его путемъ строго законнымъ и воздержаться отъ всякаго насилія, не смотря на то, что папа Левъ I, вообще не затруднявшійся прибѣгать къ содѣйствию императорской власти для достиженія догматическихъ или административныхъ своихъ цѣлей,—просто рекомендовалъ ему обуздать дерзость неправомыслящихъ и ни въ какомъ случаѣ не допускать какихъ бы то ни было разсужденій относительно того, что рѣшено на IV вселенскомъ соборѣ.

Иначе пошли дѣла при преемникахъ Льва I. Узурпаторъ Василискъ (475—476) въ 475 г. издалъ знаменитый *ἐγκύκλιον*, которымъ онъ отмѣнялъ обязательность Халкидонскаго собора. Это—первый опытъ разрѣшенія догматическихъ вопросовъ непосредственно императорскою властью. Измѣнившіяся политическія обстоятельства побудили Василиска весьма скоро взять назадъ свое окружное посланіе. Императоръ Зинонъ (474—491) въ 482 г. издалъ свой энотиконъ, послужившій поводомъ къ разрыву между западною и восточною церковью. Въ этотъ періодъ папы въ своихъ посланіяхъ не замедлили указать императору на различіе между государственною и церковною властью, на превосходство послѣдней надъ первою; поставлена была имъ на видъ вся противозаконность ихъ вмѣшательства въ дѣла церкви; явилась на свѣтъ теорія о двухъ мечахъ. Въ 493 г. папа Геласій писалъ императору Анастасію: «Двѣ силы, августѣйшій императоръ, по преимуществу управляютъ этимъ міромъ, это—священный авторитетъ архіереевъ и царская власть, и между ними тѣмъ важнѣе значеніе священниковъ, что они и за самихъ царей должны дать отвѣтъ Господу на судѣ Его. Ты знаешь, что хотя по своему сану ты стоишь во главѣ (*praesideas*) человѣческаго рода, но и ты склоняешь свою волю передъ пред-

стоятелями дѣлъ божественныхъ, къ нимъ ты обращаешься въ дѣлѣ твоего спасенія, отъ нихъ ты получаешь небесныя таинства. Ты знаешь, слѣдовательно, что въ дѣлахъ вѣры ты долженъ подчиняться ихъ законнымъ распоряженіямъ, а не начальствовать надъ ними,—не ихъ покорять твоей волѣ, а самъ руководиться ихъ сужденіемъ». Восточные епископы, напротивъ, въ большинствѣ подчинялись формально всѣмъ велѣніямъ двора послѣ довольно слабого сопротивленія.

Нужно, впрочемъ, прибавить, что не византійскій деспотизмъ и не стремленіе расширить предѣлы своей самодержавной власти до абсолютизма заставляли императоровъ такъ грубо мѣшаться во внутреннія дѣла церкви, а можно сказать, печальная необходимость. Споры монофиситовъ съ православными принимали такіе размѣры и формы, что серьезно угрожали общественному спокойствію. Сами императоры рисковали своимъ престоломъ. Между тѣмъ во внѣшнихъ врагахъ имперіи не было недостатка, и императоры поневолѣ должны были пуститься на всевозможные уніональные опыты, чтобы создать изъ своихъ подданныхъ хотя сколько-нибудь солидарное единство. Какъ мало въ этомъ нарушеніи правъ церкви было деспотическаго, это лучше всего показываетъ царствование Анастасія (491—518). Власть императора была такъ слаба, что онъ, чтобы утвердиться на престолѣ, долженъ былъ дать патриарху Евфимію унизительное клятвенное обѣщаніе ничего не вводить новаго въ вѣрѣ и твердо держаться Халкидонскаго собора. Борьба религіозныхъ партій въ Константинополѣ доходила до того, что императоръ едва сохранилъ свою корону. Въ свое царствованіе онъ перепробовалъ едва ли не всѣ уніональные средства, поддерживалъ и знотиконъ Зинона, пытался умиротворить государство и церковь на *statu quo*, чтобы въ тѣхъ церквахъ, гдѣ отвергали Халкидонскій соборъ, не смѣли признавать его, и наоборотъ, наконецъ, въ послѣдніе годы своего царствованія долженъ былъ дать обязательство вступить въ переговоры съ римскою церковью, и умеръ ненавидимымъ своими подданными, которымъ онъ казался манихеемъ.

При Юстиніанѣ В. (527—565) положеніе дѣлъ осталось въ общемъ то же. Императоръ, правда, не издавалъ отъ своего имени догматическихъ формулъ, обязательныхъ для вѣрующихъ, но поводовъ къ вмѣшательству въ дѣла церкви было не мало и въ его царствованіе. Уніональныя попытки

продолжаются и теперь. Императоръ созываетъ соборы, но его пригласительныя грамоты принимаютъ форму цѣлыхъ богословскихъ трактатовъ съ формулами анаематизмовъ, такъ что цѣли соборныхъ совѣщаній опредѣляются ясно. Императоръ умѣлъ какъ немногіе производить давленіе на епископовъ, и никогда еще римскіе папы не стояли въ такомъ зависимомъ положеніи отъ константинопольскаго двора, какъ въ это царствованіе. Въ первые годы Юстиніанъ велъ борьбу съ монофиситами, затѣмъ пытался примириться съ ними, пожертвовавъ тремя главами, а въ послѣдніе годы онъ пытался было ввести въ церковь афеартодокетизмъ. Смерть Юстиніана избавила церковь отъ этой новой бури.

Въ своихъ новеллахъ и эдиктахъ императоръ далъ классическое выраженіе теоріи двухъ властей, священства и имперіи. Есть два величайшихъ блага, говорится въ 6 новеллѣ, дары милости Всевышняго людямъ,—*sacerdotium et imperium*. Каждое изъ этихъ благъ, дарованныхъ людямъ, установлено Богомъ, имѣетъ свое собственное назначеніе. Но исходя изъ одного и того же начала, они и проявляются въ единеніи, въ совмѣстной дѣятельности. Всякій разъ какъ приговоръ священниковъ низлагалъ какихъ-нибудь еретиковъ, имперія всегда оказывалась въ согласіи съ авторитетомъ священства. Имперія, по Юстиніану, должна имѣть надзоръ надъ священствомъ и величайшее попеченіе объ истинныхъ Божіихъ догматахъ и чести священниковъ. «*Nos igitur maximam habemus sollicitudinem circa vera Dei dogmata et circa sacerdotum honestatem*».

Эта теорія вѣрно воспроизводитъ постоянно практиковавшіяся отношенія этихъ двухъ элементовъ, равно какъ и самое царствованіе Юстиніана—вполнѣ законный выводъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя подготовила предшествующая исторія. Принципъ, высказанный Юстиніаномъ, удержался и въ послѣдующей исторіи: не доставало только того, чтобы императоръ самъ поставилъ вопросъ: «развѣ всякій христіанскій императоръ не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и священникъ?» До яснаго сознанія возможности этого вывода дошли только въ послѣдующее время (въ VII—VIII вв., Констансъ, Левъ Исавръ).

Попытаемся подвести итогъ этимъ частнымъ даннымъ исторіи отношеній между церковію и государствомъ. Съ самыхъ же первыхъ годовъ по объявленіи христіанской религіи государственною отношенія между церковью и государствомъ строятся

не на основаніи различія, а на основаніи солидарности между церковью и государствомъ. По крайней мѣрѣ сознание этой послѣдней оказывается наиболѣе энергичнымъ и постоянно заявляетъ себя въ практикѣ. Церковь не отвергаетъ самостоятельности государства, послѣднее признавало такой же характеръ за церковію. Но между тѣмъ какъ это признание со стороны церкви имѣетъ самый полный смыслъ и въ этотъ періодъ іерархія никогда не посягала на политическія права государства, — когда послѣднее признавало церковь самостоятельной, то это имѣло смыслъ очень скромный. Само собою предполагалось, что своею собственною властью императоръ не можетъ, напримѣръ, рукоположить епископа, совершить общественное богослуженіе, словомъ, не имѣетъ права на дѣйствія чисто сакраментальнаго характера. Но императоры, по крайней мѣрѣ многіе, хотѣли быть и епископами виѣшнихъ дѣлъ церкви, и леств епископовъ признавала за ними это свойство. Такое положеніе императорской власти открывало весьма много возможностей для вмѣшательства въ дѣла церкви. Не считая себя въ правѣ рукополагать извѣстнаго епископа, императоры считали себя въ правѣ низложить того, кто имъ былъ неугоденъ, и содѣйствовать избранію угоднаго имъ кандидата. Иногда эти дѣйствія облечены были въ церковныя формы, низложеніе епископа освящалось постановленіемъ какого-нибудь собора, а иногда обходились и безъ этого. Точно также, благодаря своему положенію относительно соборовъ, императоры вліяли, конечно временно, даже на самыя догматическія вѣроопредѣленія: помимо нравственнаго давленія на епископовъ, императоры могли повліять на составъ собора, и отказавъ въ созваніи новаго собора, дать временное преобладаніе какому-нибудь скороспѣлому церковному опредѣленію.

Эти фактическія ограниченія церковной независимости должны были повторяться тѣмъ чаще, что сами представители церкви не вполнѣ были согласны между собою ни относительно объема, ни относительно цѣнности той независимости, на которую имѣетъ право церковь. Въ извѣстные моменты это сознание вспыхивало яркимъ пламенемъ, заявляло себя живо и сильно, но болѣею частью оно было очень слабо. Противорѣчіе между словомъ и дѣломъ христіанскихъ епископовъ было, можно сказать, постоянное.) Съ одной стороны они мотивировали право церкви на самостоятельность тѣмъ, что насиліе противорѣчитъ

самоу существу религіознаго убѣжденія, съ другой стороны они не только позволяли, но и требовали, чтобы еретики подвергались дѣйствию карательныхъ законовъ, такъ что гоненіе противъ еретиковъ есть постоянный фактъ въ этотъ періодъ церковной исторіи. Съ одной стороны епископы выставляли на видъ различіе между Божиимъ и кесаревымъ, съ другой стороны они позволяли себѣ прибѣгать къ суду императора по дѣламъ церковнымъ, повергали на его усмотрѣніе даже вопросы вѣроученія, просили его не позволять пересмотра извѣстныхъ догматическихъ формулъ. Словомъ, представители церкви большею частью выше цѣнили покровительство императора, чѣмъ свою независимость: желая видѣть свѣтскую власть слугою церкви, они не особенно заботились о томъ, что граница между церковнымъ и государственнымъ становится незамѣтною; принимали благопріятный для нихъ результатъ и смотрѣли сквозь пальцы на средства, которыми онъ достигнутъ. Правильное развитіе отношеній между церковью и государствомъ затемнялось узкимъ приспособленіемъ къ обстоятельствамъ, къ потребностямъ данной минуты. Желали, чтобы императоръ не вмѣшивался въ дѣла церковныя, но еще болѣе желали (прямо требовали), чтобы онъ покровительствовалъ православнымъ. Далекіе отъ того, чтобы поощрять царя къ прямымъ гоненіямъ противъ еретиковъ или иновѣрцевъ, епископы однако оставляли безъ протеста тѣ случаи, когда свѣтская власть поступала съ еретиками не по принципамъ строгой равноправности, даже противодѣйствовали ихъ строгому примѣненію. У нихъ были двѣ мѣрки: одна для православныхъ, другая для заблуждающихся.

Было еще различіе въ воззрѣніяхъ церкви и государства на цѣль союза между ними. Государство отъ перваго до послѣдняго момента этого періода видѣло въ союзѣ съ церковью залогъ своей собственной крѣпости, солидарнаго единства между его членами. Церковь съ своей стороны признавала справедливость такого воззрѣнія на нее. Но для своихъ практическихъ цѣлей государство желало бы видѣть это единство фактически существующимъ и потому враждебно относилось ко всякимъ проявленіямъ розни въ самой церкви. Поэтому какъ скоро возникали догматическіе споры, государство прежде всего и больше всего заботилось о возстановленіи формальнаго единства и мира, тогда какъ въ интересахъ церкви важнѣе всего была истина. Это различіе стремленій незамѣтно

приводило къ путаницѣ въ отношеніяхъ между церковью и государствомъ.

Еще Сократъ въ своей церковной исторіи писалъ: «съ тѣхъ поръ какъ императоры стали христіанами, дѣла церкви стали отъ нихъ зависѣть» (V, прооет.). Это замѣчаніе вѣрно формулируетъ установившіяся въ этотъ періодъ отношенія между церковью и государствомъ. Нужно только прибавить, что не исключительно императоры съ ихъ притязаніями на роль *pontifex maximus* въ дѣлахъ религіи были творцами этого положенія дѣлъ. Оно было естественнымъ послѣдствіемъ несовершенствъ членовъ самой церкви. Обыкновенно епископы постоянно шли впереди императоровъ, направляли въ эту сторону ихъ дѣятельность, и это тогда, когда императоры видимо были расположены дѣйствовать по ихъ указаніямъ. И епископы восточные и епископы западные не мало привнесли къ тому, что отношенія сложились такимъ образомъ. Но требованіе церковной независимости чаще было заявляемо со стороны латинской церкви, чѣмъ со стороны греческой. Несвободные отъ промаховъ, непослѣдовательные въ своихъ воззрѣніяхъ, латинскіе епископы умѣли, однако, энергичнѣе ихъ восточныхъ собратьевъ отклонять покушенія свѣтской власти на свободу церковныхъ отношеній.

IV. Борьба христіанства съ язычествомъ въ жизни и мысли.

[Выше была уже рѣчь объ отношеніи къ язычеству Константина В. (306—337) и Константія (337—361). При язычникѣ Юліанѣ (361—363) сдѣлана была попытка къ восстановленію язычества]. Въ царствованіе Юліана церковь Христова перенесла страшныя притѣсненія, но со смертію Юліана начатое имъ дѣло разсѣялось какъ дымъ. Его преемникъ Іовіанъ (363) былъ христіанинъ и не хотѣлъ даже принять начальства надъ языческими войсками. Преемникъ Іовіана Валентиніанъ I (364—375) былъ тоже христіаниномъ и держался свободы религіозныхъ убѣжденій. Восточнымъ соправителемъ его Валентомъ (364—378), который хотѣлъ дать торжество аріанской партіи, язычники также не имѣли повода быть недовольными. Случаи притѣсненія язычниковъ были при немъ довольно рѣдки и имѣли мѣстный характеръ.

При императорѣ Гратіанѣ (375—383) начинается постепенное ограниченіе и подавленіе язычества. Такъ, Гратіанъ не принялъ титула «pontifex maximus», каковой носили всѣ предыдущіе императоры, удалилъ изъ сената статую Викторіи, лишилъ привилегій весталокъ и запретилъ языческія жертвоприношенія, соединенныя съ гаданіями. Валентиніанъ II (383 — 392), находясь подъ вліяніемъ Амвросія медиоланскаго, продолжалъ политику своего брата; онъ не пожелалъ именоваться pontifex maximus, изъ-за чего произошелъ ропотъ въ народѣ. «Если Валентиніанъ не желаетъ быть pontifex maximus, говорили язычники, то Максимъ будетъ pontifex'омъ». Произошло возстаніе и смуты.

Когда утвердился на престолѣ Θεодосій Старшій (379—395), по отношенію къ язычникамъ не произошло перемѣны. Въ своей политикѣ онъ держался равновѣсія. Въ 381 г. 21 декабря онъ издалъ эдиктъ, запрещавшій жертвоприношенія, соединенныя съ гаданіями и заклинаніями. Въ 382 г. онъ дозволилъ открыть языческій храмъ въ Эдессѣ, какъ художественный памятникъ. Въ 386 г. христіане были освобождены отъ взносовъ на содержаніе языческихъ храмовъ и отъ муниципальныхъ должностей, соединенныхъ съ язычествомъ. Въ принципахъ выходило, что язычество еще имѣло будущность. Съ 387 по 391 г. императору пришлось быть на западѣ. Здѣсь онъ, познакомившись съ язычествомъ, рѣшился дать торжество христіанству. Подъ вліяніемъ Амвросія онъ издалъ два указа, которыми запрещались жертвоприношенія и входъ въ языческіе храмы для жертвоприношенія и поклоненія рукотвореннымъ. Но политическія соображенія заставили императора въ этомъ направленіи пойти далѣе. Именно, въ то время произошло возмущеніе Максима и Евгенія. Последній, [покровительствуя язычникамъ], имѣлъ на знамени изображеніе Геркулеса. Отсюда Θεодосій замѣтилъ, что возмущеніе происходило во имя язычества. Поэтому въ 392 г. онъ издаетъ рескриптъ, запрещающій языческій культъ, какъ оскорбленіе царскаго величества. Разныя должностныя лица подъ страхомъ наказаній должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы не совершалось жертвоприношеній. Такимъ образомъ, общая характерная черта царствованія Θεодосія та, что онъ хотѣлъ дать язычникамъ предостереженіе, но не желалъ казнить ихъ.

При Аркадіи (395—408) противъ язычества предпринимаются практическія мѣры—организуются миссіи для обра-

щенія язычниковъ, подчасъ насильственно разрушаются языческіе храмы. Всѣ подобныя явленія оказались необходимыми для защиты христіанскаго населенія. Изъ жизни Порфирія газскаго видно, каково жилось христіанамъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ было много язычниковъ. Каждое разрушеніе языческихъ храмовъ показывало, что на сторонѣ христіанъ—сила, и призывало язычниковъ къ спокойствію и скромности.

На востокѣ язычество было болѣе распатано, чѣмъ на западѣ. Въ западной половинѣ имперіи Гонорію (395—423) приходилось считаться съ язычествомъ въ лицѣ придворныхъ. Такъ, Стилихонъ мечталъ о восстановленіи язычества, какъ религіи государственной. Въ 399 г. Гонорій издаетъ, по его вліянію, два указа, которыми ограждалась неприкосновенность языческихъ храмовъ, какъ архитектурныхъ памятниковъ и зданій для пиршествъ. Въ 408 г. онъ уже запрещаетъ язычникамъ находиться въ гвардейскихъ корпусахъ, хотя впрочемъ это запрещеніе оставалось мертвой буквой. Язычество было живо. Въ томъ же 408 г. во время осады Рима Аларихомъ были совершены языческія жертвоприношенія.

При императорѣ Львѣ (457—474), квесторъ Антіохіи Исокасій, обвиненный въ принадлежности къ языческой вѣрѣ, подвергся уголовному преслѣдованію; кончилось дѣло крещеніемъ (Zonar. XIV, 1). Аѳинская языческо-философская школа продолжала существовать до 529 г., когда была разрушена Юстиніаномъ. Сирійскій историкъ Іоаннъ, епископъ ефесскій, рассказываетъ о себѣ, что въ миссіонерскую поѣздку 542 г. онъ обратился въ христіанство до семидесяти тысячъ язычниковъ.

Такимъ образомъ язычество существовало и считало въ своей средѣ многія тысячи. Только язычники не заявляли открыто своихъ религіозныхъ убѣжденій. Епископамъ и гражданскимъ чиновникамъ вмѣнено было въ обязанность привлекать язычниковъ къ судебному слѣдствію. Такимъ образомъ человѣкъ дотолѣ не былъ преслѣдуемъ правительствомъ за содержаніе язычества, пока не было доноса. Итакъ мы видимъ, что язычники и христіане помѣнялись ролями. Язычество превратилось въ недозволенную религію, но еще существовало. Язычникъ могъ подняться высоко по общественной іерархической лѣстницѣ; но стоило донести на него, и онъ попадалъ въ опалу. Язычество существовало и послѣ Юстиніана, причемъ на западѣ оно держалось упорнѣе, чѣмъ на востокѣ, а потому

тамъ нерѣдко происходили враждебныя столкновения между язычниками и христіанами.

Произошла перемѣна и въ области руководящихъ идей. Прежде язычество было стороною нападающею; теперь же, напротивъ, такою стороною стало христіанство. Раньше, напр., Порфирій писалъ сочиненія противъ христіанъ, а христіане составляли трактаты въ защиту своего ученія и въ опроверженіе языческихъ навѣтовъ. Теперь же язычники сами обращаются къ защитѣ своей вѣры отъ нападокъ христіанъ. Во главѣ ихъ выступилъ Ѳемистій, пользовавшійся почетомъ у Юліана и Ѳеодосія Великаго. Послѣдній даже поручилъ ему воспитаніе своего сына, Аркадія. Онъ проводилъ мнѣніе, что каждый долженъ вѣровать такъ, какъ требуетъ его совѣсть. Другой апологетъ язычества, Ливаній, защищалъ послѣднее на практической почвѣ. Онъ вопіялъ противъ разрушенія языческихъ храмовъ и старался оградить язычниковъ отъ посягательства христіанъ на ихъ свободу. Этого рода произведенія, представляющія близкую аналогію съ судебными апологіями древнихъ христіанскихъ писателей, не вызывали со стороны христіанъ никакого отвѣта литературнаго (если не считать короткаго письма Амвросія противъ Аврелія Симмаха).

Съ научной стороны полемизируютъ противъ христіанъ императоръ Юліанъ (*κατὰ χριστιανῶν*, 363 г.) и Прокль († 485). Сочиненіе перваго представляетъ наиболѣе глубокое, основанное на многостороннемъ изученіи христіанской доктрины нападеніе на нее. Прокль возражалъ противъ ученія о твореніи и кончинѣ міра съ точки зрѣнія философской. Наконецъ, языческіе историки въ родѣ Евнапія и Зосима служатъ своему дѣлу, представляя въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ дѣятельность христіанскихъ императоровъ. Что касается до діалога «Филопатрисъ», то въ опредѣленіи его происхожденія ученые колеблются между 261 и 969 [976] г.

Со стороны христіанскихъ писателей настоящей эпохи составлено нѣсколько апологетическихъ произведеній научнаго характера. [Еще въ первую половину IV в. выступали съ апологетическими трудами] Лактанцій: *Institutionum divinarum libri VII*, Евсевій Кесарійскій: *Προπαρασκευὴ εὐαγγελικὴ* и *Ἀποδείξεις εὐαγγελικῆς*, Аѳанасій В.: *Κατὰ τῶν Ἑλλήνων* и *Περὶ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Λόγου*. Сочиненіе Ѳеодорита кирскаго: *Ἑλληνικῶν θεραπευτικῆς παιδιμάτων* служитъ завершеніемъ этихъ трудовъ общепологетическаго характера. Въ частности,

Юліана опровергалъ Кириллъ александрійскій, Прокла Іоаннь Филопонъ (VI в.). Наконецъ. сочиненіе Юлія Фирмика Матерна (343—350): *De errore profanarum religionum*, гдѣ рекомендується истреблять язычество огнемъ и мечемъ, по этой практической тенденціи составляетъ антиподъ рѣчамъ языческихъ ораторовъ.

Своеобразный родъ апологетики составляютъ сочиненія историческаго характера, вышедшія изъ подъ пера западныхъ писателей. Масса народная вѣрила, что строй государственной жизни тѣсно связанъ съ древней отечественной религіей, и потому причину всѣхъ бѣдствій народныхъ усматривала въ христіанахъ, какъ нарушителей и отступниковъ отъ истинной древней религіи. Это обстоятельство побудило Орозія составить «всемирную исторію»: *Historiarum adversus paganos libri VII* [417—418]. Въ началѣ ея проводится та мысль, что бѣдствія встрѣчались всегда, а затѣмъ разсматриваются и настоящія бѣдствія. Въ нихъ авторъ, помимо всего худого, усматриваетъ и нѣкоторыя добрыя стороны. Одной изъ такихъ добрыхъ сторонъ было обращеніе варваровъ въ христіанство, чего не было бы при счастливыхъ оборотахъ дѣлъ.

Тѣ же самыя событія, но только съ философской точки зрѣнія, разсматриваетъ и бл. Августинъ въ своемъ сочиненіи «*De civitate Dei*» [413—426]. Въ основаніе всемирной исторіи онъ полагаетъ фактъ паденія челоуѣчества, присоединяя къ сему то, что и сами языческіе писатели относятъ паденіе языческой нравственности ко времени перваго успѣха римскаго оружія, завоеванія Картагена. Наконецъ, и побужденіемъ къ основанію римской имперіи была любовь къ славѣ, добродѣтель патриотическая, а не религіозная. Но за временную добродѣтель и награда можетъ быть только временная. Такою наградой и является долговременное существованіе римской имперіи. Этому временному «граду» Августинъ противопоставляетъ градъ небесный, основанный на незыблемой скалѣ и все переживающей, т. е. церковь Христову. Градъ Божій будетъ существовать до времени совершеннаго покоя и созерцанія Бога.

Съ такою же темою выступаетъ и галльскій пресвитеръ Сальвіанъ. Причиною написанія его сочиненія «*De gubernatione Dei*» или «*De praesenti iudicio*» [439—451] было паденіе Рима. Это событіе на лучшихъ римлянъ производило ужасное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что нападенія варваровъ послѣ этого

усилились. Жаловались на христіанъ, какъ на виновниковъ бѣдствій, и спрашивали: есть ли провидѣніе, когда Римъ, вѣчный городъ, разрушенъ? Тонъ его сочиненія въ отличіе отъ сочиненія Августина — грустный. Авторъ изображаетъ здѣсь грубость варваровъ и порочность римскихъ христіанъ. Порочность послѣднихъ особенно его поражала, такъ какъ она есть результатъ утонченности, а не грубости. Что сказать о христіанахъ, о церкви, которая должна бы умилостивлять Бога? Много ли въ ней не пьяницъ, не убійцъ, но тѣхъ, которые были бы вообще безпорочны? Многіе изъ ея членовъ погрязаютъ въ ужасныхъ порокахъ. Противъ такихъ-то христіанъ и выступаютъ варвары и еретики. Они тоже испорчены; но это зависитъ не отъ роскоши, а отъ ихъ грубости нравственной. Впрочемъ, при всемъ томъ они болѣе способны устроить хорошее государство, чѣмъ порочные христіане. Въ заключеніе Сальвіанъ ставитъ вопросъ, какъ христіанинъ долженъ стоять при вновь сложившихся государственныхъ отношеніяхъ, и разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что къ язычникамъ должно относиться такъ же, какъ они относятся къ христіанамъ. Богъ разсудитъ, кто правъ.

Какъ церковь вышла изъ борьбы съ вновь сложившимися обстоятельствами, и какъ эти обстоятельства исторически отразились на ея жизни? До времени Константина В. сущность борьбы христіанства съ язычествомъ заключалась въ защитѣ правъ свободы совѣсти. Тертуліанъ въ письмѣ къ проконсулу Скапулѣ говоритъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право поклоняться тому, кому желаетъ, и это никому не вредно; принуждать же нельзя, такъ какъ это негодно Богу; даже человѣкъ не желаетъ, чтобы ему поклонялись поневолѣ, тѣмъ болѣе не желаетъ этого Богъ. Лактанцій говоритъ, что религію нужно защищать словами, а не ударами. Если же кто вздумаетъ защищать ее насиліемъ и злодѣяніемъ, то онъ только опозоритъ ее. Пусть язычники напрягаютъ всѣ свои умственные дарованія къ тому, чтобы защитить свою религію. Мы ихъ будемъ слушать, свирѣпствами же они ничего не сдѣлаютъ. Мы не заманиваемъ въ свое общество, а увѣщаемъ. Если никто отъ насъ не уходитъ, то не потому, что мы ихъ удерживаемъ, но сама истина ихъ удерживаетъ.

Со времени Константина В. эти взгляды на свободу религіозныхъ убѣжденій измѣнились. Правда, въ миланскомъ эдиктѣ императоръ даровалъ всѣмъ своимъ подданнымъ свободу выбора

между языческою и христіанскою религіею. Но въ послѣдующее время онъ держался того взгляда, что государственною религіею должна быть религія христіанско-каатолическая. Поэтому всѣ прочія религіи онъ стѣснялъ. Константій еще яснѣе заявилъ себя съ этой стороны [и такъ какъ онъ, покровительствуя аріанамъ, подвергъ преслѣдованію православныхъ, вызвалъ обличенія противъ себя со стороны Аѳанасія В., Иларія пиктавійскаго, Осія кордубскаго]. Въ IV в. отцы церкви становятся вообще согласно на точку зрѣнія свободы совѣсти и утверждаютъ, что принуждать къ религіи насильственными мѣрами нельзя. Но эта точка зрѣнія примѣнялась прежде всего *pro domo sua*, т. е. къ своей церкви христіанской. Поэтому является вопросъ, пользовались ли свободой совѣсти язычники?

Отвѣтомъ служить фактъ существованія христіанскихъ *κατηχούμενοι*, оглашенныхъ. Въ IV в. христіанская церковь состояла изъ лицъ, принявшихъ крещеніе въ зрѣломъ возрастѣ, и потому хорошо понимавшихъ свое желаніе и свои мотивы при переходѣ въ христіанство. Отъ 348 г. остался рядъ катехизическихъ поученій іерусалимскаго пресвитера (потомъ епископа) Кирилла, изъ которыхъ видно, что если двери церкви были открыты для лицъ, желавшихъ принять крещеніе, то слѣдовательно не были закрыты и для тѣхъ, кто желалъ выйти изъ нея. Въ этихъ своихъ поученіяхъ Кириллъ іерусалимскій говоритъ въ такомъ тонѣ: «Хотя Богъ и щедръ въ благодвореніи, но ожидаетъ отъ каждаго искренняго произволенія. Посему если ты находишься здѣсь только тѣломъ, а не душою, то нѣтъ пользы. И мы, служители церкви, принимаемъ всякаго, и нѣтъ запрета войти сюда и съ нечистымъ намѣреніемъ. Но смотри, чтобы у тебя при наименованіи вѣрнымъ не было расположенія невѣрнаго. Если ты приѣмлешь крещеніе только устами, а не сердцемъ, то берегись суда Сердцевѣдца; и если ты отступилъ отъ вѣры, то огласители не виновны; тебя приняла только вода, а не Духъ».

Такимъ образомъ церковь, стоя на высотѣ своего положенія, принимала язычниковъ, но осторожно, утверждая, что безъ внутренняго расположенія принятіе христіанства не принесетъ пользы. Съ этой точки зрѣнія—со стороны неприкосновенности внутренняго убѣжденія—и христіанство и язычество были равны. Но подлѣ этого высокаго начала были и разновидности [въ воззрѣніяхъ по вопросу о свободѣ совѣсти], оставившія свой слѣдъ на послѣдующей исторіи отношеній между христіанствомъ и язычествомъ.

Вопроса о свободѣ совѣсти касались, между прочимъ, св. Аванасій и Иларій пиктавійскій, учившіе о свободѣ исповѣданія въ защиту правъ церкви. Но вѣдь можно было это положеніе защищать и съ другой точки зрѣнія, утверждая, что церковь свободна потому, что это учрежденіе безусловно высокое, и тотъ, кто производитъ давленіе, долженъ получить разрѣшеніе отъ предстоятелей ея. Если же этого разрѣшенія нѣтъ, то не должно быть мѣста насилію. Такимъ образомъ, признавая высокое положеніе епископскаго сана, можно достигнуть тѣхъ же результатовъ. Всѣ должны слушаться предстоятелей церкви, а не давать имъ предписанія. Типичнымъ выразителемъ этого взгляда является Амвросій медиоланскій, который блистательно защищалъ интересы церкви, основываясь на авторитетѣ епископскаго сана [въ упомянутыхъ уже выше случаяхъ столкновенія его съ императорскою властію]. Стѣсненіе язычества, результатомъ чего было обращеніе въ христіанство, считалось триумфомъ церкви. Вотъ почему различныя мѣры къ тому, которыя не должны бы были употребляемы, считались хорошими. Вотъ почему съ благорасположеніемъ взглянули на *terror legum*, — на императорскіе законы, воспрещавшіе язычество. Выразителемъ такого взгляда на предметъ о принужденіи въ дѣлахъ вѣры былъ и Августинъ [въ упомянутомъ выше посланіи къ долатисту Вивцентію].

Нужно признать, что христіане вообще стояли на сторонѣ нѣсколько иного воззрѣнія. Это видно изъ того, какъ отнеслись, по разсказу въ житіи Порфирія газскаго, газскіе христіане, когда по разрушеніи храма язычники стали обращаться подъ вліяніемъ страха и когда стали у нихъ находить идоловъ и книги. Многіе познали истину добровольно, а другіе входили подъ страхомъ, церковь же всѣмъ отворяла двери. Нѣкоторые говорили, что не слѣдуетъ принимать приходящихъ по страху, а только по произволенію. Но Порфирій указываетъ, что человѣку приходится пріобрѣтать добро по случаю. Напримѣръ, кто купитъ раба неблагодарнаго, не желающаго творить волю его, тотъ вразумляетъ его словами, но затѣмъ, когда тотъ не слушаетъ, наводитъ страхъ на него ударами, сажаетъ въ темницу, вовсе не желая погубить его. И Богъ дѣйствуетъ посредствомъ наказаній, чтобы люди хотя по необходимости познали доброе. При томъ, если обращающійся приходитъ съ сомнѣніемъ, то время можетъ умягчить жестокое сердце, а если онъ не явится достойнымъ вѣрующимъ, то рожденные имъ могутъ сподобиться блаженства. Такимъ

образомъ предстоятели церкви находили возможнымъ дѣлать послабленія въ виду того, чтобы, по крайней мѣрѣ, потомки обращенныхъ такимъ образомъ родителей дѣлались хорошими христіанами.

На западѣ въ этомъ смыслѣ довольно послѣдовательно высказался Григорій В. Какъ извѣстно, онъ является, между прочимъ, хорошимъ хозяиномъ, на ряду съ церковными распоряженіями ему принадлежитъ много хозяйственныхъ распоряженій относительно церковныхъ имуществъ, благотворительныхъ дѣлъ и пр. Ему пришлось констатировать тотъ фактъ, что даже епископы иныхъ церквей не заботились, чтобы рабы, живущіе на церковныхъ земляхъ, принимали христіанство. Онъ посылалъ, между прочимъ, посланіе къ сардинскому епископу, гдѣ грозилъ послѣднему наказаніемъ за небреженіе. Онъ обратилъ вниманіе на законодательство по этому вопросу. Онъ рекомендовалъ для обращающихся іудеевъ уменьшать оброкъ, насколько это можно было дѣлать безъ вреда для церковныхъ доходовъ, надѣясь, что іудеи обратятся къ христіанской милости и примутъ христіанство. По отношенію къ крестьянамъ, которые оставались язычниками, Григорій рекомендовалъ оброкъ болѣе тяжелый, чтобы они почувствовали себя болѣе обремененными; если на церковныхъ земляхъ жили рабы-язычники, то ихъ слѣдовало вразумлять побоями и мученіями, а если—свободные язычники, то слѣдовало дѣйствовать строгимъ одиночнымъ заключеніемъ. Вотъ до какихъ практическихъ мѣропріятій дошло дѣло въ разрѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти.

Въ Испаніи, населеніе которой состояло изъ племенъ иберійскихъ, кельтическихъ и романскихъ, рьяно принялись за насильственное обращеніе [іудеевъ] въ христіанство. То же было и въ другихъ мѣстахъ. Само собою разумѣется, что при такомъ ходѣ дѣла многіе принимали крещеніе неискренно. Собору толедскому [633 г.] пришлось считаться, какъ быть съ ними. Всѣ епископы были согласны, что они не христіане, но они удостоились крещенія и принятія св. таинъ, и потому имъ нельзя было позволить выходъ изъ христіанства [cap. 57].

Въ сущности приходится пользоваться примѣрами западной жизни. Это едва ли даетъ право предполагать, что такой порядокъ дѣлъ не имѣетъ мѣста и на востокѣ. Дѣло въ томъ, что въ западной литературѣ имѣются документы (напримѣръ, переписка Григорія В.) такого рода, какихъ не оставилъ намъ

ни одинъ изъ писателей восточныхъ. Письменность востока и запада была весьма различна. Латиняне писали дѣловымъ образомъ; ихъ авторамъ было не до краснорѣчія; они гораздо болѣе даютъ матеріала для освѣщенія положенія матеріальныхъ дѣлъ. Въ Греціи же надъ дѣловитостью брала верхъ риторика культивировавшая краснорѣчіе, изъ-за котораго трудно усмотрѣть дѣйствительныя отношенія восточныхъ отцовъ къ вопросу о свободѣ совѣсти.

Единственное серьезное разъясненіе по этому вопросу мы находимъ въ постановленіяхъ VII всел. собора. Этотъ послѣдній распорядился [прав. 8], чтобы іудеи, приходившіе въ церковь неискренно, не считались христианами; гражданское правитель-ство должно было оставлять ихъ подъ тяжестью гражданскихъ законовъ; они не могли свободно пользоваться имуществомъ ¹⁾.

¹⁾ Вскорѣ затѣмъ пришлось считаться съ еретиками павликіанами и аенинганами (въ Фригій). О сектантахъ ходили ужасныя слухи; нѣкоторые вѣрили, что они поклоняются дѣволу и дѣла ихъ—скверны. Когда поднялся вопросъ о преслѣдованіи ихъ, то дошло до того, что ихъ стали казнить. По этому поводу высказался Феодоръ Студитъ въ посланіи къ ефесскому епископу Теофилу. Съ Феодору были переданы такія слова Теофила: „я и не совѣтовалъ убивать еретиковъ, и не отсовѣтывалъ; но если бы и совѣтовалъ убивать ихъ, то сдѣлалъ бы дѣло лучшее“. Противъ этого Феодоръ утверждалъ, что подобныя отношенія противны повелѣнію Христа оставить расти плевелы съ пшеницею до жатвы, дабы выдергивая плевелы не исторгнуть и пшеницы; и Златоустъ говоритъ, что еретиковъ не слѣдуетъ преслѣдовать смертію. Противъ ссылки на ветхозавѣтные примѣры Финееса и Или св. Феодоръ возражалъ въ томъ смыслѣ, что подобныя дѣйствія не согласны съ новозавѣтнымъ духомъ. Что же касается ссылки на примѣръ Іоанна Постника, который будто бы совѣтовалъ казнить еретиковъ, то фактъ этотъ не повѣренъ; при томъ тамъ дѣло шло о магіи, посему тамъ казнило виновныхъ гражданское начальство и за гражданское беззаконіе, церковь же не имѣла на это права. „Вотъ почему сказали мы блаженному патріарху (Никифору): церковь не мститъ мечемъ“, а императорамъ — первому: „Богу не угодно такое убійство“, и другому: „если требуется согласіе на казнь, то прежде свими наши головы“. Итакъ, если имѣете другое Евангеліе то хорошо; а если то же, то припомните, что пастыри церкви должны вразумлять заблуждающихся словомъ“ [ер. 155]. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возраженія противъ преслѣдованія еретиковъ. Но нельзя преувеличивать значеніе этого свидѣтельства, ибо это мнѣніе не единственное. Теофанъ Исповѣдникъ является какъ противникъ подобныхъ возраженій. Когда при императорѣ Михаилѣ мнѣніе Студита восторжествовало, то Теофанъ сказалъ, что „благочестивый императоръ хотѣлъ казнить еретиковъ, но нашлись худые совѣтники, которые выставляли на видъ, что ихъ не должно казнить; но если бы они знали еретиковъ, то знали бы и

Въ общемъ—этого нельзя отвергать—христіанское правительство въ своихъ мѣропріятіяхъ противъ язычества практиковало систему умѣреннаго и послѣдовательнаго насилія, въ свое время сознательно высказанную императоромъ Аркадіемъ. Многіе представители христіанскаго общества въ этомъ отношеніи дѣйствовали за одно съ правительствомъ, а болѣе ревностные (особенно монахи) шли даже впереди его. Были даже мученики, положившіе животъ свой во время разрушительнаго похода противъ храмовъ (таковъ Маркеллъ апамейскій при Θεодосіи).

Но все это не измѣняетъ того факта, что язычество умерло своею естественною смертію: если во всякомъ судѣ, въ томъ числѣ и судѣ исторіи, требуется, *ut audiat et altera pars*,—въ отношеніи къ язычеству это требованіе удовлетворено блистательно въ царствованіе Юліана. Приложены были самыя сильныя мѣры для воскрешенія язычества, но оно и здѣсь не проявило никакой жизненности. Реформы въ христіанскомъ духѣ къ нему не привились; вдавшись въ неоплатоническія толкованія содержанія старой религіозной доктрины, Юліанъ оторвался и отъ массы, и отъ большинства интеллигенціи; свою пылко аффектированную набожность онъ казался почти смѣшнымъ въ глазахъ религіозно индифферентнаго тогдашняго языческаго общества. Удары послѣдующихъ христіанскихъ государей направлялись, вообще говоря, не противъ язычества въ самомъ себѣ, не противъ приверженцевъ старой вѣры, а противъ тѣхъ внѣшнихъ опоръ, на которыхъ могла держаться древняя римская религія: законы лишили ее только этихъ внѣшнихъ ресурсовъ. Для положенія обѣихъ борющихся религій характерно уже то, что язычество не выставило ни одного мученика. Смерть Ипатіи (415), растерзанной фанатическою александрійскою чернью подъ предводительствомъ

то, что они не способны обратиться къ вѣрѣ. Апостолъ Петръ и за одну мысль поразилъ Ананію. Впрочемъ, благочестивый императоръ перебилъ ихъ не мало“. Во-вторыхъ, самъ Θεодоръ не высказывалъ мнѣнія о наказаніяхъ [еретиковъ вообще, не смертною казнію]. Святой отецъ могъ приводить Златоуста и другихъ отцовъ, но дѣло въ томъ, что отцы противились какъ казни еретиковъ, такъ и вообще казни. Такимъ образомъ вопросъ оставался открытымъ, ибо отцы не высказывались ясно. И самъ Златоустъ выражается, что Спаситель запретилъ только убивать еретиковъ, но не запретилъ обуздывать ихъ дерзновеніе, не запретилъ расѣивать ихъ скопища [homil. 46, al. 47, in Matth. XIII, 29].

«чтеца Петра», ничего не говоритъ противъ этого обобщенія: Ипатія убита не за то, что она язычница, а по мотивамъ столь частнаго характера, что, вѣроятно, она не избѣгла бы смерти, если бы даже была христіанкою.

Это постепенное ослабленіе язычества сопровождалось, разумѣется, внѣшнимъ усиленіемъ церкви, многочисленными обращеніями. Этотъ пунктъ составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ установившихся новыхъ порядковъ церковной жизни. Константинъ В. смотрѣлъ на дѣло весьма практически; прямо признавая, что весьма немногіе способны слушать и принимать христіанскую проповѣдь ради самаго содержанія ея, императоръ рекомендовалъ отцамъ Никейскаго собора путь внѣшняго воздѣйствія, привлеченія язычниковъ къ христіанству посторонними средствами, — матеріальнымъ вспоможеніемъ въ нуждахъ, ходатайствомъ предъ гражданскими властями. Самъ императоръ практиковалъ эти средства въ широкихъ размѣрахъ, и его щедрыя награды обращавшимся въ христіанство привлекали въ лоно церкви именно худшую часть придворнаго общества, такихъ людей, для которыхъ вопросъ объ убѣжденіи имѣетъ меньше всего значенія и которые были способны перекочевывать отъ христіанскихъ храмовъ къ алтарямъ языческимъ и обратно, смотря по требованію придворныхъ обстоятельствъ. Эта сторона дѣятельности Константина не укрылась даже отъ Евсевія и вызвала порицаніе у этого панегириста. Конечно, непосредственное вліяніе императора ограничивалось тѣсною сферою придворной жизни; но его примѣръ не оставался безъ подражанія и въ болѣе низкихъ сферахъ: и тамъ развивалась страсть къ пропагандѣ. А законы, запрещавшіе языческой культѣ, конечно, также дѣлали свое дѣло: при слабости религіознаго одушевленія въ массахъ, естественно большинство предпочитало исполнить волю божественныхъ императоровъ, чѣмъ терпѣть тѣ или другія непріятности. Словомъ, одно изъ самыхъ худшихъ слѣдствій провозглашенія христіанства государственною религіею было обращеніе цѣлыхъ массъ безъ твердаго убѣжденія, безъ внутренней подготовкы, безъ всего, что хотя походило бы на отложеніе ветхаго чловѣка.

Были лица, подготовленные къ переходу въ христіанство изученіемъ идеалистической философіи, въ родѣ Синесія; но такихъ можно было считать только единицами; обыкновенно же принимали христіанство по мотивамъ далекимъ отъ области

религіознаго убѣжденія, а то и прямо эгоистическимъ. Иной принималъ христіанство по искренней дружбѣ съ кѣмъ-нибудь, чтобы доставить ему удовольствіе; другой—потому, что имѣлъ дѣло и думалъ перенести его на судъ епископа; третій—чтобы заручиться черезъ духовныхъ лицъ какою-нибудь сильною протекціею; четвертый—потому, что представлялась возможность составить выгодную партію. Бл. Августинъ, который перечисляетъ всѣ подобные случаи обращенія, все же смотритъ на дѣло съ вѣрою и упованіемъ, находя, что благодать Божія можетъ увлечь человѣка дальше, чѣмъ онъ думалъ идти самъ; что многіе, вошедшіе въ дверь церкви и по этимъ побужденіямъ, въ послѣдствіи исправляются; что черезъ воздѣйствіе христіанскаго оглашенія многіе и дѣйствительно становятся тѣмъ, чѣмъ сначала они намѣрены были только казаться.

И дѣйствительно, въ принципѣ все это не должно бы неблагоприятно вліять на внутреннюю жизнь церкви: епископы всегда имѣли возможность держать у порога церкви подобныхъ прозелитовъ до тѣхъ поръ, пока они не обратятся искренно. Но не то выходило на дѣлѣ: для того, чтобы епископы съ достоинствомъ исполнили въ этомъ случаѣ трудную задачу пастыря душъ,—они сами должны были быть несравненно выше того, чѣмъ были въ дѣйствительности. Уже Златоустъ жалуется, что духовные часто нарушаютъ заповѣдь Спасителя: *не бросайте бисера передъ свиньями*; по неразумной суетности и честолюбію, допускаютъ безъ всякаго испытанія къ общенію въ таинствахъ людей нравственно испорченныхъ, безъ вѣры, безъ совѣсти. Масса обращеній встрѣтилась съ недостаткомъ средствъ для просвѣтительнаго вліянія церкви,—недостаткомъ и качественнымъ, поскольку средній уровень духовенства былъ ниже своего призванія, и количественнымъ, потому что самихъ церквей даже было недостаточно. И тотъ же св. Златоустъ жалуется въ своихъ проповѣдяхъ на то, что многіе владѣльцы, обративъ подвластныхъ имъ колоновъ въ христіанство, не заботятся потомъ объ ихъ христіанскомъ просвѣщеніи, не строятъ церквей. Послѣдствіемъ этого были, съ одной стороны, отпаденія отъ христіанства въ язычество, а съ другой стороны, пониженіе уровня нравственной жизни и религіознаго сознанія въ самой церкви, которая поставлена была въ необходимость принять въ свое лоно такъ много людей съ языческимъ строемъ понятій и житейскихъ привычекъ, лишь весьма слабо и поверхностно затронутыхъ свѣтомъ христіанской истины.

Прежде для испытуемыхъ узаконенъ былъ срокъ въ 1 годъ—40 дней, теперь стало входить въ обычай, въ случаяхъ обращенія іудеевъ, сокращеніе срока, дабы, какъ рекомендовалъ Григорій В., испытуемые не соскучились въ своемъ положеніи. Утѣшали себя упованіемъ, что дѣти обращенныхъ воспитываются въ истинной вѣрѣ. Но это упованіе не всегда оправдывалось на дѣлѣ. Напротивъ, оказывалось, что при быстромъ обращеніи не замѣчалось нравственныхъ успѣховъ, т. е. съ экстенсивнымъ расширеніемъ церковь утрачивала въ интенсивности религіозно-нравственнаго сознанія своихъ членовъ. И по разсужденію Златоуста, вѣрующіе состоятъ изъ трехъ категорій. Одни обращаются на одрѣ болѣзни; за нихъ ручаются въ вѣрѣ другіе, ибо сами они не могли того сдѣлать; выздоровѣвши, они не всегда проводятъ такую жизнь, какую обѣщали вести при крещеніи. Другіе принимаютъ крещеніе въ дѣтствѣ, а третьи— въ зрѣломъ и отвѣтственномъ возрастѣ, но и въ тѣхъ религіозный огонь скоро охладѣваетъ.

Такимъ образомъ, когда обращеніе охватываетъ большія массы, интенсивность ихъ религіозно-нравственнаго совершенства теряется. И здѣсь, повидимому, оправдываетъ себя извѣстный законъ, что одинаковое количество энергіи, прогрессируя въ мірѣ въ экстенсивности, падаетъ въ интенсивности. И христіанство, утрачивая въ интенсивности [вѣры] отдѣльныхъ членовъ, [производитъ тѣмъ не менѣе благотворное дѣйствіе черезъ экстенсивное расширеніе, ибо многія явленія, возможные прежде вслѣдствіе невѣрія нѣкоторыхъ людей, теперь стали невозможны. Возвышаются не отдѣльные характеры, но постепенно измѣняются самые обычай, и многое изъ того, что прежде считалось обычнымъ, теперь стало невозможно. Если не удалось массу измѣнить въ сыновѣ свѣта, то удалось возвести обычай народа на такую степень, что они стали въ значительной мѣрѣ сообразными съ христіанскими требованіями. Больше количество людей считаетъ достойнымъ подражаніе Христу и уже считаетъ недостойнымъ быть противникомъ Христа не только на дѣлѣ, но даже и на словахъ.

V. Права и привилегіи церкви въ христіанскомъ государствѣ.

Совмѣстное дѣйствіе церкви и государства, фактически выразившееся въ нѣкоторой зависимости первой отъ послѣдняго.

есть одно слѣдствіе провозглашенія христіанской религіи государственною. Другою стороною этой перемѣны является известная сумма правъ и привилегій, усвоенныхъ церкви государствомъ и облегчавшихъ для нея достиженіе ея цѣлей. Этотъ отдѣлъ [въ исторіи древней церкви] не изъ трудныхъ и изложенъ во всѣхъ учебникахъ удовлетворительно. Предметомъ же академическихъ чтеній должно служить истинное представленіе о характерѣ этихъ привилегій. Есть привилегіи исключительныя, и есть привилегіи, образовавшіяся изъ того положенія, которое заняла христіанская религія въ языческомъ государствѣ. Въ сущности, привилегіи, данныя христіанской церкви, были второй природы и заключаются въ усвоеніи христіанамъ тѣхъ правъ, которыми они должны были пользоваться.

1. Имущественныя права.

Въ свое время проф. Seeck доказывалъ, что никакого миланскаго эдикта не было ¹⁾. Но шумъ этого открытія—весьма дешеваго свойства: эдиктъ сохранился лишь въ видѣ *litterae a Licinio ad praesidem (Bithyniae) datae*; дѣло касается лишь формы эдикта, а никакъ не его содержанія. И конечно, въ такомъ же видѣ получили *litterae* и всѣ *praesides*, а не одинъ вѣннскій. Въ миланскомъ эдиктѣ Константинъ опредѣляетъ христіанское общество, какъ *corpus christianorum*. По общему гражданскому праву, такія корпораціи пользовались правомъ приобрѣтать имущество 1) посредствомъ покупки, 2) чрезъ дареніе (*donatio*) и 3) по завѣщанію.

Право приобрѣтенія имущества церковью посредствомъ покупки не подлежитъ сомнѣнію. Правомъ *donatio* (=подарокъ) церковь пользуется съ 321 г., хотя положеніе, занятое церковью съ конца 312 и начала 313 г., давало ей возможность уже и тогда пользоваться этимъ правомъ. Специальное законодательство по этому вопросу касается лишь подробностей. Римское право не считало достаточнымъ простого заявленія о томъ, что я дарю известному лицу нѣкоторое свое имущество. Этотъ фактъ долженъ былъ быть облеченъ еще въ юридиче-

¹⁾ O. Seeck, Das Toleranzedikt von Mailand, въ *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, XII, 1891, S. 381—386. Отъ своего мнѣнія Seeck не откажется и въ *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. B. I. 3 Aufl. Berlin 1910. S. 498—499.

скую форму — при свидѣтеляхъ у подлежащаго начальника провинціи. Если эти формальности не были исполнены, то по закону 316 г. *donatio* не имѣло силы (*nullam firmitatem habere*). Но собственно запись—одинъ актъ, исполненіе—другой актъ. Кромѣ бумагъ, полученныхъ отъ начальника провинціи, требовалось еще занести этотъ актъ *donatio* въ подлежащіе документы города (*in actis inserta*). Распоряженіе объ этомъ сдѣлалъ еще Константій Хлоръ, а Константинъ В. оставилъ его въ полной силѣ. Смягченіе этого закона было сдѣлано при Θεодосіи Младшемъ (428 г.), который распорядился, чтобы *donationes*, не превышающія суммы въ 200 солидовъ, совершались безъ составленія актовъ.

Полученіе имущества по завѣщанію въ римскомъ правѣ было осложнено болѣе, чѣмъ *donationes*. По исконнымъ римскимъ воззрѣніямъ, существеннымъ пунктомъ для твердости завѣщанія былъ вопросъ объ опредѣленномъ наслѣдникѣ, и юристъ Ульпіанъ объявилъ, что нельзя назначать наслѣдниками ни цѣлыхъ городовъ, ни всѣхъ гражданъ города, и даже боговъ. Впрочемъ, для боговъ были сдѣланы нѣкоторые исключенія (черезъ *senatus consulta* и *constitutiones principum*); напр., *Jupiter tarpeianus* и Марсъ галльскій имѣли право получать по завѣщаніямъ. Мы видимъ, что для корпораціи получать имущество по завѣщанію было очень трудно. И Диоклетіанъ далъ категоричный отвѣтъ: если коллегія не опирается на специальную привилегію, то не можетъ получать наслѣдство. Слѣдовательно, при немъ церковь, какъ корпоративное цѣлое, не могла бы получать наслѣдство. Для того, чтобы завѣщаніе не было кассировано, приходилось прибѣгать къ *fideicommissum*: имущество довѣряли одному изъ членовъ церкви, на совѣсть, для передачи цѣлому христіанскому обществу. Въ 321 г. Константинъ В. издалъ законъ, благопріятный для христіанъ: онъ призвалъ за церковью право получать наслѣдство; этотъ законъ не подвергался въ дальнѣйшемъ никакимъ ограниченіямъ.

Пришлось только считаться съ клириками, которые, навѣщая больныхъ, располагали ихъ дѣлать завѣщанія въ свою пользу. Противъ такого злоупотребленія былъ изданъ законъ Валентиніаномъ I въ 370 г., запрещающій клирикамъ получать по завѣщанію. Такимъ образомъ, клирики были унижены и не были даже сравнены съ актерами. По поводу изданія такого закона Иеронимъ замѣчаетъ: «я жалуюсь не на законъ,

а на то, зачѣмъ мы (клирики) заслужили такой законъ. *Sit heres, sed mater filiorum* (умирающихъ), *id est ecclesia gregis sui*». Такимъ образомъ, это распоряженіе Валентиніана I въ сущности было только благотѣльно для христіанскаго общества, какъ цѣлаго.

Другая подробность касается полученія наслѣдства послѣ смерти лицъ, не оставившихъ завѣщанія (*ab intestato*). Римское право при этомъ разсматриваетъ различные случаи: 1) если умершее лицо не имѣетъ прямыхъ наслѣдниковъ, и 2) если имѣетъ таковыхъ, но не оставило завѣщанія для нихъ, — такого рода лица были третируемы закономъ весьма своеобразно. Если умиралъ вольноотпущенникъ, не имѣя наслѣдниковъ, то его патронъ могъ выступить въ качествѣ наслѣдника по закону. Точно также поступаютъ и корпоративныя общества: если, напр., нѣсколько ремесленниковъ составляютъ изъ себя коллегію, то, когда одинъ изъ нихъ умиралъ, его имущество шло въ пользу коллегіи. На этомъ же основаніи и курія (дума) наслѣдовала имущество декуріоновъ, не оставившихъ завѣщанія. Поэтому имущество солдатъ получалъ легіонъ. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, христіанская церковь не получила особыхъ привилегій. Въ 434 г. былъ изданъ законъ о томъ, что если умиралъ клирикъ или монахъ, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ, то ихъ имущество шло въ пользу церкви. Чтобы предотвратить нѣкоторые недоумѣнные случаи, сдѣлано было ограниченіе: если монахъ былъ изъ вольноотпущенныхъ, то его патронъ—*dominus*—выступалъ въ качествѣ наслѣдника, потому что, какъ говорилъ императоръ Θεодосій, неприлично церкви удерживать то имущество, на которое по закону преимущественное право имѣютъ другія лица.

Важнымъ источникомъ обогащенія христіанскихъ церквей были богатые дары изъ государственной казны. Сами императоры подали примѣръ одаренія церкви съ возможною щедростію. Такъ, напримѣръ, въ 314 году Константинъ кароагенскому епископу Цепциану предоставилъ изъ общественныхъ кассъ сумму [болѣе 174000]¹⁾ рублей на построеніе церквей въ Африкѣ, Нумидіи и Мавританіи и обѣщалъ въ случаѣ нужды

¹⁾ Въ автографѣ В. В. Бологова, относящемся къ первымъ годамъ его профессорства, стоитъ 125000, такъ какъ солидъ полагается равнымъ 3 р. 75,5 к. а не 5 р. 81, 25 к.

слова. Послъ Никейскаго собора Константинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ректоры провинцій доставляли въ каждомъ году извѣстное количество хлѣба на содержаніе клира, вдовъ, сиротъ и дѣвственницъ. По Теофану, антиохійская церковь получала до 1500 четвертей зерна ¹⁾. Теодоритъ, во время жизни котораго церкви получали только треть этой суммы, находитъ, что даръ Константина былъ весьма значителенъ, что норму взноса императоръ опредѣлилъ соображаясь скорѣе съ собственною щедростью, чѣмъ съ нормальными потребностями церкви (I, 11; IV, 4).

Благодаря этимъ законамъ, матеріальное положеніе христіанскихъ церквей въ общемъ было весьма хорошо обезпечено. Въ общей сложности поземельныя владѣнія церкви разрослись до того, что занимали $\frac{1}{10}$ часть всей государственной территории. Владѣнія римской церкви были не только въ Италіи и Сициліи, но въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ. Въ началѣ нашего періода три римскихъ кафедральныхъ церкви—св. Петра, св. Павла и Іоанна латеранскаго, какъ видно изъ неполнаго списка ихъ поземельной собственности, получали кромѣ извѣстныхъ доходовъ натурою, еще 22000 солидовъ [т. е. около 128 т. руб. зол.] чистаго дохода. Имущества александрійской церкви въ началѣ V в. были настолько значительны, что она могла получить у одного человѣка кредитъ въ [627,750] рублей золотомъ ($1\frac{1}{2}$ тыс. литръ золота). А въ началѣ VIII вѣка знаменитый Іоаннъ Милостивый (606) нашелъ въ сокровищницѣ александрійской церкви 8000 ф. золота [3,348000 руб.] и самъ получилъ 10000 [4,185000] ²⁾. Даже Теодоритъ, епископъ такой незначительной епархіи, какъ Биръ на Евфратѣ, могъ изъ остатковъ церковныхъ доходовъ построить въ пользу города портикъ, два огромныхъ моста, улучшить бани, провести каналъ изъ Евфрата въ этотъ до тѣхъ поръ безводный городъ. Благоприятнымъ слѣдствіемъ такого положенія церкви было широкое развитіе благотворительности. При многихъ церквахъ была масса благотворительныхъ заве-

¹⁾ Theophanes, a. D. 324: ἡ δὲ ἐν Ἀντιοχείᾳ ἐκκλησία ἐλάμβανεν αἰτίου μόδιος $\mu\lambda\sigma'$. 36.000 модіевъ=1500 четвертей. Юлианъ въ Галатіи думалъ завести многочисленныя страннопримницы, ξενοδοχεῖα, въ каждомъ городѣ и на содержаніе ихъ (вполнѣ безбѣдное) ассигновалъ 30000 модіевъ пшеницы (1250 четвертей) и 60000 сектаріевъ вина (2666 ведеръ).

²⁾ Въ автографѣ стоятъ цифры: $82\frac{1}{2}$ т., 405000, 2160000, 2700000. А. Б.

деній, больницы, богадѣленъ, сиротскихъ домовъ, страннопріимницъ. «Василиада», построенная Василиемъ В. (ок. 370 г.) въ Кесаріи, представляла въ маломъ видѣ цѣлый городъ. Кромѣ этого центрального заведенія во всѣхъ мѣстечкахъ, гдѣ были въ епископіяхъ подвѣдомые хорепископы, построены были больницы. Антиохійская церковь времени Златоуста, кромѣ разныхъ больныхъ, нищихъ, стравныхъ, еще содержала до 3000 вдовъ или дѣвственницъ. При Іоаниѣ Милостивомъ матрикула александрійской церкви содержала въ себѣ 7500 тѣхъ, которые получали пособіе отъ церкви, а при Григоріѣ В. (590—604) матрикула римской церкви представляла изъ себя уже цѣлую увѣсястую книгу.

Но, разумѣется, развитіе церковныхъ правъ на этой почвѣ не обошлось и безъ послѣдствій отрицательнаго характера. Возможность легкаго пріобрѣтенія была слишкомъ сильнымъ искушеніемъ для корыстолюбія, чтобы ему не поддались члены клира, повела за собою роскошь. Въ Римѣ было не мало такихъ назойливыхъ клириковъ, которые готовы были выпрашивать и вымогать у матронъ и знати предметы роскоши, которые они видѣли въ ихъ домѣ. Не обошлось безъ случаевъ злоупотребленій по духовнымъ завѣщаніямъ. Дѣло въ томъ, что завѣщанія писались или на имя всей церкви, или на имя частныхъ ея представителей; это обстоятельство и давало возможность злоупотребленій. Не всѣ епископы были такъ благородны, какъ напр. Аврелій кароагенскій, который возвратилъ завѣщанное церкви имущество одному человѣку послѣ того, какъ у него родились дѣти. Августинъ подражалъ ему: «кто захочетъ, говорилъ онъ, оставить свое имущество церкви, отнявъ права наслѣдства у своего сына, тотъ пусть ищетъ другого епископа, а не Августина, и дай Богъ, чтобы онъ не нашелъ никого, кто захотѣлъ бы принять такое наслѣдство». Дары принималъ онъ очень осторожно, обращая вниманіе на характеръ имущества. Государство, освободивъ церковныя имущества отъ *munera sordida*, держалось того воззрѣнія, что церковь, принимая имущество, должна принимать и тѣ обязательства, какія несъ владѣлецъ имущества. Случилось, что лицо, транспортировавшее хлѣбъ въ столицу, завѣщало имущество въ церковь. Августинъ, зная, что для доставки хлѣба нужно будетъ завести цѣлую фалангу матросовъ, отказался отъ имущества.

Погоня духовенства и монашества за наслѣдствами при-

няла такіе размѣры, что уже въ 370 году [какъ замѣчено было выше] суровый и безпристрастный Валентиніанъ I попытался обуздать алчность клира. Эдиктомъ на имя папы Дамаса императоръ запретилъ клирикамъ и монахамъ входить въ дома вдовъ и сиротъ. Всякое завѣщаніе въ пользу духовныхъ или монаховъ считалось недѣйствительнымъ. И Иеронимъ признавалъ, что это ограниченіе правъ ихъ было заслужено. Есть основаніе думать, что этотъ законъ направленъ былъ противъ завѣщаній, сдѣланныхъ только въ пользу клира лично; завѣщавать въ пользу церкви дозволялось. Эдиктъ Валентиніана отмѣненъ былъ лишь Маркіаномъ.

Другимъ неблагопріятнымъ послѣдствіемъ этого подъема матеріальнаго благосостоянія церкви была роскошь духовныхъ особъ. Въ лучшемъ случаѣ она проявлялась въ видѣ страсти къ великолѣпнымъ постройкамъ (Феофилъ александрійскій, *Soz.* VIII, 12, столкновеніе съ Исидоромъ), но часто принимала не столь возвышенныя формы. Между тѣмъ какъ, по отзывамъ языческаго историка Амміана Марцеллина, сельское духовенство въ Италіи еще подавало примѣръ простой и воздержной жизни, въ Римѣ уже можно было встрѣтить клириковъ, которые походили скорѣе на сибаритовъ, чѣмъ на аскетовъ. Рассказавши о томъ яростномъ побоищѣ, которое произошло при выборахъ папы Дамаса и послѣ котораго въ базиликѣ Сирикія осталось 137 убитыхъ,—тотъ же писатель замѣчаетъ, что онъ ничуть не удивляется тому, что люди съ такимъ усиліемъ стремятся къ приобрѣтенію этого сана: удобства, которыми обставлена жизнь римскихъ епископовъ, богатые подарки матронъ, прекрасная одежда, великолѣпныя коляски, обѣды, превосходящія по роскоши даже царскія пиршества,—все это естественно соблазняетъ многихъ выступать кандидатами на римскую кафедру. Языческій префектъ Рима, Претекстатъ, часто говаривалъ въ шутку папѣ Дамасу: «сдѣлайте меня римскимъ епископомъ, и я стану христіаниномъ». Это говорилъ человѣкъ, который, помимо различныхъ доходныхъ должностей, съ своего частнаго имущества получалъ ежегодно до 900,000 р. с. То же можно сказать и о новомъ Римѣ. Уже Григорій Богословъ въ своей прощальной рѣчи говорить: «можетъ быть и за то будутъ порицать меня, какъ уже и порицали, что нѣтъ у меня ни богатаго стола, ни соотвѣтствующей сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи. Не зналъ я, что мнѣ должно вхо-

дить въ состязаніе съ консулами, правителями областей, знаменитѣйшими изъ военачальниковъ, которые не знаютъ куда расточать свое богатство, что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево, употреблять необходимое на излишества, изрыгать на алтари. Не зналъ, что и мнѣ надобно ѣздить на отличныхъ коняхъ, блистательно высится на колесницѣ, что и мнѣ должны быть встрѣчи, приемы съ подобострастіемъ, что всѣ должны давать мнѣ дорогу и разступаться передо мною, какъ передъ дикимъ звѣремъ, лишь только издали увидятъ мое шествіе!» Преемникъ Григорія Богослова, вельможный Нектарій, какъ бывший сенаторъ, вполнѣ былъ способенъ поддержать престижъ столичнаго архіерея, и конечно, удовлетворялъ этимъ претензіямъ христіанъ столицы. Зато, когда на его мѣсто вступилъ Іоаннъ Златоустъ, то его аскетическій, монашескій образъ жизни произвелъ на его паству впечатлѣніе скандала. Никакихъ приемовъ, никакихъ великолѣпныхъ обѣдовъ,—ни у себя, ни въ гостяхъ! Это было уже столь необыкновенно, что казалось даже преступнымъ. Путаница понятій дошла до такой значительной степени, что духовные не затруднились поставить недостатокъ великолѣпія въ рядъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Златоуста на соборѣ при Дубѣ. Этого необычайнаго воздержанія не могли даже объяснить иначе, какъ изъ побужденій грязныхъ: отсюда фабула о «пиршествахъ циклопа». Полагали, что онъ не довольствовался обычными роскошными обѣдами, а наслаждался пиршествами со своими друзьями. Не обращали вниманія и на то, что онъ устроилъ въ Константинополѣ два госпиталя, что онъ содержалъ въ нихъ регулярно 7700 бѣдныхъ на свой счетъ!

Было бы, однако, совершенно мелочно разсматривать возрастающее богатство и могущество церкви лишь какъ признакъ постепеннаго упадка церкви. Чтобы поддерживать массы бѣдныхъ въ это время, чтобы хоть нѣсколько смягчить неописуемая бѣдствія этого времени, церковь нуждалась въ богатыхъ средствахъ. Противъ такой массивной нищеты нельзя было бы бороться, имѣя въ распоряженіи лишь средства прежняго времени. Нужно было имѣть матеріальное обезпеченіе вполнѣ надежное, потому что при неблагоприятныхъ экономическихъ обстоятельствахъ частная благотворительность оскудѣвала именно тогда, когда нужда въ ней была всего настоятельнѣе. Между тѣмъ, имѣя поземельную собственность

церковь располагала денежными средствами и тогда, когда всё другіе источники были закрыты.

2. Свобода отъ податей и повинностей (иммунитетъ).

Привилегія этого рода, которыми церковь пользовалась со времени Константина В., можно понять и перечислить лишь тогда, когда мы знакомы уже съ общимъ строемъ гражданской жизни языческаго міра, встрѣтившимъ христіанство. Этотъ строй представляетъ явленіе измѣняющееся, а ко времени послѣднихъ императоровъ уже измѣнившееся. Часть свѣдѣній по этому предмету можно получить въ изслѣдованіи Куна о городовомъ устройствѣ греко-римской имперіи до Юстиніана ¹⁾.

Особенное вниманіе въ этомъ трудѣ посвящено единству, которое римское государство внесло въ тогдашній міръ. Единство это сгладило границы, которыя могли бы воспрепятствовать христіанской проповѣди въ ея распространеніи. Однако, если коснуться внутренняго строя римской имперіи, то можно видѣть, что представленіе единства его является нѣсколько преувеличеннымъ. Римскіе правители были весьма умными политиками и, покоряя народы, поняли объемъ своей власти и поступили съ ними сообразно этому объему. Такимъ образомъ, въ римской имперіи оказалось невозможнымъ явленіе, происшедшее на греческой почвѣ. Извѣстно, что Аѣины, получивъ гегемонію въ союзѣ греческихъ городовъ, обратили ее въ деспотію. Римляне положили извѣстный предѣлъ своей власти, — такой именно, чтобы власть ихъ была наименѣе непріятна для покоренныхъ народовъ; сокрушая всѣ силы, которыя могли бы оказать сопротивленіе, римляне уживались съ тѣми формами гражданской жизни побѣжденныхъ народовъ, которыя не были опасны для нихъ. Во внутреннемъ отношеніи римская имперія была разбита на мелкія единицы — *civitates*, πόλεις, такъ плотно обхватывавшія человѣка, что прикрѣпляли его къ данному мѣсту лучше нашей паспортной системы. Какъ всякое мѣсто земной поверхности опредѣляется географическою широтою и долготою, такъ же точно, положеніе

¹⁾ E. Kuhn, Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reichs bis auf die Zeiten Justinians. I—II. Leipzig 1864. Ср. также J. Marquardt, Römische Staatsverwaltung. I—II. 3 Aufl. Leipzig 1884. III. 2 Aufl. Leipzig (въ Handbuch der römischen Alterthümer von J. Marquardt und Th. Mommsen).
A. B.

свободнаго человѣка римской имперіи опредѣлялось его «origo» и его «domicilium».

Римскій гражданинъ былъ, прежде всего, *municipes*—лицомъ, берущимъ на себя извѣстную обязанность (*munus capit*), выполняющимъ ее (*munus facit*) и проявляющимъ себя въ *munificentia* (щедрость). Чиновниковъ тогда еще не было, но культура требовала охраненія гражданской безопасности, для чего нужны были деньги, налоги. Эти налоги граждане должны были собирать сами и исполняли эту обязанность посредствомъ особыхъ выборныхъ лицъ. Такимъ образомъ, гражданское общество должно было принять на себя тяжести внутренняго самоуправленія; лица, составляющія это общество, сообразно политическимъ воззрѣніямъ, должны были работать не изъ-за денегъ, но изъ-за славы и чести, и для того, чтобы внутренній порядокъ гражданской общины оставался неизмѣннымъ, требовалось закрѣпить выборныхъ за ихъ обязанностями и привлечь къ этимъ должностямъ каждаго свободнаго члена общины. Цѣль эта достигалась урегулированіемъ гражданскихъ обязанностей, опредѣляемыхъ каждому гражданину его *origo* и *domicilium*.

Посредствомъ *origo* устанавливались обязанности, связанные съ гражданствомъ по рожденію или чему-либо другому, какъ, напр., освобожденіе изъ рабства. Въ первомъ случаѣ *origo* называлось *naturalis*, во второмъ—*allectio in civitatem*, при чемъ для послѣдняго существовалъ двоякій способъ дарованія: усыновленіе (*liberi*—дѣти) и освобожденіе изъ рабства (*liberi*—свободные). Когда рабъ получалъ освобожденіе по духовному завѣщанію господина, то *origo* усвоялось ему не отъ умершаго завѣщателя, а отъ того, кто исполнялъ волю его, при чемъ, это закрѣпленіе носило характеръ неизгладимый (*indelebilis*). Сынъ гражданина носилъ *origo* отца, т. е. считался въ томъ же городѣ, гдѣ былъ гражданиномъ его отецъ, и при томъ такъ, что это *origo* сохранялось за нимъ, хотя бы онъ совсѣмъ и не былъ въ томъ городѣ. Поэтому случалось, что въ ПUTEОЛАХЪ, напр., были аѳиняне и финикійцы, но признавались гражданами Аѳинъ и Финикіи, а не ПUTEОЛЬ. Такимъ образомъ, *origo* получалось не по мѣсту фактическаго рожденія человѣка, но по мѣсту жительства и гражданства его предковъ. Можно было также имѣть *origo* въ нѣсколькихъ различныхъ городахъ и при томъ такъ, что усыновленный такимъ гражданиномъ и самъ получалъ *origo* всѣхъ тѣхъ горо-

довъ. За нѣкоторыми городами признавалось право давать *origo* не по отцу гражданина, а по матери его,—такъ называемый *matriarchatus*, существовавшій, напр., въ нѣсколькихъ мѣстахъ Понта и Визиніи. Хотя подобное право и было противорѣчіемъ собственно римскимъ законамъ, тѣмъ не менѣ римскіе правители признавали его и давали нѣкоторымъ городамъ въ качествѣ привилегіи. Отсюда происходило то, что, если, напр., питеольцъ женился на тосканкѣ, то дѣти были гражданами Питеоль, если же супруга его была понтійская иракліянка, то дѣти такого брака одновременно получали *origo* двухъ родовъ—Питеоль и Иракліи. Такимъ образомъ, въ силу *origo* всякій городъ римской имперіи имѣлъ опредѣленное число гражданъ—большее въ городахъ съ правомъ матриархата, меньшее—безъ него. Гдѣ бы *originarii* ни находились, они были связаны со своимъ городомъ и обязаны были ему не только почтеніемъ въ лицѣ городскихъ властей, но и постояннымъ обязательствомъ службы въ немъ, — исполненіемъ *munera* и *munificentia*. Граждане же, имѣющіе *origo* въ нѣсколькихъ городахъ, — обязаны были службою нѣсколькимъ различнымъ городамъ. Кромѣ *origo*, положеніе гражданина опредѣлялось еще *domicilium*—мѣстомъ жительства его. Если, напр., *origo* дѣлало какого-нибудь человѣка *civis Aenina*, а большую часть времени онъ проводилъ въ Питеолахъ, гдѣ находилось и его состояніе въ большей своей части, то этотъ человѣкъ становился гражданиномъ Питеоль—его *incola*.

Понятія *civis* и *incola* и опредѣляли по греко-римскому праву положеніе въ обществѣ всякаго члена его, устанавливали понятіе о томъ, какъ о *municeps*; *origo*, какъ видно отсюда, передавалось потомству, опредѣлялось положеніемъ предковъ, *domicilium*—устанавливалось свободнымъ выборомъ лицъ и *incola* извѣстнаго города могъ перемѣнить свое мѣстожительство, и тогда его отношенія къ старому городу, какъ отношенія *incolae*, прекращались, не связывая никакими обязанностями въ этомъ городѣ его потомковъ. Возможно также было и такое положеніе, когда человѣку приходилось исполнять обязанности *domicilii* въ нѣсколькихъ городахъ, если онъ былъ одинаково связанъ съ ними или своимъ жительствомъ или своимъ имѣніемъ. Ясно отсюда, что муниципальныя обязанности охватывали свободныхъ людей римской имперіи очень сложнымъ и тѣснымъ кольцомъ. Однако, столкновение обязанностей происходило лишь тогда, когда города возлагали

на своего гражданина нѣсколько обязанностей; въ этомъ случаѣ преимущество отдавалось тѣмъ отношеніямъ, которыя опредѣлялись origo гражданина.

Указанному гражданскому строю, кромѣ *cives*, подчинялись также метэки и періэки. Тѣмъ и другимъ противопоставались чужестранцы—*hospites*, *advenae*: такъ назывались по отношенію къ какому-либо городу тѣ свободные люди, которые случайно въ немъ оставались, или даже проживали нѣсколько лѣтъ, не связывая своихъ интересовъ съ интересами городскими; никакими муниципальными обязанностями они къ этому городу не были привязаны и оставались чужими ему.

Государство пользовалось указанными отношеніями свободныхъ людей къ извѣстнымъ городамъ и свои приказанія и распоряженія передавало послѣднимъ къ исполненію по ихъ собственному усмотрѣнію и средствамъ. Вслѣдствіе этого, на гражданахъ каждаго города лежали двоякаго рода обязанности, выражаемыя понятіями *munera* и *honores*.

Но пог—было почетное положеніе и почетныя обязанности, то, что противопоставалось *munera*—обязанностямъ служебнымъ въ собственномъ смыслѣ. При этомъ, самое понятіе «почета» было въ различныхъ мѣстахъ неодинаково, какъ неодинаковы были поэтому и соединяемая съ нимъ обязанности. Вездѣ, однако, главнымъ лицомъ, пользовавшимся наибольшимъ почетомъ въ городѣ, былъ его голова—*πατήρ τῆς πόλεως*, *curator reipublicae*; за нимъ слѣдовалъ *defensor civitatis*—гражданскій защитникъ правъ и общественной безопасности.

Обязанности же въ собственномъ смыслѣ этого слова, опредѣляемыя римскимъ *munera*, государственное римское право дѣлило на *munera personalia* и *munera patrimonialia*. Первые, *munera personalia*, лежали только на личности гражданина, представляли въ распоряженіе города только умственные и физическія силы его, не касаясь имущественнаго положенія его, и въ различныхъ городахъ назначались въ различномъ количествѣ. Такъ, не вездѣ были квесторы, но вездѣ были лица, завѣдывавшіе городскою казною, городскими доходами, собираемыми подъ наблюденіемъ высшаго сановника. Въ каждомъ городѣ былъ также такъ называемый иринархъ—полиціймейстеръ, на попеченіи котораго находилось наблюденіе за гражданскою безопасностью въ городѣ. Въ его распоряженіи были лица, несшія менѣе почетныя обязанности,—низшіе полицейскіе служители. Много хлопотъ причиняли городу сборы го-

сударственныхъ полатей и налоговъ. Обязанность эта падала или на 20 или на 10 первыхъ лицъ въ городѣ, составлявшихъ *senatus* или *curia* и носившихъ названіе *decemprimatus* и *vigintiprimatus* (δεκαπρωτεύων и είκοσιπρωτεύων). Свои должности эти сановники несли подъ отвѣтственностію своимъ имуществомъ, такъ что въ случаѣ недостатка сборовъ пополняли ихъ изъ своихъ средствъ. Городская касса покрывала расходы и по городу, — на хлѣбъ, воду и проч. необходимые продукты, и о выполненіи этихъ порученій заботились также выборные граждане и также покрывали недостатки своимъ имуществомъ.

Муниципальныя обязанности другого рода, *munera patrimoniorum*, падали по закону собственно на всѣхъ полноправныхъ гражданъ, но на самомъ дѣлѣ ложились своею тяжестью только на нѣкоторое меньшинство, почему и носили названіе *tributio*. Распредѣленіе ихъ зависѣло отъ имущественнаго ценза гражданъ, такъ какъ отъ того или другого имущественнаго положенія ихъ происходило и болѣе или менѣе исправное прохожденіе этихъ обязанностей. Сюда относилась поставка въ требуемыхъ случаяхъ провіанта городу на счетъ собственности исполняющихъ *munera patrimoniorum*, наемъ для государственной почты лошадей, воловъ для перевозки тяжестей (не свыше 4) и т. п.

Всѣми этими персональными и патримоніальными обязанностями опредѣлялось, такимъ образомъ, положеніе гражданина римской имперіи къ обществу и самому государству. Такъ какъ исполненіе этихъ обязанностей возлагало на членовъ общества довольно тяжелое бремя, то естественно возникаетъ вопросъ: возможно ли было свободному человѣку, окруженному этою сѣтью гражданскихъ отношеній, освободиться хотя бы отъ *honores* — почетныхъ обязанностей, къ которымъ тѣмъ не менѣе граждане принуждались (*compelli ad munera et honores*)? Освобожденія этого собственно по идеѣ не должно бы быть, но, однако, въ греко-римскомъ мірѣ оно было и въ различныхъ формахъ встрѣчается подъ именемъ иммунитета. Иногда освобождались отъ личныхъ обязанностей отцы большихъ семействъ и лица, обремененныя другими должностями въ иныхъ мѣстахъ римской имперіи.

Отъ *munera personalia*, строго говоря, освободиться никто не могъ изъ *cives*. Но такъ какъ *ultra posse nemo obligatur*, то допускались и освобожденія отъ этихъ обязанностей. Осво-

бождались отъ *munera personalia*, прежде всего, малолѣтніе, женщины и старики. Изъ стариковъ, впрочемъ, пользовались этою привилегіею только достигшіе 70-лѣтняго возраста; но если они имѣли имущество, то должны были взамѣнъ *munera personalia* нести *munera patrimonialia*. Право на освобожденіе отъ *munera personalia* давала еще физическая невозможность, когда человѣкъ по обязанностямъ государственнымъ долженъ былъ находиться въ другомъ мѣстѣ. На этомъ же, если угодно, основаніи освобождались отъ *munera personalia* и солдаты, начиная съ рядового до *magister* той или другой *militia*.

Это обстоятельство дало поводъ къ дальнѣйшему развитію системы освобожденія отъ *munera personalia*. Римляне первоначально не дѣлали никакого различія между гражданскими и военными должностями. Преторъ, напр., былъ и командующимъ войсками. Только при Діоклетіанѣ и Константинѣ В. произошло между ними раздѣленіе. Но слѣдъ этого сліянія должностей остался въ словоупотребленіи, по которому и гражданская разсматривалась какъ *militia* или *stratagica*. Гражданскій чиновникъ носилъ поясъ, и этотъ поясъ настолько служилъ характеристическимъ признакомъ службы, что развязать его значило выйти въ отставку. Поэтому и на гражданскіе чины были распространены права иммунитета.

Когда начинается нарощеніе чиновничества, то и количество лицъ, освобождающихся отъ *munera personalia* все болѣе и болѣе увеличивается. Отъ *munera personalia* освобождаются преимущественно лица привилегированнаго положенія, даже до сенаторской степени (при Константинѣ В. и Константіи до сенаторства дослужиться было труднѣе, а вполнѣдствіи это сдѣлалось болѣе легкимъ). Но освобождаясь отъ *munera personalia* и переставая быть *cives* или даже *incolae* своего города, сенаторы (*clarissimi*), хотя имѣли для себя Римъ, какъ *domicilium dignitatis*, однако, не обязаны были приобрѣтать имущества около Рима или Константинополя, такъ какъ здѣсь собственно и полагалось начало ихъ карьеры. Явились, такимъ образомъ, сенаторы въ собственномъ смыслѣ, которые засѣдали въ сенатѣ, но освобождались отъ обязанностей по своему городу.

Впрочемъ, освобождаясь отъ обязанностей къ *patria* и городу, сенаторы *ipso facto* попадали другимъ обязанностямъ, не менѣе серьезнымъ. Обязанности эти состояли изъ троякаго рода повинностей. Существовали лица, называвшіяся *sensu-*

ales, замѣнившія собою древнихъ цензоровъ, которыя должны были знать имущество сенаторовъ, ихъ цензъ, и четыре раза въ годъ представлять императору списки объ имущественномъ ихъ положеніи.

1. Первая повинность ихъ состояла въ претурѣ. Преторовъ сначала было 3, затѣмъ число ихъ увеличилось до 5, наконецъ—до 8. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы на свой счетъ устроить зрѣлища для города. Такъ какъ далеко не всякій могъ имѣть средства для выполнения этой службы, то назначеніе въ преторское достоинство совершалось за 10 лѣтъ до того срока, въ который они должны были исполнять свои обязанности. *Censuales* должны были отыскать ихъ хоть на краю свѣта, однако, назначеніе на преторство не обязывало назначеннаго прибыть въ Римъ, такъ какъ расходы на зрѣлища онъ могъ представить въ Римъ чрезъ довѣренное лицо. Въ виду обременительности преторской службы императоры установили *minimum* издержекъ преторскихъ. Впослѣдствіи къ этому распоряженію присоединилась и другая черта: съ преторовъ начинаютъ брать дѣньги на учрежденія дѣйствительно полезныя, а не на зрѣлища только. Такъ, когда было 5 преторовъ, съ 4-го и 5-го стали брать въ размѣръ 500—1000 фунтовъ на постройки Константинополя. Когда ихъ было 8, то стали собирать отъ 250—1000 фунтовъ серебра для общественныхъ сооружений. Отъ претуры нельзя было освободиться въ ординарномъ порядкѣ; освобожденіе возможно было въ случаѣ *allectio* въ сенаторство по милости императора за особенно почтенную службу при значительномъ имущественномъ недостаткѣ. Освобожденіе часто совершалось посредствомъ *sodicilli*, напр. на консульское достоинство помимо преторскаго. Но въ обычномъ порядкѣ греко-римской жизни каждый изъ сенаторовъ былъ сначала преторомъ, а потомъ уже консуломъ. Какъ высоки были издержки на претуру, на это можно находить случайныя указанія. Прокль—римскій сенаторъ, издержалъ 12 кентинаріевъ; сынъ Симмаха, небогатаго сенатора, 20 кентинаріевъ, и сынъ богатаго Максима—40 кентинаріевъ (кентинарій—100 фунтовъ серебра)

2. Вторая повинность на сенаторовъ - землевладѣльцевъ называлась *follis senatorius* или *gleba*. *Follis* значитъ, собственно, мѣшокъ, потомъ оно стало обозначать мелкую мѣдную монету, а *follis senatorius* обозначалъ римскіе фунты золота. Такъ какъ этотъ *follis* падалъ на землю, то поэтому и назы-

вался *gleba*. *Follis senatorius* дѣлился на 3 градации: въ 8, 4 и 2 фунта золота—сообразно съ имущественнымъ цензомъ сенаторовъ. Но съ теченіемъ времени выяснилось, что 144 червонца (2 фунта) платить въ годъ очень тяжело, поэтому установленъ былъ преимущественно для бѣдныхъ сенаторовъ *follis* въ 7 солидовъ. Наконецъ, не имѣвшій имущественнаго состоянія былъ совершенно освобожденъ отъ *gleba*. *Follis*'у сенаторовъ соответствовало *augurum soronarum*, которое платили *municipes*.

3. Третья обязанность есть *augurum ablativum* (золотоподносная). По случаю «*Iustra*», т. е. пятилѣтнихъ юбилеевъ, сенаторы дѣлали торжественные подарки императору. Напр., Валентіанъ II по случаю 10-ти-лѣтняго юбилея получилъ отъ сенаторовъ подарокъ, стоившій 16 кентинаріевъ золота. Но, если мы представимъ, что не всѣ сенаторы были чудовищно богаты, то поймемъ, что эти подарки были не легки для нихъ. Самые богатые римскіе сенаторы получали съ своихъ *patrimonia* дохода 40 кентинаріевъ и натурою, въ видѣ зерна, столько, что, еслибы продать его, то могла бы получиться сумма отъ 15 до 10 кентинаріевъ.

Освобождаясь отъ муниципальныхъ повинностей, сенаторы подпадали, такимъ образомъ, другимъ обязанностямъ.

Такъ какъ количество лицъ, освобожденныхъ отъ *municipalia*, сильно увеличивалось, если присоединить сюда освобожденныхъ фиктивно, и именно, настолько, что не находилось гражданъ, которые могли бы взять на себя исполненіе *municipa*, то городамъ было трудно выполнять эти обязанности. Поэтому города сами стали выбирать отъ себя гражданъ для *βουλῆ* или *куріи*. Имущественныя отношенія были такъ разстроены, что всякое другое избраніе, кромѣ пассивнаго, становилось фикціей. Всѣ въ предѣлахъ своего горизонта высматривали, кто изъ нихъ состоятельныѣе, чтобы привлечь его къ *куріи*. При императорахъ послѣ Константина деликатное различіе между *cives* и *incola*, *municipa* и *honores*, *de facto* уничтожилось, а всѣ лица, болѣе состоятельныя, стали разсматриваться, какъ *civiales*. На нихъ падали всѣ обязанности *куріальныхъ*. Такъ какъ существенно необходимо было держать списки *civiales* въ полной исправности, то съ цѣлью привлеченія къ *куріямъ*, стали понижать гражданское совершеннолѣтіе съ 25 до 18 лѣтъ. Стали блуждать, что никто по праву рожденія не могъ отказаться отъ *куріальныхъ* обязанностей. И только *praefecti praetorio* освобождались въ лицѣ своихъ

потомковъ отъ куріальныхъ обязанностей, и именно, въ лицѣ тѣхъ дѣтей, которыя родились отъ отцовъ уже *illustres*. Но такъ какъ дослужиться до *illustres* было не легко и такъ какъ браки были ранніе, то и преторскія дѣти въ большинствѣ случаевъ должны были исполнять куріальныя обязанности въ городѣ, къ которому они принадлежали или по *origo*, или по *domicilium*. Для полученія привилегіи нужно было или ходатайствовать предъ императоромъ или зачислиться въ милицію.

Всѣ граждане дѣлились на: а) *curiales*, б) *possessores* и в) *negotiatores*. Послѣдніе должны были платить пошлину производства — *χρυσάργυρον*. Эта «золотосеребряная» подать, собиравшаяся со всякаго рода собственности, введена была Константиномъ V. и отменена Анастасіемъ. Отъ нея, какъ острили впоследствии нѣкоторые историки, не освобождались ни ослы, ни собаки. Какой-нибудь сапожникъ, потрясая шиломъ, призывалъ всѣхъ боговъ во свидѣтели, что у него ничего нѣтъ, кромѣ шила; однако, и за свое ничтожное шило онъ долженъ былъ платить *χρυσάργυρον*. Торговцы и ремесленники во время блистательнаго состоянія городовъ не были привлекаемы къ *munera personalia*. Классическое возрѣніе было таково, что кто родился свободнымъ, тотъ не долженъ и ставить себя наравнѣ съ несвободными. Поэтому *cives romanus* могъ самъ для себя обрабатывать землю, но, если развивалъ торговлю въ громаднѣхъ размѣрахъ, то считался лишеннымъ своей чести и не имѣлъ права на гражданскіе *honores*, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ работалъ по заказу другихъ. Естественно, что императоры данной эпохи требовали съ ремесленниковъ *χρυσάργυρον*. Отъ *χρυσάργυρον* освобождались: асіархи (начальники провинцій), гимнасіархи, врачи и учителя риторики и философіи, такъ называемые *professores*. Они не подлежали *munera personalia*, ибо считались несущими ихъ по своему служенію. *Munus* первосвященника была сопровождаема даже стѣснительнымъ имущественнымъ положеніемъ, почему и это лицо считалось не обязаннымъ нести другія *munera*.

Римское право въ своихъ положеніяхъ опредѣляетъ условія, обязанности и возможность освобожденія отъ муниципальныхъ обязанностей для римскихъ свободно-рожденныхъ гражданъ. Такъ какъ эти привилегіи простирались не только на такихъ лицъ, какъ сенаторы, но и на такихъ, которыя несли тѣ или другія общественныя обязанности (*munera*), то сюда подво-

дился и христіанскій клиръ, тѣмъ болѣе, что и самое богослуженіе христіанское, совершаемое клиромъ, называется служеніемъ общественнымъ (*θεία λειτουργία*); а такъ какъ латинское или римское *munera* на греческомъ языкѣ употреблялось въ смыслѣ общественнаго служенія, то отсюда и *λειτουργία* есть не что иное, какъ *munera*. Дать привилегіи христіанскому клиру было тѣмъ легче, что жрецы языческіе были освобождены отъ муниципальныхъ обязанностей.

Такимъ образомъ, въ 313 г. и даже еще въ 312 г. эти привилегіи были усвоены христіанскому клиру. А такъ какъ Константинъ Великій считалъ клиръ объединяющимъ началомъ въ христіанствѣ, то привилегіи эти не были распространены на сектантовъ. Поэтому, явились лица недовольныя и завидующія христіанскому клиру. Прежде всего, недовольны были язычники, затѣмъ сектанты (напр., донатисты, составлявшіе въ Африкѣ почти половину населенія), которые своимъ вліяніемъ на городскія куріи стремились къ тому, чтобы за христіанскимъ клиромъ не признавали данныхъ ему привилегій. Поэтому иммунитетъ 313 г. въ дѣйствительности плохо осуществился. — Въ томъ же 313 г. христіанскій клиръ освобожденъ былъ отъ *munera pominationis* и отъ *munera patrimonialia*. Христіанскій клирикъ, напр., не могъ уже быть сборщикомъ податей. Далѣе дѣлаемы были подтвержденія [319, 343, 353, 402] и разъясненія. Иммунитетъ 313 года объявленъ былъ полнымъ, т. е. лица клира освобождались отъ всякихъ гражданскихъ *munera*, разумѣя подъ клириками всѣхъ безъ исключенія до самыхъ чтецовъ и иподіаконовъ [330], и права ихъ распространялись на потомковъ ихъ и женъ [354].

Ко второму роду обязанностей относились *munera patrimonialia*, т. е. обязанности, налагаемыя на имущества. Кліръ былъ освобожденъ въ томъ же 313 г. и отъ этихъ обязанностей, но не всецѣло.

Эти *munera* раздѣлялись на двѣ группы; къ первой относились такъ называемыя *munera sordida* — имущественныя повинности для извѣстнаго класса людей. Въ 318 году насчитывалось до 14 категорій такихъ повинностей, какъ-то: постановка провіанта для проходящихъ войскъ, размоль зерна, выпеканіе хлѣба, устройство и починка дорогъ и мостовъ, доставка лѣснаго матеріала, доставка телѣгъ, доставка почтовыхъ лошадей и лошадей для перевозки грузовъ, довольство императорскихъ проѣзжающихъ пословъ, участіе въ обще-

ственныхъ постройкахъ, рекрутскія повинности (или поставка рекрутовъ или выкупъ) и др. Всѣ эти повинности были сняты съ христіанскаго клира. Но обычно число этихъ повинностей то расширялось, то уменьшалось.

Ко второй группѣ относились *munera extraordinaria*, къ которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ относились и *munera sordida*. Если государство считало необходимымъ для себя (напр. въ военное время) привлечь всѣхъ къ тѣмъ или другимъ *munera*, то обращало *munera sordida* въ *extraordinaria*. Такъ, напр., для дунайскаго побережья требовалась экстренная постановка матеріала и провіанта для войскъ, исправленіе дорогъ и т. п., когда государство тѣснили съ сѣвера варвары. *Munera extraordinaria* простирались и на лицъ привилегированныхъ. Пслѣдующіе императоры сами устанавливали категоріи каждый по своему. Характерно позднѣйшее распоряженіе: такъ какъ постройка зданій, поправка дорогъ и т. п. считались почетными для всякаго гражданина, то и церковныя имущества не были свободны отъ этихъ повинностей.

Смыслъ иммунитета клира для христіанской церкви былъ немаловажнымъ. Положеніе церкви гонимой остается загадочнымъ. Какимъ образомъ христіане могли уживаться подъ давленіемъ муниципальныхъ обязанностей? Вѣроятно все го потому, что въ клиръ избирались лица менѣе всего подлежащія муниципальнымъ обязанностямъ. Издавая иммунитетъ, государство, повидимому, желало, чтобы христіанскій клиръ не отвлекался отъ своихъ служебныхъ обязанностей другими какими нибудь обязанностями, при этомъ оно имѣло въ виду, повидимому, поднять авторитетъ клириковъ. Христіанская церковь теперь, благодаря иммунитету, могла распространяться успѣшнѣе и быстрѣе совершенствоваться, такъ какъ теперь можно было избрать въ клиръ любого христіанина, котораго прежде не пускали муниципальныя обязанности.

Но жизнь показала, что императоры не желали дать клиру такихъ широкихъ привилегій. Всѣ государи строго слѣдили, чтобы куріи исправно несли свои обязанности, и, такимъ образомъ, давая одною рукою привилегіи, императоры другою отнимали ихъ.

Государство имѣло добрую волю (*intentio*) освободить церковь отъ куріальныхъ обязанностей, но по чисто финансовымъ основаніямъ не могло желать ослаблять силы курій. Уже въ 320 г. стало извѣстно постановленіе: въ клирики должны

поставляться лица, которыя имѣють состояніе незначительное; наоборотъ, лица, обладающія большимъ состояніемъ, не должны были поставляться въ клиръ, такъ какъ должны были нести общественныя обязанности. Въ 326 г. прежнее постановленіе было повторено и дополнено Константіномъ въ томъ смыслѣ, что богатые должны нести тяготы вѣка, а бѣдные могутъ находить себѣ поддержку въ богатствахъ церкви. Посему церкви надлежало брать въ клирики изъ людей бѣдныхъ. Курія очевидно желала удержать состоятельныхъ лицъ за собою (какъ *desuptiones*); но въ свою очередь и церковь имѣла право желать, чтобы въ клиръ поступали не одни только бѣдные, тѣмъ болѣе, что не всѣ бѣдные достойны были быть клириками. Посему государству приходилось принимать въ соображеніе интересы той и другой стороны: куріи и церкви, чтобы урегулировать эти напряженныя отношенія. Приходилось издавать законы даже о томъ, чтобы въ курію возвращались тѣ лица, которыя прежде были поставлены въ церковныя должности.

Въ 353 г. былъ изданъ законъ Константіемъ, по которому всѣ лица, принадлежащія къ клиру, освобождались отъ общественныхъ (*munera sordida*) повинностей. Въ 361 г. Константіи постановилъ, что только епископы, какое бы имущество они ни имѣли, должны быть свободны отъ куріальныхъ обязанностей. Начиная отъ пресвитеровъ и до низшихъ клириковъ, духовенство могло свободно располагать своимъ имуществомъ, если только оно избиралось на клировыя должности по требованію народа и съ согласія куріи. Если же окажется, что нѣкоторые изъ клириковъ не имѣють разрѣшенія куріи и вступаютъ въ клиръ по своимъ прояскамъ, то они свободны отъ куріальныхъ обязанностей лишь въ томъ случаѣ, если они передадутъ $\frac{2}{3}$ своего имущества родственникамъ, которые за нихъ должны поступить въ курію. Если же они не имѣють родственниковъ, то $\frac{2}{3}$ ихъ состоянія обращается въ собственность куріи. Но законъ долженъ считаться съ такого рода злоупотребленіемъ: нѣкоторые могли перевести свое имущество на чужое имя. Въ этомъ случаѣ законъ предусматрѣлъ, что еслибы оказались такого рода злоупотребленія, то родственники этихъ клириковъ имѣли право взять себѣ имущество, искусственно утаенное, и поступать въ курію, а если родственниковъ нѣтъ, то курія имѣла право взять его въ свою собственность. Вообще сущность закона сводится къ тому,

что $\frac{2}{3}$ имущества во всякомъ случаѣ, должно передать куріи, чтобы имѣть возможность освободиться отъ нея. Но это положеніе было недолго примѣняемо на дѣлѣ. Въ 364 г. было постановлено, чтобы все имущество передавалось въ курію, если кто желалъ освободиться отъ нея. Такимъ образомъ мы видимъ цѣлый рядъ ограниченій иммунитета.

Параллельно съ этимъ ограниченіемъ законъ развивалъ другія положенія. Еще въ законѣ 320 г. было сказано, что на будущее время церковь можетъ принимать клириковъ только на мѣста умершихъ. Такимъ образомъ установились уже штаты, а установить ихъ было совершенно необходимо. Такъ въ одной изъ новеллъ Юстиніана I (отъ 535 г.) указывается число клириковъ при Великой (Софійской) церкви въ Константинополѣ и трехъ ближайшихъ, «приписныхъ къ ней» церквахъ: 60 пресвитеровъ, 100 діаконовъ, 40 діакониссъ, 90 иподіаконовъ, 110 чтецовъ и 25 пѣвцовъ, итого 425 лицъ, да еще плюсъ 100 привратниковъ. Если потребность церковнаго блеска могла принять такіе широкіе размѣры, то вполне понятно изданное государствомъ ограниченіе: принимать въ клиръ только на мѣста умершихъ.

Но здѣсь лежитъ источникъ недоразумѣній между государствомъ и епископами, ибо церковь, восходя на высоту своего призванія, по мѣрѣ увеличенія количества ея членовъ должна была увеличивать и количество клира, а посему штаты разъ навсегда утвердить было нельзя, и государство должно было предоставить рѣшеніе этого вопроса самимъ епископамъ и смотрѣть только, чтобы не было злоупотребленій. Что опасенія государственной власти въ этомъ направленіи были небезосновательны, это ясно, напр., изъ того, что наветрѣчу этому шелъ Василій В. Онъ давалъ распоряженіе хореепископамъ, что не потерпятъ никакого злоупотребленія въ расширеніи штата клириковъ, и распоряженіе это, вызванное тѣмъ, что пресвитеры въ церкви каппадокійской присвоили себѣ право зачислять на клировыя низшія должности, онъ мотивировалъ тѣмъ, что ими выбирались недостойныя лица, а также тѣ, которыя чрезъ поставленіе желали освободиться отъ куріи.

Въ 398 г. былъ изданъ указъ, который гласилъ: «если будетъ необходимость восполнить клировыя должности, то епископы благоволятъ брать не изъ куріаловъ, а изъ монаховъ». А въ слѣдующемъ 399 г. появилось новое постановленіе:

«низшіе клирики—чтецы, пѣвцы и др., несмотря даже на полное отреченіе отъ имущества, не должны считать себя свободными отъ куріальныхъ обязанностей». Амвросій медиоланскій жаловался, что онъ не могъ оправдать предъ своими соепископами этого распоряженія: какъ допустить, чтобы послѣ 30-лѣтняго пребыванія въ клирѣ, вдругъ человѣкъ снова возвращался въ курію и подвергался обремененіямъ, которыя на куріаловъ тогда падали. Законы развивались и далѣе: въ 439 г. было запрещено куріаламъ поступать въ клиръ; въ 452 законъ этотъ подтвержденъ; а въ 458 г. всѣ лица изъ клира, до степени діакона, происходившія изъ куріаловъ, должны были возвратиться въ курію.

Указанныя привилегіи клира создали новый порядокъ вещей, по которому лица, несвободныя отъ общественныхъ обязанностей, стремились въ клиръ, чтобы освободиться отъ повинностей, и нерѣдко были людьми совершенно неподготовленными къ духовному званію. Достаточно припомнить, что Іоаннъ Златоустъ долженъ былъ низложить 6 епископовъ, ибо они за крупную цифру получили епископское поставленіе у Антонина, митроп. ефесскаго. При слѣдствіи по этому дѣлу, всѣ подробности его стали извѣстными. Епископы долго не совнавались, но въ концѣ концовъ заявили: «δεδοκήμεν», чтобы только освободиться отъ куріи, прося, если нельзя оставить ихъ въ епископскомъ санѣ, не выдавать ихъ по крайней мѣрѣ въ курію. Св. Іоаннъ Златоустъ лишилъ ихъ епископскаго сана, дозволивъ получить обратно свои взятки изъ имущества Антонина, и самъ обѣщалъ ходатайствовать за нихъ передъ императоромъ, чтобы они не были возвращены въ курію.

Такимъ образомъ, почва привилегій являлась не всегда удобной, и на ней выростали тернія и волчцы. Но несмотря на подобные случаи, нельзя представлять все дѣло чернымъ. Это были только злоупотребленія. Если церковь считала импунитаты тягостными, она могла отказаться отъ нихъ, но она вѣдь признавала, а не отказывалась. Если некрасива нравственность клириковъ, подкупами вторгающихся въ клиръ, чтобы только спастись отъ куріи, то и наоборотъ, вѣдь и куріалы не всегда отличались высокою нравственностью, какъ показываетъ, напр., замыселъ куріаловъ—привлечь къ повинностямъ епископовъ, даже тѣхъ, которые не имѣли имущественнаго ценза, изъ-за того только, что они были honoratiore. Охраняя свои интересы, для церкви куріалы дѣлали много

зла. На выборах вели себя прямо недобросовѣстно: направляли выборъ на лицъ, къ мѣстной куріи не принадлежащихъ, чтобы только своя курія не лишилась дѣльныхъ и состоятельныхъ членовъ. Но государство тогда постановило, чтобы выборъ въ клиръ былъ изъ мѣстныхъ жителей—мірянъ, чтобы не отнимать декуріоновъ у сосѣднихъ курій.

Что касается недвижимыхъ имуществъ, принадлежавшихъ церквамъ, то въ виду того, что система римскихъ финансовъ основывалась на имущественномъ налогѣ, трудно было предоставить кому бы то ни было свободу отъ имущественнаго налога, *tributum*. «*Agri ecclesiae solvunt tributum*», говорилъ св. Амвросій. Такимъ образомъ, церковь всегда платила налоги, и если въ 313—315 г. былъ изданъ законъ, по которому каеолическія церкви, повидимому, были освобождены отъ *tributa*, то на самомъ дѣлѣ законъ этотъ освобождалъ отъ подати только церковныя зданія, какъ мѣста богослуженія, а не принадлежащую церкви недвижимую собственность отъ налога. Обыкновенныя государственныя подати церковныя земли уплачивали всегда, и императоръ Констанцій въ 359 г. отклонилъ энергично просьбу ариминскаго собора объ освобожденіи первой отъ нихъ.

Фактически церковныя земли освобождались только отъ повинности другого порядка, отъ *munera*, именно *sordida*. Съ вопросомъ объ освобожденіи отъ *munera extraordinaria* не легко было считаться. Если церковныя земли освобождались отъ *munera extraordinaria*, то значить государство находилось въ благопріятномъ состояніи; иное состояніе государства требовало ослабленія или отмѣны этихъ привилегій. Въ 423 г. былъ изданъ законъ, въ которомъ сказано, что постройка общественныхъ дорогъ и мостовъ не должна причисляться къ *munera sordida* и ни одинъ человѣкъ не можетъ быть свободнымъ отъ этой обязанности. Этому распоряженію должны подчиняться и самые дворцы и церкви.

Древняя церковь не желала дѣлать изъ клириковъ аристократовъ. Выраженіе апостола: «*трудоуждаемя, дѣлающе своими руками...*» (1 Кор. IV, 12) она понимала, по условіямъ своего историческаго существованія, какъ заповѣдь для себя. Сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «*Statuta ecclesiae antiqua*», въ 51 правилѣ говоритъ: «клирикъ, какъ бы онъ ни былъ ученъ въ Словѣ Божіемъ, долженъ пріобрѣтать пропитаніе какимъ-либо ремесломъ (*artificium*)». Правило это имѣло примѣненіе въ жизни

клириковъ еще до IV в. Въ IV в. обращали уже на него серьезное вниманіе: Василій В. назначалъ въ приходы пресвитеровъ не особенно даровитыхъ и способныхъ, но за то такихъ, которые приобрѣтали себѣ пропитаніе своимъ трудомъ.

Считаясь съ подобнымъ положеніемъ, государство и въ этомъ отношеніи должно было сдѣлать льготы. Занимаясь ремеслами, земледѣліемъ, послѣдніе могли заниматься и торговлей. Въ 343 году императоръ Константій освободилъ клириковъ отъ налоговъ въ торговлѣ и подтвердилъ эту привилегію въ 353 году. Но скоро государство пришло къ мысли сдѣлать ограниченія въ этомъ отношеніи. На востокѣ императоръ Валентъ совершенно отмѣнилъ указанную привилегію въ 364 году. Въ 399 году, въ виду продолжавшихся злоупотребленій, издалъ указъ о томъ же Аркадій. На западѣ императоръ Граціанъ въ 379 году издалъ законъ, по которому] въ Италіи и Иллирикѣ духовныя лица могли производить торговлю безъ налоговъ на сумму до 10 солидовъ, въ Галліи же — до 15 солидовъ ¹⁾. Такимъ образомъ, въ Галліи духовныя лица безпосредственно могли производить торговый оборотъ на сумму 87 руб. съ копѣйками; въ общемъ эта льгота весьма умѣренного свойства. [Валентиніанъ III въ 452 году запретилъ вообще клирикамъ заниматься торговлею].

3. Судебныя привилегіи.

Наряду съ указанными льготами государство предоставило церкви льготы и въ судебномъ отношеніи. Прежде всего надо поставить льготы духовныхъ какъ подсудимыхъ или какъ отвѣтчиковъ. На этотъ счетъ чрезвычайно характерна новелла императора Валентиніана III, 440 г., дѣйствовавшая, впрочемъ, недолго. Она написана несомнѣнно подъ вліяніемъ духовнаго лица, отстаивавшаго свои интересы; въ Codex Theodosianus она не вошла и была отмѣнена въ 448 г. Новелла эта показываетъ, какого рода сутяжничества могли направляться противъ церкви. Здѣсь предоставлялись льготы: священникамъ (*sacerdotibus*), вторымъ священникамъ (*sacerdotibus secundis*) и левитамъ. Въ этихъ названіяхъ чиновъ іерархіи

¹⁾ При вслкихъ переводахъ византійскихъ денегъ надо принимать за норму солиды Феодосія, равнявшійся нашимъ 5 руб. 81¼ коп. золотой монетой.

удерживается, как видимъ, ветхозавѣтная терминологія, по смыслу которой епископъ называется первымъ священникомъ, а священникъ—вторымъ (*secundus*), діаконы же—левитами. Новеллой Валентиніана было постановлено слѣдующее: если кто-нибудь хочетъ судиться или съ церковью, или съ клирикомъ, и если обвинителемъ является лицо самостоятельное, то оно допускается къ иску подъ тѣмъ только условіемъ, если доставить залогу 100 фунтовъ золота и 100 фунтовъ серебра. Принимая во вниманіе, что 1 фунтъ золота равняется 72 солидамъ, а солидъ—5 р. 81¹/₄ коп., получаемъ для одного фунта золота 418 руб. 50 коп., а фунтъ серебра=5 солидамъ или 29 руб. 6¹/₄ коп. Такимъ образомъ, богатый обвинитель долженъ былъ внести залогъ 44756 руб. Залогъ этотъ попадалъ въ фискъ, если обвинитель проигрывалъ дѣло. А если обвинитель былъ лицомъ несостоятельнымъ, то, въ случаѣ проигрыша дѣла, у него отбиралось имущество въ пользу куріи и самъ онъ заковывался въ кандалы.

Далѣе, римская судебная практика знала такое положеніе при гражданскихъ искахъ. Если истцомъ или отвѣтчикомъ было высокопоставленное лицо, то оно должно было вести дѣло чрезъ особаго повѣреннаго, называвшагося *procurator*’омъ. Мотивировалось это тѣмъ, что присутствіе высшаго государственнаго сановника ставило судью въ неловкое положеніе. Судья въ табели о рангахъ занималъ низшее мѣсто и, посему, не могъ оставить сановника стоять, какъ истца или отвѣтника: по крайней мѣрѣ онъ долженъ былъ посадить его рядомъ съ собою. Но въ дѣлахъ уголовныхъ обвинитель и обвиняемый, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ явиться на судъ *persona sua*. Исключеніе было допущено только въ отношеніи къ епископамъ. Послѣднимъ въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ предоставлялось право вести дѣло *per procuratores*.

О духовныхъ лицахъ, какъ свидѣтеляхъ на судѣ, законъ категорично гласилъ: епископъ не долженъ быть допускаемъ *ad testimonium dicendum* на судѣ. Такъ какъ это было не ограниченіемъ, а привилегіею для духовныхъ лицъ, то «не долженъ» (*non debet*) нужно понимать въ смыслѣ «не обязанъ». «Пресвитеры, по тому же правилу, будутъ давать свидѣтельскія показанія безъ обиды допроса (*sine injuria questionis*)», т. е. не должны подвергаться пыткамъ; діаконы не освобождались отъ пытки.

Одинъ изъ благодѣтельныхъ законовъ былъ изданъ въ 355

году, но онъ былъ очень широкъ и дѣйствовалъ недолго. Во всякомъ случаѣ, римское законодательство послѣдовательно проводило требованіе, чтобы уголовныя дѣла и разборъ ихъ принадлежали государству, однако и здѣсь было исключеніе для епископовъ. Константій въ изданномъ имъ законѣ запрещаетъ обвинять епископовъ на судахъ, такъ какъ здѣсь возможна была самая дрянненькая спекуляція со стороны обвинителей. Если обвинитель проигрывалъ дѣло, то онъ объявлялся клеветникомъ, и законъ подвергалъ его карѣ. Но въ подобномъ случаѣ обвинитель не рисковалъ ничѣмъ: если онъ и проигрывалъ дѣло, то онъ могъ надѣяться, что епископъ, какъ представитель религіи милосердія, проститъ его клевету, не желая терять своей репутаціи. Такимъ образомъ выходило, что всякіе сугаги въ борьбѣ съ епископомъ были навѣрняка. Чтобы устранить подобную спекуляцію, Константій постановилъ: судъ надъ епископомъ производить только на церковныхъ соборахъ.

Но это лишь одна сторона дѣла и необходимо обратить вниманіе на другую, не менѣе важную. Еще ап. Павелъ, узнавъ съ негодованіемъ о томъ, что коринскіе христіане рѣшаются судиться у языческихъ правителей, писалъ имъ: *«неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими?»* (1 Кор. VI, 5). Древняя церковь оказалась вѣрна призыву апостола: христіане, стараясь рѣшать дѣла на почвѣ римскаго права, вмѣсто того, чтобы обращаться въ государственныя судьямъ, обращались къ суду третейскому. Обязательность приговора этого суда была лишь нравственная, да и вообще по закону третейскій судья постановлялъ лишь *arbitrium*, а не *judicium*. Весьма непросто было привести рѣшеніе третейскаго суда въ исполненіе. Если дѣло велось судебнымъ порядкомъ, то *executio*, т. е. исполнительный листъ, можно было получить весьма легко. При третейскомъ судѣ тяжущіася стороны должны были заключить напередъ *stipulatio*, т. е. договоръ о послѣдствіяхъ рѣшенія, и потомъ уже, на основаніи этого договора, требовать исполненія приговора у власти. Искони держалось въ римскомъ обществѣ воззрѣніе, что рѣшеніе третейскаго суда безусловно свято. Слѣдовательно, разъ состоялось постановленіе третейскаго суда, то всякій *judex* долженъ стоять на приговорѣ (*sententia arbitrii*) этого послѣдняго, не позволяя себѣ пересмотра дѣла, будь оно право или нѣтъ. Такимъ образомъ, съ третейскимъ приговоромъ тѣсно свя-

занъ окончательный характеръ—апеллировать здѣсь не приходилось: если истецъ дѣлался жертвою неправильнаго постановленія, то онъ, по взгляду римскаго права, долженъ былъ винить самого себя.

На почвѣ этихъ третейскихъ приговоровъ римское государство и могло урегулировать права епископовъ, какъ судей. Въ 321 году при Константинѣ В. епископамъ было предоставлено право быть третейскими судьями, рѣшенія ихъ также считались окончательными и безапелляционными. Это было повтореніемъ лишь общаго положенія. Привилегія же состояла въ томъ, что Константинъ позволилъ перенесеніе дѣла гражданскаго вѣдомства на третейскій судъ епископа: когда обѣ тяжущіяся стороны убѣждались, что ихъ дѣло легче можетъ быть рѣшено на третейскомъ судѣ, то обращались къ суду епископа. Въ высшей степени важно въ данномъ случаѣ одно обстоятельство. Формы епископскаго суда были значительно упрощенныя, обрядъ судоворенія былъ простъ, *litis denuntiatio* отмѣнялось. Формальное судопроизводство было для тяжущихся истиннымъ капканомъ: стоило только пропустить срокъ—и лицо теряло права на веденіе дѣла. Епископскій судъ былъ сравнительно скоръ.

Въ 331 году Константинъ В. сошелъ съ этой почвы и предоставилъ епископамъ судъ формальный, конкурировавшій съ судомъ государственнымъ. Теперь дѣло, начатое предъ гражданскимъ судомъ, можно было перенести на судъ епископа во всякое время, даже и тогда, когда судья совѣщался уже относительно приговора, и, кромѣ того, если бы этого пожелала только одна изъ тяжущихся сторонъ, а не обѣ, какъ въ 321 году. Судья теперь обязывался, при заявленіи хотя бы одной стороны, немедленно передать всѣ документы и судебные акты на третейскій судъ епископу.

Законъ, который навязывалъ епископу роль своеобразную, разумѣется, не могъ долго сохраняться. Впрочемъ, нужно сказать, что, если епископъ въ третейскомъ судѣ надѣленъ былъ такой компетенціей, то римское государство, не сходя съ общей почвы римскаго права, руководствовалось существующей аналогіей. Римское правительство признавало широкую компетенцію іудейскаго патріарха, который имѣлъ значеніе даже въ гражданскихъ дѣлахъ. А такъ какъ епископская компетенція равна компетенціи іудейскаго патріарха, то эти два однородныхъ явленія должны были одновременно и закончиться. Импе-

раторскимъ закономъ 3 февраля 398 г. отмѣнена юрисдикція іудейскаго патріарха, и не дальше, какъ 27 іюля того же года послѣдовала отмѣна юрисдикціи епископа. Епископу предоставлено дѣйствовать въ гражданскихъ процессахъ въ роли посредника, на основаніи апелляціи обѣихъ сторонъ, и этотъ законъ подтвержденъ былъ въ 408 г., вопреки закону 331 г., по которому епископу предоставлялся судъ даже въ томъ случаѣ, когда одна только сторона изъявляла на это желаніе.

Затѣмъ, есть еще область суда сословнаго. Епископы разбирали дѣла не церковныя только, но и гражданскія. Было вопросомъ чистаго приличія требовать, чтобы клирики обращались къ третейскому суду епископа, когда къ нему обращались и другія лица. Собственно настаивали на этомъ требованіи соборы. Такъ, на Иппонскомъ соборѣ (*concilium Ниропенсе*) въ 393 г. и въ 397 г. на Карфагенскомъ было постановлено, что клирикъ, обратившійся въ гражданскихъ спорахъ къ гражданскому суду, теряетъ даже санъ. Аналогичное постановленіе было проведено и на Халкидонскомъ соборѣ, а именно: клирикъ предварительно долженъ обращаться къ епископу, который назначаетъ посредника. Если же, по истеченіи опредѣленнаго срока, посредникъ не былъ назначенъ, клирики могли обращаться къ гражданскому суду. Но само государство на счетъ обязательности епископскаго суда для клириковъ узаконеній не дѣлало до временъ Юстиніана. Такимъ образомъ, клирикъ, прямо обращаясь къ гражданскому суду, рисковалъ должностью; судъ же всегда принималъ его жалобу.

Какія же слѣдствія имѣло подобное узаконеніе для епископовъ? Оно возвышало авторитетъ епископа въ глазахъ общества. Но скоро послышались голоса и противъ этого рода привилегіи. Св. Златоустъ говоритъ, что эта привилегія составляетъ тяжелое бремя для епископовъ. Имъ предстоитъ много труда и немаловажная опасность. Трудно опредѣлить, на чьей сторонѣ право, и не оскорбить другого лица. Поэтому лучшіе епископы съ крайней неохотой брались за судопроизводство. Блаж. Августинъ только по самоотверженію несъ эти обязанности. Его трибуналъ постоянно былъ осаждаемъ множествомъ тяжущихся, такъ что, когда два собора назначили ему трудную богословскую работу, то Августинъ заключилъ формальный договоръ съ папвою, чтобы ему предоставлено было 5 дней свободныхъ въ недѣлю. Договоръ былъ даже пзложенъ на бумагѣ. Несмотря на это, его, по его словамъ,

и до и послѣ полудня отвлекали отъ дѣла. Въ результатѣ же получалось раздраженіе потерпѣвшей стороны. Епископу не прощали безапелляціонности его приговора.

Но всё эти темныя стороны не могли ослабить благотельной силы этого закона. Количество исковъ говорить лишь о несовершенствѣ христіанскаго общества. Это для епископа было хорошимъ средствомъ ознакомиться съ паствою и имѣть на нее разнообразное воздѣйствіе.

При всей обременительности процессовъ для епископа былъ исходъ. Онъ не всегда былъ обязанъ лично разбирать жалобы. Онъ могъ назначать уполномоченное лицо для предварительнаго слѣдствія и на основаніи его доклада постановлять свой приговоръ. Это была палліатива, и палліатива, логика которой не совсѣмъ безспорна. (Я довѣряю *самому* епископу, но безпристрастіе его уполномоченнаго для меня х). Троадскій еп. Сильванъ поручалъ дознаніе духовнымъ лицамъ. Но когда узналъ, что они берутъ взятки, онъ сталъ поручать благочестивому и честному мірянину, и его за это одобряли.

Но стремленіе обращаться къ суду епископа показываетъ, что эта мѣра была дѣлесообразна. Римское судопроизводство было страшно запутано множествомъ формальностей, въ которыхъ не умѣли разобраться не только простые лица, но и плохіе, малосвѣдущіе и легкомысленные адвокаты. Это вело къ тому, что правая сторона часто проигрывала процессъ по винѣ своихъ повѣренныхъ. Въ противоположность гражданскому суду, епископскій судъ, въ которомъ формальности были сведены до *minimum*'а, являлся настоящимъ благодѣяніемъ для народа, а что сторона, противъ которой состоялся приговоръ, всегда была недовольна, это понятное психологическое явленіе.

4. Право ходатайства и право убѣжища.

Одною изъ весьма важныхъ привилегій, созданныхъ измѣнившимися отношеніями церкви къ государству, былъ обычай *х о д а т а й с т в а* (*intercessio*) епископовъ за свою паству предъ свѣтскою властью. Эта практика въ глубинѣ своей коренится скорѣе на нравственномъ, чѣмъ юридическомъ началѣ. Епископы принимали на себя роль ходатая такъ, какъ могло это сдѣлать каждое уважаемое лицо. Но во всякомъ случаѣ уже въ древней римской практикѣ подготовлена была для этого почва: правомъ ходатайства тамъ пользовались жрецы и особенно

весталки. Изъ практики это право перешло и въ законодательство: въ 398 г. духовенству и монахамъ запрещено было отнимать преступника изъ рукъ правосудія, но предоставлено законнымъ путемъ вмѣшиваться въ его пользу.

Примѣненія этого права были часты и разнообразны: ходатайствовали за колоновъ предъ ихъ жестокимъ помѣщикомъ (какъ Августинъ), предъ государемъ за его поданныхъ. Извѣстнѣйшій случай въ этомъ родѣ представляетъ ходатайство антиохійскаго епископа Флавіана предъ Θεодосіемъ (въ 387 г.), когда во время возстанія перебиты были статуи императора и императрицы. Послѣ взрыва страстей реакція была ужасна: народъ пришелъ въ отчаяніе, опасались всего худшаго—даже распоряженія о поголовномъ избіеніи. Бросились къ Флавіану. Престарѣлый больной епископъ отправился съ возможною быстрою въ Константинополь. «Я прихожу къ вамъ—какъ посланникъ нашего общаго Господа—положить вамъ на сердце слова: *аще отпущаете челоукомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мѡ. VI, 14)». И затѣмъ указалъ императору на значеніе предстоящаго праздника пасхи. Императоръ былъ тронутъ, простилъ виновныхъ и приказалъ спѣшить въ городъ и успокоить въ великій праздникъ свою паству извѣстіемъ, что все происшедшее забыто. Есть извѣстія о ходатайствахъ епископовъ (Василія В.), вызванныхъ довольно обыкновенными въ ту пору несправедливостями при собираніи или распредѣленіи податей. Сохранилось 6 писемъ, въ которыхъ Θεодоритъ ходатайствуетъ предъ различными высокими лицами, даже предъ самою августой Пульхеріей по поводу подобной же несправедливости въ распредѣленіи налоговъ.

Обычай ходатайства облакалъ епископовъ правомъ извѣстнаго рода надзора надъ гражданскими чиновниками провинцій. Закономъ 409 г. полуофициально на епископовъ возлагается обязанность напоминать судьямъ о челоуческомъ обращеніи съ заключенными. Наконецъ Юстиніанъ въ 529 году поручилъ епископамъ въ среду и пятокъ обходить темницы и разспрашивать заключенныхъ и доносить высшей власти о замѣченныхъ несправедливостяхъ. Такимъ образомъ починъ въ ходатайствѣ могъ исходить отъ самихъ епископовъ. Чаше оно вызывалось обращеніемъ къ ихъ посредству самихъ гонимыхъ.

По этой сторонѣ *jus intercessionis* стоитъ въ тѣсной связи съ *jus asylum*. Нѣкоторые языческіе храмы и алтари, а также

бюсты императора считались неприкосновеннымъ убѣжищемъ для различныхъ преступниковъ. Это воззрѣніе перешло и на христіанскіе храмы.

Собственно, такого права не знала древность; извѣстно, что въ Греціи его не было. Въ Римѣ же въ императорскій періодъ, когда защиты искали не у боговъ, а у императоровъ, можно было бѣжать въ храмъ обоготвореннаго кесаря и спастись у его статуи. Этотъ порядокъ былъ признанъ формально при Антонинѣ; рабъ, бѣжавшій отъ жестокостей господина къ статуѣ императора, долженъ быть проданъ въ другія руки. Эта привилегія была распространена и на христіанскіе храмы. Епископы могли просить за прибѣгшихъ къ защитѣ храма; святымъ «впечатлѣніемъ» храма ограждались отъ преслѣдованія рабъ и должникъ. Это право формально было перенесено и на площадь предъ храмомъ, и на ограду вокругъ него, и даже на жилища клириковъ; въ западной церкви пространство въ 50 шаговъ вокругъ церкви тоже пользовалось правомъ убѣжища; при Юстиніанѣ было даже признано, что человекъ, идущій возлѣ клирика, не можетъ быть взятъ силою безъ соизволенія клирика.

На почвѣ этихъ привилегій развились злоупотребленія, и государство сознательно стало дѣйствовать въ пользу отъѣны ихъ; [на соборѣ Сердикскомъ объ *jus asyli* нѣтъ рѣчи], но епископамъ постановлено не отказывать бѣжавшему въ судѣбствіи и пытаться облегчить его участь. Въ 392 г. постановлено императорскимъ указомъ ограничить привилегіи убѣжища бѣжавшихъ подъ защиту церкви государственныхъ должниковъ, брать ихъ силою, если епископы не уплатятъ долга или изъ церковной казны, или изъ своихъ собственныхъ средствъ. Въ 398 г. *jus asyli* рѣшительно уничтожено для тѣхъ, которые думаютъ, что бѣжавшіе въ церковь могутъ быть освобождены отъ лежавшихъ на нихъ обязанностей по отношенію къ государству или къ частнымъ лицамъ.

Исторія предшествующаго и послѣдующаго времени представляетъ намъ случаи борьбы между епископами и гражданскою властью изъ-за права убѣжища: извѣстна стойкая защита Василіемъ В. противъ викарія провинці Понта одной вдовы, прибѣгшей къ кесарійской церкви. Побѣда въ этомъ случаѣ осталась за епископомъ. Съ другой стороны Синесій, епископъ птолемаидскій, произноситъ анаѹему противъ жестокаго намѣстника Андроника, который не хотѣлъ

знать никакихъ подобныхъ правъ и прямо заявлялъ, что изъ его рукъ не уйдетъ никто, хотя бы онъ обнималъ ноги самого Христа. Къ особенному нравственному торжеству церкви послужило въ этомъ вопросѣ то, что бурныя обстоятельства времени заставили прибѣгнуть къ покровительству церкви даже самыхъ злѣйшихъ противниковъ этого права. Такъ долженъ былъ въ церкви искать спасенія отъ ярости взбунтовавшихся готскихъ когорть въ 399 году тотъ самый евнухъ Евтропій, который выхлопоталъ въ 398 году законъ противъ убѣжищъ. Златоустъ сказалъ тогда свое знаменитое слово: «Всегда, а особенно теперь своевременно сказать: суета суетъ и все суета!» и насколько зависѣло отъ него, защищалъ низверженнаго сановника. Точно также и Андроникъ принужденъ былъ искать спасенія въ церкви, и Синесій оказалъ ему покровительство. Законодательнымъ порядкомъ право убѣжища признано было за церковью лишь при Феодосіи II (431)—съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы бѣжавшій въ церковь и принадлежащія ей строенія оставилъ оружіе. Въ слѣдующемъ году былъ изданъ новый законъ о рабахъ, бѣжавшихъ въ церковь: епископъ долженъ войти въ переговоры въ тотъ же день, и господинъ долженъ былъ простить вину раба.

Право ходатайства и убѣжища могло стать поводомъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ. Тѣ епископы, въ которыхъ сознание величія своего общественнаго положенія преобладало надъ пониманіемъ своего церковнаго призванія, находили въ этихъ привилегіяхъ удобное средство дать почувствовать свое политическое значеніе представителямъ государства, готовы были вмѣшиваться въ гражданское судопроизводство съ правомъ и безъ всякаго права, считали нужнымъ оказывать покровительство всякимъ гонимымъ, хотя бы то и не ради правды. Былъ, напр. случай, что въ церковь бѣжалъ одинъ клятвопреступникъ. Государственный сановникъ обратилъ вниманіе епископа на это и просилъ отказать ему въ убѣжищѣ. Самъ виновный добровольно оставилъ церковь, такимъ образомъ самого объекта для покровительства уже не существовало. Однакоже епископъ считалъ нужнымъ отстаивать будтобы нарушенныя права церкви и произнесъ противъ сановника и всей его фамилии отлученіе.

Другая неблагоприятная сторона этихъ привилегій та, что онѣ направили вниманіе народа, всегда склоннаго смотрѣть на внѣшнее, [на внѣшнія преимущества епископа] и

иногда заставляли его при выборах забывать объ истинномъ назначеніи епископа. Стали смотрѣть не на то, кто отличается нравственною жизнью и высокимъ пониманіемъ христіанства, а на то, какія связи имѣеть избираемый, какое его общественное положеніе. Уже Григорій Богословъ жалуется на это извращеніе понятій. «Ищутъ не іереевъ, а риторовъ, не жрецовъ чистыхъ, а сильныхъ предстателей». Известно, что эти побочные мотивы всего сильнѣе содѣйствовали избранію Сивесія въ епископа птолемаидскаго. Въ 460 году одна церковь въ Галліи не хотѣла избрать въ епископа одного монаха потому, что непривычный къ обхожденію съ сильными міра, онъ будетъ хорошимъ предстателемъ предъ небеснымъ Судіею душъ, но слишкомъ плохую защиту въ мірскихъ дѣлахъ.

Но если гдѣ, то именно въ отношеніи къ праву ходатайства и убѣжища *usum non tollit abusus*. Случаи злоупотребленія были рѣдки. А своевременность этихъ законовъ признается всѣми. Въ бурную эпоху переселенія народовъ, разрушенія политическаго строя, народныхъ волненій и гнетущихъ общественныхъ отношеній,—церковь оставалась единственною общепризнанною святынею и единственнымъ авторитетомъ еще непоколебленнымъ: только власть епископа могла стать между гонимымъ сановникомъ и грубою силою бушующей черни, между рабомъ и свирѣпымъ господиномъ, разгнѣваннымъ иногда безъ всякой значительной причины. Даже германскіе варвары, беспощадно громившіе Римъ, останавливались передъ святынею храмовъ, не смотря на то, что побѣдители были аріане, а побѣжденные православные. А для самой церкви эти прежде неизвѣданныя ею права весьма много облегчали достиженіе ея благотворныхъ и миротворныхъ цѣлей: то зло, противодѣйствовать которому не въ силахъ были пастыри церкви непризнанной и гонимой, легко устранялось теперь прямымъ и непосредственнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла мірскія епископовъ церкви государственной.

5. Прочіе менѣе важные законы въ пользу церкви.

Къ другимъ, направленнымъ въ интересахъ церкви, но не столь важнымъ по своему значенію законамъ, относится прежде всего эдиктъ Константина 321 г. о соблюденіи святости вос-

креснаго дня, повтореный и расширенный его преемниками. По мысли Константина въ этотъ день приостанавливались всякаго рода ремесла кромѣ земледѣлія; прекращалось судопроизводство; не было воинскихъ упражненій; въ послѣдствіи запрещены были театры. Дозволено было лишь отпускать рабовъ на волю. Константинъ же усвоилъ церкви ту привилегію, что отпущенный въ церковномъ собраніи рабъ пользовался свободою, какъ если бы онъ былъ отпущенъ передъ преторомъ. Право церкви отпустить рабовъ нельзя понимать такъ, чтобы епископы могли приказать господамъ отпускать своихъ рабовъ на волю: церковь признавала рабство какъ фактъ, какъ юридическое установленіе, и потому не боролась противъ него; дѣло только въ томъ, что самое отпущеніе обставлено было такими формальностями, которыя дѣлали самый актъ дѣйствительнымъ только при участіи и посредствѣ церкви. Именно: со времени Константина освобожденіе могло совершаться только или по духовному завѣщанію, или по акту, составленному предъ епископомъ. До того времени оно совершалось предъ преторомъ, каковой порядокъ существовалъ до императорскаго періода. Такъ какъ теперь освобожденіе предъ преторомъ не имѣло мѣста, то освобожденіе происходило *per epistolam*, *per mensam*, *per amicos*, т. е. освобождающій раба давалъ частное письмо, призывалъ освобождаемаго къ столу, гдѣ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ друзьями, и давалъ ему свободу. Но такой рабъ, хотя и становился свободнымъ, однако не пользовался свободой гражданской, т. е. не былъ признанъ правительствомъ и не могъ составлять духовныхъ завѣщаній. Между тѣмъ рабъ, освобожденный предъ епископомъ, становился полноправнымъ гражданиномъ. Это право было утверждено тремя эдиктами,—первый не сохранился, второй изданъ въ 316 г., третій—въ 321 году. Въ двухъ сохранившихся эдиктахъ говорится, что освободить раба—дѣло богоугодное и должно быть совершаемо въ такъ называемыя *feriae*—праздники, дни свободные отъ занятій.

Далѣе можно отмѣтить законъ о брачномъ правѣ. Теперь теряеть свое значеніе законъ, изданный въ императорское время противъ безбрачія. Онъ былъ отмѣненъ въ интересахъ христіанскихъ аскетовъ (320). Но въ этомъ отношеніи вліяніе церкви на законодательство было слабо. Римское правительство удержало брачное законодательство во всей неприкосновенности. Василій В. констатируетъ фактъ несогласія

между государственными и церковными постановленіями о бракѣ (21 правило). Римъ наказывалъ только прелюбодѣицу, но оставлялъ ненаказаннымъ прелюбодѣя, не менѣ виновнаго по христіанской этикѣ. Церковь признавала дѣйствительнымъ бракъ между рабами; но государство предоставляло рабамъ только *contubernium*. И съ этимъ приходилось мириться и церкви и отказывать рабамъ въ вѣнчаніи. Церковное вѣнчаніе весьма долго не признавалось обязательнымъ со стороны государства. Лишь въ 893 г. Львомъ Философомъ былъ изданъ законъ объ обязательности церковнаго вѣнчанія для всѣхъ; впрочемъ, рабы все еще исключались, и только въ концѣ XI в. разрѣшено имъ вѣнчаніе, такъ что съ этого времени таинство брака стало обязательнымъ.

Во многихъ отношеніяхъ римское государство подъ вліяніемъ церкви оставило прежній языческій образъ дѣятельности и прониклось другими жизненными христіанскими началами. Такъ, благодаря стараніямъ пастырей церкви, государство отмѣнило въ 325 г. гладіаторскіе бои. Въ 315 г. запрещено клеймленіе преступниковъ и отмѣнена крестная казнь (которая, впрочемъ, нужно замѣтить, держалась и послѣ еще до 404 г.). Въ 315 г. было запрещено выбрасывать дѣтей, какъ это практиковалось до этого времени, и даны средства къ воспитанію ихъ родителямъ явно бѣднымъ.

Вообще привилегіи, усвоенныя церкви, сами по себѣ могли только благопріятно дѣйствовать на развитіе церковной жизни; онѣ не могли возмущать ея теченія уже потому, что большая часть ихъ только санкціонировала существующія отношенія церкви. Злоупотребленія новыми правами, какъ бы ни было значительно ихъ вліяніе, зависѣли не отъ самаго ихъ духа, корень и причина ихъ лежали въ самомъ составѣ христіанскаго общества, въ недостаткахъ его членовъ.

Такимъ образомъ, фактическими слѣдствіями соединенія церкви съ государствомъ были, съ одной стороны, нѣкоторая зависимость представителей церкви отъ представителей государства, съ другой—общепризнанно высокое положеніе церкви въ гражданскомъ обществѣ. На развитіи церковной жизни тяжело отзывалось первое изъ этихъ слѣдствій. Эта область представляетъ больше злоупотребленій, чѣмъ послѣдняя. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь то, что въ новыхъ отношеніяхъ было не благопріятнаго, исходило не столько отъ государства, сколько отъ церкви. Послѣдняя и въ ея представителяхъ и въ членахъ

оказалась менѣе подготовленною къ этому новому союзу, реагировала на государство съ меньшею энергіею и правильною, чѣмъ это можно было ожидать, имѣя въ виду трехвѣковое героическое существованіе ея при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ.

II. Церковный строй.

1. Клиръ и іерархія.

Уже въ предшествующій періодъ масса вѣрующихъ дѣлилась весьма ясно на клиръ и народъ, *clerus et laici*. Руководящая роль въ церковныхъ дѣлахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущество правъ принадлежали клиру безъ всякаго прекословія со стороны мірянъ. Заявленія о такъ называемомъ всеобщемъ священствѣ вѣрующихъ покоились на другой почвѣ и потому не могли входить въ столкновеніе съ преимущественнымъ положеніемъ клира въ церкви. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ церкви католической. Единственное исключеніе изъ этого представляетъ высказанное Тертуліаномъ, послѣ того, какъ онъ притянулъ къ монотанистамъ, притязаніе, что всѣ вѣрующіе, *licet laici*,—*de jure* священники въ томъ же смыслѣ, какъ и члены клира, что за отсутствіемъ духовныхъ каждый для себя священникъ, можетъ и крестить и раздѣлять евхаристію: потому что каждый живетъ лишь вѣрою и нѣтъ лицезрѣнія у Бога. «*Nonne et laici sacerdotes sumus?*» (*De exhort. castit. c. 7*).

Въ настоящій періодъ эти притязанія не повторяются. Напротивъ, обстоятельства слагаются именно такъ, что различіе между клиромъ и народомъ должно выясниться полнѣе и отчетливѣе, и еще сильнѣе—если то возможно—утвердиться въ общемъ сознаніи. Заявленное императорами желаніе быть епископами внѣшнихъ дѣлъ церкви, касалось внѣшней области управления: претензіи на равенство въ сакраментальномъ смыслѣ здѣсь не было. Достойнѣйшіе изъ епископовъ и самимъ императорамъ умѣли дать почувствовать различіе между клиромъ и мірянами. На востокѣ было утвердился обычай, что императоръ занималъ мѣсто на солеѣ, за рѣшеткою, вмѣстѣ съ духовенствомъ. Амвросій медиоланскій не позволилъ въ своей церкви занять это мѣсто Феодосію и указалъ ему мѣсто въ ряду мірянъ. Императоръ добровольно сталъ держаться этого

обычая и въ самомъ Константинополѣ. Что касается другихъ вѣрующихъ, то на утверженіе въ нихъ мысли о различіи ихъ отъ клира не могло не вліять то обстоятельство, что, вслѣдствіе укоренившагося обычая откладывать крещеніе до послѣднихъ дней жизни, весьма многіе изъ мірянъ были оглашенными. Очевидно при этомъ какая-либо претензія на равенство съ клиромъ становилась немыслимою.

Условія вступленія въ клиръ.

Отъ избираемаго на церковныя степени требовались извѣстная степень образованности и нравственная жизнь. Первое, понятное и само по себѣ, еще болѣе выясняется изъ того, что въ нашъ періодъ догматическая дѣятельность развивалась со всею энергіею; епископъ или пресвитеръ долженъ былъ чувствовать себя компетентнымъ въ тѣхъ вопросахъ, которые составляли предметъ догматическихъ споровъ. Но средства для церковнаго образованія были далеко недостаточны для того, чтобы, благодаря имъ, можно было безъ затрудненій удовлетворять потребности церкви въ просвѣщенныхъ клирикахъ.

Александрійское огласительное училище въ нашъ періодъ уже отживало свой вѣкъ, и Дидимъ александрійскій, умершій въ 395 году, былъ послѣднимъ украшеніемъ этого славнаго въ исторіи церкви учрежденія. Небольшая отрасль александрійскаго училища, школа въ Кесаріи палестинской, прославленная Оригеномъ, Памфиломъ, Евсевіемъ и знаменитою бібліотекою,—тоже пришла въ упадокъ. Антиохійская школа, начало которой положено было около 290 г. пресвитерами Дороеемъ и Лукіаномъ, достигаетъ своего расцвѣта въ концѣ IV и началѣ V вѣка и производитъ сильное вліяніе на богословское направленіе въ сирійской церкви. Отрасль антиохійскаго училища, эдесская школа, основаніе которой положено было Ефремомъ Сиринымъ, имѣла особенно важное просвѣтительное вліяніе. Она имѣла характеръ богословской семинаріи, и отсюда выходили образованные духовные для Сиріи и Персіи. Она нѣсколько пережила бурю, поднятую несторіанскимъ споромъ и окончила свое существованіе лишь въ 489 г. (Зинонъ). Наконецъ въ Персіи несторіане основали училище въ Нисивинѣ съ опредѣленною школьною программой, съ раздѣленіемъ на классы, съ специальными преподавателями Священнаго Писанія. Вотъ и всѣ учебныя учрежденія, какія извѣстны на востокѣ.

На западѣ не было ничего подобнаго. Извѣстный остготскій сановникъ и ученый Кассіодорій сожалѣлъ о томъ, что въ Римѣ неизвѣстно профессиональное объясненіе Св. Писанія, и пытался заинтересовать папу Агапита въ учрежденіи такой школы въ Римѣ; но этотъ планъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Очевидно, всѣхъ учебныхъ, такъ сказать, богословскихъ заведеній было слишкомъ недостаточно. Приходилось обращаться къ другимъ образовательнымъ средствамъ. При процвѣтаніи языческихъ школъ существовала такая практика, что лица, родившіяся даже въ христіанской семьѣ, получали общее литературно-философское образованіе въ языческихъ школахъ, а затѣмъ самостоятельно изучали Священное Писаніе. Такъ, на примѣръ, Василій Великій и Григорій Назіанзинъ одновременно съ Юліаномъ слушали уроки языческихъ преподавателей въ Аѳинахъ; Іоаннъ Златоустъ слушалъ уроки краснорѣчія у Ливанія въ Антіохіи; Іеронимъ изучалъ классиковъ подъ руководствомъ Доната.

Весьма часто дополненіемъ къ общему образованію служила монастырская жизнь. Сюда обращались для подготовленія себя къ церковнымъ должностямъ даже лица, получившія общее образованіе въ классическихъ школахъ. Такъ было съ Василіемъ В., Григоріемъ Назіанзиномъ, Іоанномъ Златоустомъ. Въ эту эпоху монастыри были вообще однимъ изъ подготовительныхъ заведеній для клира. Часто изъ нихъ выходили достойнѣйшіе пастыри. Но монастырское вліяніе не всегда отзывалось на нихъ благотворно: при строгой воздержной жизни, нѣкоторые изъ питомцевъ ихъ страдали извѣстною узостью взгляда, впадали въ ригоризмъ, и оказывались безпомощны среди сложныхъ житейскихъ отношеній, особенно въ большихъ городахъ. Примѣры подобнаго односторонняго вліянія монастырской жизни можно видѣть въ Златоустѣ и Несторіи. Но, конечно, это далеко не было общимъ правиломъ: Кириллъ александрійскій, который такъ прекрасно умѣлъ найдти среди самыхъ запутанныхъ и неблагопріятныхъ отношеній, — тоже свои первые годы провелъ въ монастырѣ.

Другимъ воспитательнымъ учрежденіемъ того времени служила жизнь въ клирѣ знаменитыхъ епископовъ. Это было весьма хорошимъ средствомъ для практической подготовки къ прохожденію пастырскаго званія. Обыкновенно бывало такъ, что тѣ, которыхъ готовили къ духовному званію, поступали

въ клиръ еще мальчиками въ званіи чтецовъ (*lectores*). Въ этомъ званіи они оставались до 20—30 лѣтъ, потомъ становились аколутами или иподiakонами. Если кто особенно успѣвалъ въ грамотности, выказывалъ особенныя способности, его дѣлали нотаріемъ или *exceptor'омъ*, своего рода секретаремъ. Такъ, напримѣръ, Епифаній, въ послѣдствіи епископъ тичинскій (V в.), поступилъ въ клиръ 8 лѣтъ лекторомъ, когда навывъ въ скорописи, его сдѣлали *exceptor'омъ*. Прокль, въ послѣдствіи епископъ константинопольскій, тоже съ ранняго дѣтства поступилъ въ клиръ лекторомъ, но въ это время продолжалъ посѣщать школу и занимался риторикою, потомъ его сдѣлали нотаріемъ, затѣмъ diaкономъ.

Въ этотъ періодъ признавалось нормальнымъ, когда въ епископы возводимъ былъ человекъ, прошедшій послѣдовательно всѣ степени клира, какъ это было съ Василиемъ В. Въ западной церкви это требованіе высказывалось особенно пастойчиво. И конечно, эта практика имѣла свой *raison d'être*: долговременное пребываніе въ клирѣ было лучшимъ ручательствомъ за извѣстную умственную и нравственную подготовку къ прохожденію высшихъ церковныхъ должностей. Особенною извѣстностью и уваженіемъ пользовался въ свое время клиръ Василія В., Евсевія верчелльскаго, Амвросія медіоланскаго. Христіанскія общины охотно выбирали изъ нихъ своихъ представителей. Въ дѣлѣ образованія клириковъ особенною извѣстностью пользуется блаженный Августинъ: основанный имъ *monasterium clericorum*, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ клириками по образцу апостольской общины, былъ первымъ примѣромъ *vita salonica*, столь извѣстной въ средніе вѣка. Кромѣ многихъ низшихъ клириковъ изъ монастыря бл. Августина вышли 10 епископовъ.

Всѣ эти случайныя образовательныя средства не могли особенно содѣйствовать высокому подъему церковнаго образованія между духовными. Поэтому, на ряду съ весьма высокими изображеніями идеала пастырскаго, мы встрѣчаемся съ весьма скромными требованіями на практикѣ. Такъ, въ V столѣтіи, въ африканской церкви кандидата на епископскую степень испытывали, *an sit literatus*, скорѣе въ знаніи грамотности, чѣмъ [въ томъ], наставленъ ли въ законѣ Господнемъ, хорошо ли понимаетъ смыслъ писаній, опытенъ ли въ церковныхъ догматахъ. Въ Римѣ для поступленія въ клиръ требовалась только грамотность, чтобы новый членъ былъ только

non sine litteris. А въ одномъ изъ документовъ, представлен-ныхъ четырнадцатниками третьему вселенскому собору, можно читать слѣдующія слова: «я, Патрикій, второй пресвитеръ изъ селенія Парадіоксила (Παραδιοξύλου), подписуюсь, за неумѣ-ніемъ грамотѣ (διὰ τὸ γράμματα μὲ μὴ εἰδέναι), рукою сопресви-тера Максима» (Mansi, IV, 1357). [На Ефесскомъ соборѣ 449 г. были и епископы, не знавшіе грамоты, Илія адрианопольскій и Каюма, епископъ Фено] ¹⁾.

Требованіе, чтобы члены клира отличались высокою нрав-ственною жизнью въ нашъ періодъ мало по малу вопло-щается въ своеобразную форму. Аскеты издавна пользовались въ церкви глубокимъ уваженіемъ, и жизнь безбрачная рассмат-ривалась какъ такая, которую, по слову Христа, не всѣ могутъ вмѣстять, а только тѣ, которымъ дано это. Отсюда возрѣніе, что дѣвство есть совершеннѣйшій образъ жизни, чѣмъ супру-жество. При развитіи монашеской жизни въ настоящій періодъ и томъ благоговѣйномъ почтеніи, съ какимъ вѣрующіе отно-сились къ знаменитымъ отцамъ пустыни, такое возрѣніе на сравнительное достоинство двухъ формъ жизни должно было усилиться и заявить себя практическими слѣдствіями. Стали желать, чтобы духовные, какъ представители нравственности по преимуществу, вели жизнь безбрачную. Это требованіе шло съ запада къ востоку.

Въ латинской церкви уже и въ древній періодъ довольно ши-роко распространены были ригористическіе взгляды, которые наши въ монтанизмѣ свое крайнее выраженіе. На соборѣ Эльвирскомъ 306 г. постановлено было: угодно предписать епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ и всѣмъ занимающимъ церковныя должности клирикамъ—вовсе воздерживаться отъ своихъ женъ. Это требованіе имѣло, разумѣется, только мѣст-ное значеніе. Но въ 325 г. на соборѣ Никейскомъ сдѣлана была попытка распространить его обязательность и на всю церковь. Предполагаютъ съ вѣроятностью, что представленіе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было Осіемъ кордубскимъ, присут-ствовавшимъ и на соборѣ Эльвирскомъ. Повидимому многіе склонялись въ его пользу (у Созомена сказано: прочіе, οἱ ἄλλοι, одобрили предложеніе). Но противъ него высказался чело-

¹⁾ Mansi, VI, 929: Elias, episcopus Hadrianopolis, definiens subscripsi per Romanum, episcopum Myrorum, eo quod literas ignorarem. VI, 931: Cajumas, episcopus Phainus, definiens subscripsi per coepiscopum meum Dionysium [Sycamazonensem], propter quod literas ignorem.

вѣкъ, который и какъ исповѣдникъ и какъ подвижникъ пользовался высокимъ уваженіемъ. Это былъ Пафнутій, епископъ изъ верхней Фиваиды. Его голосъ имѣлъ тѣмъ больше вѣса, что самъ строгій дѣвственникъ, Пафнутій свободенъ былъ отъ всякихъ подозрѣній, что онъ руководится какими нибудь эгоистическими мотивами. Онъ высказался въ томъ смыслѣ, что апостолъ и бракъ называетъ *честнымъ* (Евр. XIII, 4), что слѣдовательно нѣтъ побужденій требовать отъ всѣхъ [безбрачія], возложивъ на всѣхъ то иго, которое съ честью могутъ нести только немногіе, можно принести вмѣсто пользы только вредъ церкви, подвергнувъ опаснымъ искушеніямъ, если не самихъ священныхъ лицъ, то женъ ихъ. Миѣііе Пафнутія восторжествовало, и по прежнему, свободному усмотрѣнію поставляемыхъ предоставленъ былъ выборъ между брачною и безбрачною жизнью [Soz. I, 23].

Однако такому порядку вещей на западѣ пошеженъ былъ конецъ весьма скоро. Въ отвѣтъ на вопросы испанскаго епископа Гимерія таррагонскаго римскій епископъ Сирикій издалъ въ 385 году декретальное посланіе, которое легло въ основу всѣхъ послѣдующихъ предписаній относительно celibата духовныхъ лицъ. Въ своемъ посланіи папа Сирикій оплакиваетъ, какъ величайшее бѣдствіе, упадокъ церковной дисциплины въ Испаніи, выразившійся въ томъ, что весьма многіе священники и діаконы послѣ поставленія продолжаютъ жить съ своими женами и рожаютъ дѣтей. «*Кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ? и плачуся на родъ сей день и ночь*» (Іерем. IX, 1). Аргументація, направленная противъ брачной жизни духовенства, составляетъ довольно яркую характеристику того, какъ невысоко было христіанское разумѣніе римскаго первосвятителя. Онъ выводитъ обязательность celibата изъ повелѣнія закона: *будьте святы, потому что и я святъ Господь Богъ вашъ* (Лев. IX, 2), и отклоняетъ ссылку на то, что бракъ дозволенъ священникамъ въ ветхомъ завѣтѣ, предположеніемъ, что это допущено было потому, что тогда священники происходили изъ одного колѣна. Далѣе—Женихъ церкви есть Христосъ, Онъ *освятить церковь, да представитъ ю—не имущу скверны ниже порока* (Ефес. V, 27); *сущіи во плоти Богу угодити не могутъ* (Рим. VIII, 8); *не вѣстемъ, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III, 16) (какъ будто это сказано только о тѣлахъ духовныхъ лицъ). Онъ объявляетъ всѣхъ [непослушныхъ] низложенными властью апостольскаго престола, такъ что они никогда не должны ка-

саться св. таинъ, которыхъ они себя лишили. «На будущее время если найдется (чего не желаемъ) такой епископъ пресвитерь или діаконовъ, пусть онъ знаетъ, что теперь мы заключили ему доступъ къ снисхожденію, потому что желѣзомъ необходимо вырѣзать тѣ раны, которыя не поддаются цѣлебному дѣйствию смягчающихъ средствъ».

Иннокентій I въ трехъ посланіяхъ (Максиму и Северу брутійскимъ, Exsuperio Tolosano 405 и Victicio Rotomagensi 404) повторилъ decretum Сирікія и его аргументацію, дополнивъ ее такимъ доказательствомъ, которое болѣе всего говорить противъ целибата: съ какою совѣстію могутъ женатые священники слышать слова апостола: *«чистымъ все чисто, а а для оскверненныхъ и нечестныхъ нѣтъ ничего чистаго»* (Тит. I, 15). [Карагенскій соборъ 419 г. объявилъ безбрачье обязательнымъ и для иподіаконовъ¹⁾. Левъ I подтвердилъ это постановленіе].

Соборы въ Галліи, Испаніи, Италиі и Африкѣ послѣдовали декрету римскаго престола. Можно отмѣтить тотъ фактъ, что эти предписанія повторяются довольно часто,—что ясно показываетъ, что нарушенія папскаго предписанія повторяются. Равнымъ образомъ характерно то, что въ 535 г. соборъ Клермонскій духовныхъ, которые продолжаютъ жить съ своими женами, навсегда лишаетъ ихъ сана, а соборъ 461 г. Турскій клирикамъ продолжающимъ жить въ бракѣ запрещаетъ только совершеніе литургіи и лишаетъ ихъ права на высшія церковныя степени. Такое смягченіе строгаго декрета папы показываетъ, какъ многочисленны были его нарушители.

На востокѣ обязательный целибатъ не привился. Какъ обычай, онъ появился прежде всего (для епископовъ) въ церковной области сопредѣльной съ Римомъ и зависящей отъ него — въ Фессалии, Македоніи и Ахаіи. Тамъ клирика за продолженіе брачной жизни низлагали. Въ Фессалии целибатъ введенъ былъ (до 445 г.) по частному поводу при поставленіи въ епископа триккскаго Илюдора, автора эротическихъ стихотвореній [Soc. V, 22]. Но на востокѣ всякій [находящійся въ клирѣ, даже епископы, могъ воздерживаться отъ брака] добровольно, а не въ силу обязательнаго закона. Ибо многіе во время епископства имѣли законныхъ дѣтей. Гри-

¹⁾ Can 25: placuit, ut subdiaconi, qui sacra mysteria contrectant, et diaconi, et presbyteri, sed et episcopi secundum priora statuta etiam ab uxoribus se contineant.

горій Богословъ родился уже тогда, когда отецъ былъ епископомъ. Григорій Нисскій, какъ полагають, тоже велъ жизнь брачную. Но особенно громкую извѣстность въ этомъ отношеніи получилъ Синесій птолемаидскій. При своемъ поставленіи въ епископа онъ прямо заявилъ, что не можетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ воззрѣній догматическаго характера и отъ своей жены: «Богъ, законъ и священная рука Θεοφιλα дали мнѣ жену. И теперь я прямо и открыто предъ всѣми заявляю, что я не хочу ни разлучаться съ нею, ни жить съ нею тайкомъ, какъ будто въ не позволенной связи. Первое противно благочестію, второе—законамъ; но я желаю имѣть отъ нея много прекрасныхъ дѣтей». Синесій былъ поставленъ въ епископа. Но уже тотъ фактъ, что онъ долженъ былъ столь торжественно ставить подобное условіе, говорить ясно за то, что его поведеніе выходитъ изъ ряда.

Безъ всякаго закона, практически безбрачіе епископовъ становилось все болѣе и болѣе обычнымъ. Съ одной стороны, не могло остаться безъ вліянія и то, что между епископами безбрачными можно указать такія свѣтила церкви, какъ Аѳанасій александрійскій, Василій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ александрійскій, Θεοδορὸς μωπουσειτικῆς, глубокоуважаемый въ сирійской церкви. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что монастыри были однимъ изъ главныхъ разсадниковъ клира, долженъ былъ повести къ увеличенію числа безженныхъ епископовъ. Въ александрійской церкви уже при Аѳанасіи В. весьма многіе начальники монастырей были поставлены въ епископы (ad Dragontium: καὶ ἄλλοι πολλοί). Наконецъ, самое вліяніе на выборы народа, христіанскія понятія котораго далеко не были высоки, который естественно расположенъ былъ обращать вниманіе на внѣшніе признаки правственнаго совершенства,—должно было содѣйствовать тому, что неравная борьба между брачною жизнью епископовъ и безбрачіемъ должна была кончиться торжествомъ послѣдняго. И въ самомъ дѣлѣ, уже Епифаній кипрскій разсматриваетъ безбрачную жизнь духовенства, отъ епископа до иподіакона включительно, какъ нормальную, и на брачную жизнь смотритъ какъ на уклоненіе. Около того времени, когда поставленъ былъ Θεοφιλομъ Синесій, Іоаннъ Златоустъ низложилъ въ 400 г. епископа ефесскаго Антонина за то, что, отрекшись отъ брачной жизни при поставленіи въ епископа, онъ продолжалъ жить съ женою и рождалъ дѣтей. Можно, правда, думать, что

епископъ низложенъ былъ не за брачную жизнь, а за нарушение своего обѣта. Но во всякомъ случаѣ уже одно то, что епископъ, нарушившій обѣтъ, когда-то далъ его, заставляетъ предполагать, что онъ поставленъ былъ почти въ необходимость произнести его при поставленіи, и, слѣдовательно, безбрачіе епископовъ къ тому времени утвердилось въ сознаніи общества достаточно. Особенно отличается въ этомъ отношеніи Египеть, гдѣ число безбрачныхъ епископовъ было всего больше, и гдѣ, по крайней мѣрѣ, папа александрійскій былъ почти всегда безбрачнымъ, такъ что среди коптовъ составила даже легенда, будто между этими папами былъ только одинъ женатый человѣкъ—Димитрій, но и то по изслѣдованіи оказалось, что онъ жилъ со своей женой, какъ съ сестрой; въ честь этого открытія тамъ существовалъ даже особый праздникъ.

Такимъ образомъ, на западѣ въ силу догматическихъ основаній, на востокѣ по обычаю, число лицъ, отказывавшихся отъ супружества при вступленіи въ клиръ, становилось все болѣе и болѣе значительнымъ, такъ что императоръ Юстиніанъ сталъ уже требовать отъ епископовъ, чтобы они выбирались изъ лицъ, не бывшихъ даже женатыми, не имѣвшихъ и не имѣющихъ дѣтей, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что епископъ будетъ имѣть въ такомъ случаѣ меньше родственниковъ и, слѣдовательно, въ своей должности будетъ менѣе пристрастнымъ. Такъ какъ, однако, такое требованіе естественно суживало кругъ кандидатовъ на епископскія мѣста, что, безъ сомнѣнія, не могло оставаться безъ вліянія и на достоинство избираемыхъ лицъ, то Трулльскій соборъ 692 г. призналъ обязательно безбрачную жизнь только уже въ санѣ епископскомъ. Соборъ этотъ рѣшительно высказался противъ целибата священниковъ и діаконовъ, при чемъ отцы собора заявили, что они, при установленіи безбрачія епископовъ, выходятъ отнюдь не изъ догматическихъ воззрѣній, но, напротивъ, помнятъ апостольское правило, запрещающее епископу изгонять жену, и только по обстоятельствамъ времени находятъ болѣе удобнымъ запретить епископу бракъ, оставляя брачную жизнь священникамъ и діаконамъ въ виду того, что [епископы] своею брачною жизнью стали служить для многихъ соблазномъ [прав. 12, 13].

Изъ того факта, что безбрачіе входило въ кругъ тогдашняго клира, не слѣдуетъ еще, чтобы этимъ отрицалась его семейная жизнь. Со всею положительностью въ этомъ смыслѣ

высказалась западная церковь, требуя воздержанія отъ брака и признавая навсегда нерушимымъ разъ уже заключенный бракъ. Въ этомъ смыслѣ и былъ изданъ въ 420 г. Гоноріемъ законъ, продиктованный кѣмъ-либо изъ западныхъ епископовъ, въ силу котораго уже самое уваженіе къ цѣломудрію стояло за семейную жизнь епископовъ; такія женщины, какъ цѣломудренныя жены епископовъ, вполне достойны быть женами ихъ, ибо своимъ поведеніемъ они дали возможность мужьямъ достигъ степеней церковныхъ. Левъ I писалъ еп. Рустіку, чтобы принявшій священный санъ не расходился съ своею женою, но въ то же время жилъ такъ, какъ будто бы ея не имѣлъ вовсе, чтобы супружество изъ плотскаго переходило въ духовное. Такимъ образомъ, фактически бракъ какъ бы расторгался, но супружеская любовь оставалась въ полной силѣ. И подобныя примѣры, дѣйствительно были. Такъ, у Павлина ноланскаго была супруга Терезія; онъ называлъ ее сестрою, она его — братомъ. Въ подобныхъ же отношеніяхъ къ супругѣ находился Сальвіанъ, пресвитеръ марсельскій. Этотъ обычай продолжался и въ IX вѣкѣ. На одномъ монументѣ въ великолѣпной надписи, при входѣ въ церковь, читались строфы: «здѣсь погребено тѣло благодѣйшей Теодоры епископы». Эта надпись сдѣлана епископомъ римскимъ Пасхаліемъ. Очевидно, Пасхалій былъ сынъ лица, которое было епископомъ, и его мать получила титулъ епископы.

Практика восточной церкви получила другое направленіе, какъ это видно изъ того факта, что Нонна жила при отцѣ Григоріа Богослова, и другихъ подобныхъ. Но со времени Трулльскаго собора 692 г. опредѣлено, что, разъ введено безбрачіе епископа, жены лицъ, произведенныхъ во епископы, должны поселиться въ какой-либо удаленный монастырь. А отъ мужа онѣ должны были получать «попеченіе» — *τρονοια*, т. е. содержаніе. Впрочемъ, къ жизни это правило не особенно привилось. И случаи [когда жены оставались при мужьяхъ, сдѣлавшихся епископами], вопреки этому правилу, продолжались до конца XII вѣка. Въ сентябрѣ 1186 г. Исаакъ Ангель издалъ новеллу, вызванную жалобою епископа кизикскаго, подтверждающую тотъ фактъ, что у многихъ епископовъ въ домахъ жили жены, и такъ какъ епископскія жалобы опирались на постановленіе Трулльскаго собора, то необходимо было сдѣлать распоряженіе, чтобы жены лицъ, принявшихъ епископскую хиротонію, были постригаемы въ монастыри. Въ

противномъ случаѣ епископа ждетъ лишеніе сана; а на будущее время постриженіе женъ должно предшествовать самой хиротоніи ихъ мужей.

Изъ тѣхъ же основныхъ понятій исходило запрещеніе поставлять на священныя должности двубрачныхъ. Епископъ долженъ быть мужемъ одной жены, пишетъ ап. Павелъ къ Тимоѳею (1 посл. III, 2; 12: діаконь) и Титу (I, 6). Второй бракъ всегда рассматривался какъ нѣчто нежелательное, почти предосудительное. Въ словахъ Амвросія: мы не запрещаемъ вступать во второй бракъ, но и не совѣтуемъ (*non prohibemus secundas nuptias, sed non suademus*), нужно видѣть вѣрное выраженіе воззрѣнія церкви. Неудивительно, поэтому, что съ самыхъ древнихъ временъ двубрачіе въ обоихъ его видахъ — какъ *bigamia vera successiva*, т. е. послѣдовательная женитьба на двухъ женахъ, такъ и *bigamia interpretativa* — женитьба на женщинѣ, которая можетъ быть рассматриваема какъ двубрачная, — считалось препятствіемъ къ полученію священнаго сана (Апост. пр. 17, 18).

Но такъ какъ въ основѣ этой практики скрывалось только требованіе, чтобы священныя лица отличались воздержностью, то епископы съ воззрѣніями болѣе свободными позволяли себѣ отклоненіе отъ буквы правила. Въ свое время Тертуліанъ, въ духѣ того ригоризма, который развился въ немъ подъ вліяніемъ монтанства, считавшій съ двубрачіемъ несомнѣннымъ совершеніе таинства крещенія и евхаристіи (*digamus tinguis, digamus offers? Quot enim et bigami praesident apud vos insultantes utique Apostolo?*), ставить православнымъ того времени (начало III вѣка) въ упрекъ, что у нихъ не мало было предстоятелей изъ лицъ двубрачныхъ. Исполить римскій, бывшій представителемъ ригористической партіи римскаго клира, обвиняетъ римскаго епископа Каллиста за то, что онъ ставилъ въ священники и епископы и такихъ, которые были женаты на двухъ, на трехъ женахъ. Эти исключенія изъ общаго правила, являющіяся иногда выраженіемъ свободнаго воззрѣнія на букву закона, а иногда и просто упадка дисциплины, встрѣчаются и въ нашъ періодъ. Римскіе епископы, начиная съ Сирикія, начавъ борьбу противъ брачной жизни духовенства, должны были много разъ повторять узаконенія относительно двубрачныхъ. Въ этого рода постановленіяхъ и разъясненіяхъ нуждались епископы таррагонскій, руанскій. Особенно любопытно декретальное посланіе папы Иннокентія I къ епископамъ Македоніи, изъ котораго открывается, что, не смотря на прежнія его

циркулярныя распоряженія, епископы македонскіе ставили въ священныя степени и двубрачныхъ, особенно такихъ, которые женаты были въ первый разъ во время своего катехумената; что много было въ клирѣ священниковъ, женатыхъ на вдовахъ. Левъ I упрекаетъ епископовъ Мавретаніи за поставленіе въ священныя степени двубрачныхъ.

Въ ту же эпоху Θεодоритъ, епископъ кирскій, аскетъ, челоуѣкъ весьма строгихъ нравовъ, поставилъ двубрачнаго комита Иринея въ епископа тирскаго. Когда по этому поводу возникли неблагопріятныя толки (запросъ отъ константинопольскаго клира), то Θεодоритъ ссылался на то, что Иринея поставленъ имъ по рѣшенію епископовъ финикійскихъ, что рукоположилъ двубрачнаго онъ опираясь на существующіе примѣры: такъ, Александръ антиохійскій, съ высокоуважаемымъ Акакіемъ верійскимъ, рукоположилъ двубрачнаго Діогена, что блаженной памяти Праилій рукоположилъ Домнина кесарійскаго, что въ виду этихъ примѣровъ Прокль константинопольскій призналъ и одобрилъ (ἐταίνων) рукоположеніе Иринея,—фактъ, нужно прибавить, тѣмъ болѣе вѣскій, что для Прокла, давняго и жаркаго противника Несторія, Иринея, вѣрный другъ Несторія, сопровождавшій его даже въ Ефесъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть *persona grata*, и слѣдовательно согласіе дано было независимо отъ какихъ-либо стороннихъ побужденій или личнаго пристрастія; наконецъ, первенствующіе епископы понтійскаго діецеца и всѣ палестинскіе безъ всякаго прекословія допустили поставленіе Иринея [epist. 110].

Ограниченія по вопросу о единобрачїи шли параллельно съ установившимися взглядами на celibатъ духовенства. Исходили обыкновенно изъ положенія апостола, который требуетъ, чтобы епископъ былъ «единья жены мужъ» (I Тим. III, 2), и разсматривали факты, которые могли быть выставяемы, какъ антитезы этого положенія. Епископъ долженъ быть единобраченъ. Но единобрачїе понималось, — во-первыхъ, какъ противоположность бигамїи въ истинномъ смыслѣ слова, *bigamia vera simultanea*, какъ въ ветхомъ завѣтѣ, гдѣ мужъ могъ имѣть двухъ разомъ законныхъ женъ, и у римлянъ, гдѣ мужъ, кромѣ законной жены, имѣлъ еще наложницъ, или когда, имѣя жену, мужъ жилъ съ женщиной легкаго поведенія (*meretrices*), во-вторыхъ, какъ противоположность *bigamia vera succesiva*, когда вдовецъ вступалъ въ новый бракъ, и, въ третьихъ, *bigamia interpretativa*, когда липо

безбрачное вступало въ бракъ со вдовою. — Относительно перваго не могло быть разногласій: оно было отвергаемо даже тогдашними государственными законами. Въ отношеніи ко второму голоса дѣлились. Одни настаивали на единобрачій въ строгомъ смыслѣ слова. Выразителемъ этого мнѣнія является Златоустъ. «Вступленіе въ бракъ лица, лишившагося жены, — говоритъ онъ, — показывало бы невѣрность его къ почившей, и кто могъ бы довѣрить церковь лицу, оказавшемуся невѣрнымъ въ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеніяхъ?» Нѣкоторые полагали еще, что овдовѣвшій до крещенія и женившійся по принятіи его можетъ быть разсматриваемъ, какъ лицо единобрачное, ибо крещеніе смываетъ прежніе поступки, и жизнь его можно разсматривать лишь послѣ момента крещенія, т. е. начала христіанской новой жизни. Впрочемъ, противъ такого мнѣнія высказались энергично представители западной церкви. Такъ, Иннокентій I въ посланіи къ Руфу, еп. ѳессалоникскому, говоритъ: «жениться—преступленіе или нѣтъ? Если не преступленіе, то дѣло не касается крещенія, такъ какъ крещеніе бываеъ во оставленіе грѣховъ. Въ противномъ же случаѣ бракъ незаконенъ, и дѣти — spuria». На востоку въ взглядъ Златоусту противоположный высказывался на *bigamia successiva* подъ защитою высоко авторитетной личности—Ѳеодора мопсуэстійскаго (хотя, нужно замѣтить, влияние его было нѣсколько ограничено). Ѳеодоръ мопсуэстійскій училъ совсѣмъ не такъ, какъ Златоустъ. Онъ говорилъ: «если кто взялъ жену и жилъ съ нею цѣломудренно и только съ нею, и если, потерявъ ее, женится на другой и становеъ жить съ нею точно также, то онъ не лишается этимъ узаконеніемъ Павла права на епископство. Развѣ лишиться жены есть дѣло произвола, а не случая? И смѣшно, если человѣкъ, имѣвшій двухъ женъ, не можетъ быть произведенъ во епископа, а имѣвшій одну жену и нѣсколько наложницъ—можетъ». Съ теченіемъ времени пониманіе словъ апостола было установлено во второмъ смыслѣ (*bigamia successiva*) и опредѣлено не допускать двоебрачныхъ, женатыхъ во второй разъ послѣ смерти первой супруги, на должность клириковъ. Впослѣдствіи изъ этого стремленія соблюсти возможную чистоту духовенства явилось запрещеніе допускать въ составъ его лицъ, женатыхъ на вдовахъ (*bigamia interpretativa*), къ каковымъ въ западной церкви относились и невѣсты другого, на женщинахъ подозрительнаго поведенія,—къ

последнимъ причислены такъ называемыя «позорищныя»—актрисы. Жизнь однако брала свое и находила пути вопреки требованиямъ закона. Трулльскій соборъ говоритъ, что въ рядахъ клира были овдовѣвшіе и женившіеся священники. Былъ назначенъ срокъ — 15 января 691 г., до котораго такіе браки считались законными, а послѣ котораго священники, вступившіе въ бракъ, подвергались лишенію сана (прав. 3).

Третье требованіе по отношенію къ брачной жизни духовенства состояло въ томъ, чтобы лица, принявшія санъ до вступленія въ бракъ, уже не вступали въ него потомъ. Въ основѣ его лежитъ взглядъ ап. Павла относительно нравственнаго совершенства пресвитеровъ. Съ точки зрѣнія древней церкви это требованіе вполне естественно. Апостоль изображаетъ епископа, какъ почтеннаго семьянина, опытнаго въ нравственномъ руководствѣ, который это искусство обнаружилъ на своихъ дѣтяхъ (I Тим. III, 4: «*домъ свой добръ правяшу*»). Представляется, что епископъ—лицо уже зрѣлаго возраста, лѣтъ подь 60, и вступать въ бракъ чловѣку такихъ лѣтъ—дѣло предосудительное. Да и не можетъ быть, чтобы онъ желалъ вступить въ бракъ по принятіи сана. Но практика, по которой требовалось, чтобы пресвитеръ былъ старцемъ и по возрасту, держалась недолго. Стали появляться люди, принимавшіе санъ священный лѣтъ 30. А разъ это происходило такъ, естественно было ожидать и нарушенія правилъ относительно брака.

Уже Ипполитъ упрекаетъ Каллиста за то, что онъ позволяетъ своимъ клирикамъ вступать въ бракъ по поставленіи въ клиръ (что, вѣроятно, разумѣется объ іерархическихъ степеняхъ, потому что чтецамъ и пѣвцамъ бракъ дозволялся). Правило I собора Неокесарійскаго 314 г., которое лишаетъ сана пресвитера, если онъ женится, очевидно, предполагаетъ такіе случаи въ практикѣ. А 10 правило собора Анкирскаго, бывшаго въ томъ же году даже прямо позволяетъ оставаться въ санѣ тѣмъ изъ діаконовъ, которые при самомъ поставленіи заявили, что они не могутъ оставаться безбрачными; и получивъ тогда же разрѣшеніе епископа, женились послѣ поставленія, и низлагаетъ только тѣхъ, которые при посвященіи не сдѣлали подобной оговорки, или обѣщались оставаться безбрачными и женились потомъ. Противъ женитьбы послѣ поставленія высказывался Юстиніанъ въ 530 г. (Cod. I, 3, 45), 535 (nov. 6, с. 5), 536 (nov. 22, с. 42). Правило 10 Анкирскаго собора

отмѣнено Трулльскимъ соборомъ въ 6 правилѣ. Такъ медленно прививались требованія, вытекавшія изъ условныхъ моральныхъ воззрѣній.

Разумѣется, не въ этихъ только специальныхъ узаконеніяхъ по вопросу о брачной жизни клириковъ выражалось требованіе нравственной высоты ихъ жизни. Этого рода узаконенія только съ большимъ постоянствомъ повторяются въ соборномъ законодательствѣ. По общему правилу, устранялся изъ клира всякій виновный въ какихъ-либо тяжкихъ прегрѣшеніяхъ, напр. въ убійствѣ.

Апостоль говоритъ вообще, что кандидатъ на священныя степени долженъ быть безпороченъ (1 Тим. III, 2, 10; Тит. I, 6, 7). Θεодоритъ понимаетъ безпорочность, какъ отсутствіе предлога для сомнѣнія при выборѣ. Въ силу этого не допускаются къ священнымъ должностямъ лица, занявшія свою репутацію. Поэтому Никейскій соборъ 325 г. 9 правиломъ постановилъ: «если нѣкоторые безъ испытанія произведены въ пресвитеровъ, или при испытаніи исповѣдали свои согрѣшенія, но, не смотря на ихъ исповѣдь, люди, устремясь противъ правилъ, возложили на нихъ руки, то правило не терпитъ такихъ. Ибо каеолическая церковь требуетъ жизни безукоризненной». Между тѣмъ Кароагенскій соборъ (30 мая 419 г.) категорически выразилъ ту мысль, что, если епископъ заявить, что на исповѣди кто-нибудь сознался ему въ извѣстномъ проступкѣ, а обвиняемый будетъ отказываться, то пусть епископъ не сочтетъ оскорбленіемъ для себя, если ему не повѣрять. Значить, здѣсь дѣло шло о такомъ дѣянніи, которое могло быть констатировано явно—или черезъ улики, или черезъ публичное признаніе самого лица, но не на исповѣди. Западная церковь высказалась очень опредѣленно о покаяніи клириковъ. Именно, въ 385 году епископъ римскій Сирикій постановилъ, что не дозволяется никому изъ клириковъ открыто каяться и что лицо, покаявшееся публично, не можетъ вступить въ клиръ. Иннокентій въ одномъ посланіи жалуется, что нѣкоего Модеста, который публично принесъ покаяніе, произвели не только въ клиръ, но готовы были даже возвысить до епископской степени. Левъ V. также говоритъ, что церковнымъ обычаемъ совершенно чуждо допускать, чтобы клирики публично приносили покаяніе съ возложеніемъ на нихъ рукъ. Вообще на западѣ установился взглядъ на публичное покаяніе, какъ на препятствіе ко вступленію въ клиръ. Объ

этомъ свидѣтельствуемъ одинъ фактъ изъ исторіи раскола до-натистовъ. Когда Цециліанъ былъ произведенъ во епископа карфагенскаго, но не а сене, т. е. не старѣйшимъ въ странѣ (митрополитомъ), какъ было въ обычаѣ, то имѣвшій значеніе митрополита епископъ Секундъ тигизскій и другіе епископы не хотѣли его признавать. «Признавайте его простымъ клирикомъ,—сказали имъ,—и придите рукополагать». Тогда Секундъ отвѣтилъ: «пусть только придетъ къ намъ! Проломить ему голову ради покаянія!» Объясняется это тѣмъ, что «tendentia» (возложеніе рукъ) употреблялось и въ смыслѣ публичнаго покаянія, такъ что въ разсматриваемомъ случаѣ рукополагаемый Цециліанъ былъ бы выставленъ въ качествѣ публично кающагося и былъ бы лишенъ возможности вступить въ епископскій санъ. Такимъ образомъ, практика покаянія предъ рукоположеніемъ—такъ, какъ употребляется теперь у насъ,—есть явленіе въ древней церкви не предусмотрѣнное.

Таковы общія условія, предъявляемыя въ нашъ періодъ членамъ клира. Въ нихъ проходитъ стремленіе сосредоточить въ клирѣ интеллектуальныя и нравственныя силы христіанскаго общества. И можно сказать, что, несмотря на исключенія, довольно частыя, въ общемъ эта цѣль достигалась. И представители священства были, если не идеально нравственными и просвѣщенными, то все же одними изъ лучшихъ людей своего времени.

Увеличеніе клира и новыя церковныя должности.

Благополучное положеніе христіанъ со времени Константина дало возможность церкви широко развернуть іерархическую программу: во-первыхъ, увеличилось число членовъ клира, во-вторыхъ, нѣкоторыя должности стали создаваться вновь.

Центромъ клира были три священныя степени: епископы, пресвитеры и диаконы. Это такъ называемые *ordines sacri, majores*. Но уже въ предшествующій періодъ явились развѣтвленія этихъ степеней въ восходящемъ и нисходящемъ порядкѣ. Начнемъ съ послѣднихъ.

Образовался цѣлый рядъ нисходящихъ степеней—*ordines minores*, клиръ въ собственномъ смыслѣ въ противоположность священству. Въ предшествующій періодъ встрѣчаются въ 252 г.

въ римской церкви 46 пресвитеровъ, 7 діаконѣвъ, 7 иподіаконовъ, 42 аколуюа и 52 эксоркистовъ, лекторовъ и остіаріевъ. Псалты обыкновенно являются и въ настоящей періодъ тождественными съ чтецами. Тогда же встрѣчаются «гробокопатели», *κοπιῆται* или *fossores*, [также] діакониссы. Въ настоящее время замѣчается количественное увеличеніе клириковъ, занимающихъ эти должности, какъ естественное послѣдствіе измѣнившихся отношеній церкви къ государству, улучшения ея матеріальнаго быта и развивающагося стремленія къ великолѣпной обстановкѣ богослуженія.

Чтецы въ началѣ нашего періода являются даже на соборахъ въ качествѣ представителей епископовъ, правда—совмѣстно съ пресвитерами или діаконами. Такъ подъ актами Арльскаго собора 314 г. подписались, между прочимъ, одинъ лекторъ и одинъ эксоркистъ. Наконецъ, въ соотвѣтствіе съ общимъ характеромъ нашего періода, когда церковныя степени дробились, размножались, давали отрасли вверхъ и внизъ,—и степень чтеца дала одну форму въ этомъ родѣ. На соборѣ Антиохійскомъ 445 г. (при Домнѣ) фигурируетъ между прочимъ и *ἀρχιδιακόνου* Исаакій. На одной степени съ лекторами стояли эксоркисты, обязанность которыхъ состояла въ чтеніи молитвъ надъ одержимыми (*ἐνεργούμενοι*) и въ надзорѣ за оглашенными.

Вторую стадію клировыхъ степеней составляютъ аколуюа и иподіаконы. По римской практикѣ, лицамъ, пробывшимъ 4 или 5 лѣтъ въ той или другой должности, открывался доступъ въ священный санъ діакона (Сирикій, Зосимъ). Относительно должности аколуюа извѣстно немного: какъ видно изъ самаго ихъ названія, они были спутниками епископа; они же разносили по титуламъ св. тайны,—что, очевидно, приближаетъ ихъ къ званію діаконѣвъ.

Къ разряду клириковъ *ordinis minoris* несомнѣнно принадлежатъ «могильщики», *fossores*, приготовлявшіе въ катакомбахъ ниши, въ которыя полагались тѣла умершихъ. Эти «копатели», конечно, существовали уже давно, хотя документально они извѣстны съ IV вѣка. Въ одномъ официальном документѣ 303 года (*Gesta purgationis Caeciliani*) и въ письмѣ (49) Иеронима *fossores* разсматриваются безспорно какъ клирики. Въ одной хроникѣ VI вѣка (*Mai, Spic. Rom. IX, 133*), они ставятся даже выше остіаріевъ (*ostiarus, fossorius, lector, subdiaconus, diaconus, presbyter, episcopus*) и разсматриваются

какъ богоучрежденная степень клира.—Подъ именемъ «трудниковъ», *κοπιῆται*, *κοπιῶντες* (въ смыслѣ *fossor* безспорно съ IV в.; намекъ на это значеніе въ написи III вѣка), *fossogres* являются и на востокѣ. При Θεодосίи II ихъ было въ Константинополь свыше 1000. Въ законахъ Константія 357 и 360 года *κοπιῆται* прямо называются клириками. Въ одномъ прошеніи сугубой эктении и до нашего времени сохранился слѣдъ этого церковнаго положенія «копателей» («труждающихся, поющихъ и предстоящихъ людехъ», *κοπιῶντων*, *ψαλλόντων* и пр.).

Отличную отъ «копатовъ» корпорацію составляли *lectisarii* и *desani*; Константинъ въ числѣ 950 человекъ назначилъ ихъ на службу церкви (константинопольской). Это были міряне, набираемые изъ различныхъ сословій, служившіе при погребеніи. Къ клиру они не принадлежали. Императоръ Анастасій (491—518) довелъ ихъ цифру до 1,100. Такъ какъ они погребали умершихъ безвозмездно, то Анастасій имъ [предоставилъ свободу отъ податей и доходы].

Аналогію съ лектикаріями составляютъ *параваланы*, *οἱ παραβαλανεῖν*, корпорація, посвятившая себя уходу за больными ¹⁾. Извѣстны только александрійскіе параваланы. Нѣко-

¹⁾ Ср. В. В. Бологовъ, „Параволаны“ ли? (Ореографическій вопросъ). „Христ. Чт.“ 1892, II, 18—37 (=Изъ церковной исторіи Египта. Вып. III. Архимандритъ тавеннисіотъ Викторъ при дворѣ константинопольскомъ въ 431 г. Спб. 1892, 235—254). Стр. 26—27: въ древнихъ памятникахъ *παραβαλανεῖς*, *parabalani*, *parabalanin* = *παραβαλανεῖν* = *οἱ παρά βαλανεῖου*, „параваланницы“, т. е. „которые у бани, при банѣ, близъ (подлѣ) бани“. 34: „Религіозное братство *параваланницевъ* первоначально состояло, по всей вѣроятности, изъ такъ называемыхъ „трудниковъ“, т. е.—въ главной массѣ—изъ благочестивыхъ простолудивовъ, посвятившихъ свой физическій трудъ на служеніе церкви. По указанію церковныхъ властей, они исполняли разныя черныя работы. Епископы александрійскіе, повидимому, брали себѣ домашнюю прислугу изъ параваланницевъ. Какъ показываетъ самое названіе, эти трудники поселены „у [церковной] бани“; отопленіе ея, присмотръ за нею, прислуживаніе моющимъ, и составляли обычную обязанность параваланницевъ, изъ которой естественнымъ путемъ развилась и благороднѣйшая цѣль этого братства, уходъ за больными“. 35: „Историческое существованіе александрійскихъ *параваланницевъ* отъ 416 по 534 г. засвидѣтельствовано документально. Въ всякаго сомнѣнія, они явились ранѣе 416 г., но когда именно, неизвѣстно. Невѣроятно, однако, чтобы это братство появилось ранѣе Константина в.; разъ они поселены были у „бани“, значитъ церковнымъ имуществомъ государство уже усвоило извѣстныя привилегіи. Невѣ-

торые историки причисляют их къ клиру, но для этого нѣтъ твердыхъ основаній.^v Извѣстно, что параваланы представляли изъ себя организованную корпорацію въ 600 человекъ съ синдикомъ во главѣ, имѣли свой законный списокъ, что привилегіи ихъ были настолько значительны, что богатые люди даже покупали мѣста паравалановъ за деньги (и законъ полагаетъ границы ихъ порывамъ), что они состояли подъ вѣдомствомъ архіепископа александрійскаго, и въ этомъ отношеніи представляли собою полуклириковъ. Въ исторіи эта корпорація оставила по себѣ позорную славу. Извѣстно, какъ они геройствовали вмѣстѣ съ монахами Варсумы въ 449 году въ Ефесѣ на разбойничьемъ соборѣ, и едва ли не параваланы составляли главный контингентъ той толпы, которая подъ предводительствомъ чтеца Петра растерзала Ипатію. Во всякомъ случаѣ, въ 416 году параваланы сильно скомпрометировали себя, и законъ Θεодосія II отъ 29 сентября 416 года аттестуетъ ихъ весьма нелестно. Оказывается, особая депутація являлась въ Константинополь просить, чтобы александрійскій епископъ никогда не отлучался изъ Александріи, иначе граждане не видѣли средствъ держать въ порядкѣ эту шайку служителей церкви. Θεодосій сократилъ цифру паравалановъ до 500 человекъ, изъялъ ихъ изъ подъ вѣдѣнія епископа александрійскаго и подчинилъ префекту Египта и строго запретилъ имъ *in corpore* появляться въ общественныхъ мѣстахъ, на судѣ или въ театрѣ. Впрочемъ 3 февраля 418 г. эти ограниченія были отмѣнены, и въ числѣ 600 человекъ они подчинены епископу александрійскому.

На ряду съ этими степенями въ числѣ клира являются представительницы женской части христіанскаго общества, діакониссы. Причины появленія ихъ въ клирѣ понятны. При той разобщенности между мужскимъ и женскимъ поломъ, какая господствовала на востокѣ, поддерживать частыя сношенія съ христіанскими женщинами для епископа или пресвитера было затруднительно. А между тѣмъ новообращенныя нуждались въ наставленіи въ истинахъ вѣры и христіанской

роятно также, чтобы это учрежденіе пережило разгромъ, которому подверглась Александрія отъ арабскихъ завоевателей“. „Ореографія имени *oi parabolani*“ устанавливается на твердыхъ документальныхъ данныхъ. Напротивъ, излюбленное всѣми *parabolani* выдуманно позднѣйшими учеными безъ всякаго серьезнаго основанія“. А. Б.

нравственности. Поэтому въ составѣ клира женщины являются весьма рано. Ап. Павелъ въ 1 посланіи къ Тимоѳею V, 3 и дал. и Титу II, 3—5 говорить о вдовахъ (*χῆραι*) и *πρεσβύτερες*, которымъ поручаетъ наставлять женскую половину христіанскаго общества. Одно изъ правилъ африканской церкви говорить о вдовахъ, которымъ поручалось научать готовившихся ко крещенію деревенскихъ женщинъ, что онѣ должны отвѣчать при крещеніи. Изъ различныхъ мѣстъ, относящихся сюда, извѣстно, что діакониссы имѣли извѣстнаго рода надзоръ за женскою половиною христіанскаго общества, наставляли готовившихся ко крещенію христіанскихъ женщинъ, что онѣ должны отвѣчать на вопросы, во время крещенія женщинъ раздѣвали и одѣвали ихъ, ухаживали за ними во время болѣзни,—и вообще являлись посредницами, исполняли порученія епископовъ, относящіяся къ женской половинѣ общины. Каноническій возрастъ ихъ сперва былъ опредѣленъ, согласно съ выраженіемъ ап. Павла, въ 60 лѣтъ (1 Тим. V, 9), но въ 451 г. соборъ Халкидонскій (правило 15) рѣшилъ поставлять діакониссъ 40 лѣтъ. Это правило повторено и Трулльскимъ соборомъ. Положеніе діакониссъ въ клирѣ представляется не безспорнымъ. Въ 19 правилѣ Никейскаго собора онѣ сначала причисляются къ клиру, какъ такія, которымъ преподается рукоположеніе (*χειροτονείσθωσαν*), но вслѣдъ затѣмъ разсматриваются какъ такія, которыя не имѣютъ *χειροθεσίαν* тѣхъ и должны быть причислены къ мірянамъ. 11 правило Лаодикійскаго собора (364, 347—381), по видимому, запрещаетъ ихъ церковное поставленіе. Однако же вѣроятно, что онѣ издавна были поставляемы черезъ руковоложеніе епископа въ присутствіи общины, какъ и другіе члены клира. Правило Халкидонскаго собора говорить о ихъ хиротоніи и хироѳесіи. Старшія изъ діакониссъ, вѣроятно, нѣчто въ родѣ предсѣдательницъ ихъ корпорацій, назывались пресвитидами (*presbyterae* на западѣ).

Судьба этого института въ различныхъ мѣстностяхъ была неодинакова. Въ лицѣ Олимпіады, извѣстной изъ исторіи Іоанна Златоуста, мы имѣемъ высшую представительницу этого рода. Вообще діакониссы болѣе распространены на востокѣ, чѣмъ на западѣ. На западѣ уже довольно рано являются попытки отмѣны этого рода учрежденія. Соборъ Орлеанскій 533 (пр. 18) запретилъ преподавать имъ *benedictio diaconalis* вслѣдствіе слабости пола. Соборъ Оранжскій (*Arausicana I*) 441 г. (пр. 26) запретилъ вновь поставлять ихъ, а существующихъ [постано-

вилъ] низводить въ разрядъ мірянъ. Вѣроятно, эти распоряженія стоятъ въ связи съ измѣнившимися обстоятельствами времени: распространяющійся все болѣе и болѣе обычай крещенія дѣтей сдѣлалъ участіе въ этомъ таинствѣ діаконовъ ненужнымъ, а присутствіе ихъ въ клирѣ, обязательно безбрачнымъ, казалось не совсѣмъ безопаснымъ или приличнымъ. Напротивъ, на востокѣ ихъ корпорація пополнялась женами епископовъ, разлучившимися съ мужьями при поставленіи ихъ въ этотъ священный санъ, и продолжаетъ существовать въ XII вѣкѣ.

Перечисленныя церковныя должности, за исключеніемъ декановъ и паравановъ, имѣютъ, дѣйствительно, характеръ церковный, клировой — стоятъ въ отношеніи къ такимъ внутреннимъ отправленіямъ церкви, какъ богослуженіе. Но съ начала періода эти клировыя степени начинаютъ сплетаться съ церковными должностями другого порядка, предназначаемыми для завѣдыванія извѣстнаго рода внѣшними функціями церковной жизни, должностями съ характеромъ не столько клировымъ, сколько чиновнымъ, бюрократическимъ. Въ нашъ періодъ онѣ не доходятъ до такого грандіознаго развитія, какое представляетъ сложный организмъ девяти пятерницъ византійской церкви; нѣкоторыя изъ этихъ должностей существуютъ только въ зародышѣ, нѣкоторыя совсѣмъ еще не появляются.

Изъ этихъ служебныхъ должностей слѣдуетъ упомянуть прежде всего о нотаріяхъ. На нихъ лежала обязанность составлять протоколы о церковныхъ дѣлахъ. Это званіе по самому существу своему могло быть совмѣщено съ самыми разнообразными церковными степенями. Мы встрѣчаемъ по этому нотаріевъ чтецовъ, нотаріевъ посошниковъ (на западѣ) (Кесарій арльскій, † 542 г.), носившихъ епископскій *basulum*, нотаріевъ иподіаконовъ, нотаріевъ діаконовъ.

Нотаріи имѣли значеніе гораздо большее, нежели секретари и канцеляристы при епархіальномъ управленіи, потому что обширная переписка между епископами велась тогда не собственноручно, а черезъ нотаріевъ; переписка вообще считалась занятіемъ недостойнымъ высокаго ума. Поэтому епископъ, получивъ письмо, диктовалъ отвѣтъ нотарію, откуда и явилась фраза: «получивъ такое то извѣстіе, я тотчасъ продиктовалъ свой отвѣтъ». Нотарій, такимъ образомъ, являлся лицомъ весьма близкимъ къ епископу; почему многіе выдающіеся церковные дѣятели начинали свое служеніе съ нотаріевъ, напр. Аѳанасій В. (ἡπογραφεὺς Александра александрійскаго) и др.

Даже на вселенскомъ соборѣ нотаріи играли значительную роль, соединяемую съ діаконскимъ саномъ; посланные съ документами или съ вопросами о частномъ соглашеніи отъ одного епископа къ другому, они должны были тотчасъ же на своей восковой дощечкѣ записать отвѣтъ. На соборѣ 681 г., напр., являются нотаріи—Агаѳонъ, чтець константинопольскій, Θεодоръ, діаконъ и первенствующій изъ нотаріевъ апостольской церкви, и Константинъ, архидіаконъ константинопольскій и первенствующій изъ нотаріевъ. Нотаріями были не только діаконы, но и пресвитеры: на Ефесскомъ соборѣ присутствовалъ первенствующій изъ нотаріевъ (*primisegius notariogum*) Петръ, александрійскій пресвитеръ. Въ Константинополѣ эта должность приобрѣла прочную славу, благодаря мученической кончинѣ Мартирія и Маркіана—нотаріевъ Павла константинопольскаго, пострадавшихъ при Македоніи. День ихъ памяти, 25 октября, назывался «праздникомъ св. нотаріевъ» и праздновался весьма торжественно. Главнымъ представителемъ торжества былъ великій хартофилаксъ.

Хартофилаксы выдѣлились изъ нотаріевъ и впоследствии заняли высокое положеніе. Въ первый разъ объ этой должности упоминается на соборѣ 536 г. Въ 681 г. на соборѣ присутствовалъ хартофилаксъ діаконъ Георгій. Дѣятельность хартофилаковъ и тогда уже представлялась весьма важною, такъ какъ справка въ документахъ, хранимыхъ ими, давала направленіе всему дѣлу.

Затѣмъ выдѣлился рядъ должностей по церковному хозяйству. Халкидонскій соборъ учредилъ при епископахъ должность эконома, чтобы епископъ былъ незазоренъ. Въ александрійской церкви экономъ занялъ особо выдающееся положеніе. Въ константинопольской церкви онъ былъ діакономъ здѣсь же пресвитеромъ и, кажется, первымъ лицомъ по епископѣ—архипресвитеромъ, что соотвѣтствуетъ нашему названію каедральнаго протоіерея. На такое значеніе эконома въ александрійской церкви указываетъ сохранившееся доселѣ въ александрійской церкви слово: «куммусъ», представляющее искаженіе двухъ греческихъ словъ, «*ἡγούμενος*» и «*οἰκονόμος*».

Были и еще должности. Такъ завѣдываніе дѣлами благотворительности возлагалось на особое лицо. Такую должность [завѣдующаго орфанотрофіей] занималъ патріархъ Акакій до 471 г. При юридическомъ признаніи имущественныхъ правъ церкви со стороны государства, въ случаяхъ столкнове-

нія съ свѣтскими лицами и судебными инстанціями явилась нужда въ особыхъ опытныхъ юристахъ, которые назывались на западѣ *defensores*, на востокѣ—*ἐκδικτοί*, *ἑκκλησιαστικὸί ἐκδικτοί*. На нихъ, между прочимъ, возлагались тѣ обязанности, исполненіе которыхъ требовало примѣненія принудительныхъ мѣръ; такъ напр., духовныя лица, монахи и клирики, не имѣвшие права жить въ Константинополѣ, высылались ими въ ихъ церкви (Халк. соб. пр. 23). Обыкновенно они назначались изъ діаконовъ, но были и пресвитеры.

Для завѣдыванія драгоценностями церкви явилась должность скевофилакса. Извѣстно, что церковныя драгоценности прежде хранили діаконы. Вѣроятно, значительное увеличеніе церковныхъ богатствъ въ нашъ періодъ вызвало появленіе особой должности. Церковныя сосуды—*σκεύη*, и драгоценности—*κειμήλια* хранятся теперь у пресвитера, который носитъ названіе *φόλαξ τῶν κειμηλίων* (Soz. V, 8), или *σκευοφόλαξ* (Theod. Lector, п. 28), или *κειμηλιάρχης*. Первый исторически извѣстный скевофилаксъ, или *φόλαξ τῶν κειμηλίων*—пресвитеръ антиохійскій Теодоръ, пострадавшій (усѣченный мечемъ) при Юліанѣ (у него требовали свѣдѣній о сокровищахъ). При Ивѣ въ эдесской церкви у кимиліарха хранятся не только сосуды, но и звонкая монета (6,000 νομίσματα). Это, слѣдовательно, уже и церковный казначей. Въ [первой уже] половинѣ нашего періода это была весьма уважаемая въ Константинополѣ должность. Съ 447 по 654 г. изъ 20 константинопольскихъ патріарховъ трое—Флавіанъ, Македоній II и Тимофей—были скевофилаксы. Такимъ образомъ, должность эконома получила развѣтвленія.

Діаконы и пресвитеры.

И священныя степени въ настоящій періодъ дали новыя подраздѣленія. Явились архидіаконы и вторые діаконы, архипресвитеры и вторые пресвитеры, явились митрополиты, архіепископы, экзархи, примасы, патріархи.

Первое извѣстіе о вторыхъ діаконахъ встрѣчается въ кареагенской церкви, первый исторически извѣстный архидіаконъ былъ Цециліанъ кареагенскій. Далѣе: Аенасій Великій называется *ἡγούμενος διακόνων*, Евагрій, архидіаконъ константинопольскій при Григоріѣ Назіанзинѣ, Серапіонъ, архидіаконъ при Іоаниѣ Златоустѣ и т. д. О вторыхъ пресвитерахъ упоминается въ актахъ Ефесскаго собора,

и еще ранѣе, при Валентѣ, упоминаются въ Эдессѣ пресвитеръ Евлогій, ὁ τῶν ἁλλῶν ἡγούμενος, и Протогенъ, ὁ μετ' ἐκείνων. Архипресвитеромъ прямо или протопресвитеромъ называется Петръ александрійскій при Теофилѣ, Арсакій, преемникъ Златоуста, Протерій, преемникъ Діоскора. Архипресвитеры и архидіаконы выдѣлялись изъ среды своихъ собратій, разумѣется, постепенно. Протопресвитеръ—это былъ сперва старѣйшій изъ членовъ пресвитеріа, архидіаконъ—это первый и самый выдающійся между діаконами. Въ IV вѣкѣ эти должности получаютъ уже твердую постановку. Изъ словъ Іеронима мы знаемъ, что въ каждой церкви былъ одинъ архипресвитеръ и одинъ архидіаконъ, что перваго избирали изъ своей среды пресвитеры, втораго—діаконы и, повидимому, самое главное и заключалось въ этомъ избраніи. Но на востокѣ, повидимому, больше значенія имѣлъ въ самомъ назначеніи въ архипресвитера голосъ епископа.

Относительно значенія архипресвитера можно сказать многое: онъ былъ посредникомъ епископа при раздаваніи милостыни, распредѣленіи пособій, и видимо заступалъ его мѣсто въ случаѣ его отсутствія, что и весьма естественно, если онъ былъ старѣйшимъ между пресвитерами. Вообще эта должность—весьма почетная—представляется довольно безцвѣтною. Не то приходится сказать объ архидіаконахъ. Ихъ древнее положеніе въ церкви обозначается однимъ современнымъ фактомъ англійской церковной жизни: въ этой странѣ консервативнаго протестантизма между епископами числятся и такіе члены іерархіи, которые *de jure*, по своей церковной степени,—только архидіаконы.

Въ древней церкви архидіаконъ былъ носителемъ соединенныхъ правъ и преимуществъ діаконскаго чина; архидіаконать—это продуктъ оригинально сложившихся отношеній между тремя іерархическими степенями. По праву пресвитеры всегда были выше діаконовъ: пресвитеръ былъ совершителемъ таинъ, діаконъ только ихъ раздаятелемъ; пресвитеръ могъ крестить, діакону дозволялось это лишь въ видѣ исключенія; пресвитеръ могъ исповѣдывать, діакону (при Киприанѣ) дозволялось покаяніе только въ случаѣ опасности смерти кающагося. Древніе соборы составлялись *residentibus episcopis et presbyteris, astantibus diaconis*: т. е. вокругъ возвышенныхъ сѣдалищъ епископовъ, позади ихъ, садились полукругомъ пресвитеры на низшихъ сѣдалищахъ, между тѣмъ какъ діаконы стояли предъ

лицомъ епископовъ. Таковъ же былъ и богослужебный порядокъ: діаконы не пользовались честью церковнаго сѣдалища. Вообще пресвитеры разсматривались какъ *senatus ecclesiae*, совѣтники епископа; діаконы были только служителями послѣдняго, его *ministri*. Въ западной церкви, гдѣ такъ логично развивалось все, въ основѣ чего лежало юридическое начало, существовала такая практика при посвященіи въ священныя степени: когда поставляли епископа, два епископа держали надъ его наклоненною головою раскрытое св. Евангеліе и всѣ епископы возлагали руки на поставляемаго; когда поставляли въ пресвитера, на голову поставляемаго возлагали руку не только епископъ, но и всѣ присутствующіе пресвитеры; напротивъ, когда поставляли въ діакона, то на его голову полагалъ руку одинъ только епископъ его поставлявшій, потому что діаконъ посвящается не для священства, но для служенія, *non ad sacerdotium, sed ad ministerium consecratur*. Такимъ образомъ, діаконъ въ самомъ своемъ посвященіи не вводился въ составъ церковнаго сената, не призывался какъ равный въ число пастырей. Его назначеніе было, такъ сказать, личнымъ дѣломъ одного епископа, подобно тому, какъ въ государственной іерархіи того времени отъ собственнаго усмотрѣнія высшаго государственнаго чиновника зависѣлъ составъ его *officium*, служебнаго его персонала.

Такимъ образомъ, оффиціальное положеніе діакона было весьма скромно. Но не такъ было на практикѣ: діаконы оказались дѣйствительно *ministri* въ нашемъ смыслѣ слова, тогда какъ пресвитеры—только сенаторами. Возвышенію ихъ вліянія содѣйствовало многое. Прежде всего, на простой народъ, на мірянъ, импонировало уже одно то, что пресвитеровъ было такъ много, а діаконовъ—такъ мало. Изъ книги Дѣяній мы знаемъ объ избраніи 7 діаконовъ для служенія при трапезахъ. Число это долго держалось на востокѣ. Неокесарійскій соборъ 314 г. опредѣляетъ количество діаконовъ вообще семью. Но Трулльскій соборъ правиломъ 16 отмѣнилъ это постановленіе Неокесарійскаго собора и свое постановленіе подтвердилъ ссылкой на экзегетическій текстъ Златоуста. Римская церковь также долго держалась седмичнаго числа діаконовъ. Это-то обстоятельство, именно, такое ограниченное число діаконовъ, при многочисленности пресвитеровъ, производило сильное впечатлѣніе на простой народъ и способствовало увеличенію значенія діаконовъ въ глазахъ мірянъ. Римъ въ цер-

ковномъ отношеніи подраздѣлялся на 14 regiones—округовъ, и діаконы по своимъ обязанностямъ ставились какъ бы въ положеніе надзирателей въ этихъ округахъ. Въ III в. при Корнеліи римская церковь насчитывала 46 пресвитеровъ и только 7 діаконв [и сверхъ того 7 иподіаконв]. Весьма многія, даже и большія церкви не хотѣли отступить отъ этого числа, освященнаго апостольскою практикою.

Еще болѣе возвышенію діаконв содѣйствовало теченіе жизни въ древнихъ церковныхъ общинахъ. При довольно ограниченномъ числѣ вѣрующихъ, древній приходъ (*парохія*) могъ въ своемъ полномъ составѣ собираться въ одномъ мѣстѣ [для] общественнаго богослуженія. Церковная жизнь сосредоточена была тогда не тамъ, что мы называли бы «въ приходлахъ», а въ кафедральномъ соборѣ. При этомъ естественно предстоятель церкви, епископъ, былъ и предстоятелемъ богослужебныхъ собраній. Имѣя право совершать евхаристію, крещеніе, пресвитеры весьма рѣдко могли пользоваться этимъ правомъ на дѣлѣ, особенно потому, что крещеніе совершалось въ опредѣленные сроки и самимъ епископомъ. Поставленные быть учителями народа, проповѣдниками слова Божія, пресвитеры, какъ можно думать, весьма нечасто могли пользоваться этимъ правомъ; безыскусственное наставленіе по прочтеніи евангелія обыкновенно давалъ самъ предстоящій. Въ римской церкви проповѣдничество вообще было неразвито; въ Карфагенѣ существовала такая практика, что пресвитеръ не долженъ проповѣдывать въ присутствіи епископа; исключеніе было сдѣлано въ первый разъ для Августина. Свободнѣе въ этомъ отношеніи было на востокѣ; но и здѣсь въ александрійской церкви со времени арианства утвердился обычай, что ни одинъ пресвитеръ не долженъ проповѣдывать въ церкви. Словомъ, въ западной церкви только въ рѣдкихъ случаяхъ пресвитеръ могъ составить себѣ репутацію хорошаго проповѣдника и съ этой стороны возвысить свой авторитетъ въ глазахъ паствы. Обыкновенно же значеніе пресвитеровъ съ ихъ совѣщательнымъ [голосомъ] положительно блѣднѣло вслѣдствіе постоянной близости ихъ къ епископу; на ихъ долю выпадало довольно много чести, но весьма мало власти, весьма незначительная область для дѣятельности.

Насколько въ этомъ случаѣ теряли пресвитеры, настолько пріобрѣтали діаконы. Они были, такъ сказать, слуги епископа, сіяли не самостоятельнымъ свѣтомъ, но—и отраженный, это

былъ всетаки чрезвычайно сильный блескъ епископскаго сана. Обыкновенно не пресвитеры, а діаконы были довѣренными лицами епископа, его интимными приближенными: за епископомъ римскимъ Ксистою на казнь слѣдуетъ и діаконъ Лаврентій; жизнь Кипріана кареагенскаго—до послѣднихъ минутъ его—описана его діаконюмъ Понтіемъ. Многія функціи низшаго порядка поручались діаконамъ, потому что санъ пресвитеровъ былъ слишкомъ высокъ для того, чтобы ихъ можно было возложить на нихъ. Таковы, напримѣръ, обязанности наблюдать за народомъ во время богослуженія, передавать ему распоряженія епископа, призывать къ порядку безчинныхъ,—все это считалось обязанностью діакона и все это безспорно ставило діаконовъ въ близкія отношенія къ мірянамъ, открывало весьма много возможностей для того, чтобы дать почувствовать послѣднимъ весь свой вѣсъ, все свое значеніе. Богатая вдова Люцилла имѣла обыкновеніе предъ принятіемъ св. таинъ цѣловать кость какого-то мученика сомнительной подлинности. Архидіаконъ Цециліанъ сдѣлалъ этой вліятельной особѣ за это выговоръ, *inde irae*: и это обстоятельство было одною изъ мелкихъ причинъ къ появленію донатизма. Мало по малу діаконы стали надзирать и вообще за поведеніемъ мірянъ.

Другая сторона церковнаго управленія, распоряженіе церковными имуществами, также много зависѣла отъ діаконовъ. Они были первые хранители церковныхъ драгоценностей; они же были распорядители церковныхъ доходовъ. Отъ Лаврентія римскаго требовали отчета въ распоряженіи церковными богатými сокровищами; онъ продавалъ въ свое время церковные сосуды. Кареагенскій діаконъ Феликиссимъ завладѣлъ церковными доходами, отказывался дать отчетъ Кипріану въ томъ, какъ онъ раздаетъ милостыню, и угрожалъ не давать ни малѣйшаго пособія тѣмъ, которые не пристанутъ къ его партіи. Цециліана, архидіакона кареагенскаго, донатисты обвиняли въ томъ, что онъ исповѣдникамъ не давалъ никакого вспоможенія. Прибавьте къ этому, что доходы діаконовъ были больше, чѣмъ у священниковъ (*Hieron. ep. ad Evangelum*), что, разумѣется, могло лишь придавать первымъ самоувѣренности.

При такомъ положеніи дѣлъ, діаконы естественно могли высоко держать свою голову. Въ особенности римскій діаконатъ отличался вызывающимъ отношеніемъ къ пресвитерамъ. По принципу діаконы не могли сидѣть предъ пресвитерами; но

Иеронимъ знавалъ такихъ діаконовъ, которые не только сидѣли передъ священниками, но даже преподавали имъ благословеніе (ор. ad Evangelium). Подобнаго же характера явленія повторялись и въ другихъ мѣстахъ. Никейскій соборъ (прав. 18) долженъ былъ запретить діаконамъ вкушать евхаристію прежде епископа, преподавать евхаристію пресвитерамъ, или садиться посреди ихъ,—и напомнить, чтобы они не забывали своей мѣры, что они слуги епископовъ и ниже пресвитеровъ. Лаодикійскій соборъ (между 343—381, Schaff) тоже постановляетъ (прав. 20), *ὅτι οὐ δεῖ διάκονον ἔμπροσθεν πρεσβυτέρου καθέσθαι, ἀλλὰ μετὰ κλεῖσεως τοῦ πρεσβυτέρου καθέσθαι* (ср. Трулл. прав. 7).

А если таковы были отношенія діаконовъ, то можно понять, что такое былъ архидіаконъ, одинъ между немногими. Постоянный спутникъ епископа при богослуженіи (Hieron. comm. in Ezechiel. c. 48: certe qui primus fuerit ministrorum (= τῶν διακόνων), quia per singula concionatur in populos et a pontificis latere non recedit, injuriam putat, si presbyter ordinetur) главный дѣятель въ административной сферѣ, прекрасно знакомый съ церковными дѣлами епископіи, архидіаконъ считался естественнымъ представителемъ своего епископа на соборахъ (напр., Халк. соб. дѣян. 6: Порфирій архидіаконъ, занимающій мѣсто Уранія, епископа эмесскаго) и посредникомъ въ сношеніяхъ его съ другими его собратіями (Innocent. rraae ep. 22). А если это были епископы подчиненные, то подобный посредникъ выглядѣлъ уже ревизоромъ. Въ дѣлахъ маловажныхъ онъ имѣлъ право суда надъ діаконами (Ник. соб. правило 57—неподлинное, съ арабскаго), могъ даже по своему усмотрѣнію отлучать ихъ отъ церкви (Халк. соб. дѣян. 10). На соборѣ Халкидонскомъ Ива, еп. эдесскій, заявилъ какъ о вещи самой обыкновенной, что одинъ изъ его діаконовъ (Мара) отлученъ не имъ (епископомъ), а своимъ архидіакономъ, отлученъ по справедливости, потому что оскорбилъ пресвитера,—и это отлученіе имѣло столь же законную силу, какъ и произнесенное самимъ епископомъ. Право надзора за нравственною жизнью членовъ церкви повело къ тому, что для производства въ священныя степени требовался одобрительный отзывъ архидіакона (Hieron. ep. ad Evangelium),—такая функція, которая дѣлала весьма чувствительнымъ авторитетъ архидіакона и для пресвитера, и для самихъ кандидатовъ въ епископы. Когда Ива эдесскій вздумалъ рукоположить во епископы нѣкоего діакона Авраамія, подозрѣваемаго

въ чародѣйствѣ, то этому энергично воспротивился эдесскій архидіаконъ; съ послѣднимъ Ива расправился по своему: лишилъ его должности и отлучилъ отъ церкви, но кандидатура Авраамія, не смотря на всѣ усилія Ивы, всетаки не прошла (Халк. соб. дѣян. 10). А архидіаконъ вліятельныхъ каедръ иногда третировали свысока и постороннихъ епископовъ. Извѣстно (Сократъ, Созомень), какого шума надѣлало то обстоятельство, что архидіаконъ св. Златоуста Серапіонъ не раскланялся съ гавальскимъ епископомъ Севиріаномъ. Послѣдній никакъ не хотѣлъ вѣрить, что Серапіонъ сдѣлалъ это случайно, безъ намѣренія оскорбить его; слѣдовательно, такъ велика была возможность презрительнаго обращенія столичнаго архидіакона съ провинціальнымъ епископомъ. Архидіаконъ энергичный могъ постоять за свое вліяніе и въ спорѣ съ своимъ епископомъ. Ивѣ эдесскому приходилось выслушивать отъ своего архидіакона не только протесты противъ неблаговидныхъ кандидатуръ, но и откровенныя замѣчанія относительно такихъ случаевъ, когда для богослуженія приходится покупать въ лавченкахъ дурное вино, и то въ недостаточномъ количествѣ, тогда какъ у самаго епископа за столомъ въ изобиліи превосходное вино (Халк. соб. дѣян. 10). Вообще, архидіаконъ были правою рукою своего епископа. Въ Римѣ ихъ значеніе было весьма велико. Θεодоритъ кирскій ищетъ себѣ нравственной опоры въ Римѣ и пишетъ письмо къ папѣ Льву V. (ер. 113); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ адресуется и къ римскому архидіакону (ер. 118) съ просьбой содѣйствовать ему своимъ вліяніемъ на папу,—и это тогда, когда на папскомъ престолѣ возсѣдалъ человѣкъ такой самостоятельный, желѣзной воли и неумолимой энергіи, какъ Левъ I. А когда этотъ послѣдній былъ архидіакономъ, то Кириллъ александрійскій, по дѣлу объ іерусалимскомъ Ювеналии, обращался даже не къ Келестину (папѣ), а ко Льву (Leon. ер. 119, al. 92).

Очень естественно, что лицо, такъ хорошо знакомое съ церковными дѣлами, какъ архидіаконъ, являлось однимъ изъ самыхъ видныхъ кандидатовъ на епископскую каедрю. По крайней мѣрѣ, и на востокѣ, и на западѣ вакантныя каедры замѣщались архидіаконами не рѣже, чѣмъ архипресвитерами. Въ Александріи: Аванасій В., *ὁ ἡγούμενος τῶν διακόνων*; архидіаконъ Тимофей, претендентъ на каедрю по смерти Θεοφιλά, соперничавшій съ Кирилломъ; Протерій, архипресвитеръ Діоскора. Въ Константинополѣ: Арсакій, преемникъ Златоуста,

протопресвитеръ; Анатолий, архидиаконъ александрійскій. Въ Римѣ: Феликсъ (355), архидиаконъ; 366—диаконъ (Langen; presbyter, Pagi) Дамась и диаконъ Урсивъ, [претенденты на кафедру]; 418—борьба между пресвитеромъ Бонифатиємъ и архидиакономъ Евлаліємъ изъ-за кафедры; Левъ I (440—461) и Иларій (461—468), изъ архидиаконовъ; 499—борьба между диакономъ Симмахомъ и архипресвитеромъ Лаврентиємъ; Агапиль, изъ архидиаконовъ; 538—Вигилій, (архи?)диаконъ. Вообще преемство архидиаконовъ на римской кафедрѣ было явленіемъ настолько обычнымъ, что писатель VI в., Евлогій, патриархъ александрійскій (580 — 607) (цитуемый Фотиємъ въ Cod. 182) даже происхождение новатіанскаго раскола въ Римѣ объясняетъ тѣмъ, что папа Корнелій оскорбилъ Новатіана: не желая имѣть его преемникомъ, онъ произвелъ его изъ архидиаконовъ въ пресвитеры, «ибо въ Римѣ было принято (ἐνενομιστο), чтобы архидиаконъ былъ преемникомъ архіерея». При такомъ положеніи дѣлъ, слова Иеронима, что диаконы считаютъ за оскорбленіе, если ихъ произведутъ въ пресвитеры, вовсе не представляются преувеличеніемъ. Это явленіе извѣстно было не только на западѣ, но и на востокѣ. Константинопольскій архидиаконъ Аэтія, игравшій довольно видную роль на Халкидонскомъ соборѣ и обратившій на себя благосклонное вниманіе римскихъ легатовъ, чѣмъ-то навлекъ на себя неудовольствіе своего патриарха Анатолія. Тотъ и возвысилъ Аэтія, произведши его въ пресвитеры къ одной кладбищенской церкви. Изъ-за этого у папы Льва вышла цѣлая переписка (ep. 111, 112, 113, 117, 127, 128, 132, 135, al. 84, 85, 86, 88, 100, 101, 105, 106). Въ Римѣ очень хорошо понимали, что, отнявъ у Аэтія завѣдываніе всѣми церковными дѣлами (ep. 111: dispensationem totius causae et curae ecclesiasticae, ep. 112: ecclesiasticis negotiis praepositum esse), Анатолий низложилъ Аэтія подъ видомъ почести, а назначеніе къ одной изъ отдаленныхъ кладбищенскихъ церквей слишкомъ похоже было на ссылку (ep. 111: sub honoris specie degradaret; dejectionem innocentis per speciem provectionis implevit, addens in sententia illud injuriae, ut eum coemeterio deputando quodam damnaret exsilio). Своимъ ходатайствомъ предъ императоромъ Левъ добился, наконецъ, того, что Анатолий возвратилъ свое благоволеніе пресвитеру Аэтію, но, конечно, не архидиаконство. Нѣчто подобное же впоследствии было и съ Гоноратомъ, архидиакономъ салонскимъ (salonitano) (Gregor. M., lib. 1, ep. 10 et 19; lib. 2, ep. 16).

Въ настоящій періодъ само развитие церковной жизни повело къ нѣкоторому возвышенію пресвитеровъ. Имѣемъ въ виду образованіе приходоѡвъ: Извѣстно, что древняя (до-константиновская) церковь не знала приходоѡвъ въ нашемъ смыслѣ этого слова. Древняя *παροικία* была сама ἐκκλησία ἡ παροικεῖσα, т. е. помѣстная церковь съ епископомъ во главѣ. При ограниченномъ числѣ вѣрующихъ въ каждомъ городѣ, всѣ они составляли изъ себя одну общину (*παροικίαν*), епархію-приходъ съ предстоятелемъ епископомъ, и, за исключеніемъ случаевъ чрезвычайныхъ, собирались въ одномъ мѣстѣ. Къ вѣрующимъ горожанамъ примыкали и христіане-поселяне, въ воскресный день являвшіеся въ городъ для участія въ богослуженія. Если же въ извѣстной мѣстности обращалось достаточное число христіанъ, они составляли не новый приходъ съ пресвитеромъ, а новую *παροικίαν*, церковь съ епископомъ во главѣ. Обращеніе массъ въ настоящій періодъ до такой степени количественно увеличило христіанъ, что религиозныя собранія христіанъ въ одномъ мѣстѣ стали уже затруднительны. Для христіанскаго населенія деревень потребовались свои религиозныя собранія. По древней практикѣ въ каждой селеніи слѣдовало бы поставить епископоѡвъ. Африканская церковь, которая во многомъ отличалась строгою консервативностью, такъ и поступала. Когда въ крѣпостцѣ Фуссалѣ въ 40 миляхъ (около 56 верстѣ) отъ Иппона образовалось достаточно православныхъ христіанъ, Августинъ поставилъ туда новаго епископа. Оттого въ Африкѣ епископій было весьма много. Въ Римѣ господствовала идея единства, такъ что хотя вѣрующіе собирались въ нѣсколькихъ мѣстахъ и богослуженіе совершали пресвитеры, но безъ освященія св. дароѡвъ, которые приносились въ частныя церкви отъ епископа аколоѡами. Въ этомъ отношенія практика установилась такая, что отдѣльные пресвитеры приурочивались къ опредѣленнымъ церквамъ. Въ Константинополѣ три главныя церкви разсматривались какъ одна церковь; клиръ тамъ принадлежалъ собственно къ Софійскому собору. Приходская жизнь началась раньше всего, повидимому, въ Александріи, и дѣло выходило естественно изъ самыхъ городскихъ порядкоѡвъ. Каждый городъ раздѣлялся на кварталы, по которымъ распредѣлялись налоги, и въ нихъ образовались самостоятельныя приходоѡвъ. Въ такъ называемыя «лавы» стали посылать особыхъ пресвитеровъ, которые и оставались тамъ постоянно. Ко времени появленія аріанства приходская жизнь здѣсь была уже сильно развита.

Пресвитерь, представлявшійся по своему положенію какъ бы церковнымъ сенаторомъ—*senator ecclesiae*, не могъ быть назначаеми обычнымъ порядкомъ, какъ діаконь, стоявшій на положеніи обыкновенныхъ *officia*. Поэтому выборное начало при причисленіи къ пресвитеріату упорно оставалось. Неизвѣстно, выбирали ли діаконовъ въ IV и V вѣкѣ; о пресвитерахъ же это положительно извѣстно.

О самыхъ выборахъ нужно замѣтить слѣдующее. Приходы въ то время распространялись въ числѣ очень медленно. Матеріальные интересы отдѣльныхъ приходовъ (доходы и т. д.) рассматривались какъ принадлежность всей епископіи. Только потомъ дано было разрѣшеніе пользоваться этимъ каждому приходу отдѣльно. Такимъ образомъ, духовенство въ древности централизовалось около главной церкви—каедральной, которая называлась *καθολική ἐκκλησία*. Весь клиръ епископіи рассматривался, какъ клиръ каедральной церкви, только командированный въ извѣстныя мѣста—приходы. Выборы, поэтому, производились не отдѣльно по приходамъ, но все избирательное дѣло сосредоточивалось при каедральной церкви.

Что выборы были тогда и какъ они производились, объ этомъ даетъ свѣдѣнія третье слово Златоуста «о священствѣ» (15 гл.). Въ этомъ словѣ Златоустъ сначала описываетъ трудности епископскаго служенія и въ принципѣ и на практикѣ: епископъ занимаетъ положеніе воеводы, постоянно находящагося на военномъ положеніи, за слабостями котораго всѣ слѣдятъ; описываетъ трудность найти человѣка, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ отъ епископа. Затѣмъ говоритъ: «Хочешь ли, я покажу тебѣ и другой видъ брани, исполненной тысячи опасностей? Иди и посмотри на народныя празднества, гдѣ большею частію и производится избраніе на церковныя должности: и ты увидишь, что на святителя сыплется такъ же много порицаній, какъ велико число подчиненныхъ ему. Всѣ имѣющіе право поставлять на эту степень, раздѣляются тогда на многія партіи; пресвитеры разногласятъ и сами съ собою, и съ своимъ епископомъ; каждый защищаетъ свою сторону, одинъ избираетъ того, другой другого. Причина этому та, что не всѣ смотрятъ на то, на что единственно нужно бы смотрѣть, т. е. на добродѣтель души; но сюда привходитъ много и другихъ предлоговъ къ полученію этого достоинства. Напримѣръ, говорятъ: такой-то долженъ быть избранъ потому, что онъ происходитъ изъ знатнаго рода, другой—потому, что вла-

дѣтъ великимъ богатствомъ и не будетъ имѣть нужды содер-
жаться на счетъ церковныхъ доходовъ; третій—добровольно пе-
решелъ къ намъ отъ противниковъ нашихъ. И всякій ста-
рается, чтобы предпочтенъ былъ передъ другими или короткій
его другъ, или близкій родственникъ, или даже льстецъ. А на
человѣка дѣйствительно достойнаго никто и смотрѣть не хо-
четъ, душевныхъ качествъ нисколько не испытываютъ. Одни
избираются изъ опасенія, чтобы не передались на сторону про-
тивниковъ; другіе за злобу свою, чтобы въ случаѣ отверженія
ихъ, они не стали жестоко мстить. Чтò можетъ быть противо-
законнѣе того, когда люди злые и порочные за то получаютъ
честь, за что слѣдовало бы наказать ихъ; и за что не должно
бы позволять имъ переступать порога перковнаго, за то самое
они возводятся на степень священническую? Скажи мнѣ, еще
ли мы будемъ искать вины гнѣва Божія, если людямъ пороч-
нымъ и ничего не заслуживающимъ передаемъ дѣла столь свя-
тыя и страшныя на поправіе? Когда управленіе такими дѣлами
возлагается или на тѣхъ, кому оно вовсе не свойственно, или
на такихъ, силы которыхъ оно превышаетъ, тогда церковь ста-
новится ничѣмъ не отличною отъ Эврипа. Прежде я смѣялся
надъ мірскими начальниками, когда видѣлъ, что при раздаяніи
почестей они дѣвнать не добродѣтель души, а богатство, преклон-
ность лѣтъ, покровительство людей. Но все это показалось
мнѣ уже не такъ страннымъ, когда узналъ, что то же нера-
зуміе проникло и къ намъ. Удивительно ли, если такъ погрѣ-
шаютъ люди мірскіе, ищущіе славы отъ народа и готовые все
дѣлать за дары, когда и тѣ, которые показываютъ видъ, будто
совсѣмъ не причастны подобнымъ поступкамъ, поступаютъ ни-
сколько не лучше, и о небесномъ препираются такъ, какъ бы
дѣло шло о десятинахъ земли или о чемъ другомъ подобномъ;
берутъ какихъ-нибудь невѣждъ и дѣлаютъ ихъ приставниками
такого стяжанія, за которое Единородный Сынъ Божій не
отрекся уничижить славу Свою, содѣлаться человѣкомъ, пріять
образъ раба, умереть по плоти поноснѣйшею смертью! Но они
не останавливаются и на этомъ, а гораздо далѣе простираютъ
безумную дерзость свою: не только избираютъ недостойныхъ,
но и отвергаютъ достойнѣйшихъ.—Если желаешь узнать при-
чины и этого зла, увидишь, что онѣ одинаковы съ первыми:
корень и, такъ сказать, мать ихъ одна—зависть. Впрочемъ,
онѣ различаются видами. Говорятъ: этотъ долженъ быть уда-
ленъ, потому что молодъ; другой—потому, что не умѣетъ льстить,

третій—потому, что въ ссорѣ съ такимъ-то; четвертый—чтобы такой-то не оскорбился; пятый—потому, что весьма добръ и снисходителенъ; шестой—потому, что слишкомъ строгъ къ согрѣшающимъ; седьмой—по другой какой-нибудь подобной же причинѣ. Вообще могутъ изобрѣсти столько предлоговъ, сколько захотятъ. Если же не найдутъ другого предлога, то ставятъ на видъ самое богатство, также то, что не должно возводить на эту степень вдругъ, а постепенно, мало-по-малу. Умѣютъ находить и другія причины, какъ захотятъ. Теперь я желаю спросить тебя, что дѣлать епископу, колеблемому такими вѣтрами? Какъ ему устоять противъ такихъ волнъ? Какъ отразить всѣ эти удары? Если онъ при такой бурѣ будетъ управляться здравымъ разсудкомъ, то ему и избраннымъ всѣ станутъ врагами и противниками, во всемъ оказываютъ упорство, каждый день возжигаютъ раздоры, преслѣдуютъ насмѣшками избранныхъ, пока или ихъ низвергнуть, или поставятъ своихъ приверженцевъ. Если же вознамѣрится угодить избирателямъ и угожденіе предпочтетъ своему спасенію, допуская то, чего не должно,—въ такомъ случаѣ вмѣсто ихъ будетъ имѣть противникомъ своимъ Бога. Что ужаснѣе этого? Тогда его положеніе и въ отношеніи къ избирателямъ сдѣлается гораздо труднѣе, потому что всѣ они, содѣйствуя другъ другу, черезъ то самое болѣе усиливаются. Какъ отъ сильныхъ вѣтровъ, встрѣтившихся съ противныхъ сторонъ, море, дотолѣ спокойное, вдругъ начинаетъ свирѣпствовать, вздымаетъ волны и губить плователей, такъ и церковь, какъ скоро допущены къ ней возмутительные люди, претерпѣваетъ много разоренія».

Изъ этого описанія видно, что дѣло идетъ о выборахъ многочисленныхъ какъ по составу избирателей, такъ и по числу избираемыхъ. Дѣло идетъ не о такихъ выборахъ, какіе могутъ быть, напримѣръ, въ Россіи, когда нужно избрать одно лицо, но, очевидно, избирается нѣсколько лицъ. Указаніе, что возражали противъ извѣстнаго лица на основаніи его молодости, показываетъ, что дѣло идетъ не о причисленія къ низшему клиру, но къ высшему. И такъ какъ святитель разсматривается, какъ присутствующій на выборахъ и борющійся съ разными мнѣніями пресвитеріата, то очевидно, дѣло идетъ не о выборѣ епископа. Оказывается также, что въ то время были выборы прямо во пресвитера.

Итакъ, пресвитерство въ IV и V вв. оставалось выборнымъ, а другія низшія степени замѣщались прямо по усмотрѣнію епископа.

Епископы.

Переходимъ къ исторіи епископскаго сана. Епископскій санъ, во всѣхъ равномѣрный въ смыслѣ священства, во всѣхъ одинаковъ; но епископская власть въ дѣлѣ церковнаго управленія въ настоящій періодъ является передъ нами во многихъ формахъ: хореепископа, епископа, митрополита, экзарха и патріарха.

Исторія настоящаго періода видимо направлялась къ возвышенію епископскаго сана. Сохраняя за собою все принадлежавшее ему церковное значеніе, освященное исторіею, епископъ настоящаго періода является конкретнымъ носителемъ тѣхъ внѣшнихъ привилегій, какія усвоило теперь церкви государство. Пастырь душъ теперь со внѣшней стороны вырастаетъ до значенія высшаго государственнаго сановника. Въ предѣлахъ своей духовной власти епископъ былъ такою силою, предъ которою склонялись сами царственныя особы, нисходя до просьбъ, до усиленнаго умаливанья какъ это было съ Евдоксіею, когда она явилась въ роли посредницы между Златоустомъ и Севиріаномъ. Этотъ внѣшний ростъ епископскаго сана сказывался въ почтительныхъ титулахъ. Ихъ начало лежитъ уже въ прежнемъ періодѣ. Теперь они развиваются въ превосходящія степени: «боголюбивѣйшій и святѣйшій»—наиболѣе постоянный эпитетъ епископа. На какого рода внѣшній этикетъ могли заявлять требованія епископы, это показываетъ такой случай. При Константіи былъ какой-то изъ многочисленныхъ соборовъ. Епископы являлись на поклонъ императрицѣ Евсевіи. Одянь Леонтіи трипольскій (полурианинъ) не сдѣлалъ этого и остался дома. Императрица, наконецъ, отправила къ нему посла съ любезнымъ приглашеніемъ явиться къ ней, общая за это разныя милости,—построить ему великолѣпную церковь, осыпать его деньгами. Леонтіи отвѣтилъ: «если ты сдѣлаешь это, государыня, то тѣмъ доставишь не столько удовольствіе мнѣ, сколько—пользу душъ твоей. А если ты хочешь, чтобы я пришелъ къ тебѣ, то я могу это сдѣлать только съ соблюденіемъ подобающаго епископскому сану почтенія. Именно, когда я войду, ты сойди съ своего высокаго престола, почтительно встрѣть меня и преклони твою голову подъ мои руки, испрашивая благословенія. Потомъ я сяду, а ты изъ уваженія стой, и потомъ уже, когда я дамъ позволеніе, садись. Если ты согласна на это,

я пришелъ бы къ тебѣ; а если я долженъ явиться какъ-нибудь иначе, то ты не дашь, да и не можешь дать такъ много, чтобы вознаградить насъ за умаленіе той чести, какая прилична епископамъ. Иначе я оскорбилъ бы богоучрежденный санъ священства». Императрица пожаловалась Константію и требовала наказанія дерзкому епископу. Но Константій похвалилъ прямоту и свободу мыслей епископа, успокоилъ гнѣвъ супруги и отослалъ ее на ея половину (Philostorg. ap. Suidam sub v. Λεόντιος) ¹⁾.

«Величественное зрѣлище, [говорить Ульгорнъ въ своей книгѣ о благотворительности въ древней церкви], представлялъ епископъ среди голодныхъ, какъ раздаватель милостыни, который каждый день открываетъ свою руку, отъ котораго каждый ждетъ помощи и получаетъ, сколько возможно, и бѣдный римлянинъ, выгнанный изъ своего дома варварами, и германецъ, котораго впервые еще коснулось тихое вѣяніе христіанской любви и пробудило въ его сердцѣ образъ божественнаго

---

¹⁾ Уваженіе вообще къ священному сану было таково, что имъ старались почитать нѣкоторыхъ выдающихся подвижниковъ. Такой случай извѣстенъ, напримѣръ, съ однимъ подвижникомъ—Акепсимомъ. На предложеніе принять священный санъ онъ отвѣчалъ согласіемъ, но выразилъ это согласіе въ такой формѣ: „повинуюсь, но только потому, что чрезъ нѣсколько дней отхожу ко Господу“. И, дѣйствительно, чрезъ 7 дней онъ скончался [Theodor. Hist. relig. 15]. Подобный же случай былъ съ Саламаномъ. Когда его посѣтилъ антиохійскій еп. Флавіанъ и заявилъ, что онъ хочетъ посвятить его, [и затѣмъ возложилъ на него руку и посвятилъ его], подвижникъ не отвѣтилъ ни слова, и Флавіанъ принужденъ былъ удалиться безъ отвѣта [ibid. 19]. Но относительно того же Флавіана и Македонія извѣстно другое. Флавіанъ рѣшилъ почитать Македонія саномъ пресвитера. Такъ какъ онъ зналъ, что Македоній откажется отъ его предложенія, то употребилъ хитрость, сказавъ, что на него возведено обвиненіе, и пригласилъ его какъ бы для суда. Македоній явился. Въ ближайшій воскресный день его привели въ церковь, и надъ нимъ, незнакомымъ съ греческимъ языкомъ, совершена была хиротонія. Когда ему разъяснили, что надъ нимъ совершена хиротонія, онъ сначала сталъ порицать епископа и другихъ присутствовавшихъ, а потомъ поднялъ палку, съ которой никогда не разлучался, и погнался за ними. Въ слѣдующее воскресенье его опять звали въ церковь, но онъ не пошелъ, думая, что его опять хотятъ рукополагать во пресвитера. Ему объяснили, что хиротонія совершается одинъ разъ. Онъ успокоился, убѣдившись, что надъ нимъ не насмѣхались, но остался недоволенъ, такъ какъ боялся, что ему придется жить въ Антиохіи; когда же его и въ этомъ разубѣдили, онъ расстался съ епископомъ въ мирѣ [ibid. 13].

милосердія; епископъ, у котораго иностранецъ находитъ убѣжище, и больной—помощь, который продаетъ драгоценные сосуды для выкупа плѣнныхъ и ведетъ жизнь бѣдняка въ своемъ домѣ; Василій, который самъ ходитъ за больными и прокаженными, Златоустъ, который, простой и скромный среди византийской роскоши, кормитъ ежедневно по 7000 бѣдныхъ, Амвросій, который съ гордостью римлянина и смиреніемъ христіанина выступаетъ противъ императора и нисходитъ до всякаго бѣдняка, Августинъ, который никакой другой одежды не хочетъ имѣть, кромѣ той, какую онъ можетъ подарить каждому брату, Григорій, который глубоко чувствуетъ всѣ нужды своего времени и терзается при извѣстіи, что вотъ еще одинъ римлянинъ умеръ съ голода» ¹⁾).

Въ принципѣ епископскій санъ былъ предметомъ благого вѣрнаго уваженія и мірянъ и клира: даже судимый соборомъ епископъ продолжалъ носить титулъ «боголюбивѣйшаго и святѣйшаго»—до той роковой минуты, когда церковный судъ снималъ съ него его высокій санъ и низводилъ въ разрядъ нечестивыхъ. Но въ этой самой высотѣ епископской власти заключался и моментъ ея ограниченія. Государственная власть естественно должна была стремиться къ тому, чтобы каѳедры были замѣщаемы людьми, ей угодными. А беспорядки въ самомъ христіанскомъ обществѣ могли оправдывать эти притязанія государства на вмѣшательство въ такіе важные вопросы, какъ замѣщеніе епископскихъ каѳедръ. Сана епископа искали слишкомъ многіе, чтобы можно было предположить большую осторожность въ выборѣ средствъ для этой цѣли, а христіанская община была не настолько высока и умственно и нравственно, чтобы могла при подачѣ голосовъ руководиться только церковными интересами. Поэтому выборы на епископскія должности были критическимъ моментомъ для общественнаго спокойствія. Все это, конечно, приводило къ ограниченію епископскаго вліянія и значенія.

Что епископы должны быть выборными, это принималось за нѣчто неоспоримое, неподлежащее даже разсужденію. Особенно это слѣдуетъ сказать о западѣ. Тамъ было въ полномъ ходу требованіе: «кто долженъ управлять всѣми, тотъ долженъ быть и выбранъ всѣми». Надо замѣтить также, что

¹⁾ G. Uhlhorn, Die christliche Liebesthätigkeit in der alten Kirche. Stuttgart. S. 263—264.

выборы въ древности не разсматривались какъ будто бы извѣстная претензія мірянъ на участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Выборы производились обыкновенно въ такое время, когда безъ нихъ нельзя было обойтись, потому что духовная власть не могла въ данный моментъ оказать того нравственнаго вліянія, какое ей было присуще. Почтенный епископъ, достигшій вліянія среди паствы и имѣвшій возможность поэтому указать на достойнаго преемника, умеръ. Паства приступала къ выборамъ не потому, что хотѣла стать этимъ противъ взгляда умершаго и показать свое значеніе, а потому, что не было лица, которое указало бы авторитетно на достойнаго. Предъ лицомъ выбирающихъ были только пресвитеры. Но они, вѣдая отдѣльныя части и отрасли церковнаго управления и хозяйства, не могли быть компетентными настолько, чтобы авторитетно предложить достойнаго въ преемники умершему епископу. Авторитетъ сосѣднихъ епископовъ также не могъ имѣть особеннаго значенія въ данномъ случаѣ: они прибывали въ данную епископію только для выборовъ и не могли, конечно, знать паству умершаго коллеги. Поэтому не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь особенномъ вліяніи ихъ на выборъ извѣстнаго лица и желанія со стороны паствы оказать противленіе ихъ вліянію.

Мы привыкли къ фальшивымъ обобщеніямъ и представляемъ себѣ древнюю жизнь, какъ она изложена, напр., въ правилахъ апостольскихъ, но въ дѣйствительности практика древней церкви была гораздо разнообразнѣе. Несомнѣнно то, что [напр., когда возникалъ вопросъ объ избраніи епископа на митрополичью кафедру] со смертью митрополита епископы сосѣднихъ епархій направлялись въ митрополию. Но о подробностяхъ мы можемъ сказать немного. Если бы это было на востокѣ—въ Сиріи или Антіохіи, то епископы стали бы съѣзжаться, вѣроятно, лишь тогда, когда бы получили приглашеніе; въ Каппадокіи же епископы сами были обязаны собираться, услышавъ о смерти митрополита, подтвержденіемъ чему служить слѣдующій случай. Въ 370 году Василій, пожелавъ видѣть Григорія Назіанзина, послалъ ему ложное извѣстіе о своей болѣзни; но Григорій, замѣтивъ, что въ Кесарію направляются епископы, понявъ, что не Василій В. боленъ, а умеръ его предшественникъ Евсеій кесарійскій. Значитъ, въ древней церкви съѣздъ епископовъ былъ необходимъ, какъ только узнавали о смерти епископа.

Твердо установилась въ древней церкви практика избранія епископовъ посредствомъ «ψῆφος καὶ δοκιμασία». У насъ историческая наука стоитъ на довольно слабыхъ ногахъ. Это видно изъ того, что учебники догматики проповѣдуютъ, будто бы слова: «божественная благодать, всегда немощная врачующи...», являются совершительнымъ моментомъ таинства священства. Эти слова, такимъ образомъ, уравниваются съ совершительными словами, напримѣръ, при крещеніи. Между тѣмъ въ древней церкви дѣло обстоило иначе. Лишь по позднѣйшей практикѣ эти слова произносилъ епископъ; а въ константинопольской церкви произносилъ ихъ архидиаконъ, — и поэтому уже не смотрѣли на нихъ, какъ на совершительную формулу. Они составляли лишь приготовленіе къ хиротоніи и представляли собою опредѣленіе константинопольскаго *συνόδου ἐνδημοῦσα* объ избраніи кандидата на епископство. Самая молитва въ древности начиналась словами: «ψήφῳ καὶ δοκιμασίᾳ τῶν θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων ἢ θεία χάρις προχειρίζεται». Слово *προχειρίζεται* означаетъ «поставляетъ предъ руки». Поэтому справочную книгу, которая находилась подъ рукой, называли «*πρόχειρος βιβλος*». Такимъ образомъ, древній бытъ имѣлъ формы не тѣ, какія мы воображаемъ. Эта формула («божественная благодать») употреблялась въ качествѣ нашихъ архіерейскихъ граматъ и не называлась молитвой, а «*κιστόριον*» = *citatorium*, *приглашеніе*, почему и заканчивалась чисто діаконскими словами: «помолимся убо о немъ».

Способъ замѣщенія каѳедры указывается словами «ψήφῳ καὶ δοκιμασία». *Ψῆφος* значитъ камышекъ, шарикъ; но въ дальнѣйшемъ — баллотировка, подача голосовъ. *Δοκιμασία*, это — испытаніе пригодности, провѣрка, аппробація; здѣсь оно означаетъ актъ дѣятельности собора епископовъ. Поэтому при избраніи епископа былъ обязателенъ съѣздъ [епископовъ], гдѣ провѣрялся *ψῆφος*, и уже потомъ совершалось рукоположеніе новоизбраннаго. Сосѣдніе епископы могли и не участвовать въ самомъ избраніи. Они могли прибыть уже на второй—третій день по смерти епископа и застать паству уже рѣшившею вопросъ о преемникѣ ему. Имъ оставалась только повѣрка этого избранія. Случалось, что епископы, прибывъ на избраніе, заставляли цѣлую бурю, подобную описанной въ словѣ Златоуста. Епископы должны были судить, насколько оказывается дѣльнымъ, соответствующимъ цѣли, избраніе даннаго лица. подача голосовъ начиналась съ прибытія епи-

скопскаго собора и продолжалась до момента хиротоніи надъ избраннѣмъ. Въ православномъ богослуженіи остались и слѣды этого. Первый возгласъ—«повели»—обращень къ хиротони-сующему, который могъ воспреятствовать, второе—«повелите»—къ народу. Всякій, знавшій препятствіе, могъ заявить протестъ свой противъ избранія. Когда препятствій не указывалось, хиротонія совершалась. Но бывало иногда избираемыхъ много; серьезныхъ возраженій противная партія привести не могла; тогда-то и открывалось поприще для мудрости епископа, дѣло сводилось на политическое чутье, на умѣнье разгадать психологическій моментъ, произвести впечатлѣніе, чтобы борьба противной партіи сводилась къ мінішму. Поэтому, въ случаѣ подобныхъ несогласій, епископы принимали на себя обязанность ψῆφος'а. Послѣ этого новоизбранный, въ цѣляхъ объявленія о своемъ поставленіи во епископа епископамъ, не принимавшимъ въ немъ участія, отправлялъ къ нимъ посланіе, прилагая къ нему исповѣданіе вѣры. Это посланіе называлось «συνοδική», такъ какъ епископъ писалъ его тогда, когда соборъ еще не расходился. Принимавшіе участіе въ выборѣ прилагали къ этому исповѣданію свои подписи и тѣмъ уже подтверждали свое единомысліе съ новоизбраннымъ.

Какъ же производился ψῆφος? Для эпохи болѣе отдаленной, чѣмъ IV вѣкъ, у насъ данныя не богаты, но мы имѣемъ объ этомъ всетаки небольшія свѣдѣнія. Александръ Северъ рекомендуетъ язычникамъ при выборахъ поступать такъ же осмотрительно, какъ христіане—при выборахъ епископовъ. Отсюда мы можемъ заключить, что ψῆφος въ древней церкви поставлень былъ образцово.

Въ настоящее время разглагольствія о выборномъ началѣ вошли въ моду, и оно находитъ многихъ сторонниковъ, но я не изъ ихъ числа. По моему мнѣнію, эти господа должны обратить вниманіе на то, что, если ψῆφος существовалъ, но затѣмъ отмѣненъ, то это случилось не безъ уважительныхъ причинъ. Отношенія съ тѣхъ поръ до того искажены, что возстановленіе ψῆφος'а у насъ въ Россіи принесло бы столько пользы, сколько—разведеніе виноградныхъ лозъ вдоль тротуаровъ въ Петербургѣ. Но тогда, какъ я сказалъ, ψῆφος велся образцово. По нѣкоторымъ признакамъ мы можемъ угадывать, что ψῆφος, electio, было дѣломъ клира и мірянъ. Какъ дѣйствовали эти члены, мы не знаемъ. Но, несомнѣнно, ψῆφος

находился въ рукахъ клира и паствы, которые должны были знать хорошо избираемаго. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы произвести избраніе, надо знать, кого избирать, и это могъ знать клиръ.

У насъ выраженія «русская церковь», «греческая церковь»—ходячія, а въ древности они звучали паралогизмомъ. Каждый зналъ католическую церковь и церкви въ смыслѣ епископій, а то, что мы понимаемъ теперь, какъ національную церковь, въ то время находилось въ зачаточномъ состояніи. Разумѣется, итальянскіе [напр.] епископы чаще встрѣчались между собой, [чѣмъ епископы изъ разныхъ областей], но союза не было. Естественно, что епископы случайно бывали въ епархіяхъ, ближайшихъ къ ихъ кафедрамъ, и знали нѣкоторыхъ пресвитеровъ и діаконовъ, но всего клира не знали и не могли среди нихъ указать достойнѣйшаго занять освободившуюся за смертью епископа кафедру. Достойнѣйшаго могъ указать только почившій епископъ. Это и бывало иногда такъ. Но вообще выборъ принадлежалъ клиру и народу.

Такимъ образомъ, выборное начало было въ то время силою, но эта сила не была похожа на избраніе парламентарное, потому что она была ограничена. Въ настоящее время англичанина никто не посмѣетъ допрашивать, почему онъ подалъ голосъ за Гладстона, а не за Дизраели. Отвѣтъ съ его стороны могъ бы быть одинъ: «я такъ хочу». А въ древней церкви было не такъ: если соборъ узнавалъ, что обойденъ достойнѣйшій, то допрашивалъ, почему такъ. Приходилось указывать не свои пожеланія, а дѣйствительныя причины. Выборы находились подъ строгимъ контролемъ: этотъ контроль долженъ былъ сдерживать дрянненькіе инстинкты человѣческой природы.

Во всякомъ учрежденіи важна практика. То же самое нужно сказать и про древній міръ. Не смотря на то, что церковь первоначально состояла изъ низшихъ лицъ, эти лица были поставлены въ такое положеніе, въ которомъ развивалась самопомощь. Не смотря на то, что въ Римѣ запрещены были коллегіи, ихъ было здѣсь много: коллегіи религіозныя, коллегіи погребальныя. Въ нихъ могли вступать даже и рабы. А въ коллегіи предполагалась полная свобода выбора. Такимъ образомъ здѣсь приходилось считаться съ фактами, а не съ фразами.

У насъ въ серьезныхъ журналахъ нерѣдко плачутся на

то, что звяканье въ церкви мѣдяковъ отвлекаетъ отъ молитвы. Но, обвиняя церковь въ этомъ, никто не подумаетъ, чѣмъ бы можно было замѣнить это звяканье. Въ древнее время подобное явленіе было невозможно, такъ какъ каждый членъ понималъ, что служащимъ въ церкви нельзя питаться только римскимъ воздухомъ, а нужны и средства, и потому каждый членъ вносилъ на этотъ предметъ ежемѣсячный взносъ—*stips menstria*. Въ настоящее время понятіе о «просфорѣ» совершенно извращено: мы сами покупаемъ этотъ маленькій хлѣбецъ и сами его получаемъ, тогда какъ въ древности были крупныя «приношенія» въ пользу другихъ. Для состоятельнаго человѣка являться въ церковь безъ «просфоры» было нравственно невозможнымъ. Такъ въ словѣ, приписываемомъ Киприану кареагенскому, говорится: «Вотъ ты войдешь въ воскресный день въ церковь, и не обратишь вниманія на корвану церковную и приобщисья приношеніямъ бѣдныхъ». Это всё равно, что теперь богатый пришелъ бы въ ресторанъ, пообѣдалъ здѣсь и не заплатилъ бы за это. Нынѣ, въ порядочномъ обществѣ, такое явленіе невозможно. Въ древности было также невозможно приступать къ евхаристіи безъ приношенія.

Затѣмъ, печальныя обстоятельства служили коррективомъ при практикѣ выбора. Кто такой былъ древній епископъ? Это былъ первый кандидатъ на мученическую смерть. Начиналось гоненіе, и епископъ, какъ начальникъ, долженъ былъ первымъ пострадать. Кромѣ почета, чтѣ онъ получалъ въ вознагражденіе за свои труды? Обезпеченія не было, потому что церковь христіанская была бѣдна. *Stips menstria*—взносы и приношенія—тратились на нужды церкви. Изъ этихъ взносовъ и приношеній получали часть и клирики, такъ какъ они относились къ разряду нуждающихся. О жалованьѣ не было и рѣчи. Извѣстенъ случай, что сектанты приобрѣли епископа на жалованье [Наталій у монархіанъ въ Римѣ, въ началѣ III вѣка], и это произвело на церковь впечатлѣніе скандала. Обыкновенно въ епископы избирались лица почтеннаго возраста. Эти лица своей экономіей уже достаточно обезпечили себя на старость, и церковь *отъ нихъ* ожидала пособія, а не наоборотъ. Матеріальной приманки для избираемыхъ не было, и практика *electiois* была образцовою.

Но и здѣсь иногда сказывался ветхій Адамъ, и епископы должны были употреблять весь свой авторитетъ для устраненія злоупотребленій. Характеренъ слѣдующій случай. Григо-

рій неокесарійскій, по смерти епископа Команы понтійской, былъ приглашенъ на выборы. Здѣсь онъ замѣтилъ, что творится что-то неладное: выбираютъ различныхъ кандидатовъ, но достойныхъ обходятъ. Тогда онъ обратился къ избирателямъ со словомъ увѣщанія обращать вниманіе не на состояніе: Вдругъ раздается ироническій голосъ: «такъ что-жь? выберемъ угольщика Александра?» Поднялся хохотъ. Не такъ отнесся къ этому св. Григорій, который сказалъ: «покажите мнѣ этого Александра». Привели человѣка запыленного и покрытаго грязью отъ угольевъ. Онъ предсталъ съ спокойствіемъ и не смущался испытующихъ взоровъ Григорія. Начался между ними разговоръ. Григорій предложилъ нѣсколько вопросовъ. Александръ отвѣчалъ ему спокойно и серьезно. Тогда Григорій понялъ, что подъ этой невзрачной наружностью скрывается незаурядная нравственная величина. Оказалось, что Александръ принадлежалъ къ высокому роду и былъ человѣкъ состоятельный, но ради христіанскаго смиренія сталъ заниматься такимъ низкимъ ремесломъ. Григорій предложилъ ему отправиться въ баню—вымыться и одѣть чистую одежду. Когда Александръ это исполнилъ, то былъ снова представленъ Григоріемъ въ собраніе. Всѣ были поражены на этотъ разъ благородствомъ позы Александра и его мужественною красотою. Онъ единогласно былъ избранъ въ епископы, прекрасно управлялъ епархіей и закончилъ свою жизнь мученическою смертію. Вотъ какъ дѣйствовалъ авторитетъ епископа.

IV вѣкъ представляетъ уже неблагоприятный переломъ въ практикѣ избранія. Злоупотребленія въ это время встрѣчаются чаще. Приходилось хвататься за древнюю практику и отыскивать въ ней различныя регулятивы. Одинъ изъ этихъ регуляторовъ состоялъ въ томъ, что на вдовствующую кафедру избирались лица этой же паствы, а не другой. Противъ перемѣщенія раздавались серьезные и рѣзкіе голоса. Такимъ образомъ, въ это время ограничивался уже и кругъ избираемыхъ. Во многихъ церквахъ держались этой практики, и съ кафедры на кафедру перемѣщений не было. Напримѣръ, на римскую кафедру избирались члены изъ мѣстнаго клира. Въ александрійской церкви эта практика направлялась къ ограниченію и круга избирателей (монофиситы держатся ея и въ настоящее время). Обыкновенно избиралъ народъ; но многочисленная толпа часто превращалась въ «ἄλλος», и шла на безобразія. Потому право избранія стали предоставлять уже не всѣмъ мірянамъ, а только болѣе почетнымъ.

24 сентября 366 года умеръ римскій епископъ Либерій, пресловутый по своимъ отношеніямъ къ аріанамъ. 1 октября 366 года былъ рукоположенъ преемникъ ему—Дамасъ. Но онъ былъ не единственнымъ избранникомъ. Противная партія избрала Урсина и посвятила его. Дѣло съ двумя кандидатами на кафедрѣ не обошлось безъ бурныхъ сценъ. Бились на смерть. Префектъ города, Ювентій, не могъ обуздать толпы, и былъ вытѣсненъ въ предмѣстьѣ. Нашлись радѣтели изъ партіи дамасіанъ, которые привлекли къ этому дѣлу *quadrigarios* (управляющихъ колесницами въ циркѣ). Можно себѣ представить, какъ они, вооруженные дубинами, постояли за перковъ. 26 октября 366 года творилось такое безобразіе въ базиликѣ, что по безпристрастному свидѣтельству Амміана Марцеллина, языческаго писателя, въ базиликѣ найдено было 137 труповъ изъ партіи урсиніанъ, а по свидѣтельству другого автора, 160 труповъ. Когда урсиніане заняли базилику, то дамасіане пытались выломать въ ней двери или поджечь ее, чтобы вытѣснить оттуда ненавистныхъ противниковъ. Затѣмъ они взобрались на крышу и стали бросать въ урсиніанъ черепицы, и наконецъ, поддерживаемые квадригаріями, ворвались въ базилику и начали здѣсь избиеніе. Спокойствіе было восстановлено въ послѣдствіи посредствомъ казней и мрънянъ и клириковъ (Soz. VI, 23).

Борьба между Дамасомъ и Урсиномъ представляетъ самый яркій, но далеко не единственный примѣръ потрясеній, какимъ подвергалось общественное спокойствіе во время выборовъ. Дни Дамаса и Урсина повторились въ Римѣ и въ 418 г., когда, по смерти Зосима, одна партія избрала архидіакона Евлалія, который и былъ посвященъ епископомъ остійскимъ, издавна имѣвшимъ это право, а другая пресвитера Бонифатія. Первый могъ хвалиться тѣмъ, что посвященъ епископомъ остійскимъ, послѣдній—тѣмъ, что его посвятили не 3, а 7 епископовъ. Черезъ 80 лѣтъ повторились тѣ же кровавыя сцены, когда по смерти Анастасія II одна партія избрала діакона Симмаха (22 декабря 499 г.), а другая архипресвитера Лаврентія. Ожесточеніе партій было такъ велико, что когда Симмахъ явился на судъ собора (501 г., *synodus Palmaris*), то противники осыпали его градомъ камней, и папа долженъ былъ искать спасенія подъ прикрытіемъ императорской готской гвардіи. Наконецъ, послѣ смерти Феликса IV (530 г.) голоса опять раздѣлились: одна партія из-

брала Бонифатія II, другая Діоскора. Стронники того и другого готовились къ упорной борьбѣ за своего кандидата, какъ смерть Діоскора избавила Римъ отъ новыхъ кровавыхъ спенъ, а Бонифатія отъ опаснаго соперника.

Такимъ образомъ, въ 2^{1/2} вѣка римскій престолъ пережилъ четыре выбора, которые всего менѣе могли внушить власти гражданской довѣріе къ свободному развитію церковной жизни. Однако же Римъ можно еще признать образцовымъ городомъ въ отношеніи законмѣрности и правильности въ замѣщеніи каеэдры.

Въ Константинополѣ дѣла шли, пожалуй, еще хуже. Правда лѣтописи нашего періода насчитываютъ только одинъ случай, когда при выборахъ произошло кровопролитіе: это было въ 342 году, когда, во время борьбы между православнымъ Павломъ и арианомъ Македоніемъ, погибли весьма многіе (Socr. II, 12; Soz. II, 17), и взбунтовавшеюся чернью убитъ даже *magister militum* Гермогенъ, а затѣмъ при интронизациі Македонія въ церкви погибло до 3150 отъ меча и давки. Но за то всякій разъ, какъ эта каеэдра становилась свободною, въ народѣ поднималось весьма сильное и опасное движеніе. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ выборы, кажется, только Евдоксія (въ 359 г.), когда православные въ Константинополѣ были подавлены настолько, что не могли выставить своего кандидата хотя бы съ малѣйшею надеждою на успѣхъ (Socr. IV, 14, 15). Иногда волненіе принимало такіе размѣры, что императоры должны были отправлять цѣлые военные отряды для поддержанія спокойствія столицы. Эти безпорядки видимо повторялись такъ часто, что историки говорятъ о нихъ, какъ о самой обыкновенной вещи. Изъ 14 преемниковъ Александра византійскаго до Прокла (339—434), о выборахъ которыхъ мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, шестеро выбраны только послѣ сильныхъ споровъ между партіями, и едва ли не во всѣхъ остальныхъ случаяхъ споры эти были своевременно подавлены.

Такимъ образомъ, гражданская власть, вмѣшиваясь въ вопросы о замѣщеніи каеэдры, иногда являлась только блюстительницею порядка. Такъ, на примѣръ, было въ Римѣ, когда Гонорій—съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ—рѣшилъ вопросъ о каеэдрѣ между Евлаліемъ и Бонифатіемъ I. Арианинъ Одоакръ въ 483 году присвоилъ себѣ право контроля надъ папскими выборами, и въ 499 году Симмахъ и Лаврентій должны были

обратиться къ справедливости другого аріанскаго государя, великаго Теодориха, и онъ самымъ благороднымъ образомъ воспользовался этимъ правомъ.

Нѣсколько иначе дѣла шли на востокѣ. Здѣсь уже весьма рано государственная власть заявляетъ претензію на контроль церковныхъ выборовъ. Константій низлагаетъ Павла (338) главнымъ образомъ потому, что онъ выбранъ былъ безъ его согласія и вопреки его видамъ, и возводитъ на кафедру константинопольскую Евсевія никомидійскаго. Затѣмъ низложенъ былъ и Македоній по тѣмъ же побужденіямъ. Ѳедосій В. заявилъ требованіе, чтобы на его выборъ представленъ былъ списокъ кандидатовъ на кафедру и избралъ самаго послѣдняго изъ нихъ, Нектарія (Soz. VII, 8; Socr. V, 8), не смотря на недовольство и сопротивленіе епископовъ, достаточно объясняемое уже тѣмъ однимъ, что новый кандидатъ былъ даже некрещенный. Съ этихъ поръ вліяніе государственной власти на замѣщеніе константинопольской кафедры становится все болѣе и замѣтнымъ и постояннымъ: не исключая формально ни народъ, ни клиръ отъ участія въ выборахъ, государи востока иногда въ интересахъ общественнаго спокойствія *motu proprio* назначаютъ кандидатовъ на вакантную кафедру столицы.

Благодаря этому обстоятельству, Іоаннь Златоустъ, бывший пресвитеромъ антiохійскимъ, сдѣлался епископомъ константинопольскимъ. По желанію императора, его прямо выкрали изъ Антіохіи, такъ какъ антiохійцы, навѣрное, были бы рады видѣть Іоанна своимъ епископомъ. Императоръ далъ приказъ префекту — «доставить пресвитера Іоанна». Префектъ сначала пригласилъ Іоанна къ себѣ — побесѣдовать, и когда Іоаннь явился къ нему, префектъ посадилъ его въ колесницу и повезъ его до первой станціи, гдѣ передалъ его конвою.

Въ 427 году, по смерти Сисинія, когда открылась борьба между старыми претендентами на кафедру, пресвитеромъ Филиппомъ и епископомъ кизикскимъ Прокломъ, при дворѣ рѣшили, для соблюденія спокойствія, не избирать ни того ни другого, ни вообще кого-либо изъ константинопольскаго клира, а вопреки канонической практикѣ, пригласить изъ Антіохіи Несторія. То же самое повторилось и въ 434 г., когда по смерти Максиміана, для устраненія борьбы партій, императоръ приказалъ присутствовавшимъ епископамъ немедленно интронизовать упомянутаго Прокла.

Но на этой почвѣ дѣятельность правительства давала иногда курьезные результаты. Лѣтомъ въ іюлѣ 489 года скончался Акакій константинопольскій. Правленіе его было одно изъ бурныхъ: онъ не былъ замкнутъ въ монашескую жизнь, и кромѣ интересовъ церковныхъ, вникалъ и въ государственныя нужды; съ этой цѣлью онъ редактировалъ, напр., *ἐνοτίκων* Зинона. Пытался Акакій умиротворить и церкви антиохійскую и александрійскую, и закончилъ свою эквилибристику тѣмъ, что церковь константинопольская оказалась въ несогласіи съ церквами и антиохійской, и александрійской, да вдобавокъ еще и съ римской. Очевидно, послѣ смерти Акакія требовался преемникъ достойный изъ достойнѣйшихъ, который могъ бы распутать дѣла его. Противъ всякаго ожиданія, не приглашены были епископы для выбора, а рѣшено было прибѣгнуть къ божественному избранію. Назначенъ былъ сорокадневный постъ съ молитвою къ Богу объ указаніи преемника Акакію, и императоръ самъ позаботился о томъ, какъ устроить этотъ божественный выборъ. Онъ положилъ на престолъ двѣ хартіи: одну чистую въ запечатанномъ конвертѣ, а другую съ моленіемъ къ Богу, чтобы Онъ рукою ангела написалъ имя Своего избранника на чистой хартіи въ запечатанномъ конвертѣ. Назначенный срокъ кончился. Пакетъ, положенный на престолъ, распечатанъ, и въ немъ, ко всеобщему изумленію, оказалось имя пресвитера Флавиты. Этотъ *θεοεπιβλητός* (Богомъ предложенный), былъ немедленно поставленъ во епископа. Но прошло три мѣсяца и семнадцать дней, и богоизбранный епископъ скончался. Развернулись неожиданныя событія. На наслѣдниковъ почившаго посыпались со всѣхъ сторонъ долговые искы. Средствъ покрыть бездну долговъ Флавиты они не имѣли. Подали на высочайшее имя прошеніе о покрытіи долговъ и выдали семейную тайну. Оказалось, что Флавита обѣщала большую сумму денегъ внуху за то, чтобы на чистой хартіи оказалось имя «богоизбраннаго пресвитера Флавиты», «еже и бысть», и Флавиту избралъ не «*Χριστός*», а «*γυρισός*». Императоръ Зиновъ, поруганный въ своихъ самыхъ святыхъ чувствахъ, приказалъ обезглавить каженика и половину его состоянія употребить на покрытіе долговъ Флавиты. Вина каженика была выражена коротко и ясно: «онъ присвоилъ себѣ права, принадлежація Богу».

Въ этомъ способѣ избранія, къ которому прибѣгъ Зиновъ, мы видимъ намекъ на позднѣйшее избраніе посредствомъ жре-

бія. Василій Киликійскій, которому принадлежит повѣствованіе о Флавитѣ, заканчиваетъ его весьма характерными словами: «послѣ этого царь возвратилъ церковь епископамъ, которые избрали св. Евфимія». До V в. другой способъ, кромѣ прямого избранія, казался неподобающимъ вмѣшательствомъ государственной власти въ сферу церковную.

При императорѣ Анастасіи вліяніе государственной власти на замѣщеніе константинопольской каѳедры становится особенно сильно. Императоръ, устранивъ неугоднаго ему Евфимія, приказалъ возвести Македонія (496), затѣмъ, черезъ 16 лѣтъ, устранилъ и Македонія и возвелъ Тимоеея (511). Разумѣется, церковныя формы были соблюдены, и освященный соборъ епископовъ санкціоновалъ и низложеніе прежняго патріарха, и возведеніе новаго. Этотъ порядокъ продолжается, кажется, безъ перерывовъ, до самаго Юстиніана I, который умѣлъ проявить свое деспотическое могущество даже и надъ папами: папа Сильверій низложенъ былъ, какъ государственный измѣнникъ (540), и его преемники, Вигилій (540) и Пелагій (555), были избранниками византійскаго двора. Мало по малу и назначеніе на другія патріаршія каѳедры становится подъ непосредственное вліяніе императорскаго двора.

Безспорно, императорская власть позволяла себѣ не мало злоупотребленій. Не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда императоръ издавалъ державное повелѣніе—низложить такого-то епископа и поставить такого-то, нужно припомнить, что уже теперь императорская власть начинаетъ злоупотреблять духовнымъ саномъ въ политическихъ видахъ, превращая его въ легкую форму каторги для политически неблагонадежныхъ людей. На пространствѣ 444—780 г. г. насчитывается 16 случаевъ, когда люди этого рода или сами спасаютъ свою голову отъ плахи въ рядахъ клира, или зачисляются сюда по приказанію императора. По милости этого политическаго приѣма Пляценція (Piacenza) въ спискахъ своихъ епископовъ считаетъ экс-императора Авита (456), Салона—экс-императора Гликерія (474), Бизикъ — экс-кесаря Василиска (484), Котіэй или Смирна—Кира, достойнѣйшаго префекта преторіи и столицы и консулара (445). Остальные покончили свою жизнь (въ томъ числѣ экс-императоръ Θεодосій III съ сыномъ, 716) простыми священниками или клириками. Въ VIII в. этотъ политическій приѣмъ уступаетъ мѣсто другому: постриженіе въ клиръ замѣняется монашескимъ клобукомъ, часто съ прибавкою оскотленія.

Зло не [было] уничтожено въ корнѣ. Борьба черни съ дрекольемъ въ рукахъ теперь въ критическихъ случаяхъ замѣняется борьбою вліятельныхъ лицъ съ мѣшками золота. Подкупъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Подкупаютъ и приближенныхъ ко двору лицъ (Іоаннъ Талаія—Илла магистра, 480), и даже самихъ императоровъ. Низложенный въ 539—540 г. александрійскій епископъ Павелъ пробовалъ было купить себѣ восстановление на каѳедрѣ александрійской у Юстиніана за 7 кентинаріевъ (189,000 р. з.). Въ 552 году умеръ Мина константинопольскій. Лишь только его смерть сдѣлалась извѣстной во дворцѣ, какъ началась «избирательная борьба»: ἀγὼν ἀφ' αὐτοῦ καὶ σπουδὴ ἄμετρος τοῖς πολλοῖς ἤν. На перебой предлагали въ кандидаты своихъ протезѣ, поддерживая ихъ ὁλοσχεῖσαι καὶ δωροδοχίας у δυνασταὶ τοῦ βασιλέως (Eutychii vita, Migne, Patr. gr. 86², с. 2301).

Вліяніе императора не могло простираться непосредственно на всѣ епископскіе выборы, но ограничивалось только важнѣйшими каѳедрами. Но и провинціи должны были разрѣшать ту же трудную практическую задачу. И въ маловажныхъ городахъ епископскіе выборы вызывали тѣ же интриги, доходившія до подкупа избирателей деньгами и обѣдами и льстивыми обѣщаніями насчетъ пѣнныхъ имуществъ, тѣ же раздоры и борьбу партій. На Лаодикійскомъ соборѣ (пр. 13) было постановлено, что не слѣдуетъ [позволять] избирать епископа народнымъ толпамъ (τοῖς ὄχλοις).

Провозглашать возвышенные принципы было не трудно, и въ этомъ не было недостатка. Папа Келестинъ I (25 іюля 428) писалъ къ епископамъ вьеннской провинціи: не слѣдуетъ никого назначать епископомъ противъ воли паствы (nullus in vitis detur episcopus); требуется соизволеніе (desiderium) и согласіе клира и народа (ep. 4, ol. 11, с. 5, п. 7). Равно и папа Левъ I: нужна подпись клириковъ, свидѣтельство почетныхъ лицъ, согласіе народа; кто будетъ начальствовать надъ всѣми, долженъ быть и избираемъ всѣми (ок. 445, ep. 10, ad episc. per provinciam viennens. с. 6: teneatur subscriptio clericorum, testimonium honoratorum, ordinis consensus et plebis; qui praefuturus est omnibus, ab omnibus eligatur); долженъ быть предпочитаемъ всѣмъ, кого единодушно требуетъ согласіе клира и народа, такъ что, если голоса раздѣлятся. митрополитъ долженъ предпочитать того кандидата, за кого большинство избирателей и преимущество заслугъ, только

чтобы никто не былъ назначаемъ безъ просьбы и противъ желанія паствы, чтобы городъ не сталъ презирать или ненавидѣть нежеланнаго епископа (послѣ 446, ер. 14, ol. 12, ad Anastas. thessal. n. 5, 6). Но трудно примѣнять эти требованія на дѣлѣ, когда два, три кандидата имѣли за себя и равенство заслугъ и равенство голосовъ, или преимущество заслугъ входило въ столкновение съ желаніемъ большинства избирателей, или желаніе клира и епископовъ не сходилась съ желаніемъ народа. Уже Зосимъ (Hesychio salonitano, 21 февраля 418) и особенно Келестинъ (universis episcopis per Apuliam et Calabriam, 21 июля 429) жалуются, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избиратели систематически обходятъ свой клиръ (это и понятно). И въ результатѣ, вмѣсто тѣхъ возвышенныхъ принциповъ приходилось (Келестинъ, 21 июля 429) выдвигать болѣе грубое правило: *docendus est populus, non sequendus*,—съ церковными наказаніями въ перспективѣ.

Иногда борьба партій доводила ихъ до изнеможенія. Испытывали всѣ средства къ соглашенію, и потому, естественно, расположены были принять какую-либо счастливую случайность, какъ указаніе Божіе. Бывали случаи, что обѣ партіи, истомленныя междоусобіями, начинали молить Бога положить конецъ ихъ пререканіямъ, и, естественно, были расположены принять, какъ голосъ Божій, счастливое указаніе отъизнуду. Такъ Амвросій, какъ гражданскій чиновникъ, долженъ былъ во время избирательскихъ споровъ, при замѣщеніи медіоланской каедръ въ 374 г., подняться на амвонъ и усовѣщевалъ христіанъ обратиться къ чувству справедливости. Почтенная наружность Амвросія произвела такое впечатлѣніе на одного мальчика, что онъ сказалъ: «Амвросій епископъ», и этого было достаточно для избранія его, дѣтскій голосъ рѣшилъ споръ, котораго не могли уладить борющіяся партіи. Епископъ равеннскій Северъ былъ избранъ потому, что надъ его головою опустился бѣлый голубь. При избраніи Мартина турскаго несогласіе угрожало затянуться чрезвычайно долго. Желаніямъ большинства народа противостояло меньшинство, поддерживаемое нѣкоторыми епископами, въ ряду которыхъ выдавался нѣкто Дефенсоръ. Доблести кандидата всѣмъ были извѣстны, но противная партія находила, что кто отрекся отъ міра, не можетъ удачно улаживать житейскія дѣла. Приступили къ вечернему богослуженію; клирикъ съ трудомъ пробрался къ мѣсту и, открывъ книгу, началъ читать изъ восьмого псалма:

«изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу, врагъ Твоихъ ради, еже разрушити врага и мстника» (Ис. VIII, 3), т. е. въ тогдашнемъ латинскомъ переводѣ: «*ut destruas inimicum et defensorem*». Тогда народъ закричалъ, что и нужно же во славу Божию разрушить дѣло партіи Дефенсора, и Мартинъ былъ избранъ.

Споры изъ-за кандидатовъ, взбудораженныя симпатіи и антипатіи, всѣ эти темныя пятна на избирательныхъ церковныхъ соборахъ, дискредитировали избирательное начало и въ глазахъ нѣкоторыхъ весьма достойныхъ представителей церкви. Взглядъ Златоуста извѣстенъ, то же думалъ и Григорій Богословъ. Поэтому и со стороны церкви сдѣланы были попытки регулировать выборы не безъ ограниченія правъ избирателей. Съ этою цѣлью выдвигались требованія, чтобы въ епископы не избирали ни новообращенныхъ, ни мірянъ, ни клириковъ другихъ епархій; запрещались переходы съ одной кафедръ на другую. Но воля народа, потребности времени заставляли ломать эти легальныя рамки. Дѣлались попытки мирнымъ путемъ подготовить согласіе народа въ пользу опредѣленнаго кандидата. Въ этихъ цѣляхъ Григорій Назіанзинъ, по удаленіи изъ Константинополя, долженъ былъ принять на себя временное управленіе Назіанзомъ. Въ Африкѣ возведено даже въ обычай назначать мѣстоблюстителей, *interventores*, для временнаго управленія паствою. Августинъ употребилъ всѣ усилія для того, чтобы еще при своей жизни (426) собрать голоса паствы въ пользу своего преемника Эродія: отзывы о немъ народа и клира записывались и подписывались. Въ обществѣ новатіанъ былъ одинъ случай, что епископу, Павлу константинопольскому († 438), предоставили право тайно, въ завѣщаніи, назначить себѣ преемника: выборъ былъ настолько удаченъ, что, когда завѣщаніе было вскрыто, раздалось единодушное «*ἄξιός*». Аналогичная практика встрѣчается и въ православной церкви. Аванасій В. былъ, такъ сказать, предъизбранъ волею Александра; умирающаго епископа Александра византійскаго просили указать кандидатовъ себѣ въ преемники. Въ томъ и другомъ случаѣ право избранія предоставлено было, однако, клиру и народу. Западная церковь признавала подобнаго рода указанія незаконными. Тонкій цѣнитель всего правового, Римъ не одобрялъ подобнаго рода практики и не хотѣлъ создавать вредныхъ прецедентовъ. Папа Иларій (462) соборно осудилъ подобный поступокъ Рустика нарбоннскаго,

который назначилъ преемникомъ Гермеса, хотя было при этомъ согласіе клира и народа. Однако же, когда одинъ изъ преемниковъ Иларія, Бонифатій II, только случаемъ избавился отъ соперничества Діоскора, онъ пытался было утвердить эту практику при назначеніи на римскую кафедру. Онъ испросилъ у собора 531 года право назначать при жизни преемника. Соборъ согласился. Выборъ папы палъ на діакона Вигилія (впослѣдствіи извѣстнаго папы). Но въ слѣдующемъ году соборъ снова отнялъ у папы это право.

Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ опытахъ регулированія выборовъ проходитъ одно стремленіе: сократить по возможности кругъ избирателей. Въ церковное управленіе постепенно начинаетъ проникать аристократическій принципъ. На западѣ уже съ давнихъ поръ въ карагенской церкви выдѣляются вліятельные *seniores plebis*. Въ папскихъ декретахъ все чаще и чаще встрѣчаются указанія на преимущественную роль при выборахъ *honoratorum civitatis* (наиболѣе почетныхъ гражданъ). На востокѣ уже Григорій Назіанзинъ находилъ, что для блага церкви полезно было бы предоставить выборы только клиру и монахамъ,—мѣра, пригодность которой представляется сомнительною. Постепенно проникающая въ церковное управленіе централизація должна была подготовить торжество этого аристократическаго принципа, и въ этомъ направленіи были важными прецедентами тѣ случаи, когда митрополиты *motu proprio* назначали епископовъ въ предѣлахъ своей епархіи, или когда сами клирики обращались за указаніемъ кандидата на вакантную кафедру въ Константинополь (Socr. VII, 37; VII, 48). Наконецъ, Юстиніанъ своею новеллою [123, 1] вовсе устранилъ простой народъ отъ участія въ избраніи епископа; только клиру и почетнымъ гражданамъ (*πρότερος τῆς πόλεως*) предоставлялось назначать трехъ кандидатовъ, выборъ изъ которыхъ предоставлялся митрополиту. Нѣчто подобное случилось и на западѣ. Арльскій II соборъ (452) постановилъ, чтобы епископы назначали трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ клиръ и народъ (*clerici vel cives*) выбирали одного. Соборъ Барселонскій въ Испаніи (599) постановилъ, чтобы клиръ и народъ 2 — 3 кандидатовъ представляли на усмотрѣніе епископовъ и митрополита; жребій рѣшалъ дѣло.

Послѣдствія вновь слагавшихся отношеній были немаловажны. По мѣрѣ того, какъ народъ устранялся отъ участія въ выборахъ епископовъ, конечно, ослаблялась его интимная,

сердечная связь съ своими пастырями, какая существовала въ лучшія времена древней церкви. Епископъ, своимъ престоломъ обязанный верховной власти, естественно не могъ быть такъ близокъ къ народу, какъ избранный по его волѣ, и чаще въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ былъ прислушиваться къ голосамъ придворныхъ партій; иначе—его могла смять желѣзная рука такого государя, какъ напр. Юстиніанъ. Епископъ провинціи, назначенный митрополитомъ, можетъ быть изъ его собственнаго клира, невѣдомый для своей паствы, или же указанный голосомъ немногихъ гражданъ, не могъ претендовать на симпатіи большинства паствы.

Седьмой вселенскій соборъ нашелъ дѣло въ такомъ положеніи, что участіе народа въ избраніи епископа для него было совершенно непонятное и противузаконное явленіе, почему онъ и постановилъ устранить вліяніе въ этомъ дѣлѣ свѣтскаго элемента [пр. 3]. Но легче было издать постановленіе, чѣмъ провести его въ жизнь. Преемникъ Тарасія, который предсѣдательствовалъ на соборѣ, былъ избранъ по прежнему, не смотря на ссылку Феодора Студита на опредѣленіе собора. Всею тяжестью эти обстоятельства обрушились на патріарха Фотія, и въ извѣстной степени содѣйствовали раздѣленію церквей.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ИЗБРАНІЕ ПАТРИАРХА У СИРО-ПЕРСИДСКИХЪ НЕСТОРИАНЪ И У КОПТОВЪ.

[Вмѣшательство государственной власти въ церковную сферу въ дѣлѣ избранія высшихъ іерархическихъ лицъ совершенно случайно принесло плоды въ монофиситской средѣ].

Дѣло было въ Египтѣ. По смерти патріарха Захарія (4 янв. 1032 г.) у египетскихъ христіанъ (монофиситовъ) вышло осложненіе съ выборомъ въ патріархи. Тогда благосклонно настроенный къ христіанамъ и въ высшей степени дѣльный египетскій визирь Али бну-Ахмадъ Муджибу-д-даулатъ (ʿalī bnu Ahmad Mūgibu-l-daulath) предложилъ христіанамъ сдѣлать такъ, какъ дѣлается у христіанъ въ Багдадѣ. Около Багдада находилась Селевкія, гдѣ была резиденція католикоса сирійскаго. Дѣло шло о практикѣ несторіанъ.

Они поступали такимъ образомъ. Изъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ право избранія, выбиралось 100 человекъ, изъ этихъ

100—50, изъ 50—25, изъ 25—10, изъ 10—3. Изъ этихъ трехъ выбирался особымъ способомъ одинъ. Рѣшеніе выбора предоставлялось Богу. Имя каждаго писалось на особомъ билетикѣ, на четвертомъ писалось имя Иисуса Христа. Потомъ билетики скатывались и полагались на престоль. Совершалась литургія, и послѣ нея посылали ребенка, отъ котораго нельзя было ожидать коварства. Онъ выносилъ билетикъ, и если на немъ было имя какого-либо кандидата, то онъ признавался избраннымъ; если же было имя Христа, то это означало, что Христось по прежнему остается добрымъ пастыремъ вдовствующей церкви и никто изъ трехъ кандидатовъ Ему не угоденъ. Такъ это повторялось другой и третій разъ, пока выборъ не падалъ на одно опредѣленное лицо.

На этотъ разъ копты не воспользовались предложеніемъ визиря, но вполсѣдствіи имъ пришлось обратиться къ этому способу и практиковать его довольно часто. Название этого способа—*хайкалійя* (*haykaliyah*)—*алтарный*. Послѣ смерти Гавріила II у коптовъ вышло затрудненіе въ избраніи ему преемника. Большая часть склонялась къ избранію монаха монастыря св. Макарія Юниса (Іоанна), сына Кидарана, человѣка краснорѣчиваго, образованнаго, представительной наружности. Когда хотѣли остановиться на немъ, было получено посланіе Абу Юсуфа (Іосифа), который строжайшимъ образомъ предупреждалъ не увлекаться наружностью, но обратить вниманіе на характеръ, ибо горе той церкви, которая ставитъ управлять человѣка, который не умѣетъ управлять собою. Рѣшили обратиться къ способу хайкалійя. Всѣ подписали свое согласіе, кромѣ монаха Макаріева монастыря Михаила. Всѣ подумали, что онъ рьяный партизанъ Юниса, и поэтому не хочетъ согласиться на его отстраненіе. Выбрали трехъ кандидатовъ: Іоанна изъ монастыря св. Іоанна, Сулаймана—изъ монастыря аль-Барамусъ, и третьяго—Михаила. Жребій выпалъ на Михаила. Тутъ выяснилось, почему онъ не подписался. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ не получилъ никакого образованія и не умѣлъ писать, и поэтому не могъ подписаться подъ соборнымъ опредѣленіемъ о выборѣ епископа по способу «хайкалійя» (алтарному). Указаніе Провидѣнія было на этотъ разъ уважено свято. На Михаила посмотрѣли какъ на избранника Божія. Такъ какъ онъ не зналъ читать по-коптски, то выучилъ со словъ наизусть литургію Василия В. и послѣ этого былъ рукоположенъ въ патріарха (въ 1145 г.).

Въ высшей степени характерно, что подобная практика выработалась въ сироперсидской церкви. Никто изъ ея историковъ подробно не описываетъ ея, и потому мы не знаемъ, чтобы хайкалія практиковалась здѣсь именно въ той формѣ, какъ описалъ ее Муджибу-д-даулатъ. Основная идея формы, имъ описанной,—последовательная замѣна выборовъ непосредственныхъ выборами посредственными. Непосредственно избирали 100 человѣкъ, которымъ и предоставлялось право активного избранія кандидатовъ изъ ихъ среды. Эти 100 человѣкъ и рѣшали вопросъ о выборѣ. Притомъ число избирателей постепенно сокращалось. Эта практика является наилучшею. Непосредственное избраніе одного лица на всю страну рѣдко обѣщало бы успѣхъ. Жители, напр., Нисивина прекрасно знаютъ достойныхъ лицъ въ Нисивинѣ, но не знаютъ достойныхъ лицъ въ Арбелѣ, и наоборотъ. Какъ же изъ этихъ невѣдомыхъ лицъ выбрать одного достойнѣйшаго? Гораздо цѣлесообразнѣе выбрать своихъ достойныхъ лицъ въ избиратели, обязавъ ихъ сдѣлать все для нихъ возможное для избранія въ католикоса наиболѣе достойнаго.

Не особенно удивительно, если способъ въ своемъ родѣ весьма хорошій, придуманъ христіанами именно персидскими. Нужда великій учитель и заставляетъ молиться Богу. Христіане жили здѣсь всегда между молотомъ и наковальнею. Персидскіе цари знали о существованіи христіанской церкви. Хотя постоянныхъ преслѣдованій не было, но они могли начаться по первому капризу. Приходилось вести себя осторожно, не подавать повода къ гоненіямъ. Шахъ могъ предложить кандидата, отказать ему было очень опасно. Естественно было сирійцамъ держаться за способъ избранія по жребію, которымъ охранялась ихъ церковная свобода. Они могли сказать, что не отъ ихъ воли зависитъ избраніе. Они могутъ только включить предлагаемое шахомъ лицо въ число кандидатовъ. Практика эта держалась твердо. Когда умиралъ католикосъ, тогда въ «градѣ мира»—Багдадѣ собирались вѣрные люди, врачи и писцы, вмѣстѣ, и приглашали пресвитеровъ и діаконовъ на совѣщаніе. Посылали извѣстіе епископу кашкарскому и призывали его временно управлять селевкійскою церковію.

Нужно замѣтить, что управленіе персидскою церковію было построено по слѣдующей схемѣ. Подъ властію католикоса было шесть митрополитанскихъ округовъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ онъ былъ владыкою обширной епархіи, называвшейся «Бетъ-Армаеъ» («домъ Арамеевъ»=сирійцевъ). Подъ его властію было 12—13 епископовъ, главный между которыми епископъ кашкарскій первенствовалъ: онъ назывался «главою епископовъ» или «сыномъ десницы его» (католикоса), вѣроятно, вслѣдствіе того, что онъ стоялъ во время богослуженія по правую сторону и въ церковныхъ дѣлахъ былъ, такъ сказать, его правою рукою. Послѣ смерти католикоса онъ признавался мѣстоблюстителемъ его. Если и кафедрa кашкарская была не занята, то мѣстоблюстительство переходило по очереди къ кафедрaмъ низшимъ, и такъ до младшаго епископа касрескаго. Мѣстоблюститель велъ всѣ дѣла, только не поставлялъ епископовъ, не носилъ жезла (считалось неудобнымъ употреблять его въ чужой области) и бируна (облаченія, напоминающаго омофоръ). Онъ былъ мѣстоблюстителемъ въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ и подготавливалъ почву для избранія, затѣмъ приглашалъ на соборъ митрополитовъ и епископовъ. Обычно рукополагалъ католикоса митрополитъ бетъ-лапатскій ¹⁾. Настолько благоустроена была церковь персидская.

Вопрошеніе Господа по жребію практиковалось и въ Россіи, напр., въ Новгородѣ. Жребій вынималъ мальчикъ или слѣпецъ. При оцѣнкѣ этого способа избранія надо обратить особое вниманіе на четвертый билетикъ. Въ немъ заключается глубокой религіозно-нравственный смыслъ. Во-первыхъ, здѣсь выражается крѣпкая вѣра въ то, что Богъ не оставитъ, а укажетъ достойнаго преемника; во-вторыхъ—смиреніе. Царь Зиновъ требовалъ чуда: написанія имени кандидата рукою ангела на бумагѣ, вложенной притомъ въ запечатанный конвертъ. Но здѣсь подобнаго сверхъ-естественнаго дѣйствія не требовалось. Затѣмъ: здѣсь вѣрують, что Господь посредствомъ жребія можетъ указать достойнаго кандидата, но прекрасно понимаютъ, что можетъ изъ предложенныхъ кандидатовъ ни одинъ не оказаться угоднымъ Богу. Вынутый четвертый билетикъ съ именемъ Христа укажетъ это. Гдѣ этого четвертаго билетика не было, тамъ какъ бы заставляли Бога: «аще хоцещи, аще не хоцещи, но одинаго именно изъ этихъ трехъ».

¹⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Изъ исторіи церкви сиро-персидской. Эскурсъ Б. Древнѣйшія митрополіи въ церкви персидской. Христ. Чтеніе, 1899. I, 346—349 (отд. оттискъ, 51—54).

Въ церкви греческой ничего не было выработано до самаго конца византійскаго періода ¹⁾).

ИЗБРАНІЕ ПАПЫ ВЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ церкви римской считаютъ десятками манипуляціи избранія папы. Въ настоящее время папу выбираетъ конклавъ. Спустя по смерти папы 10 дней, назначаемыхъ обыкновенно для съѣзда кардиналовъ, они запираются въ особое помѣщеніе, куда никто изъ постороннихъ не можетъ войти, даже опоздавшій кардиналъ. Способъ избранія папы посредствомъ жребія считается недозволеннымъ. Папу должны избирать только кардиналы, никому другому не предоставлено это право. Каждый членъ непременно долженъ подавать свой голосъ. До какой степени предусмотрѣны здѣсь всѣ возможные препятствія, видимъ изъ выработанныхъ кардиналами категорій «препятствій»: 1-е препятствіе — человекъ можетъ быть очень боленъ и не въ силахъ дойти до престола, но можетъ однако выйти изъ кельи; 2-е — человекъ можетъ быть такъ слабъ, что не можетъ встать, но можетъ писать; 3-е — не можетъ и писать.

Методовъ избранія папъ существуетъ нѣсколько.

I. *Electio per acclamationem*. Непремѣннымъ условіемъ по этому методу ставится то, чтобы предварительныхъ совѣщаній не было. Собравшіеся кардиналы сначала приступаютъ къ обсужденію общихъ положеній, какихъ качества требуютъ данное время и положеніе дѣлъ отъ папы. Кто-либо высказываетъ, что, по его глубокому убѣжденію, никто въ такой мѣрѣ не обладаетъ этими качествами, какъ преосвященный кардиналъ такой-то. И всѣ соглашаются. Извѣщаются тогда больные члены конклава, и если ни отъ кого изъ нихъ не послѣдуетъ возраженій, то лицо считается избраннымъ. По этому способу избранія папъ совершаются довольно рѣдко.

II. *Electio per compromissum*. Когда не удастся избраніе по способу ординарному (и эта неудача повторится

---

¹⁾ Ср. И. И. Соколовъ, Избраніе патріарховъ въ Византіи съ половины IX до половины XV вѣка (843—1453 г.). Христ. Чтеніе. 1907, мартъ—іюль (и отдѣльно). Его же, Избраніе александрійскихъ патріарховъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Христ. Чтеніе. 1911, іюль—декабрь. А. Б.

до 6 разъ), прибѣгаютъ иногда къ *modus'у electionis per compromissum*. Избираютъ нѣсколько кардиналовъ—не болѣе 8, не менѣе 2. Если избираются 2 только кардинала, то они обязательно указываютъ кандидата въ лицѣ кого-либо посторонняго; если же ихъ больше 2-хъ и если не послѣдовало особой оговорки, то они могутъ избирать и изъ своей среды. Пассивное право избранія принадлежитъ всѣмъ католикамъ мужскаго пола, находящимся въ лѣтахъ разумнiя и въ здоровомъ смыслѣ. Формально не требуется, чтобы кандидатъ принадлежалъ даже только къ клиру. Такъ въ теорiи, а фактъ тотъ, что съ 1378 года, когда былъ избранъ въ папы не кардиналъ, бывший епископъ барскiй, Урбанъ VI, до избранiя Льва XIII, въ теченiи 500 лѣтъ, всѣ папы, числомъ 55, были изъ кардиналовъ.

III. *Electio per scrutinium*. Мнѣ остается сказать объ обычномъ способѣ избранiя римскихъ первосвященниковъ. Этотъ способъ избранiя посредствомъ билетовъ или шаровъ называется *per scrutinium* и является постояннымъ способомъ избранiя римскихъ первосвященниковъ до настоящаго времени. Въ немъ обязывались принимать участiе всѣ кардиналы. Дѣло избранiя сложное.

Въ собранiи всего конклава избираютъ трехъ инфирмариѣвъ [для собиранiя голосовъ больныхъ кардиналовъ] и трехъ скрутаторовъ [для выемки и прочтенiя поданныхъ бюллетеней]. Затѣмъ подходятъ къ мѣсту, гдѣ приготовлены печатные бюллетени, и вписываютъ въ ихъ печатный текстъ дополнительные слова, которыя каждый пишетъ измѣненнымъ почеркомъ въ виду требованiя безусловной тайны въ подачѣ голосовъ.

Въ верхней части бюллетеня, «*nomem*», между печатными словами: «*Ego*» и «*cardinalis*» пишется не имя кардинала, члена конклава, а одинъ лишь кардинальскiй титулъ той церкви, гдѣ онъ состоитъ кардиналомъ; напр., *S. Caeciliae, S. Petri, S. Crucis, S. Sixti*. Затѣмъ, въ средней части бюллетеня слѣдуютъ печатныя избирательныя слова: «*Eligo in Summū Pontificē Revrdsimū Dmñū Meū D. Cardinalem*» (т. е. избираю въ великаго первосвященника благочестивѣйшаго господина моего господина кардинала), и оставлено мѣсто, гдѣ каждый членъ конклава—кардиналъ пишетъ имя того кардинала, котораго онъ считаетъ достойнѣйшимъ занять кафедру папскую. Въ нижней части бюллетеня, называемою «*signum*», каждый кардиналъ пишетъ произвольную цифру, а

также начальное слово какой-либо молитвы, тоже произвольно взятое. *Nomen* и *signum*, верхняя и нижняя части бюллетеня, закрываются посредством сгибания краевъ и запечатываются такимъ образомъ: подъ загнутые края бюллетеня въ отмѣченные тамъ кружки кладутъ бѣлый воскъ и надавливаютъ печатью со стороны печатнаго текста, такъ что съ этой стороны рельефно выдѣляются буквы печати. Дѣло, повидимому, состоитъ въ томъ, что на печати вырѣзываются произвольно взятыя три буквы и представляется невѣроятнымъ, чтобы 2—3 лица вырѣзали на своихъ печатяхъ однѣ и тѣ же буквы. Къ этому необходимо присоединить, что также невѣроятно, чтобы въ *signum* вписали нѣсколько кардиналовъ одну и ту же цифру и одно и то же слово. Какой-нибудь изъ этихъ трехъ произвольныхъ знаковъ можетъ совпасть, но мы не можемъ предположить такого случайнаго совпаденія и согласія въ 3-хъ случаяхъ, когда эти знаки совершенно произвольны. Запечатанный бюллетень представляется такимъ только съ краевъ, а середина его совершенно открыта ¹⁾).

Разъ бюллетень готовъ, кардиналъ поднимаетъ его надъ своей головой и направляется съ нимъ къ капеллѣ. Сохраняя полную предосторожность, чтобы зоркій чей-либо глазъ не разсмотрѣлъ имени подателя голоса, каждый долженъ покрывать оборотную сторону бюллетеня разными украшениями, чѣмъ предупреждается любопытное желаніе нѣкоторыхъ узнать имя кандидата папскаго престола. Подойдя къ совершенно открытому алтарю, кардиналъ преклоняетъ колѣно и читаетъ тайно молитву, а громко произноситъ установленную форму: «свидѣтельствуюсь Христомъ Господомъ, иже имать судити мя, что я вѣренъ избранію и что я также буду дѣйствовать in accessu». Затѣмъ этотъ бюллетень онъ въ присутствіи 3-хъ скрутаторовъ кладетъ на совершенно плоскій дискосъ, такъ чтобы скрутаторы могли видѣть, что не два или три бюллетеня онъ полагаетъ, а одинъ. Потомъ съ дискоса бюллетень опускается въ здѣсь же стоящую чашу. Принимаются также мѣры предосторожности, и скрутаторы устраняютъ тѣ бюллетени, гдѣ написано не одно, а два кардинальскихъ имени. Но если бы случилось, что кто-нибудь сдѣлалъ попытку огласить, что за данное лицо подаетъ голосъ именно онъ, или

¹⁾ См. изображеніе бюллетеня, напр., у А. П. Лопухина, *Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ*. Т. I. Спб. 1900, стр. 41. А. Б.

запечаталъ бы плохо свой бюллетень, или имя подателя видно было на свѣтъ, то этотъ бюллетень считался недѣйствительнымъ и подлежалъ безусловному уничтоженію.

Если бы оказались такіе кардиналы, которые въ состояніи были бы доволочить свои ноги до капеллы, но не въ состояніи были бы дойти до алтаря, то младшій кардиналъ, принявъ клятву, дѣлаетъ извѣстную процедуру съ бюллетенемъ немощного кардинала за него. Если же случится больной кардиналъ, который и до капеллы дотащиться бы не смогъ, то кардиналъ *infirmarius* беретъ особый ящикъ, который раскрывается имъ въ присутствіи всѣхъ. Всѣ удостовѣряются, что ящикъ пустъ, затѣмъ *infirmarius* запираетъ его, а ключъ оставляетъ въ алтарѣ на престолѣ, самый же ящикъ несетъ къ больному кардиналу, который и опускаетъ свой бюллетень черезъ прорѣзъ въ ящикъ. Съ этимъ ящикомъ инfirmарій обходитъ всѣхъ больныхъ кардиналовъ, которые и опускаютъ въ него свои бюллетени объ избраніи папы.

Теперь наступаетъ церемонія выемки бюллетеней изъ обѣихъ чашъ. Для этого обѣ чаши переносятся на столъ, и одинъ изъ скрутаторовъ, вооружившись иглой съ бѣлой ниткой, опускаетъ руку въ чашу, вынимаетъ бюллетень и читаетъ тихо имя кардинала, за котораго поданъ голосъ, и передаетъ изъ своихъ рукъ въ руки второго скрутатора, а тотъ третьему, и этотъ только провозглашаетъ имя кардинала, стоящее въ вынумомъ бюллетенѣ. Затѣмъ составляется протоколъ, бюллетень прокалывается иглой черезъ печатное слово «*eligo*», насаживается на нитку и опускается въ другую чашу. Кардиналы дѣлаютъ счетъ подачи голосовъ за избираемыхъ. При этомъ можетъ быть два исхода: [или кто-либо получилъ требуемое число голосовъ], или вдругъ окажется, что всѣ голоса разбредутся, а между тѣмъ требуется минимумъ $\frac{2}{3}$ голосовъ всего конклава для законнаго избранія папы: всѣ кардиналы получаютъ по 2—3 голоса, и результатъ получается нулевой. Далѣе избирается коммиссія изъ 3-хъ членовъ для проверки дѣятельности скрутаторовъ, которые читали и провозглашали имена избираемыхъ на мѣсто папы. Эта коммиссія повѣряетъ счетъ голосовъ. Если счетъ вѣренъ, то приступаютъ къ окончательному акту избранія.

Результатъ долженъ быть такой, что если кто подучитъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, тотъ признается избраннымъ. Обращается теперь вниманіе на то, если подано за даннаго кардинала, напр.,

tituli Sancti Crucis, ровно $\frac{2}{3}$ голосовъ, [не подаль ли онъ самъ за себя голосъ]. Если всего кардиналовъ въ конклавѣ 52, то $\frac{2}{3}$ составлять 35 голосовъ. Хотя этого числа голосовъ совершенно достаточно для законнаго избранія папы, но мудрость эмѣнная предполагаетъ возможно и здѣсь подлость: можетъ быть, кардиналъ tituli S. Crucis, который получилъ 35 голосовъ, подаль голосъ самъ за себя, и 35-й принадлежитъ именно ему. Тогда приступаютъ къ раскрытію его бюллетеня и узнаютъ, за кого онъ подаль свой голосъ. Какъ это дѣлается, неизвѣстно. По всей вѣроятности, провѣряютъ сигнатуру (signa) его бюллетеня. Кардиналы прямо приглашаютъ кандидата на папскій престолъ сказать, какія буквы вырѣзаны на печати его бюллетеня, и по буквамъ отыскиваютъ бюллетень, принадлежащій ему. Если окажется два или три бюллетеня съ совершенно одинаковыми буквами печати, то спрашиваютъ signum, цифру и слово, произвольно имъ вписанныя. Представляется совершенно невозможнымъ, чтобы тутъ—если не въ цифрѣ, то въ словѣ не было различія. По этому различію и узнаютъ бюллетень кандидата на папскій престолъ. Вскрываютъ тотъ его конецъ, гдѣ обозначено «попен», и оказывается, что онъ подаль голосъ за кардинала tituli S. Caeciliae, а не за себя (tituli S. Crucis). Тогда совершенно безспорно, что 35-ый голосъ за него поданъ другимъ. Если окажется, что кардиналъ получить $\frac{2}{3}$ голосовъ + 1, то къ этой оскорбительной церемоніи не прибѣгаютъ въ томъ простомъ предположеніи, что хотя бы онъ самъ за себя подаль одинъ голосъ, тѣмъ не менѣе 36 и безъ одного лишняго голоса составляетъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, необходимыхъ для законнаго избранія.

Если окажется, что ни одинъ изъ кардиналовъ требуемаго количества голосовъ—35 не получилъ, а получилъ, напр., 32, такъ что не хватаетъ только трехъ голосовъ для его избранія, то въ такомъ случаѣ допускаютъ возможнымъ, что нѣкоторые кардиналы, не подавшіе голоса за него, могутъ переѣннить намѣреніе и примкнуть къ большинству. Поэтому, старый бюллетень сжигается, прибѣгаютъ къ особому виду избранія, называемому «accessus»—прислушеніе (присоединеніе) къ большинству. При самомъ scrutinium каждый кардиналъ даетъ присягу, что будетъ дѣйствовать и при accessus вполне добросовѣстно. Во-первыхъ, при accessus никто не имѣетъ права подать голосъ за того же самага, за кото-

раго былъ поданъ голосъ при scrutinium. Въ новыхъ бюллетеняхъ печатается вмѣсто «eligo» (избираю)—«accedo» (приступаю). Кто не желаетъ перемѣнить своего голоса, тотъ пишетъ: «accedo nemini» (я не приступаю ни къ кому). Вторыхъ, при accessus нужно писать голосъ за того кардинала, который получилъ большинство голосовъ при scrutinium. Всѣ бюллетени, въ которыхъ написано—accedo nemini, не измѣняютъ избранія.

Нужно замѣтить, что приемъ голосовъ получается въ высшей степени своеобразный и онъ стѣсняетъ свободу избранія. Напр., кардиналъ убѣжденъ, что кардиналъ tituli S. Sixti достоинъ избранія, по крайней мѣрѣ, достойнѣе кардинала tituli S. Crucis, за котораго стоятъ однако большинство голосовъ. Но онъ знаетъ, что кардиналъ tituli S. Sixti, молодъ или что съ нимъ была какая-нибудь исторія. Дѣло очевидное, что кардиналъ tituli S. Sixti не имѣетъ шансовъ на избраніе, хотя и достоинъ; однако онъ останавливаетъ свой выборъ не на немъ (Sixti), а долженъ подать голосъ за кардинала святаго Креста (Crucis). Но если онъ знаетъ, что за кардинала tituli S. Sixti подано 15 или 20 голосовъ другими кардиналами, то онъ находитъ возможнымъ примкнуть къ избранію кардинала tituli S. Sixti. При этомъ онъ долженъ бы заявить: «я отказываюсь отъ голосованія въ пользу кардинала св. Креста и переносу на кардинала св. Сикста», но этого нельзя. Онъ можетъ только нейтрализовать голосъ, поданный ранѣе за кардинала tituli S. Crucis.

Когда окажутся собранными всѣ голоса, то подсчитываютъ, сколько accessus подано въ пользу такого-то. Можетъ быть у одного кардинала и болѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ, но можетъ быть результатъ и такой, что 2 кардинала получаютъ одинаковое количество голосовъ. Въ этомъ случаѣ accessus не привелъ ни къ чему. Послѣ провѣрки бюллетеней accessus, послѣдніе сжигаются, и приступаютъ къ еще новому accessus. Но если окажется такъ, что одинъ кардиналъ получилъ голосовъ больше, то провѣряется, не подаль ли онъ голоса за себя, и если окажется, что нѣтъ, то перевѣсъ признается за нимъ.

Возможно такое явленіе: одинъ кардиналъ получить 32 голоса, другой получить 14 голосовъ, остальные голоса разбѣлись различнымъ образомъ. Когда приступаютъ къ провѣркѣ accessus, то голоса безразличные откладываются въ сторону, а голоса accessus согласные отсчитываются, и присту-

пають къ сличенію печатей. Напр., въ печати бюллетеня *accessus* стоятъ буквы *a. c. d.*, а въ *signum* цифра 43 и слово *Deus*. Подыскиваютъ бюллетень съ такою же печатью перваго избранія—*scrutinium*, и выясняется, что поданъ голосъ при *accessus* за кардинала св. Креста, а при *scrutinium*—за кардинала св. Сикста; слѣдовательно, требованіе выполнено. Только послѣ такой процедуры возможно избраніе и *accessus* считается законнымъ. Итакъ, 1) если голоса при *scrutinium* разойдутся: 32 подано за одного кардинала, 12 за другого, а остальные 8 разошлись, то производится *accessus*; 2) если за кардинала, имѣющаго 32 голоса при *scrutinium*, при *accessus* подають еще голосъ трое, то $32 + 3$ составитъ 35, и онъ считается избраннымъ на папскую кафедру; 3) но если вдругъ изъ 32 кардиналовъ, подавшихъ свой голосъ при *scrutinium* за кардинала св. Сикста, 2 подадутъ при *accessus* голосъ за кардинала св. Креста, и въ то же время окажется, что кардиналъ *tituli S. Sixti* получить еще 5 голосовъ и у него составитъ 35, то онъ при *accessus* имѣетъ на своей сторонѣ большинство голосовъ. Хотя перерѣшеніе и послѣ этой затруднительной и многосложной процедуры возможно, но это сдѣлать уже весьма трудно.

Никто не можетъ быть избранъ противъ своей воли. Избраннаго кардинала спрашиваютъ, желаетъ ли онъ принять санъ. Если послѣдній съ оговорками соглашается (могутъ быть такіе кардиналы, которые имѣютъ монашескій санъ, а избраніе въ папы можетъ связать ихъ монашескую совѣсть, и они могутъ согласиться на избраніе въ случаѣ согласія на это ихъ монашескаго начальства), то голосъ всѣхъ кардиналовъ, со слезами на глазахъ, заставляетъ монаха смиренно повиноваться избранію. Послѣ этого спрашиваютъ избраннаго, какое имя онъ желаетъ принять, что въ сущности необязательно, такъ какъ онъ можетъ оставить свое прежнее имя (Маркелль, напр., оставилъ свое прежнее имя). Во всякомъ случаѣ возглашается имя избраннаго папы, а потомъ диаконъ-кардиналъ старѣйшій возглашаетъ объ избраніи съ балкона народу, и начинается первое преклоненіе предъ новымъ папой.

Въ избраніи папъ въ полной силѣ дѣйствуетъ духъ нецерковности, духъ недовѣрія другъ къ другу. Но это племенное свойство западной Европы, нашедшее пріютъ даже и въ этомъ святомъ дѣлѣ.

2. Формы церковнаго союза.

Парикія, управляемая епископомъ, и образование приходовъ въ позднѣйшемъ смыслѣ.

Элементарную форму церковнаго союза представляетъ не епископія, а «приходъ», «*paroikia*». Съ точки зрѣнія древнихъ церковныхъ отношеній и для «прихода» необходимъ особый «епископъ», ибо «церковь безъ епископа не бываетъ». Но по мѣрѣ того какъ христіанство переносилось изъ городовъ въ глубь селеній, образуются новыя отношенія. Возникали общества такія маленькія, что ставить сюда епископа было неудобно, ибо и паства была не велика, и ея границы не широки. Такимъ образомъ у церквей-матерей (*ecclesia matrix*) стали появляться филиальныя церкви.

Управление ими предоставлялось лицамъ низшихъ іерархическихъ степеней, такъ что во главѣ филиальныхъ церквей мы встрѣчаемъ не только пресвитеровъ, но и діаконовъ. Въ одномъ латинскомъ памятникѣ встрѣчается такое выраженіе: «діаконъ, управляющій паствою» (*Concilium Illiberitanum*, с. 77: «*Si quis diaconus, regens plebem sine episcopo vel presbytero, aliquos baptizaverit*). Но обыкновенно управляли приходомъ пресвитеры. Если приходъ получалъ достаточную крѣпость, то сюда ставили деревенскихъ епископовъ или хореепископовъ. Такъ явились хореепископы. Но потомъ, вслѣдствіе запрещенія назначать въ мелкія мѣста лицъ епископскаго сана [*Сердик. 4/6*], появилась должность періодевтовъ ¹⁾. Въ корнѣ этого слова лежитъ слово *ἄδος*; *περίοδος* значитъ обходъ, *περιόδου*—употреблялось въ смыслѣ визитаціи, особенно врачебной. Поэтому «*περιόδοτος*» имѣло значеніе практикующаго врача. Ему хорошо соотвѣтствуетъ латинское *visitator* — пресвитеръ, имѣющій на своей обязанности обхождение извѣстныхъ церквей или надзоръ надъ ними. Но онъ былъ поставляемъ къ опредѣленной церкви, и въ его отсутствіе должность его исправлялъ другой. Такимъ образомъ отъ хореепископовъ перешли къ періодевтамъ. Но въ практикѣ долго оставался титулъ хореепископа. Въ сущности весьма

¹⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Хореепископы и періодевты. Церк. Вѣдомости, 1906, № 4. 149—154. Ср. также № 10. 436—402. А. Б.

возможно, что хорепископы получали хиротонию епископскую, но не имѣли права «архіерейская дѣйствовать», т. е. совершать хиротонию.

На западѣ терминъ хорепископовъ не привился, и, когда явилась попытка ввести ихъ, то церковь вела борьбу противъ этого и не поддерживала этого нововведенія. И если встрѣчались въ западной церкви хорепископы, то это были лица случайныя, которыя навлекали на себя соборное осужденіе, которымъ запрещено было «дѣйствовать епископская». За ними оставался только титулъ хорепископа и управленіе большимъ приходомъ. Когда находили, что епископъ совершилъ преступленіе хотя не столь большое, чтобы лишить его епископскаго сана, но въ то же время и не столь малое, чтобы оставить его безнаказанно, то ему усваивали титулъ хорепископа. Такимъ образомъ, хорепископъ тамъ представлялъ промежуточную ступень между епископомъ и пресвитеромъ.

Самымъ главнымъ признакомъ нашего понятія о приходѣ является то, что во главѣ его стоитъ пресвитеръ, только въ этомъ приходѣ исполняющій пастырскія обязанности. До положенія пресвитера, какъ главы прихода, церковь пришла не такъ скоро, какъ можно бы ожидать. Всѣ пресвитеры сначала были каедральными; епископы собственно командировали ихъ по приходамъ, и были случаи, что пресвитеры при приходѣ были понедѣльно, но всѣ они числялись членами каедральнаго собора. Въ каноническихъ памятникахъ сохранились свидѣтельства о такомъ положеніи дѣла, что приходъ оказывается какъ бы временнымъ. Когда въ Испаніи во время прискилліанства опасались, чтобы прискилліане въ отдаленныхъ мѣстахъ не могли свить себѣ гнѣздо, богослуженіе въ большіе праздники въ этихъ церквахъ не было совершаемо, и всѣ прихожане филиальныхъ церквей должны были являться въ каедральный соборъ, чтобы быть ближе къ епископу. Такимъ образомъ, приходъ трактуется какъ временное отдѣленіе каедральнаго собора.

Быстрое проникновеніе христіанства изъ городовъ въ деревни, умноженіе числа вѣрующихъ, съ одной стороны, и въ то же время заявленное, съ другой стороны, стремленіе не размножать епископій—*ne vilescat nomen episcopi et auctoritas*—повело къ тому, что въ качествѣ основной единицы церковнаго союза мѣсто древней *парокіа*, т. е. прихода съ епископомъ во главѣ, заняла *парокіа* въ смыслѣ позднѣйшемъ, т. е.

приходъ, управляемый пресвитеромъ ¹⁾. На западѣ, въ отличіе отъ городскихъ церквей и особенно кафедральной ecclesia ma-

¹⁾ Παροικία = ἐκκλησία въ смыслѣ „прихода“. Theodoret. ep. 113 ad Leon. papam. Migne, Patr. lat. Migne, t. 50, 417. Augustini ep. 209 (ol. 262) ad Coelestin. n. 2: Fussala dicitur Hipponensi territorio confine castellum (ab Hippone millibus quadraginta sejungitur). Antea ibi nunquam episcopus fuit, sed simul cum contigua sibi regione ad parocciam Hipponensis ecclesiae pertinebat (a. 423).—Parochia какъ сельскій приходъ въ противоположность городскому. Conc. Carpentoraet. 527 (528?). Migne, Patr. lat. t. 67, 1287. Vita Caesarii arel. († 542) 2, 16 (ibid. 1033): non solum in civitate, sed etiam in omnibus (посвящаемыхъ) parochiis проповѣдывавъ Кесарій. Раньше Innocentius I ad Decentium (a. 416): de fermento vero, quod die dominica per titulos mittimus, superflue nos consulere voluisti, cum omnes ecclesiae nostrae intra civitatem sint constitutae. quarum presbyteri [cf. Athanas. apol. c. arian. n. 20: συναθρόντες (въ Римѣ) ἐπίσκοποι πλέον πενήτηνonta, ἔνθα Βίτων ὁ πρεσβύτερος συνήγεν, — ἐκύρωσαν εἰς ἡμᾶς τὴν τε κοινωνίαν καὶ τὴν ἀγάπην], quia die ipsa propter plebem sibi creditam nobiscum convenire non possunt, idcirco fermentum a nobis confectum per acolythos accipiunt, ut se a nostra communione maxime illa die non judicent separatos, quod per parochias fieri debere non puto, quia non longe portanda sunt sacramenta, nec nos per coemeteria diversa constitutis presbyteris destinamus et presbyteri eorum conficiendorum jus habeant atque licentiam. Cf. Neander, KG⁴, III, 243. Collectio canonum Dionysii Exigui посвящена Юлиану presbytero tituli sanctae Anastasiae. Migne, Patr. lat. t. 67 (Юлианъ—на соборахъ 488 и 499). Въ Карпагенѣ Conc. Carth. 419, cod. can. eccl. afr. c. 33: ut presbyteri non vendant rem ecclesiae ubi sunt constituti, — nec episcopo liceat matricis ecclesiae, nec presbytero rem tituli sui usurpare. Migne, Patr. lat. t. 67, 192.—Athanas. apol. c. arian. n. 85: ὁ Μαρεώτης χώρα τῆς Ἀλεξανδρείας ἐστὶ καὶ οὐδέποτε ἐν τῇ χώρᾳ γέγονεν ἐπίσκοπος οὐδὲ χωρεπίσκοπος, ἀλλὰ τῷ τῆς Ἀλεξανδρείας ἐπισκόπῳ αἱ ἐκκλησίαι πάσης τῆς χώρας ὑπόκεινται. Ἐκαστος δὲ τῶν πρεσβυτέρων ἔχει τὰς ἰαῖας κώμας μεγίστας καὶ ἀριθμῷ δέκα που καὶ πλείονας (nota: не у каждаго по 10, а всѣхъ въ Марсеѣ. Ptolemaeus octo urbes aut pagos recenset). Ἡ δὲ κώμη, ἔνθα οἰκεῖ ὁ Ἰσχυράς, βραχυτάτη καὶ ὀλίγων ἀνθρώπων ἐστίν, οὕτως ὡς μὴδὲ τὴν ἐκκλησίαν ἐκεῖ γεγενῆσθαι, ἀλλὰ ἐν τῇ πλησίον κώμῃ.—Theodor. Lector, 1, 13. Migne, Patr. gr. 861, 171: Ἀνατολίου τελευτήσαντος Γεννάδιος προχειρίζεται, πρεσβύτερος τῆς ἐκκλησίας, Ἀκακίου τοῦ ὄρφανότηρον συμφύτου γενομένου (вмѣстѣ съ Геннадіемъ былъ предлагаемъ кандидатомъ). Προεβάλλετο δὲ Γεννάδιος Μαρκανὸν οἰκονόμον τῆς τῶν καθαρῶν ὄντα ἠρησκείας, εἰς τὴν ἐκκλησίαν μεταθρόντα. Ὅς ἅμα τῷ γενέσθαι οἰκονόμος, τὰ προσφερόμενα ἐν ἐκάστῃ ἐκκλησίᾳ τοῦς τοῦ τόπου κληρικούς κομίζεσθαι διετύπωσεν, ἕως τούτου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας πάντα κομιζομένης.—Theophan. chronographia, a. M. 5855 (355) sub Juliano: Καὶ Θεοτέκνος πρεσβύτερος ἐν προστασίῳ Ἀντιοχείας ἐκκλησίαν πεπιστευμένος (Chron. rasch.: Θεοτέκνος δὲ τις πρεσβύτερος τῆς ἐν Ἀντιοχείᾳ ἐκκλησίας) ἐξ ὑποσχέσεως ἀπατηθεὶς αὐτομάτως ἐπὶ τὴν εἰδωλολατρειὴν ἐχώρησεν. Soer. Soz. Theodoret, tacent (можетъ быть, какъ о фактѣ позорномъ для христіанъ?).

trix, эти приходы называли парохіями (parochia, Innocent. I, 416). Развитие приходо́въ не вездѣ совершалось съ одинаковою равномерностью. Историческіе памятники представляютъ намъ различные моменты перехода отъ парикіи къ парохіи.

Въ Африкѣ древніе порядки держались упорнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, развитие парохій тамъ не исключало развитія и епископій. Несомнѣнно то, что въ 419 г. и въ городѣ Каррагенѣ и въ деревняхъ были tituli, опредѣленные приходы съ пресвитерами, специально для нихъ поставленными (non vage ordinati, ordinatio relativa). Но въ то же время мы видимъ, что съ согласія мѣстнаго епископа (Cod. can. escl. afric. с. 53, conc. Carth. 397) и новыя епископіи открывались весьма легко. Когда въ крѣпости Фуссалѣ (ок. 423 г.), всего въ 40 миляхъ отъ Иппона царскаго (ок. 56 в.), оказалось довольно много христіанъ, Августинъ учредилъ тамъ новую епископію. Оттого въ Африкѣ епископій было такъ много, какъ ни въ одной другой церкви помѣстной. Здѣсь приходъ сельскій оставался какъ бы переходнымъ моментомъ къ возникновенію епископіи.

Точное разъясненіе вопроса о территоріи древнихъ епископій и о количествѣ жившаго на нихъ христіанскаго населенія—задача пока неразрѣшимая, которая можетъ быть останется такою и навсегда ¹⁾). Но можно выдѣлить мѣста съ довольно опредѣленною фizioномією—латинскую Африку (во главѣ съ Каррагеномъ), Малую Азію въ широкомъ смыслѣ этого слова—діацезы Асія, Понтъ и Востокъ, и Египеть.

Латинская Африка, т. е. Africa Proconsularis, Byzacena, Numidia, Mauretania, занимала 347.000 кв. километровъ (километръ—нѣсколько менѣе нашей версты)—нашимъ 7 губерніямъ: Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Московской, Владимірской и Калужской. На этой территоріи въ 484 г. было не 7 и не 14, если считать нашихъ викаріевъ, а 454 епископіи, по 764 кв. километровъ на епископію. Но и эта цифра 764—не минимальная. Изъ 454 епископій только 4 можно отнести на Mauretania Tingitana, которая занимаетъ 53.000 кв. километровъ (болѣе Нижегородской или Черниговской, но менѣе Петербургской губерніи). Въ общемъ на каждую изъ остающихся 450 епископій придется лишь 680 кв. километровъ. Въ первомъ случаѣ при-

¹⁾ Ср. В. В. Болотовъ. Епархіи въ древней церкви. Церк. Вѣдомости, 1906 г., № 3, 99—105. А. Б.

дится на площадь Новгородской епархіи 160 епископій, Тверской—85½, Петербургской—70, Московской—44. А съ отдѣленіемъ Mauretania Tingitana на Новгородскую придется 180, Тверскую—96, Петербургскую—79, Московскую—49. И это не крайній предѣлъ густоты епископій. Africa Proconsularis въ 484 г. представляла 54 епископій, а по пространству не занимала и 25.000 кв. кил. (менѣе Курляндской губ.). Въ 461 г. количество епископій доходило до 70. Отъ центра до крайняго предѣла епископій существовало разстояніе лишь 1½ часа почтовой ѣзды по грунтовой дорогѣ. Гдѣ бы ни находился митрополитъ, черезъ 6 часовъ онъ могъ быть на мѣстѣ происшествія (3 + 3 = 6).

Но необходимо знать и количество населенія. Въ упомянутыхъ 7 губерніяхъ 10.250.180 жителей ¹⁾. Населеніе Африки, какъ полагають, доходило въ цвѣтущую пору до 8—9 милліоновъ. Но въ IV—V вв. значительный процентъ населенія составляли язычники, а остатокъ нужно раздѣлить между каеодликами и донатистами. Поэтому безъ большой погрѣшности можно признать, что на епископію приходилось 10 (рѣдко 15) тысячъ населенія. Переходъ епископовъ съ одной каеодры на другую въ Африкѣ былъ запрещенъ. Картагенскій епископъ въ Africa Proconsularis былъ, такъ сказать, митрополитомъ. Въ другихъ провинціяхъ митрополитовъ замѣняли senes—старшіе епископы; вслѣдствіе этого центръ управленія часто перемѣщался съ одного мѣста на другое. Архивъ держался въ центрѣ государственнаго управленія, но митрополитъ могъ находиться въ другомъ мѣстѣ. Епископіи главныхъ городовъ могли находиться въ зависимости отъ епископіи какой-нибудь «Черной Хижины» [Casa Nigra].

Съ точки зрѣнія надзора Африка, можно сказать, величина идеальная. Переходимъ къ другимъ мѣстностямъ. Ко времени Халкидонскаго собора (половина V в.) на основаніи существующихъ извѣстій можно установить, что на діецезъ Асію (съ Ефесомъ во главѣ) приходится 233 епископіи по 800 кв. километровъ каждая. Диѳезъ Востокъ (Ανατολή, Oriens) съ Антіохіею во главѣ не имѣетъ опредѣ-

¹⁾ Текстъ лекцій заимствованъ въ данномъ мѣстѣ изъ курса 1892/3 г. По переписи 1897 г. въ указанныхъ губерніяхъ количество населенія было около 10.892.000 жителей. Ср. Д. Менделѣевъ, Къ познанію Россіи. 4 изд. Спб. 1906, стр. 18.

ленныхъ границъ. Восточная Финикія Ливанская и Евфратія соприкасаются со степями, и границу здѣсь можно протянуть произвольно очень далеко. Принимая во вниманіе лишь строго опредѣленные границы, получимъ на Oriens (въ извѣстныхъ предѣлахъ) 95 епископій, каждая среднимъ числомъ въ 1.492 кв. километра. Понтъ представляетъ 71 епископію по 4.272 кв. километра, и, слѣдовательно, даетъ на Новгородскую епархію почти 29 епископій, на Тверскую—16, на Петербургскую—13, на Московскую—8. На Каппадокію приходится 11 епископій по 3.145 кв. километровъ.

Совсѣмъ другая практика [въ сравненіи съ латинской Африкой] была въ Египтѣ. Христіанство утвердилось здѣсь очень рано, но епископскихъ кафедръ почему-то сравнительно было немного. Тогда какъ въ Африкѣ [около 330 г.] на соборѣ въ Карфагенѣ однихъ донатистовъ-епископовъ было 270, во всемъ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ (на пространствѣ 13,760 кв. миль=666,800 кв. верстъ) было только около 100. Естественно, церковныя потребности здѣсь должны были удовлетворяться иными средствами. И дѣйствительно, самыя раннія извѣстія о приходахъ принадлежатъ именно Александріи. Уже въ началѣ арианскаго спора этотъ городъ раздѣлялся на нѣсколько частей, въ каждой изъ нихъ была церковь и специально поставленный въ ней пресвитеръ для удовлетворенія духовныхъ нуждъ ближайшихъ кварталовъ, называемыхъ лаврами. Аріи былъ пресвитеромъ Вавкалійской церкви. Положеніе приходскаго священника было тогда настолько уже твердо, что онъ могъ проповѣдывать извѣстные взгляды и составить себѣ цѣлую партію, прежде чѣмъ свѣдѣнія объ этомъ дошли до епископа. Въ Александріи было не мало приходовъ сельскихъ, даже, повидимому, двухъ-комплектныхъ. Въ Мареотѣ было до 10 деревень и приходовъ; на одномъ документѣ подписались 19 пресвитеровъ, на другомъ 15 пресвитеровъ и 14 діаконовъ. Были здѣсь и такія деревеньки, въ которыхъ не было своей церкви и которыя поэтому причислены были къ ближайшему приходу. Въ Африкѣ въ подобной мѣстности открыли бы, можетъ быть, не одну епископію; но въ Мареотѣ никогда не бывало епископа. Очевидно, александрійская приходская жизнь весьма близко подходитъ къ нынѣшней нашей.

Какъ велось дѣло въ Римѣ, удовлетворительныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ не имѣется. Аванасій говоритъ, что принявшій его въ Римѣ въ общеніе соборъ болѣе 50 епископовъ

состоялся въ той церкви, ἐνθα Βίτων ὁ πρεσβύτερος (бывшій на I вселенскомъ соборѣ) συνέχευ (συνήχευ — собиралъ народъ == отправлялъ обязанности приходскаго пресвитера). Отсюда выводъ, что Витонъ имѣлъ здѣть постоянное мѣсто служенія, потому что иначе церковь, гдѣ соборъ засѣдалъ, было бы невозможно обозначить указаніемъ на Витона. Переходъ къ приходской системѣ совершался медленно: воспоминаніемъ о прежнихъ отношеніяхъ было римское fermentum. Этотъ вопросъ, весьма темный, удалось разъяснить французскому ученому Дюшену ¹⁾).

Дѣло въ томъ, что и у насъ, когда совершается таинство евхаристіи, то та часть, гдѣ находится слово Иисусъ—«Иис», не раздается народу и не вкушается самимъ пресвитеромъ, но опускается вся въ потирь. Эта деталь литургическаго характера, вѣроятно, ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Аналогичный этому явленію римскій обрядъ долженъ былъ выразить, что во всѣ времена евхаристія—одно и то же таинство. Для выраженія этого единства евхаристіи во времени одна часть св. Тѣла не была употребляема на литургіи, но оставалась въ особомъ ковчегѣ до слѣдующей литургіи, на которой она и выносилась при встрѣчѣ епископа (подобно тому, какъ у насъ выносятся крестъ), а потомъ, по преложеніи св. Даровъ, эту частицу опускали въ потирь, а взамѣнъ ея оставляли такую же частицу отъ этой литургіи. Эта частица, опускаемая въ потирь, и называлась fermentum. На ряду съ этимъ въ Римѣ употребляли fermentum для доказательства единства евхаристіи не только во времени, но и въ пространствѣ. По освященіи св. Даровъ епископомъ, маленькія частицы св. Тѣла, называемыя fermentum, были немедленно отдѣляемы и рассылаемы во всѣ городскіе (римскіе) приходы за исключеніемъ церквей кладбищенскихъ (и, слѣдовательно, загородныхъ). Этимъ давалось понять, что, хотя вѣрующіе приобщаются гдѣ-нибудь и за Тибромъ, они приобщаются той евхаристіи, которая была совершена непосредственно епископомъ. Пресвитеръ, совершавшій богослуженіе въ приходѣ, по освященіи св. Даровъ, въ потирь опускалъ fermentum, полученный въ этотъ день отъ епископа. Такимъ образомъ, въ римской церкви духовный союзъ

¹⁾ Le Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaire par l'abbé L. Duchesne. T. I. Paris 1886, p. 169, n. 4. Cp. L. Duchesne. Origines du culte chrétien. 3 éd. Paris 1903, p. 185. А. Б.

въ приходскихъ церквахъ находить выраженіе въ обрядѣ *fermentum*. Но въ отдаленныя кладбищенскія церкви (*coemeteria*) *fermentum* не посыдалось.

Церковная жизнь въ римской церкви сложилась своеобразно и въ другихъ отношеніяхъ. Установленное число [священнослужителей] при церквахъ 25 титуловъ явилось очень рано, но параллельно съ этимъ существовала такая особенность, что во епископа посвящали чаще, чѣмъ во пресвитера или діакона. Объясняется это тѣмъ, что римская практика была антиподомъ нашей практики. У насъ на литургіи можетъ быть посвящено только три лица въ послѣдовательномъ порядкѣ: во епископа, пресвитера и діакона. Въ римской же церкви наоборотъ: пресвитеры и діаконы, по установившейся практикѣ, отдѣльно не рукополагались. Отсюда и понятны такія помѣтки о дѣятельности римскаго епископа: «епископовъ рукоположилъ столько-то (отъ 16 до 20), а пресвитеровъ рукополагалъ дважды за все время правленія». Дѣло было поставлено такъ, что за одинъ разъ рукополагалось нѣсколько пресвитеровъ и притомъ не каждый годъ. Когда чувствовалась убыль въ духовенствѣ и нужно было пополнить составъ священнослужителей, въ опредѣленный годъ назначалась хиротонія. Могли быть, правда, и другія побужденія, напр., хиротонія иногда могла служить выраженіемъ благодарности со стороны епископа своимъ сослужителямъ. Обычно избранные для хиротоніи посвящались разомъ и—главное—въ восходящемъ порядкѣ (*cursus honorum*). Низшіе клирики за одной службой посвящались и въ діаконскій и пресвитерскій санъ.

Всѣ эти лица рукополагались въ опредѣленные времена года. Уже въ V в. существовали особенныя *quatuor tempora* года, освященныя учрежденіемъ поста. Временемъ поставленія въ священныя должности избиралось четвертое декабрьское время и притомъ тѣ дни, въ которые постъ усиливался: въ среду, пятницу и субботу, какъ продолженіе пятницы. Характерною особенностью было то, что въ среду и пятницу совершалось стаціональное богослуженіе (въ большой церкви служилъ самъ епископъ). Въ среду всему народу были представляемы посвящаемые и предлагалось высказывать свои возраженія противъ ставленниковъ. Хиротонія же отлагалась до субботы, когда назначалась *vigilia* въ храмѣ св. Петра (сочельникъ), богослуженіе совершалось поздно.

Если возникало такое положеніе, что рукополагаемый пре-

свитерь назначался къ опредѣленному приходу, то при хиротоніи онъ и назывался пресвитеромъ такого-то титула. По окончаніи хиротоніи, пресвитерь былъ настолованъ: въ предшествіи папскихъ страторовъ, въ сопровожденіи специально назначеннаго епископомъ пресвитера (дружки), новопосвященный приводился въ храмъ своего титула, гдѣ садился въ кресло по правую сторону престола при пѣніи *Gloria in excelsis*, что другимъ не полагалось. Такой пресвитерь назывался кардиналомъ-пресвитеромъ. Но въ сущности достаточное количество пресвитеровъ назначалось къ каедральной церкви. И когда умиралъ пресвитерь какой-нибудь церкви, то командировался каедральный пресвитерь, который, однако, не назывался *presbyter cardinalis* ¹⁾. Приходская жизнь въ римской церкви выразилась такъ энергично, что во время стаціональных богослуженій римскіе христіане не перемѣшивались: каждый приходъ стоялъ отдѣльно и каждый приходскій пресвитерь причащаль своихъ прихожанъ дарами, освященными здѣсь. Такимъ образомъ, римская практика образовалась довольно рано.

О Константинополѣ извѣстно весьма немного. Несомнѣнно, въ началѣ V вѣка здѣсь были уже приходы и внутри города и въ предмѣстьяхъ. Такъ, напримѣръ, Сисиній былъ прежде приходскимъ пресвитеромъ Вознесенской церкви въ предмѣстьѣ—Элеѣ (*Socr.* VII, 26). При Юстиніанѣ при всѣхъ церквахъ былъ свой комплектъ клира за исключеніемъ трехъ филиальныхъ церквей, приписанныхъ къ Великой церкви, въ которыхъ богослуженіе по очереди совершалось софійскимъ клиромъ. Экономическую самостоятельность приходы константинопольскіе получили при патріархѣ Геннадіи (458—471). Его экономъ Маркіанъ предоставилъ клиру каждой церкви пользоваться ея приношеніями, тогда какъ прежде всѣ церковныя доходы поступали въ Великую церковь. Въ Антиохіи тоже приходскія церкви (въ предмѣстьяхъ) существовали уже въ IV вѣкѣ.

На западѣ приходы лишь позднѣе получили экономическую самостоятельность. Орлеанскій соборъ 511 г. постановилъ: епископъ отъ каедральной церкви получаетъ $\frac{1}{2}$, отъ другихъ церквей $\frac{1}{3}$ (*can.* 14,15). Соборъ *Carpentoractense* 527 или

¹⁾ Ср. о кардиналахъ В. В. Болотовъ, Изъ исторіи церкви сироперсидской. Христ. Чт. 1899, I, 100—101 (отд. отд. 6—7), прим. А. Б.

528 г. постановляетъ, что если епископъ достаточно состоятеленъ, доходы парохій должны идти мѣстному клиру; а если епископъ бѣденъ, онъ имѣеть право пользоваться тѣмъ, что остается сверхъ необходимаго бюджета приходскихъ церквей.

Такимъ образомъ, парикія въ смыслѣ епископіи въ нашъ періодъ представляетъ собою собирательное цѣлое, состоящее изъ простѣйшихъ единицъ и управляемое епископомъ.

Не всѣ приходскія церкви пользовались одинаковыми правами. Западъ знаетъ, что нѣкоторые пресвитеры имѣли право совершать крещеніе, другіе же, болѣе близкіе къ кафедральной церкви, этимъ правомъ не пользовались. Первые назывались деканами или приходскими архипресвитерами. Эта подробность открываетъ, что власть пресвитеровъ очерчивалась неодинаково. Въ римской церкви пресвитеры не пользовались правомъ совершения муропомазанія, каковое принадлежало только епископамъ. У насъ въ Россіи пресвитерамъ предоставлены самыя широкія права, между тѣмъ какъ на востокѣ не всѣ пресвитеры могутъ быть духовниками. Такимъ образомъ, не вездѣ и не всѣмъ пресвитерамъ предоставлялись всѣ дѣйствія.

Митрополи.

Изъ нѣсколькихъ парикій, управляемыхъ епископами, составлялась епархія, митрополитанскій округъ, параллельный гражданской провинціи и съ нею совпадавшій. Во главѣ епархіи стоялъ епископъ главнаго ея города—митрополи митрополить. Этотъ титулъ впервые встрѣчается въ правилахъ перваго вселенскаго собора (4, 6), но какъ всѣмъ извѣстный. Соборъ устанавливаетъ то, что выработала обычная практика. Особенно много данныхъ для выясненія предъ нами епархіальной жизни представляютъ правила помѣстнаго Антіохійскаго собора (333 г.). Митрополиту, какъ епископу главнаго города провинціи, естественно принадлежитъ общій надзоръ за развитіемъ церковной жизни епархіи (Ант. 9). Не стѣсняя полномочій подчиненныхъ ему епископовъ суффрагановъ, *episcopi suffraganei, ἐπαρχίαται* (Ант. 20), въ предѣлахъ ихъ парикій (Ант. 9), онъ имѣеть право визитаціи (Каро. 52/63), выработанное особенно на западѣ, является апелляціонною инстанціею по дѣламъ между епископами или по жалобамъ на епископа. Главный органъ епархіальной жизни, епархіальный соборъ,

собирается дважды въ годъ ¹⁾, подъ предсѣдательствомъ (и по приглашенію—Ант. 19, 20) митрополита (Ант. 16, 9). Ни одно важное дѣло въ епархіи (какъ напримѣръ поставленіе епископа [Ник. 6, Ант. 19]—Ант. 9) не могло состояться безъ его соизволенія. При поставленіи епископа онъ созывалъ соборъ (Ант. 19), утверждалъ его рѣшеніе (Ник. 4: *χῆρος*) и посвящалъ избраннаго. Епископы безъ *γράμματα συντακτικῆ* своего митрополита не имѣли права отлучаться изъ ввѣренной имъ епархіи (Ант. 11). О высотѣ власти митрополита говорить лучше всего то опредѣленіе Антиохійскаго собора, что «совершенный» (*τέλεια*) дѣйствительный соборъ есть тотъ, на которомъ присутствуетъ митрополитъ (16, ср. 19, 20), и что безъ митрополита епископы не должны составлять собора (20), хотя, впрочемъ, и митрополитъ не могъ безъ собора рѣшать ничего, касающагося всей епархіи (Ант. 9).

Митрополичья власть представляетъ первое образованіе въ развитіи церковнаго союза, какъ онъ сложился въ предшествующій періодъ. Это было естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, въ которыя была поставлена церковь въ государствѣ. Церковь примкнула къ даннымъ государственнаго строя, не отмѣняя того, что было выработано ею прежде, и такимъ образомъ возвышеніе нѣкоторыхъ епископовъ совершилось не на теоретической, а на практической почвѣ. Поставленіе епископовъ, находившихся въ центральныхъ городахъ, во главѣ другихъ, во многихъ случаяхъ было единственнымъ выходомъ изъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что города представлялись естественными центрами и въ отношеніи объединенія представляли наименѣе неудобствъ. Такимъ образомъ, митрополичья власть возникла незамѣтно.

Думаютъ, что различіе епископовъ по авторитету основывалось на происхожденіи той или другой катедръ отъ апостоловъ. Но происхожденіе катедръ отъ апостоловъ не имѣло бы значенія, если бы церковное значеніе ихъ не совпадало съ преимуществами политическаго положенія ихъ въ имперіи. Римъ былъ единственною столицею—*urbs orbis terrarum*, отсюда римскій епископъ имѣлъ перевѣсъ между христіанскими іерархами. Послѣ Рима въ гражданскомъ отношеніи считалась

¹⁾ Ник. 5: α) πρὸ τῆς τεσσαρακοστῆς, β) περὶ τὸν τοῦ μετοπόρου καιρόν. Ант. 20: α) μετὰ τὴν τρίτην ἑβδομάδα τῆς εορτῆς τοῦ πάσχα, τῆ τετάρτῃ ἑβδομῆδι τῆς πενήκοντῆς β) ἵσως ὀκτωβρίαις.

первой Александрія и затѣмъ Антіохія,—и въ церковномъ отношеніи за римскою каедрой слѣдовала александрійская и антіохійская, чего не могло бы быть, если бы принималось во вниманіе апостольское происхожденіе каедры. Первенствующею каедрой нужно было бы признать съ этой точки зрѣнія іерусалимскую, послѣ же разгрома Іерусалима—антіохійскую, какъ такую, въ которой впервые появилось самое названіе «христіане», и какъ основаную трудами апп. Петра и Павла. Папа римскій Иннокентій пишетъ антіохійскому епископу Александру: «ваша каедра не уступала бы нашей, если бы только она приняла останки своихъ основателей; но она была основана транзитомъ (по пути), а не довершеніемъ». Но управлялъ ли ап. Петръ римскою каедрой,—это еще вопросъ. Слѣдовательно, Антіохія по церковнымъ основаніямъ должна бы была удержать первенствующее значеніе и не уступать его римской и александрійской каедрамъ. Послѣдняя признавала свое происхожденіе только отъ евангелиста Марка, который былъ истолкователемъ Петра. Представивъ евангельскій принципъ: «нѣсть ученикъ болѣй учителя своего», мы найдемъ, что александрійская каедра никогда не могла получить первенство предъ антіохійской. Такимъ образомъ, гражданское дѣленіе имѣло большое значеніе для церковной жизни. Каедры «apostolicae» представляли изъ себя нѣчто идеальное, но жизнь считается съ положительными реальностями. Святѣйшій городъ, до котораго ни на конѣ не дойдешь, ни пѣшкомъ не дойдешь, житейскимъ центромъ быть не можетъ. Это было бы похоже на то, если бы мы, имѣя своею гражданскою столицею Петербургъ, митрополию имѣли, напримѣръ, въ Лугѣ.

Хотя римскіе епископы проводили начала, что церковь независима отъ государства, однако фактъ на лицо, что въ основѣ схемы церковнаго управленія лежитъ схема государственная. Она сложилась въ V в. и имѣетъ прецедентъ въ древней эпохѣ.

Римъ начался съ республики города, и расширеніе республики совершалось по мѣрѣ расширенія границъ самого города. Особенно важнымъ моментомъ для Рима является пріобрѣтеніе провинцій посредствомъ оружія. Эти провинціи управлялись изъ Рима. Туда посылались «на кормленіе» высшіе бесплатно служившіе сановники. Послѣдніе очень щедро восполняли расходы столичной жизни. Обычно большія про-

винці управлялись консулами въ званіи проконсуловъ, а мелкія—преторами въ званіи пропреторовъ. Когда Римъ сдѣлался имперіей, всѣ провинціи были раздѣлены на двѣ группы: внутренно замиренныя (сенатскія), и находящіяся въ полувоенномъ состояніи (императорскія). Въ провинціи первой группы были посылаемы проконсулы, совмѣщавшіе въ себѣ власть военную и гражданскую; а въ провинціяхъ второй правители пользовались военной властью (*legati Augusti pro praetore consulari potestate*). Во время принципата, какъ должно вѣрнѣе называть императорскую власть до Діоклетіана, появились другія должности и главнымъ образомъ *praefectus praetorio*. *Praefectus*—довѣренное лицо—указывало на человека, находящагося при лицѣ императора. *Praefectus praetorio* былъ прежде всего командиръ гвардейскихъ корпусовъ, находящихся въ Римѣ. При раздѣленіи имперіи во время Діоклетіана между четырьмя императорами (два августа и два кесаря) явились четыре префектуры и четыре префекта. При Константинѣ В. произошла перемѣна: изъ военной эта должность сдѣлалась гражданской. Такимъ образомъ, къ концу IV в. существовало 4 префектуры соотвѣтственно тому дѣленію, которое далъ имперіи Діоклетіанъ, и главными должностными лицами были: 1) *praefectus praetorio Orientis* (восточный), 2) *praefectus praetorio per Illyricum* (иллирійскій)—въ восточной половинѣ имперіи, и въ западной: 3) *praefectus praetorio Italiae* (италійскій) и 4) *praefectus praetorio per Galliam* (галльскій). За *praefecti praetorio* были признаны права высшей власти и всѣ ихъ рѣшенія находились внѣ апелляціи до снятія сана. Послѣ *praefecti praetorio* вторая административная инстанція—*vicarii dioecesium* (ἐξάρχου). Область, которой они завѣдывали, называлась діэцезомъ. Третью административную ступень составляли *judices ordinarii*. Область, которой они завѣдывали, называлась провинціей (*provincia*), по-гречески ἐπαρχία, тогда какъ префектура по-гречески ὑπαρχία. *Judices ordinarii*—почетное названіе, а обыкновенное—*praesides* (*rectores*, правители).

Но въ гражданскомъ управленіи допущены были нѣкоторыя уклоненія отъ этой централизаціонной схемы. Новыя узаконенія должны были считаться съ прежними: проконсульства не были отмѣнены, но власть проконсуловъ была уравнена съ викаріями. Въ восточной половинѣ были два проконсульства—въ Асіи и Ахаіи. Проконсулъ асіійскій имѣлъ пре-

имущество предъ викаріемъ, такъ какъ были провинціи, которыя были подчинены исключительно проконсулу. Въ западной половинѣ было одно проконсульство—въ Африкѣ. Въ началѣ V в., когда составилась *potitia dignitatum*, была точно опредѣлена относительная важность должностей. Первенствующее значеніе имѣла восточная префектура. Викарій восточнаго діецеца носилъ названіе *comes Orientis*. Египетъ получилъ честь самостоятельнаго діецеца, во главѣ его стоялъ *praefectus augustalis Aegypti*. Августъ объявилъ Египетъ своимъ владѣніемъ и слѣдилъ за этимъ такъ, что ни одинъ сенаторъ не могъ явиться туда, не получивъ разрѣшенія отъ самого императора. Во главѣ Египта былъ поставленъ чиновникъ отъ самого императора. *Comes Orientis* и префектъ Египта дѣйствовали съ независимостью почти префектовъ преторіи. Затѣмъ, для завѣдыванія столицами пришлось учредить особыхъ должностныхъ лицъ въ Константинополѣ и Римѣ, независимыхъ отъ префектовъ и имъ равныхъ (*praefecti urbium*). Такимъ образомъ въ самой государственной сферѣ централизація не была выдержана строго: вторая и первая степень стояли такъ близко, что почти перепутывались между собою.

Въ восточной половинѣ, *Orientalis praefectura* состояла изъ 5 діецезовъ, которые дѣлились на 46 провинцій; *Illyrica praefectura*—изъ 2 діецезовъ, которые дѣлились на 11 провинцій. Итого въ восточной половинѣ было 57 провинцій. Западная половина имперіи слагалась изъ 2 префектуръ—итальянской и галльской. *Italica praefectura* раздѣлялась на 3 діецеца и 20 провинцій. *Gallica praefectura*—на испанскую, британскую и другія 7 провинцій. Всего въ западной половинѣ, слѣдовательно, было 29 провинцій. Такимъ образомъ, вся римская имперія дѣлилась на 4 префектуры, 13 діецезовъ и 86 провинцій.

Если бы церковное дѣленіе совпадало съ гражданскимъ, то епархій было бы столько же, сколько провинцій. Но церковь жила самостоятельною жизнью. *Judices ordinarii* управляли провинціями, т. е. областями съ нѣсколькими городами, и были низшей единицей административнаго управленія; епархія же церковная была высшимъ дѣленіемъ. Церковное дѣленіе, соотвѣтствующее гражданскому дѣленію на провинціи, представляла каждая отдѣльная епископія (*paroikia*, *parocesia*, нѣм. *Parrei*, южно-русское парафія, приходъ), управляемая епископомъ. Управленіе церковное было особаго харак-

тера, соответствующее взгляду христіанъ на себя, какъ на странниковъ и пришельцевъ—*παροικοί*—«не имѣющихъ здѣ пребывающаго града».

Такъ какъ въ принципѣ *provincia*—*ἐπαρχία*, то отсюда слѣдовало бы, что было въ церкви столько митрополитовъ, сколько провинцій въ имперіи. Но *de facto* это предположеніе невѣрно, потому что практика различныхъ церквей относительно умноженія епископій была неодинакова, о чемъ можно судить уже и по объему разныхъ епископій. Кромѣ того, мы имѣемъ и положительное свидѣтельство Θεодора мопсуэсійскаго (съ 392 г.). Въ началѣ толкованія на посланія апостола Павла къ Тимоѳею онъ выражается: «сначала въ епархіи было два, много три епископа» (*τὸ πλείστον*—самое большее). Эта практика въ *большей части* западныхъ церквей держалась до недавняго времени, въ нѣкоторыхъ же сохраняется и до настоящаго времени. Но потомъ стали поставлять епископовъ не только по городамъ (*κατὰ πόλιν*), но и по мѣстечкамъ (*κατὰ τόπον*), хотя и не было къ тому побудительныхъ причинъ, такъ что съ 392—393 г. на востокѣ было больше епископовъ, чѣмъ требовалось.

Но мы должны признать, что въ церкви не могло быть столько митрополитовъ, сколько *judices* провинцій, уже и потому, что епископа должны поставлять два или три епископа. Если бы въ епархіи было два епископа и одинъ изъ нихъ умиралъ, то некому было поставить новаго. Очевидно, такая епархія не могла быть маленькимъ самостоятельнымъ организмомъ, который могъ бы жить собственной жизнью. Это говорить о томъ, что въ IV в. епархій было меньше, чѣмъ провинцій.

Θеодоръ мопсуэсійскій говоритъ о западѣ вообще, но его слова справедливы лишь для опредѣленной части запада. Сѣверная Италия и Галлія держались одной практики, а южная Италия и Африка—совсѣмъ другой. Такъ, въ половинѣ III в. римскій епископъ Корнелій созвалъ соборъ изъ 60 епископовъ, а Киприанъ изъ 90 епископовъ. Не то представляетъ сѣверъ Италии. Здѣсь Равенна и Медиоланъ могли считаться епископіями, которыя восходятъ къ началу III вѣка и даже къ концу II вѣка. Кромѣ ихъ только еще о трехъ: Аквилеѣ, Брешии и Веронѣ можно съ вѣскими основаніями сказать, что онѣ существовали раньше IV в. Въ другихъ городахъ епископіи возникаютъ очень медленно. Евсевій верчелльскій

былъ первымъ епископомъ верчелльскимъ († 370). На соборѣ Аквилейскомъ 381 г. присутствовалъ 3-й епископъ павійскій (ticinensis). Въ городѣ Комо первый епископъ былъ рукоположенъ Амвросіемъ Медиоланскимъ (съ 374, † 397), въ Новару первый епископъ поставленъ преемникомъ Амвросія.

ЭКЗАРХАТЫ.

По аналогіи съ государственнымъ устройствомъ можно ожидать или того, что надъ митрополитами будутъ возвышаться еще двѣ степени епископскаго сана, или того, что эти степени не получаютъ полного развитія и сольются въ одну. Случилось, пожалуй, и то и другое: развитіе высшихъ степеней представляетъ еще большую путаницу, чѣмъ отношенія между гражданскими властями.

Повидимому, полную аналогію гражданскимъ викаріямъ—экзархамъ діецезовъ, и префектамъ преторій представляютъ церковныя степени архіепископовъ, или экзарховъ діецезовъ, и патріарховъ. Но послѣдняя церковная степень не совпадаетъ съ предполагаемымъ гражданскимъ прототипомъ уже и потому, что 4 восточныхъ патріархата умѣстились на территории одной восточной префектуры, а западный римскій патріархатъ распространился въ остальныхъ трехъ префектурахъ. А затѣмъ, экзархи церковные представляютъ чисто рудиментарную форму, подавленную развитіемъ патріархатовъ,— титулъ безъ соотвѣтствующаго реальнаго значенія: экзархатъ— это неудавшійся патріархатъ, равно какъ и патріархатъ— задержанная въ своемъ развитіи высшая митрополія.

Начало развитію [экзархатовъ, respective—] патріархатовъ полагають даннымъ еще въ предшествующій періодъ. Уже тогда въ ряду христіанскихъ епископій выдѣлялись такъ называемыя *sedes apostolicae*, и между ними особенно были знамениты Римъ, Александрія, Антиохія,—эти три столицы римскаго міра, города, въ которыхъ церковное значеніе совпадаетъ съ политическимъ. Посланіе собора антиохійскаго 269 г. адресовано было Діонисію римскому и Максиму александрійскому. Это были каѳедры, черезъ посредство которыхъ различныя части христіанскаго клира вступали въ сношенія между собою. Ихъ роль въ этомъ дѣлѣ была самая естественная. Чтобы епископъ восточный адресовался къ какому-нибудь епископу пренестинскому или тмуитскому, или

игальянскій—къ епископу аназарвскому,—это такая же невѣроятность, какъ въ наши дни посланіе французскихъ епископовъ, адресованное въ Курскъ или Енисейскъ. Естественно, значеніе Рима, Антиохіи и Александріи черезъ это возвышалось. Вопросъ лишь о томъ, насколько видное мѣсто въ этомъ преимуществѣ чести занимали преимущества власти?

Никейскій соборъ въ 6 канонѣ опредѣлилъ, чтобы сохранялись древніе обычаи, чтобы александрійскій епископъ завѣдывалъ Египтомъ, Ливією и Пентаполемъ, какъ римскій завѣдуетъ 10 *provinciae suburbicae*, чтобы древніе обычаи хранились и на востокѣ съ соблюденіемъ преимуществъ антиохійской церкви. Этотъ канонъ легъ на послѣдующихъ соборахъ въ основу патриархальнаго строя восточной церкви. Это фактъ. Но дѣйствительно ли Никейскій соборъ говоритъ о патриархахъ, хотя бы въ зародышѣ? На этотъ вопросъ теперь отвѣчаютъ отрицательно. Если характерною чертою сана митрополита служить то, что онъ стоитъ во главѣ провинціального собора, представляющаго вторую инстанцію въ церковномъ судѣ и управленіи, и посвящаетъ своихъ суффрагановъ-епископовъ, то характерною чертою патриарха должно служить то, что онъ стоитъ во главѣ діоцезальнаго собора, представляющаго третью инстанцію церковнаго суда и управленія, и своими суффраганами имѣетъ митрополитовъ, имъ поставляемыхъ. Эти черты патриаршей власти не подходятъ къ тому церковному строю, какой представляютъ Римъ, Александрію и Антиохію въ началѣ нашего періода. Римскій епископъ не имѣлъ въ средѣ своихъ подчиненныхъ подгородныхъ епископовъ ни одного митрополита; это были просто епископы суффраганы, собиравшіеся только въ Римѣ на соборъ. Слѣдовательно, Римъ представлялъ въ гражданскомъ отношеніи діоцезъ, но въ церковномъ—только «провинцію» или епархію. То же утверждаютъ и объ Александріи. Область ея юрисдикціи совпадала съ предѣлами египетскаго діоцеза, заключала нѣсколько гражданскихъ провинцій, но въ церковномъ отношеніи всѣ онѣ стояли подъ однимъ главою—александрійскимъ архіепископомъ,—титулъ, который впервые встрѣчается въ исторіи у Аванасія В. въ приложеніи къ александрійскому Петру. Митрополитовъ въ собственномъ смыслѣ не знала древняя александрійская церковь. Египетъ, Ливія и Пентаполь представляли въ IV вѣкѣ огромную епархію, а не діоцезъ, и александрійскій епископъ былъ митрополитомъ, а

не патриархомъ. Наконецъ, отношенія антиохійскаго епископа къ его суффраганамъ и митрополитамъ восточнаго діецеа (гражданскаго) даже и въ позднѣйшее время не вполне выяснены, и тѣмъ менѣе вправѣ мы предполагать подѣ преимуществами антиохійской церкви, о которыхъ говоритъ Никейскій соборъ, права патриарха. Словомъ, 6 канонъ никейскій, какъ видно изъ его заключенія, говоритъ лишь о митрополитахъ.

Никейскій соборъ, опредѣливъ преимущества нѣкоторыхъ митрополитовъ, не указалъ, въ чемъ же должно выразиться это преимущество. Было бы рискованно утверждать, что уже Никейскій соборъ предполагаетъ существованіе патриархатовъ—экзархатовъ. Но конечно возможно, что епархіи объединились въ видѣ діецеа, и тогда епископы, стоявшіе во главѣ діецеа (=первенствовавшіе въ діецезѣ) должны были получить названіе экзарховъ (*ἐξάρχος*=*vicarius*; титулъ «*vicarius*» извѣстенъ и въ церковной жизни запада, но тамъ онъ имѣетъ смыслъ совсѣмъ другой: *vicarius romani episcopi*). Но въ дѣйствительности прошла ли церковь и черезъ эту форму діецеазальнаго союза?

Повидимому, первый шагъ къ этому переходу содержится въ рядѣ постановленій Антиохійскаго собора, который ученые произвольно приурочиваютъ къ 341 году. Приблизительно этотъ соборъ былъ собранъ около 333 года ¹⁾. Изъ его пра-

¹⁾ Въ исправленной самимъ В. В. Болотовымъ записи его лекціи 15 октября 1899 г. оставлена въ этомъ мѣстѣ цифра „331“, но повидимому это есть лишь недосмотръ, такъ какъ не только въ записи (неисправленной) слѣдующей лекціи 20 октября стоитъ дата „333“, но и въ докладѣ его въ комиссіи по вопросу о реформѣ календаря въ засѣданіи 31 мая 1899 г. (Приложеніе V, стр. 35) читается: „около 333 г.“. Го же и въ трудѣ „Изъ исторіи церкви сиро-персидской. Экскурсъ Г. Что знаетъ о началѣ христіанства въ Персіи исторія?“ Христ. Чит. 1900, I, 436 (отд. отд. 108), прим. 43. Ср. также его замѣтку о книгѣ: Каноны важнѣйшихъ древне-церковныхъ соборовъ вмѣстѣ съ апостольскими правилами, изд. проф. Фр. Лаухерга. Хр. Чтеніе, 1896, II, 183, гдѣ лишь упоминается предлагаемая Баллерини и принятая Вассершлебенюмъ дата „332 г.“ (вмѣсто „Схельстратена“ здѣсь должно стоять имя „Баллерини“). Свящ. Д. А. Лебедевъ въ „Богосл. Энциклопедіи“ проф. А. П. Лопухина, изд. подѣ ред. проф. Н. Н. Глубоковскаго, т. XII (1911), 910: „между 330—335 г.г.“. E. S c h w a r t z, Zur Geschichte des Athanasius. VIII, въ Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-historische Klasse. 1911. Heft 4, S. 389—397 (ср. также VI, 1905, Heft 3, S. 281 Anm. 1) склоненъ относить этотъ соборъ къ еще болѣе раннему времени, къ 328 или 329 году. А. Б.

виль имѣють значеніе въ этомъ случаѣ 20, 12, 15 и 14. Первое изъ этихъ правилъ твердо поддерживаеъ епархію въ значеніи церковной единицы: оно опредѣляетъ, чтобы два раза въ годъ собирались епархіальные соборы: 1-й послѣ Пасхи на четвертой недѣлѣ (праздникъ «преположеніе» получилъ названіе на языкѣ эоіопскомъ: «гакаб», что значить «встрѣча»), 2-й предполагался осенью 15 октября (по датѣ римской, но по сиромакедонской датѣ 10 октября—видимо, древняя ошибка: δεκάτη неправильно вмѣсто πεντεκαδεκάτη). 12 правило говорить о большемъ соборѣ епископовъ (ἡ μείζων ἐπισκόπων σύνοδος). Это поясняется правилами 15 и 14. Если соборъ по дѣлу епископа,—епархіальный соборъ,—придетъ къ единогласному рѣшенію, то это рѣшеніе окончательно и безапелляціонно. Если на соборѣ большинство признаетъ виновнымъ епископа, а меньшинство не признаетъ этого, то митрополитъ — предсѣдатель на соборѣ—приглашаетъ нѣкоторыхъ епископовъ изъ сосѣдней епархіи, и этотъ соборъ и долженъ рѣшить дѣло. Этотъ соборъ въ существѣ своемъ былъ тотъ же епархіальный, но только расширенный (дополненный новыми членами). Но какъ быть, если и этотъ соборъ не придетъ къ окончательному рѣшенію, этого правило не предусмотрѣло.

Такимъ образомъ, Антиохійскій соборъ вовсе не свидѣтельствуеъ о возглавленіи епархіальнаго союза чрезъ діоцезальный. И рѣчи нѣтъ о соборѣ, представляющемъ *полный* діоцезъ. Предсѣдатель на этомъ Антиохійскомъ соборѣ былъ Евсевій кесарійскій, умудренный опытомъ, привѣтствовавшій новыя отношенія государства къ церкви. Но на этой почвѣ скоро появились и тернія. Недовольные соборомъ епископы начали обращаться къ суду императора. Это вело, конечно, къ вмѣшательству гражданской власти въ церковныя дѣла. Противъ этого явленія и возстаетъ Антиохійскій соборъ съ его многоопытнымъ предсѣдателемъ. Постановляютъ: если какой низложенный епископъ (пресвитеръ, діаконъ) вмѣсто апелляціи къ большому собору досаждаеъ царю, то ipso facto епископъ утрачиваетъ всякую надежду на возстановленіе. Такимъ образомъ, соборъ заботится только о томъ, чтобы создать апелляціонную церковную инстанцію для пересмотра рѣшеній епархіальныхъ соборовъ, чтобы отнять *raison d'être* у апелляцій къ императору. Вотъ и все. Учрежденіе «большаго собора» не имѣетъ еще точныхъ очертаній. Не сказано опредѣленно, изъ какой именно епархіи нужно вызывать епископовъ для новаго собора.

Представимъ такое положеніе. Въ Каппадокіи II возникло такое дѣло, для рѣшенія котораго необходимо пригласить сосѣднихъ епископовъ. Такими сосѣдами могли считаться епископы Каппадокіи I и Киликіи; и тѣ и другіе относятся къ восточной префектурѣ, но къ различнымъ діецезамъ. Обязанъ ли былъ митрополитъ дать предпочтеніе епископамъ изъ Каппадокіи? Разъ это правило было неопредѣленно, то усмотрѣнію митрополита представлялся широкій просторъ. Если лица расходились въ вопросѣ о виновности епископа, то могли расходиться и въ опредѣленіи тѣхъ лицъ, которыхъ должно было вызывать. Митрополитъ могъ вызвать тѣхъ лицъ, въ которыхъ надѣялся встрѣтить себѣ союзниковъ. Предположимъ, что епископа судятъ за то, что онъ перешелъ на другую кафедру по причинамъ, по его мнѣнію, основательнымъ. Можно было пригласить такихъ епископовъ, которые принципиально были противъ перехода епископа на другую кафедру. Такъ, напримѣръ, случилось и на II вселенскомъ соборѣ, когда прибытіе египетскихъ и македонскихъ епископовъ уже напередъ рѣшало дѣло противъ Григорія Богослова. Такимъ образомъ уже неясность правила дѣлала необходимымъ его дальнѣйшее разъясненіе въ исторіи.

Итакъ: «большій соборъ», о которомъ идетъ рѣчь въ правилахъ антиохійскаго собора, еще не былъ соборомъ діецеальнымъ.

Антиохійскій соборъ 333 г. знаетъ еще только митрополитовъ. Главною формою епархіальнаго союза является еще епархія, не діецезъ. Надъ епархіальнымъ соборомъ возвышается, какъ апелляціонная инстанція, большій соборъ, на который приглашались епископы сосѣдней епархій, — зародышъ, изъ котораго развились потомъ правильные соборы діецеа; но еще не видно, чтобы это былъ соборъ цѣлаго діецеа. Но соборъ Константинопольскій 381 г. во 2 правилѣ ставитъ уже вопросъ о діецезѣ, какъ административной единицѣ, хотя и не совсѣмъ ясно. Это постановленіе второго правила имѣло прецедентомъ образъ дѣйствій Петра александрійскаго. По перепискѣ съ Григоріемъ Богословомъ онъ, можно думать, былъ согласенъ, чтобы епископъ сасимскій занялъ константинопольскую кафедру. Въ дѣйствительности же, какъ епископъ египетскій, Петръ былъ противъ перехода, и не безъ его инициативы египетскіе епископы поставили въ Константинополь Максима Киника. Такъ какъ Константинополь въ со-

ставъ египетскаго дієцеза не входилъ, то вмѣшательство египтянъ въ константинопольское дѣло нарушало границы не только епархіальныя, но и дієцезальныя. Поэтому на соборѣ и постановлено, чтобы епископы не вмѣшивались въ дѣла другихъ дієцезовъ, но чтобы епископы еракійскаго дієцеза вѣдали бы дѣла только своего дієцеза, асійскаго, понтійскаго—тоже; епископъ антиохійскій и подвѣдомые ему епископы—дѣла дієцеза восточнаго; епископъ александрійскій—дѣла египетскія. Но определенной организаціи для завѣдыванія дієцезальными дѣлами не указано было и въ 381 г.; лишь правило антиохійскаго собора пояснено въ томъ отношеніи, что епископовъ слѣдовало брать на больший соборъ изъ сосѣднихъ епархій въ своемъ же дієцезѣ.

Такимъ образомъ, первое образованіе высшей единицы церковнаго союза падаетъ на смутное время каноническихъ отношеній, какое представляетъ эпоха аріанскихъ споровъ. Эти высшія единицы носятъ названія архіепископій, экзархатовъ, наконецъ, патриархатовъ. Титуль архіепископа становится общепотребительнымъ въ приложеніи къ епископамъ римскому, константинопольскому, александрійскому, антиохійскому около времени Ефесскаго собора. Экзархомъ въ первый разъ называется въ актахъ собора Антиохійскаго 448 года Домнъ антиохійскій, здѣсь же называемый архіепископомъ. Титуль патриарха сперва (въ сочиненіяхъ Григорія Назіанзина) прилагается ко всѣмъ епископамъ, преимущественно же къ престарѣлымъ и особенно уважаемымъ; въ актахъ собора Халкидонскаго употребляется въ смыслѣ, близкомъ къ тому, который утвердился за нимъ впослѣдствіи; но здѣсь есть рѣчь о патриархахъ каждаго дієцеза, слѣдовательно, «патриархъ» еще не отличается строго отъ экзарховъ или архіепископовъ. Сократъ [V, 8],—едва ли, впрочемъ, не по ошибкѣ,—прилагаетъ его къ тѣмъ епископамъ, которые, какъ испытанные въ своей вѣрѣ, получили отъ константинопольскаго собора 381 г. полномочія принимать заблуждавшихся въ общеніе съ церковью.

Соотвѣтствующее этимъ названіямъ положеніе вырабатывается мало по малу. Начатки экзархатовъ встрѣчаются уже въ IV вѣкѣ. Такъ уже Василій В. дѣйствуетъ не только какъ митрополитъ кашпадокійскій, но и какъ экзархъ всего понтійскаго дієцеза, и это вліяніе его на церковныя дѣла другихъ епархій было, видимо, юридической природы. Онъ

простираетъ церковное попеченіе на великую и малую Арменію, считаетъ своею обязанностью поставленіе епископа въ митрополию галатійской епархіи—Анкиру. Преемникъ Василія В., **Элладій**, ставитъ митрополита виоинскаго (епископа никоmidtского). Митрополиты въ различныхъ епархіяхъ Понта между тѣмъ существуютъ, и нѣкоторые изъ нихъ простираютъ свое вліяніе даже на дѣла другихъ провинцій. Такъ митрополитъ анкирскій по древнему обычаю ставитъ митрополита въ Гангру пафлагонскую. Что касается асійскаго діецеца, то первенствующій митрополитъ его, епископъ ефесскій, также имѣетъ власть, напоминающую экзарха. По крайней мѣрѣ современникъ Златоуста, Антонинъ ефесскій, ставитъ епископовъ въ лидійской епархіи. Первенствующій митрополитъ еракійскаго діецеца, митрополитъ ираклійскій, около времени Ефесскаго собора простираетъ свое церковное вліяніе по крайней мѣрѣ на Гемимонтъ. Наконецъ, фактъ поставленія Флавіана антиохійскаго епископами не только его епархіи, но и цѣлаго восточнаго діецеца, свидѣтельствуеетъ о значеніи антиохійскаго іерарха, простирающемся дальше предѣловъ его епархіи.

Такимъ образомъ, намѣтились 4 церковныхъ центра, изъ которыхъ могли бы образоваться экзархаты или патріархаты, границы которыхъ могли бы совпадать съ границами діецезовъ. Но церковная и политическая жизнь сложилась такъ, что въ предѣлахъ восточнаго діецеца возникъ новый центръ, патріархатъ іерусалимскій, а развитіе экзархатовъ понтійскаго, асійскаго и еракійскаго было подавлено образованіемъ патріархата константинопольскаго. Халкидонскій соборъ, положившій твердыя основы патріархальному строю своимъ опредѣленіемъ объ отношеніи между патріархами и митрополитами, санкционировалъ и эти перемѣны.

Дальнѣйшее развитіе вопроса о церковной организаціи и дано на Халкидонскомъ соборѣ. Діецезъ существуетъ не только какъ опредѣленная единица, но имѣетъ и свое назначеніе. На рѣшеніе митрополита можно апеллировать или къ экзарху діецеца (по прав. 9 Халкид. собора), или къ престолу царствующаго града. Такимъ образомъ, къ 451 году экзархаты—діецезы были опредѣленными величинами. Но съ діецезальной формой церковнаго союза это правило въ сущности уже кончается. Представляется такая альтернатива: или апеллировать къ экзарху, или въ Константинополь, а 28 правило разъясняетъ эту альтернативу.

ПАТРИАРХАТЫ.

а) Константинопольскій патриархатъ.

Константинопольская церковь не могла похвалиться ни древностью происхожденія, ни апостольскимъ основаніемъ (sedes apostolica). Сказаніе объ основаніи въ Константинополѣ апостольской церкви было заявлено позднѣе. Слѣдовательно, Константинополь въ чисто церковномъ смыслѣ не имѣлъ такихъ привилегій, какія падали на долю другихъ церквей восточныхъ. Въ основѣ возвышенія константинопольской кафедръ лежало положеніе ея, какъ столичной. Въ первыя десятилѣтія IV в. свѣдѣнія о состояніи константинопольской кафедръ очень смутны. Григорій Назіанзинъ (предъ вторымъ вселенскимъ соборомъ) засталъ мало православныхъ въ Константинополѣ, такъ какъ въ то время тамъ господствовали аріане. Но уже второй вселенскій соборъ уравнивалъ константинопольскаго патриарха съ Римомъ и другими апостольскими кафедрами.

Возвышеніе новой кафедръ вообще встрѣчалось несочувственно со стороны апостольскихъ кафедръ. Доказательствомъ этого можетъ служить исторія Ювеналія іерусалимскаго, а особенно исторія охридскаго патриархата. Съ подобнымъ чувствомъ было встрѣчено и возвышеніе константинопольскаго патриарха, особенно со стороны александрійскаго патриарха, который пользовался самымъ большимъ авторитетомъ на востокѣ. Возвышеніе константинопольскаго епископа прямо затрогивало права патриарха александрійскаго. Поэтому, когда начала образовываться единица, авторитетъ которой утверждался не на древности, а на близости къ свѣтской власти, въ Александріи стали тревожиться. Уже когда Евсевій изъ Вирита перешелъ на никомидійскую, въ то время столичную кафедру, александрійскій патриархъ обратилъ на это вниманіе. Александръ александрійскій указывалъ, что напрасно Евсевій думаетъ, будто отъ него все зависитъ. Тотъ же Евсевій перемѣнилъ Никомидію на Византію, когда столица перешла туда.

Въ своихъ претензіяхъ александрійскій патриархъ не могъ, однако, опираться на какія-нибудь права или практику кромѣ того случая, когда Аѳанасій В., возвращаясь изъ ссылки, поставилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископовъ внѣ предѣловъ

александрійскаго патріархата. Въ этомъ однако нельзя видѣть указанія на власть александрійскаго патріарха, но только то, что для многихъ мѣстностей въ то время нельзя было другимъ способомъ получить канонически правильно поставленныхъ епископовъ. Не смотря на это, уже Петръ александрійскій заявилъ притязанія на авторитетъ и въ Константинополѣ. Опъ задумалъ дать Константинополю епископа въ лицѣ Максима Киника. Для этого въ Константинополь отправился цѣлый соборъ александрійскихъ отцовъ. Такъ какъ открыто имъ нельзя было осуществить свой планъ, то они прибѣгли къ уловкѣ: задумали поставить Максима ночью, но граждане помѣшали хиротоніи. Тогда хиротонію окончили въ домѣ какого то флейтиста. Максимъ, однако, не утвердился въ Константинополѣ и оказался неудобнымъ для самого Петра: сталъ интриговать противъ него въ Александріи съ цѣлью занять его мѣсто.

Фактъ этотъ весьма ясно говоритъ о притязаніяхъ александрійской каѳедры по отношенію къ константинопольской. Противъ этого собственно и направлено 3 правило второго вселенскаго собора, хотя и выражено въ деликатной формѣ. 3 правиломъ требуется, чтобы епископы вообще не выходили въ дѣлѣ власти изъ предѣловъ своего діоцеза. Но ясно было, противъ кого направлено было это правило: притязанія на власть внѣ своего діоцеза заявилъ въ то время только александрійскій епископъ. Какъ отнесся къ этому постановленію Тимофей александрійскій, точно неизвѣстно. Есть указанія, что онъ уѣхалъ съ собора, не подписавъ, по крайней мѣрѣ, части его опредѣленій.

Со второго вселенскаго собора константинопольскій патріархъ занялъ второе мѣсто; первое предоставлено было римскому епископу. Египеть, въ пору расцвѣта своей церковной жизни, никакъ не могъ помириться съ этимъ правиломъ, такъ какъ оно направлялось противъ епископа александрійскаго. Не смотря на то, что это правило не затрогивало, повидимому, римскаго епископа, ибо оставляло за нимъ первенство, тѣмъ не менѣе оно и его било, и тѣмъ обиднѣе, что било, такъ сказать, негласно. По особенностямъ своего положенія римская каѳедра должна была стремиться обосновать свои прерогативы на церковномъ своемъ значеніи, а здѣсь, въ правилѣ второго вселенскаго собора, римскій епископъ провозглашался первымъ только по значенію самого города Рима, какъ древней

столицы. Съ этою точкой зрѣнія Римъ никакъ не могъ помириться. Такимъ образомъ, создавались два союзника противъ возвышенія Константинополя: Александрія и Римъ. Точка зрѣнія римскихъ епископовъ въ данномъ случаѣ была очень странна. Ополчаясь противъ вселенскихъ преимуществъ Константинополя, Римъ говорилъ, что онъ отстаиваетъ никейскій канонъ. Но этотъ канонъ вовсе не затрогивалъ указаннаго церковнаго вопроса, такъ какъ въ 325 году и самаго Константинополя, какъ новаго Рима, еще не существовало, и было, слѣдовательно, очень страннымъ ссылаться на никейскій канонъ, когда самъ объектъ, т. е. Константинополь, въ послѣднемъ смыслѣ въ правилѣ не упоминается. Никейскій соборъ лишь обсуждалъ положеніе александрійскаго епископа въ его діоцезѣ, а никакъ не устанавливалъ распорядка главныхъ кафедръ; онъ говорилъ лишь о древнихъ привилегіяхъ. И, однако, борьба велась подъ знаменемъ стоянія за 6 канонъ I вселенскаго собора.

Буквальный смыслъ 3 канона Константинопольскаго собора предоставилъ константинопольской кафедрѣ весьма большую честь, но ни малѣйшей власти: епископъ столицы не былъ изъять даже отъ іерархической зависимости отъ своего митрополита, епископа ираклійскаго. Но Нектарій константинопольскій умѣлъ повести дѣла такъ, что буквальное толкованіе канона скоро сдѣлалось невозможнымъ. Еще арианскіе епископы столицы создали достаточное количество прецедентовъ, которыми можно было воспользоваться и ихъ каеодическимъ преемникамъ. Еще Македоній ставилъ епископовъ въ сосѣднія епархіи съ Константинополемъ; митрополія Геллеспонта, Кизикъ, съ давнихъ поръ была замѣщаема изъ Константинополя: открывалась, слѣдовательно, возможность вмѣшательства въ дѣла асійскаго діоцеза. Самъ Нектарій получилъ отъ Амвросія медіоланскаго письмо—съ просьбою о низложеніи митрополита никомидійскаго Геронтія, поставленнаго Элладіемъ кесарійскимъ; слѣдовательно, отъ запада исходило косвенное признаніе правъ Константинополя надъ понтійскимъ діоцезомъ.

Несомнѣнно, что стремленія антїохійскихъ отцовъ (333) потерпѣли неудачу: какъ ни старались они воспретить аппелляціи къ императору, но сама жизнь и обстоятельства не давали фактически осуществиться ихъ стремленіямъ. Извѣстенъ случай съ Порфиріемъ газскимъ. Его церковное стадо подвергалось всевозможнымъ гоненіямъ со стороны язычниковъ, и онъ.

естественно, принужденъ былъ искать защиты у императора: не къ собору же ему обращаться въ этомъ случаѣ. А императоръ, естественно, могъ освѣдомиться у константинопольскаго епископа о такомъ или иномъ положеніи церковныхъ дѣлъ, какъ у лица, близко стоявшаго къ церковной жизни вообще. Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи константинопольскаго епископа оказалась цѣлая совокупность дѣлъ. А такъ какъ по древнимъ церковнымъ правиламъ епископы, даже облеченные привилегіями, должны были рѣшать дѣла *synodaliter*, а не единоличною властью (это отразилось даже и на языкѣ посланій: обыкновенно въ началѣ послѣднихъ употреблялось 2 лицо ед. ч., а далѣе имѣлось обращеніе въ родѣ «вы», или «вы святѣйшіе»), то и константинопольскій епископъ долженъ былъ выработать такой соборъ. Созывать же соборъ было не во власти константинопольскаго епископа, ибо онъ былъ лишь *ἐπαρχικός* (суффраганъ) епископа ираклійскаго, отъ котораго и зависѣло созваніе собора. Такимъ образомъ, соборъ константинопольскаго епископа не могъ быть ни епархіальнымъ, такъ какъ на него не приглашались всѣ епископы провинціи, ни діецезальнымъ, ибо на немъ не участвовали всѣ епископы оракійскаго діецеза: это былъ лишь *σύνδος ἐνδημοῦσα*. По смыслу греческой терминологіи *ἀποδημεῖν* значило отсутствовать. Посему и *σύνδος ἐνδημοῦσα* состоялъ только изъ тѣхъ епископовъ, которые въ данный моментъ почему-либо находились въ столицѣ, и компетенція такого собора не могла имѣть опредѣленныхъ границъ. Сюда могли попадать дѣла самыхъ разнообразныхъ діецезовъ, и подобныя явленія начались очень рано.

Нужно имѣть въ виду, что выборъ, упавшій на тарскаго сенатора Нектарія (381—397), былъ удаченъ. Въ лицѣ его восшелъ на константинопольскую кафедру не великій богословъ, а человекъ, умудренный опытомъ, умѣвшій вести дѣла чрезвычайно тактично. При немъ въ 394 г. былъ соборъ при участіи епископовъ, между прочимъ и александрійскаго Теофила и антиохійскаго Флавіана,—подъ предѣлательствомъ самого Нектарія. Въ этомъ можно видѣть возвышеніе константинопольскаго патріарха. На это впрочемъ можно возразить то, что соборъ былъ въ его епархіи и поэтому предѣлательство принадлежало ему по праву. Подобное же явленіе мы наблюдаемъ и въ спорѣ изъ-за боцрской кафедры двухъ епископовъ, Агапія и Вагадія. Обсуждалось на константинопольскомъ соборѣ дѣло, касавшееся діецеза *Oriens*. Рѣшеніе

его,—достойно замѣчанія,—принимается даже такими лицами съ сепаратистскими мнѣніями, какъ Теофілъ александрійскій.

При Златоустѣ (398—405) права Константинополя фактически распространялись на Фракію съ 6 провинціями, Асію съ 11 и Понтъ съ 11,—всего 28 провинцій. Такимъ образомъ, фактически Константинополь перешелъ границы, указанные соборомъ 381 года. Златоустъ проявлялъ свою дѣятельность фактически: онъ долженъ былъ прибыть въ Ефесъ, чтобы поставить тамъ епископа или, лучше сказать, экзарха; здѣсь же онъ низложилъ и 6 епископовъ асійскихъ, повинныхъ въ симоніи. Въ концѣ концовъ состоялся соборъ въ Дубѣ (403), низложившій Златоуста. Этотъ соборъ былъ глухимъ протестомъ противъ константинопольскаго епископа съ его привилегіями и попыткой возвратиться къ начальнымъ (древнимъ) порядкамъ. Присутствовавшій на соборѣ Теофілъ александрійскій дѣлалъ видъ, что онъ какъ будто присутствуетъ на обычномъ епархіальномъ соборѣ—подъ предсѣдательствомъ епископа Павла ираклійскаго. Однако все это не отразилось на власти константинопольскаго епископа.

При Аттікѣ (406—425) власть Константинополя проявлялась въ тѣхъ же размѣрахъ. Онъ назначилъ епископа въ Никее (въ Понтѣ асійскомъ); онъ, наконецъ, преемственно перевелъ епископа Сильвана сначала на кафедру филиппопольскую, а затѣмъ въ Троаду. Дѣло въ этомъ направленіи зашло такъ далеко, что въ 421 году былъ выхлопотанъ у императора Θεодосія младшаго законъ, по смыслу котораго никакія церковныя дѣйствія въ Асію, Фракію и Понтъ не могли происходить безъ вѣдома константинопольскаго епископа. При римскомъ папѣ Бонифатіи I (418—422) были даже попытки подчинить константинопольской кафедрѣ восточный Иллирикъ.

При Сисинніи (426—428), мужѣ, по сказанію историковъ, святой простоты и простой святости (*vir sanctae simplicitatis et simplicis sanctitatis*), дѣло было приняло обратный ходъ. Городъ Кизикъ не принялъ поставленнаго константинопольскимъ епископомъ епископа. Скоро представителемъ древняго строя александрійскимъ патріархомъ одержана была новая побѣда. При Кириллѣ александрійскомъ былъ низложенъ константинопольскій патріархъ Несторій (428—431), какъ еретикъ. Инициатива принадлежала александрійскому епископу; онъ же предсѣдательствовалъ и на соборѣ. Это выдвигало значеніе александрійскаго патріарха. Что въ этомъ дѣлѣ руководила по-

слѣднимъ не одна догматическая сторона дѣла, это можно выводить изъ предшествовавшего. Преемникъ Несторія, Максиміанъ (431—434), человекъ не особенно дѣятельный, стоялъ въ нравственной зависимости и даже, можетъ быть, пользовался руководствомъ александрійскаго патріарха.

Но уже при св. Проклѣ (434—447) дѣло константинопольскаго патріарха пошло опять на повышение. Впрочемъ, изъ Рима косвенно поддерживали Александрію. Тамъ высказывали то мнѣніе, что съ Прокломъ согласны въ догматическомъ отношеніи, но не въ отношеніи управленія. Послѣдній ударъ противъ константинопольскаго патріарха направленъ былъ на разбойничьемъ соборѣ (449), когда осужденъ былъ Флавіанъ (447—449), а епископомъ константинопольскимъ былъ поставленъ Анатолій.

Можно сказать, что возвышеніе константинопольской кафедры до положенія дѣйствительнаго экзархата является дѣломъ Анатолія константинопольскаго (449—458). Въ первый разъ Анатолій явился въ Константинополь въ качествѣ діакона и апокрисиарія александрійскаго патріарха Діоскора. Это былъ человекъ дѣла, отлично пользовавшійся обстоятельствами времени, прошедшій настоящую практическую школу. Рѣшившись бросить своего архіепископа (который никакъ не могъ ожидать такого шага отъ своего апокрисиарія), Анатолій извлекъ изъ обстоятельствъ все возможное для возвышенія своей кафедры.

Правило 28 Халкидонскаго собора послужило краеугольнымъ камнемъ значенія и могущества константинопольской кафедры, хотя оно, собственно, только разъясняетъ 3 правило II вселенскаго собора. Особенно важно самое начало 28 правила Халкидонскаго собора, въ которомъ отцы собора точно и подробно выяснили, какой смыслъ нужно соединять съ кратко выраженными понятіями 3 правила II вселенскаго собора, и установили, въ частности, что римская кафедра обязана своимъ возвышеніемъ столичному положенію города. На этомъ основаніи рѣшили, что константинопольская кафедра стоитъ того, чтобы ее почтить равнымъ преимуществомъ и сдѣлать вторымъ Римомъ. За константинопольскимъ патріархомъ права его были утверждены въ отношеніи къ тремъ діоцезамъ: вѣркійскому, асійскому и понтійскому. Митрополиты въ нихъ поставлялись константинопольскимъ епископомъ.

Не для всѣхъ отцовъ этотъ заключительный результатъ предносился, когда начался соборъ. По поводу нѣсколькихъ

дѣлъ въ предшествующихъ правилахъ Халкидонскій соборъ предоставилъ константинопольскому патріарху преимущества не довольно твердыя (пр. 9). Противъ опасенія, что какой-нибудь епископъ причислитъ къ своей епархіи сосѣдніе приходы, сказано, что этотъ епископъ безспорно удерживаетъ власть надъ ними, если управлялъ ими въ теченіе 30 лѣтъ. А если другой епископъ считаетъ себя обиженнымъ, — говорится далѣе, — то онъ имѣетъ право жаловаться на соборѣ. Если же и самъ митрополитъ присвоитъ приходъ, то жаловаться на соборѣ неудобно: митрополитъ предсѣдательствуетъ. На него предоставляется жаловаться или экзарху, или каедрѣ константинопольской. Этимъ были поставлены въ *concursum* константинопольскій патріархъ и экзархъ. Выраженіе, употребленное здѣсь, было такого рода, что, если, напримѣръ, во еракійской епархіи возникало пререканіе между адрианопольскимъ митрополитомъ и епископомъ, то епископъ обращался въ Ираклію или въ Константинополь, т. е. или къ экзарху или къ константинопольскому патріарху. Точно также, если возникали пререканія между архіепископомъ тианскимъ и его подчиненнымъ епископомъ, то опять можно было обращаться въ Кесарію къ экзарху или въ Константинополь. Но въ 28 правилѣ IV вселенскаго собора права константинопольской каедры въ предѣлахъ трехъ діезезовъ были твердо установлены, и въ этомъ пунктѣ не могло быть недоразумѣній. Вообще положеніе каедръ къ этому времени было таково, что Анатолій легко воспользовался обстоятельствами для ея возвышенія.

На Халкидонскомъ соборѣ выяснилось, какіе громадныя успѣхи сдѣлалъ епископъ Константинополя въ распространеніи своей власти. 1) Многіе епископы ефесскіе были рукоположены въ Константинополь или константинопольскимъ патріархомъ, хотя это и возбуждало неудовольствіе въ ефесянахъ. 2) Фалассій, епископъ Кесаріи каппадокійской, также былъ избранъ и рукоположенъ константинопольскимъ патріархомъ Прокломъ, и передъ избраніемъ его являлись въ Константинополь кесарійцы просить себѣ епископа.

Такимъ образомъ, два экзарха стояли въ фактической зависимости отъ константинопольской каедры и поэтому могли быть разсматриваемы не какъ равноправныя съ константинопольскимъ архіепископомъ, а какъ зависящія отъ него митрополиты. Многіе митрополиты асійскаго и понтійскаго діезезовъ

заявляли, что и они и ихъ предшественники поставляемы были патріархомъ константинопольскимъ. Было сказано даже, что въ каждую область митрополитъ рукополагается отъ этого престола, что по правиламъ и давнему обыкновению константинопольскій престолъ имѣеть эти права. И Анатолій константинопольскій въ письмѣ ко Льву I ссылался въ защиту такой практики на 60—70-лѣтнюю давность. Равнымъ образомъ епископы никомидійскій и никейскій (Виенія I, II) по спорному вопросу обращаются къ суду не епископа кесарійскаго, а въ Константинополь. Такимъ образомъ выясняется, что слагавшіеся экзархаты и понтійскій и асійскій уже фактически не существовали, находились въ состояніи разложенія, что діецезы представляли теперь не сплоченное цѣлое, а слабый агрегатъ отдѣльныхъ митрополій, тяготѣвшихъ не къ своему діецезальному центру, а къ Константинополю.

Этого мало: права и виды Константинополя шли еще дальше, — проникали во внутреннія дѣла отдѣльныхъ митрополій. Напримѣръ, въ виенской митрополіи существовала василинопольская епископія (пригородъ Никеи), стоявшая въ зависимости не отъ Никомидіи, а отъ Константинополя. Митрополитъ анкирскій добровольно отослалъ митрополита гангрскаго на поставленіе въ Константинополь, не желая подвергать себя суду (вѣроятно, за нарушеніе закона императора Θεодосія въ пользу Аттика константинопольскаго).

Такимъ образомъ, Халкидонскій соборъ представляетъ намъ константинопольскую епископію въ такой ея моментъ, когда выясняется ея тенденція превратиться въ обширную, обнимающую три гражданскихъ діецеца, митрополію. И Анатолій константинопольскій могъ, поэтому, не безъ эффека, съ видомъ правдивости утверждать, что по опредѣленіямъ Халкидонскаго собора константинопольская каедрa скорѣе теряетъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ, что по обычному праву епископъ константинопольскій совершалъ больше хиротоній, чѣмъ сколько представлено ему святѣйшимъ соборомъ.

Наконецъ, выясняется, что не имѣя собственной митрополитанской области, константинопольскій епископъ не могъ держать и епархіальныхъ соборовъ, но зато онъ держалъ такъ называемые *συνόδοι ἐνδομῶσαι*, на которые приглашались епископы, проживавшіе въ Константинополѣ по своимъ дѣламъ. Очевидно, составъ ихъ могъ быть самый неопредѣленный; не обнимая въ цѣломъ ни одного діецеца, они имѣли случайныхъ

представителей отъ нѣсколькихъ, и потому присвоили себѣ весьма широкую компетенцію. Отцы собора съ удивленіемъ, далекимъ отъ удовольствія, узнали, что Анатолій константинопольскій, слѣдую этому обычаю, принялъ къ разсмотрѣнію дѣло епископовъ Фотія тирскаго и Евстаѳіа виритскаго, подлежащихъ юрисдикціи архіепископа антиохійскаго,—и рѣшилъ это дѣло, и Максимъ антиохійскій, присутствовавшій въ это время въ Константинополѣ, не былъ даже приглашенъ на разборъ дѣла; что еще прежде, когда клирики, отлученные Ивою эдесскимъ и апеллировавшіе къ законному экзарху, Домну антиохійскому, прежде чѣмъ онъ могъ произнести приговоръ, перенесли свое дѣло на судъ Флавіана константинопольскаго, послѣдній не отказался отъ его разслѣдованія и не возвратилъ процесса *ad forum legitimum*, но передалъ его на судъ уполномоченныхъ епископовъ Финикіи, на соборѣ которыхъ въ качествѣ посла присутствовалъ и константинопольскій діаконовъ Евлогій. Если мы прибавимъ ко всему этому, что Максимъ антиохійскій, вопреки всякимъ обычаямъ, посвященъ былъ въ Константинополѣ Анатоліемъ, то увидимъ какъ далеко за границы канонически дозволеннаго простерли свою компетенцію архіепископы константинопольскіе. Очевидно, правило константинопольскаго собора 381 г. о діецезахъ къ тому времени стало мертвой буквой, перешло въ разрядъ законовъ давно умершихъ.

Образъ дѣйствій константинопольскихъ епископовъ имѣлъ за себя и давность, и обычай, и цѣлесообразность, и соборъ Халкидонскій далъ лишь санкцію этимъ нелегальнымъ прецедентамъ, когда по просьбѣ константинопольскихъ клириковъ издалъ знаменитое 28 правило о преимуществахъ константинопольской каѳедры. И нельзя не отдать чести: моментъ былъ выбранъ удачно. Патріархъ александрійскій былъ къ этому времени низложенъ, и эта каѳедра оставалась не замѣщенной. Ювеналій, патріархъ іерусалимскій, вслѣдствіе связи съ Діоскоромъ, едва ли твердо сидѣлъ на своемъ вновь созданномъ престолѣ. Экзархъ ефесскій Стефанъ, отъ котораго можно было ожидать болѣе сильнаго сопротивленія, былъ низложенъ. Митрополитъ ираклійскій вовсе не присутствовалъ на соборѣ. Максимъ антиохійскій находился въ такомъ состояніи, что малѣйшій поворотъ пера привелъ бы его къ лишенію престола: его предшественникъ Домнъ былъ живъ, хотя на его каѳедру и возвели Максима. А новый проектъ видимо имѣлъ на своей

сторонѣ симпатіи простыхъ митрополитовъ, предпочитавшихъ непосредственную зависимость отъ Константинополя подчиненію Ефесу или Кесаріи. И предложеніе константинопольскаго клира было принято и подписано. Въ ряду подписей мы не встрѣчаемъ имени Фалассія кесарійскаго. И это довольно понятно: не легко ему, смѣнившему санъ префекта преторіи на степень епископа кесарійскаго, было отказаться навсегда отъ древнихъ привилегій своей церкви и стать въ разрядъ простыхъ митрополитовъ. Фалассій кесарійскій, не подписываясь подъ 28 правиломъ Халкидонскаго собора, надѣялся на болѣе благоприятные результаты отъ того сопротивленія, которымъ должны были встрѣтить это правило легаты папы Льва V.; но его надежды оказались совершенно напрасными, а собственное положеніе не позволяло ему поддерживать оппозицію. Самъ Фалассій былъ поставленъ въ Константинополь, и къ тому же его репутація была потрясена его союзомъ съ Діоскоромъ. Сопротивленіе съ этой стороны, поэтому, не могло быть упорно и продолжительно. И, дѣйствительно, Фалассій примкнулъ къ канону при его вторичномъ чтеніи на соборѣ. Онъ выразился неопредѣленно въ томъ предположеніи, что можно пойти къ архіепископу Анатолію и устроить свои дѣла. Но и это ему не удалось, и 28 правило получило утвержденіе на соборѣ.

Правила Халкидонскаго собора опредѣляютъ патріархатъ съ діэцезальнымъ соборомъ какъ третью церковную инстанцію, къ которой можно апеллировать на приговоры митрополитовъ и епархіальныхъ соборовъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ, представляя святѣйшему престолу новаго Рима, удостоившагося чести быть городомъ царя и сената, равныя преимущества съ престоломъ древняго Рима, такъ, чтобы константинопольскій былъ вторымъ по римскомъ, соборъ усваиваетъ константинопольской каедрѣ и власть вполнѣ аналогичную съ правами древняго Рима: подчиняетъ ему три діэцеза — понтійскій, асійскій и оракійскій. Но права митрополитовъ въ этихъ діэцезахъ остаются неприкосновенными: «каждый митрополитъ упомянутыхъ діэцезовъ съ епископами своей епархіи да рукополагаетъ епископовъ епархіи, какъ предписано божественными канонами». Всѣ митрополиты избираются по канонамъ епископами своихъ епархій и представляются константинопольскому патріарху, который утверждаетъ и рукополагаетъ ихъ. Исключеніе сдѣлано только для епископовъ у варваровъ, у инородцевъ, поселившихся въ этихъ діэцезахъ. Неустроенность этихъ епархій

заставила непосредственно подчинить ихъ Константинополю, а не митрополиту. Замѣчательно, что на этомъ правилѣ основывалось (впослѣдствіи) право Константинополя на русскую перковь, хотя тогда русской церкви еще не существовало. Сдѣлано было перетолкованіе этого правила: проведена была черта на сѣверъ чрезъ Черное море; всѣ народы направо отъ черты (къ востоку) отнесены къ діецезу понтійскому, а жившіе налѣво (къ западу) къ діецезу оракійскому.

Такимъ образомъ, митрополиты кесарійскій, ефесскій и ираклійскій по своимъ правамъ ничѣмъ отъ другихъ митрополитовъ не отличаются; ихъ неокрѣпшія прерогативы теперъ были погребены на вѣки. Взамѣнъ дѣйствительныхъ правъ впослѣдствіи ихъ наградили только звонкими титулами: митрополитъ кесарійскій—эксархъ Понта и Каппадокіи и *πρωτοθρόνος*; ему усвоено право поставлять константинопольскаго патріарха въ случаѣ болѣзни или отсутствія митрополита ираклійскаго. Второе мѣсто занялъ митрополитъ ефесскій, носившій титулъ эксарха асійскаго діецеца. Митрополитъ ираклійскій удержалъ за собою обычную привилегію — поставленіе константинопольскаго патріарха, если онъ избирался не изъ епископовъ, въ противномъ же случаѣ совершалъ обрядъ настолюванія, — и получилъ титулъ: эксархъ всей Оракіи и Македоніи.

Какъ третья церковная инстанція въ церковныхъ дѣлахъ своихъ діецезовъ, константинопольскій патріархъ въ принципѣ стоитъ совершенно на равной степени съ своими братьями—другими патріархами. Но на дѣлѣ сдѣлано одно весьма важное ограниченіе, которое несомнѣнно должно было повести къ возвышенію константинопольскаго патріарха надъ всѣми другими. Въ спорныхъ вопросахъ отъ суда митрополитанскихъ соборовъ дозволено было (9, 17) апеллировать или къ эксарху соотвѣтствующаго діецеца и его собору, или же къ престолу царствующаго града Константинополя,—альтернатива, открывавшая для послѣдняго весьма широкую возможность вмѣшательства въ дѣла другихъ патріарховъ и—проявленія своего первенствующаго авторитета надъ ними. Съ тѣхъ поръ какъ эксархи стали въ указанное положеніе, апелляція къ нимъ перестала быть даже вѣроятной. Халкидонскій соборъ былъ созванъ въ такую эпоху, когда термины: эксархъ, патріархъ и другіе, не были строго установлены и разграничены и не получили еще своихъ характерныхъ чертъ; такъ, на примѣръ,

Домна, патриарха антиохійскаго, называли и патриархомъ и экзархомъ. Въ этой параллели названій заключалось зерно развитія власти и значенія константинопольскаго патриарха. Открывалась возможность, чтобы лица, недовольныя своимъ экзархомъ, обращались въ Константинополь, и такимъ образомъ константинопольскій патриархъ становился апелляціонною инстанціею всего востока даже по дѣламъ всѣхъ другихъ патриарховъ. Не доставало лишь того, чтобы константинопольская каѳедра формально была объявлена апелляціонною инстанціею по дѣламъ другихъ патриарховъ. Эту прерогативу предоставила ей новелла Юстиніана отъ 530 г., и тогда константинопольскій епископъ сталъ къ другимъ патриархамъ въ отношеніе, напоминавшее авторитетъ *praefecti urbis* или *praefecti praetorio* въ отношеніи къ викаріямъ діецепа.

А до этого времени константинопольскіе патриархи успѣли проявить свой авторитетъ надъ alexandрійскими въ низложеніи Іоанна Талаи и возведеніи на его мѣсто Петра Монга, потомъ въ поставленіи на ту же каѳедру въ 519 г. Павла. Въ Константинополѣ всѣми мѣрами пытались добиться того, чтобы новый патриархъ рукоположенъ былъ въ самой столицѣ, но въ виду рѣшительнаго протеста папскаго легата Епифаній константинопольскій долженъ былъ отправиться для хиротоніи въ Александрію. Надъ патриархатомъ антиохійскимъ авторитетъ Константинополя проявился въ рукоположеніи Стефана антиохійскаго и затѣмъ Іоанна, митрополита тирскаго, безъ всякаго вѣдома антиохійскаго патриарха Каландіона.

Такимъ образомъ, невидный суффраганъ митрополита ираклійскаго сталъ во главѣ іерарховъ востока, преемниковъ Петра и евангелиста Марка, и даже выше ихъ, и каѳедра, которая въ доказательство своихъ правъ могла предъявить лишь политическое значеніе столицы, но ничего чисто церковнаго, затмила собою древніе апостольскіе престолы Александріи и Антиохіи.

Борьба, которую вели противъ Константинополя alexandрійскіе архіепископы, была столь же упорна, сколько и бесплодна—потому, что они были въ ней одиноки. Значеніе константинопольской каѳедры не было дѣломъ личныхъ дарованій ея отдѣльныхъ предстоятелей: оно было плодомъ церковнаго состоянія востока, или лучше—недостатковъ греческой расы. Александрійскіе іерархи могли одерживать какія угодно блестящія частныя побѣды, но корень возрастающаго зна-

ченія Константинополя заключался въ слабости правовыхъ инстинктовъ восточнаго населенія и въ недостаткѣ единства дѣйствія. Противъ этого зла были безсильны всѣ стратегическіе таланты патріарховъ Александріи.

Въ самомъ дѣлѣ, начало внутреннему усилению константинопольской епископіи положено тѣмъ, что многіе митрополитанскіе города отказались отъ выборовъ мѣстныхъ епископовъ и передали это дѣло въ Константинополь. Это было такое самоограниченіе, которое на западѣ едва вѣроятно. Правда, за константинопольскимъ епископомъ стояла сильная власть императоровъ востока, готовая поддержать авторитетъ его въ этомъ дѣлѣ. Но нельзя преувеличивать значенія этой поддержки. Могли же антиохійскіе павлиніане поддерживать свой расколъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пришелъ къ своему естественному исходу. Равнымъ образомъ могли же жители Кизика отстоять избраннаго ими епископа, не смотря на давній обычай и императорскій законъ, и поставленный константинопольскимъ архіепископомъ Прокль долженъ былъ остаться въ Константинополѣ, а Далматій удержалъ за собою кафедрю. Такимъ образомъ, и на востокѣ можно было сохранить избраннаго епископа, не смотря на противодѣйствіе властей; но все несчаіе состояло въ томъ, что греки способны были поддержать любимаго пастыря уличною демонстраціею или даже бунтомъ, но не способны были выдержать продолжительную осаду за свои нарушенныя церковныя права. Въ Римѣ Либерія отстояла, не смотря даже на цѣлые годы его ссылки. Въ Константинополѣ изъ-за низложеннаго Павла произошло возстаніе, но затѣмъ примирились и съ Македоніемъ. Послѣ перваго изгнанія Златоуста волненіе приняло столь опасныя размѣры, что онъ былъ возстановленъ на кафедрѣ; но когда его низложили во второй разъ, то за его интересы стала только ничтожная горсть іоаннитовъ: большинство примирилось съ Арсакіемъ. За Македонія II въ Константинополѣ произошло возстаніе, которое едва не стоило Анастасію короны; но затѣмъ патріархъ былъ всетаки низложенъ и его кафедрю занялъ Тимофей. Словомъ, греки умѣли стоять за догматическія идеи, которыя не умираютъ и могутъ храниться въ глубинѣ сознания до ихъ торжества цѣлыя десятилѣтія, но имъ не доставало выдержки въ борьбѣ за людей, которые умираютъ, и за права, которыя выходятъ изъ употребленія вслѣдствіе нарощенія фактовъ противоположнаго характера.

Другое явленіе, также предполагающее слабое развитіе чувства законности,—это частыя апелляціи къ императору. Это зло должно было поднять значеніе Константинополя, не смотря ни на какое безкорыстіе его предстоятелей: императоры естественно поручали разборъ подобныхъ апелляцій епископамъ столицы, даже вопреки ихъ желаніямъ. Противъ этого явленія борьба могла вестись успѣшно только снизу, а не сверху. На западѣ соперничающіе епископы боцрскіе, конечно, заплатились бы самымъ объектомъ своего спора за апелляцію въ Константинополь помимо діэцезальнаго собора, и адесскіе клирики погубили бы свое дѣло безвозвратно своей апелляціей къ Флавіану. Не то было на востокѣ. Здѣсь епископы, видимо, равнодушно относились къ такимъ правонарушеніямъ. Поэтому архіепископы константинопольскіе имѣли противъ себя единичные голоса затронутыхъ непосредственно іерарховъ, и за себя—апатію огромнаго большинства епископовъ, которые привыкли тянуть врознь и не расположены были къ коллективному сопротивленію. И побѣда осталась за іерархомъ столицы.

б) Александрійскій патріархатъ.

Александрійская церковная жизнь исторически сложилась своеобразно. Существуетъ сказаніе о томъ, что ев. Маркъ учредилъ 12 пресвитеровъ, которые одного главнаго поставили во епископа. Отсюда получается такое воззрѣніе, что пресвитеры въ Александріи имѣли право хиротоніи. Но въ этомъ сказаніи употреблена не нынѣшняя терминологія. Всѣ епископскія силы были сосредоточены въ Александріи и здѣсь церковная жизнь Египта имѣла свой центръ. Остаткомъ древнѣйшаго строя было то, что епископъ alexandrijskij выступилъ митрополитомъ для всего діэцеза египетскаго, хотя христіанство изъ Александріи уже распространялось по всему огромному пространству Египта. Въ Ѳивайдѣ ближайшіе епископы собирались на соборы, обсуждали дѣла, избирали епископовъ, но хиротонія всетаки принадлежала епископу alexandrijskomu, который, такимъ образомъ, былъ въ строгомъ смыслѣ митрополитомъ Египта. Поэтому, какъ только противъ alexandrijskixъ церковныхъ отношеній произошло въ началѣ IV в. возстаніе, Мелитій ликопольскій принялъ титулъ архіепископа и приступилъ къ рукоположенію епископовъ, поста-

вляя ихъ не только въ отдаленныхъ, но даже и въ ближайшихъ къ Александріи мѣстахъ. Возникшій отсюда споръ на первомъ вселенскомъ соборѣ рѣшенъ былъ въ пользу александрійскаго епископа. Послѣдній былъ признанъ стоящимъ во главѣ всей египетской церкви, а другого, подобнаго ему епископа, тамъ не было.

Тотъ, кто впоследствии назывался патриархомъ александрійскимъ, во время мелитіанскаго раскола и вообще въ цвѣтущую пору церкви александрійской именовался архіепископомъ, обычно же онъ назывался въ Египтѣ папою. Архіепископомъ онъ называется и въ веронскихъ документахъ; этотъ титулъ архіепископа въ приложеніи къ александрійскому епископу встрѣчаемъ и у Аенасія. Въ сущности, въ приложеніи къ александрійскому епископу наименованіе патриарха — неудобно: оно не соответствуетъ объему его власти. Константинопольскіе патриархи только еще стремились къ подчиненію своей власти трехъ діецезовъ, а александрійскіе епископы имѣли уже такую власть въ Египтѣ, Ливіи, Пентаполѣ, и власть самую сильную. Но это не была «*potestas ordinaria*». Они имѣли право рукополагать всѣхъ подчиненныхъ епископовъ. *Potestas ordinaria* подчиняетъ епископу всѣхъ лицъ, и мрянъ и пресвитеровъ, — власть, къ которой въ древности никто не смѣлъ и стремиться, и только Ватиканскій соборъ съ обычной эквилибристикой могъ посягнуть на это преимущество, канонически обосновать его. Въ древнее время клирики подчинялись власти епископа, но не митрополита; распоряженія послѣдняго они имѣли право не исполнять; слѣдовательно, въ древнее время архіепископы могли стремиться къ меньшему объему власти, не къ власти епископа, а къ власти митрополита. Въ діецезѣ египетскомъ всѣ епископы подчинены были папѣ александрійскому: фактически до 100 епископовъ получали его хиротонію. Это преимущество принадлежало папѣ александрійскому если не всегда *de jure proprio*, то — *de jure delegato*. Гдѣ нѣтъ митрополитовъ, тамъ не можетъ быть и патриарховъ. Александрійскій папа былъ поэтому (фактически) митрополитомъ надъ огромною вѣренною ему территорією, но не могъ быть и не былъ патриархомъ, ибо не было подвѣдомственныхъ ему митрополитовъ.

Нѣкоторые ученые, даже согласные съ тѣмъ, что въ IV вѣкѣ дѣло обстояло именно такъ въ Александріи во время Никейскаго собора, предполагаютъ, что эта система впослед-

ствѣи измѣнилась и такъ получились митрополиты. Если дѣйствительно дѣло не сводится только ко времени арабскаго и турецкаго владычества, когда митрополиты и патріархи держались только номинально, а относится къ эпохѣ процвѣтанія Александріи, то въ сущности понятіе митрополитѣ употреблялось [въ примѣненіи къ порядкамъ египетской церковной жизни] или по недоразумѣнію, или по произвольному перенесенію отношеній одного мѣста на другое.

Недоразумѣніе покоится, главнымъ образомъ, на одномъ мѣстѣ посланія Синесія, епископа птолемаидскаго, къ Теофілу александрійскому, гдѣ Синесій прилагаетъ себѣ титулъ митрополита [ер. 66: τὰ μητροπὰ τῆς πόλεως δίκαια]. Въ дѣйствительности же оказывается, что это имя прилагали ему пасомые, а не онъ самъ. Онъ заявляетъ, что одного заштатнаго епископа онъ принималъ частнымъ образомъ съ такимъ почетомъ, что его собственные пасомые отзывались съ негодованіемъ и говорили, что онъ не долженъ такъ поступать. Граждане Птолемаиды вправѣ были назвать свой городъ митрополіей, потому что она была таковой въ гражданскомъ отношеніи и для нихъ епископъ ихъ города имѣлъ большее значеніе, чѣмъ епископъ принимаемый. Здѣсь, очевидно простой счетъ между городами, а не доказательство того, что Синесій былъ митрополитомъ.

Второе основаніе заключается въ томъ, что читая пригласительную сакру императора Θεодосія Младшаго на Ефесскій соборъ, гдѣ повелѣвается взять митрополитовъ и епископовъ, выводятъ, что тогда существовалъ въ Александріи митрополитъ. Но это предположеніе совершенно произвольно. Если бы Ефесскій соборъ собирався въ порядкѣ нашего времени, то въ Константинополь было бы заготовлено большое количество бланковъ, а въ канцеляріи надписаны были бы имена. Совершенно случайно сохранился до нашего времени бланкъ, адресованный Кириллу александрійскому ¹⁾. Но текстъ былъ выработанъ не для одного епископа, а для всѣхъ; слѣдовательно невозможно предполагать, что тамъ предусмотрѣны были всѣ епископскія отношенія и что дѣло измѣнилось при преемникахъ Кирилла.

Что митрополитовъ въ Египтѣ въ это время дѣйствительно не существовало, на это указываютъ многіе факты. Прежде

¹⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Изъ церковной исторіи Египта. Вып. III. Архимандритъ гавенисисотвъ Викторъ при дворѣ константинопольскомъ въ 431 г. Христ. Чт. 1892, I, 343—346 (отд. отд. 216—219). А. Б.

всего, митрополитство предполагаетъ при митрополитѣ епархіальный соборъ, но въ Египтѣ онъ не былъ собираемъ. Отъ Теофила сохранилось нѣсколько посланій, разясняющихъ порядокъ суда въ то время. Чтобы оцѣнить значеніе заключающихся въ нихъ данныхъ, нужно не упускать изъ виду, какія права и обязанности въ этомъ случаѣ обычно соединялись съ званіемъ митрополита. Было уже упомянуто, что епископъ есть *potestas ordinaria*, т. е. лицо, хиротонисующее пресвитеровъ и діаконовъ въ предѣлахъ своей епископіи и имѣющее право духовнаго суда надъ клириками и мірянами. Міряне, правда, могли быть судимы и пресвитерами, а епископъ являлся апелляціонной инстанціей, къ которой можно было обжаловать рѣшеніе пресвитеровъ. Но въ спорахъ пресвитеровъ епископъ являлся непосредственнымъ судьей. Митрополитъ же, кромѣ того, что онъ былъ епископомъ, являлся двойной инстанціей: онъ, во-первыхъ, являлся судебной инстанціей по суду надъ епископами, и во-вторыхъ, апелляціонной инстанціей по жалобамъ клириковъ и мірянъ на судъ епископовъ. Кромѣ права хиротоніи и суда митрополиту принадлежитъ еще право «визитаціи» — извѣстнаго надзора за епископами. Онъ притомъ дѣлалъ распоряженія на всю епархію въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, но потомъ заявлялъ объ этомъ на слѣдующемъ соборѣ, который утверждалъ или отвергалъ его распоряженія, такъ что всё они носили провизорный характеръ. Когда епископъ имѣлъ подчиненныхъ епископовъ, которыхъ рукополагалъ, судилъ и принималъ апелляціи, такой епископъ былъ уже митрополитомъ.

Въ городѣ Ликополѣ (нынѣ Сіуть) возникло дѣло по многимъ жалобамъ на несправедливыя дѣйствія мѣстнаго епископа Аполлона. Если бы въ Ликополѣ былъ свой митрополитъ, то епархіальный соборъ долженъ бы былъ высказаться по этому поводу. Все дѣло касалось Аполлона, совершившаго нѣсколько хиротоній поспѣшно: рукоположенные лица оказались связанными браками, незаконными съ точки зрѣнія церковной, но вполне законными съ точки зрѣнія гражданской власти. Дѣло пошло на судъ Теофила александрійскаго, который для рѣшенія этого дѣла послалъ Аммона, снабдивъ его своей инструкціей о томъ, что онъ долженъ изслѣдовать. Напримѣръ, одно хиротонисованное лицо обвинялось въ томъ, что было женато на близкой родственницѣ, что и не оспаривалось. Но бракъ былъ заключенъ до крещенія и до крещенія

умерла жена. По мнѣнію Теофила, обвиненіе противъ Аполлона въ этомъ случаѣ несостоятельно. Если бы затѣмъ оказалось, что клирикъ показалъ невѣрно, то онъ самъ подлежалъ низверженію, а Аполлонъ опять таки не виноватъ, если бы доказалъ, что это ему не было извѣстно и при хиротоніи ему объ этомъ никто не заявилъ. Такимъ образомъ, для рѣшенія дѣла, не затрагивающаго какихъ либо отношеній между епископами, посылается делегатъ отъ александрійскаго епископа. Но это былъ не единственный случай. Если бы въ Александріи были митрополиты, то они должны были рѣшать дѣла или собственною властью или на мѣстныхъ соборахъ.

То же явленіе наблюдается въ перепискѣ Синесія. Въ одномъ мѣстечкѣ [въ селеніяхъ Палевискѣ и Идракѣ] по случайнымъ обстоятельствамъ открылась каѳедра епископа, такъ сказать, самовольно, помимо воли александрійскаго епископа [и былъ поставленъ туда безъ соблюденія обычныхъ каноническихъ требованій Филономъ киренскимъ Сидирій]. Во время аріанскихъ смутъ на киренскую каѳедру потребовался энергичный человекъ, боець. Такой и былъ избранъ Аѳанасіемъ александрійскимъ въ лицѣ Сидирія. Но когда этотъ епископъ состарился, онъ опять удалился въ отдаленный уголокъ Ливіи. Никогда до него въ этомъ мѣстѣ не было епископовъ. Когда упомянутый епископъ скончался, то жители заявили, что они желаютъ быть причисленными къ Эятрѣ, епископомъ которой, Павломъ, они были довольны. У Теофила возникла мысль открыть каѳедру въ этихъ деревняхъ, и Синесію было поручено уговорить жителей, чтобы они избрали себѣ новаго епископа. Но они умоляли не дѣлать ихъ сирыми при жизни отца. Несомнѣнно, что и учрежденіе каѳедры подлежало бы вѣдомству Синесія, еслибы онъ былъ митрополитомъ. Однако онъ являлся лишь делегатомъ по порученію Теофила александрійскаго. Здѣсь пришлось ему согласиться съ волями жителей и просить Теофила не открывать новой каѳедры. Затѣмъ онъ рѣшилъ здѣсь другое дѣло между Павломъ и Діоскоромъ дарданскимъ. Дѣло шло о владѣніи какимъ то спорнымъ пограничнымъ мѣстечкомъ. Здѣсь Павелъ оказался неправымъ и сознался. Діоскоръ пошелъ на всевозможныя сдѣлки и дѣло кончилось миромъ. Но потомъ еще явилось дѣло о церковной растратѣ, которое онъ могъ рѣшить своею властью; но и объ этомъ дѣлѣ онъ донесъ Теофилу александрійскому [ер. 67].

Въ другомъ письмѣ дѣло касалось хиротоніи епископа. Не

въ городѣ, а въ селеніи (χωρι) Ольвіи скончался епископъ. Надо было подыскать замѣстителя. Сюда опять прибылъ Синесій по порученію Теофила. Кандидатовъ было много, но всѣ остановились на одномъ достойнѣйшемъ, замѣчательномъ святостью своей жизни, который былъ извѣстенъ и Синесію,— Антонію. Кромѣ Синесія здѣсь были на лицо еще два епископа; одинъ изъ нихъ уже хиротонисалъ избраннаго во пресвитера и далъ о немъ самую лестную аттестацію. Такимъ образомъ было все для законности поставленія епископа, было получено утвержденіе и со стороны присутствовавшихъ епископовъ, а ихъ было три, что по правиламъ вполне достаточно для хиротоніи епископа. Еслибы Синесій былъ толемаидскимъ митрополитомъ, то онъ могъ бы утвердить избраніе и хиротонисать избраннаго, между тѣмъ въ письмѣ къ Теофилу онъ говоритъ: «теперь для совершенія этого дѣла не достаеъ самага главнаго—твоей священной руки; въ ней нуждаются ольвіаты, а я—въ твоихъ молитвахъ». Это свидѣтельствуетъ, что Синесій, какъ не митрополитъ, не пользовался ни митрополичьимъ правомъ суда, ни митрополичьимъ правомъ хиротоніи [ер. 76].

Такимъ образомъ, нѣтъ данныхъ утверждать, что въ Александріи были въ то время митрополиты. Остается во всей силѣ тотъ тезисъ, что александрійскій патріархъ былъ громадной митрополіей. Здѣсь александрійскій епископъ добился того, къ чему стремились всѣ, но не достигали. Папа александрійскій есть лишь номинальный патріархъ, въ дѣйствительности же онъ былъ митрополитомъ.

Этотъ строй александрійской церкви имѣлъ важное вліяніе и на другія стороны церковной исторіи. Весьма вѣроятно, въ историческомъ ходѣ было бы меньше путаницы, если бы строй александрійской церкви не былъ такъ своеобразенъ. На Ефесскій соборъ вызваны были митрополиты съ немногими епископами. Кто былъ знакомъ со строемъ александрійской церкви, тотъ понималъ, что, если строго руководствоваться буквою императорскаго предписанія, то Кириллъ поступилъ неправильно: онъ долженъ былъ явиться съ немногими епископами. И когда онъ явился съ 50 епископами, то восточные закричали на это, какъ на нѣчто незаконное. Однако съ высшей исторической точки зрѣнія здѣсь не было ничего особеннаго. Это была лишь случайность, что александрійская церковь была всего только митрополіей. Ее вполне можно

было раздѣлить на 9 митрополій, такъ что 45 епископовъ (9×5) какъ разъ соответствовали тому числу, съ какимъ явился Кириллъ.

Такимъ образомъ въ александрійскомъ экзархатѣ патріаршество не привилось. Египетъ остался при прежней формѣ правленія. Убѣжденіе въ главенствѣ александрійскаго епископа было убѣжденіемъ всѣхъ епископовъ египетскихъ, и когда Діоскоръ александрійскій впалъ въ ересь, египетскіе епископы оказались какъ бы безъ вождя. Безъ александрійскаго епископа они отказывались отъ участія во всѣхъ важныхъ дѣлахъ: такъ, между прочимъ, они отказались подписать *ŷros* Халкидонскаго собора на томъ основаніи, что они все дѣлали подъ руководствомъ своего архіепископа александрійскаго. И отказались не только сторонники Діоскора, но даже и противники его. Такимъ образомъ здѣсь для развитія патріархата былъ положенъ предѣлъ.

в) Антиохійскій и іерусалимскій патріархаты.

Въ Антиохіи дѣла обстоиали съ идеальной правильностью. Развитіе антиохійскаго патріархата не подвергалось никакимъ потрясеніямъ. Но, къ несчастью, Антиохіи какъ бы на роду было написано не расти, а малитися. Занявъ не второе, а третье мѣсто въ спискѣ патріархатовъ, она была сдвинута и съ этого мѣста вслѣдствіе возвышенія Константинополя. Кромѣ того она должна была выдѣлить изъ себя новый патріархатъ—іерусалимскій.

Происхожденіе іерусалимскаго патріархата является дѣломъ одного лица—Ювеналія іерусалимскаго, хотя прецеденты были и раньше, только неудачные. Возвышеніе іерусалимскаго епископа имѣло въ своей основѣ чисто церковныя воззрѣнія. Разрушенный до основанія при Адріанѣ, Іерусалимъ влечитъ жалкое существованіе подъ именемъ Эліи Капитолины. Значеніе—политическое—этого городка было такъ ничтожно, что епископъ іерусалимскій долженъ былъ занять скромное мѣсто суффрагана митрополита Кесарія палестинской. Но память о древней славѣ этой скромной кathedры живо сохранялась въ христіанской церкви: здѣсь Элію Капитолину игнорировали и знали только Іерусалимъ. Поэтому епископъ «апостольскаго іерусалимскаго престола» раздѣлялъ съ кесарійскимъ митрополитомъ честь председательства на соборахъ: Оригена

вмѣстѣ рукополагаютъ и кесарійскій Θεоктистъ, и іерусалимскій Александръ. На соборѣ Антиохійскомъ 272 года іерусалимскій епископъ занимаетъ мѣсто выше кесарійскаго. И замѣчательный фактъ: Евсевій, самъ митрополитъ кесарійскій, въ своей исторіи сообщаетъ непрерывный рядъ епископскихъ преемствъ на іерусалимской кафедрѣ — и не дѣлаетъ этого относительно кафедры кесарійской. Авторитетъ іерусалимской церкви въ его глазахъ былъ такъ великъ, что онъ представляетъ собою превосходящую славу предъ какой-то Кесаріей.

Никейскій соборъ по собственному почину санкционировалъ это освященное преданіемъ уваженіе къ іерусалимской кафедрѣ, предоставивъ епископу Эліи послѣдованіе чести съ сохраненіемъ канонической власти надъ нимъ кесарійской митрополіи. Вѣроятно въ силу этого преимущества епископы іерусалимскіе поставляли епископовъ кесарійскихъ. Вскорѣ затѣмъ обстоятельство повидимому случайное высоко подняло значеніе епископа іерусалимскаго. Это было путешествіе Елены въ Святую землю. Послѣдовавшее затѣмъ построеніе базиликъ обратило на епископа іерусалимской парикіи вниманіе императора: Макарій іерусалимскій получилъ отъ Константина золотошвенную столу и въ письмахъ къ нему императоръ титуловалъ его епископомъ Іерусалима и Палестины. Начавшійся путешествію въ Святую землю возвысилъ богатства іерусалимской кафедры еще болѣе. И іерусалимскіе епископы очень скоро позволили себѣ вторженіе въ каноническія права своего митрополита. Макарій рукополагаетъ епископа діоспольскаго, его преемникъ Максимъ безъ всякихъ сношеній съ Кесарією созываетъ соборъ и принимаетъ Аѳанасія въ церковное общеніе. Тотъ и другой фактъ правонарушенія остался безъ послѣдствій. Но когда по стопамъ своихъ предшественниковъ пошелъ и Кириллъ и также вступилъ съ своимъ митрополитомъ въ состязаніе о первенствѣ, то былъ низложенъ — по какому-то пустому поводу — Акавіемъ кесарійскимъ. Кончилось однако тѣмъ, что Кириллъ на соборѣ Константинопольскомъ 381 г. былъ признанъ епископомъ Іерусалима, «матеря всѣхъ церквей», и сидѣлъ выше епископа кесарійскаго. Въ 415 г. на соборѣ въ Лидѣ епископъ іерусалимскій долженъ былъ занять второе мѣсто послѣ кесарійскаго.

Главенство кесарійскаго митрополита надъ епископомъ іерусалимскимъ долго было безспорнымъ фактомъ. Когда возникло

дѣло вслѣдствіе спора Іеронима съ Руфиномъ о мнѣніяхъ Оригена, и Іоаннь іерусалимскій, несомнѣнный оригенистъ, обратился къ посредству Теофила александрійскаго, то самъ Іеронимъ указалъ на неправильность его дѣйствій. Онъ говорилъ, что должно было бы обратиться къ кесарійскому епископу; а если онъ считалъ его не безпристрастнымъ, то перенести дѣло на судъ слѣдующей инстанціи, къ епископу антиохійскому, но никакъ не александрійскому. Итакъ, фактъ подчиненія іерусалимскаго епископа митрополиту кесарійскому не подлежитъ сомнѣнію.

Дальнѣйшіе шаги были таковы, что кесарійскій митрополитъ стуживался. Послѣ споровъ оригенистовъ и Пелагія съ Целестіемъ наступило временное затишье, прерванное несторианскою ересью и созваніемъ Ефесскаго вселенскаго собора. На соборѣ мы не видимъ кесарійскаго митрополита, а значительное количество палестинскихъ епископовъ явилось сюда подъ начальствомъ Ювеналія, епископа іерусамскаго. Дѣло ведется такъ, что Ювеналій занялъ высокое положеніе; епископы палестинскіе отзываются о немъ, какъ о своемъ главномъ вождѣ. Такъ какъ Ювеналій сразу сталъ на сторону Кирилла александрійскаго, то онъ создалъ этимъ исключительное положеніе себѣ; онъ сталъ *persona gratissima* среди александрійцевъ, отстаивающихъ православное исповѣданіе. Такъ какъ онъ стоялъ въ зависимости отъ антиохійскаго епископа и сталъ на сторону его противника александрійскаго епископа, то этотъ шагъ вмѣнили ему въ заслугу; за догматическую борьбу онъ былъ вознагражденъ на счетъ восточнаго патріархата. Послѣ вопросовъ догматическихъ былъ поставленъ вопросъ о границѣ епархій, и нѣсколько областей, ранѣе подвластныхъ антиохійскому епископу, очутились у іерусалимскаго.

Предвидѣть это было не трудно. Побочная сторона вопроса обрисовалась очень скоро. Возникъ вопросъ объ автокефальности кипрской церкви. На Кипрѣ было нѣсколько епархій, составлявшихъ цѣлую митрополию, и вопросъ состоялъ въ томъ, зависѣли ли они отъ антиохійскаго епископа, или были самостоятельны. Дѣло началось съ жалобы кипрскихъ епископовъ на антиохійскаго епископа, что онъ вмѣшивается въ ихъ дѣла. Если прочитать внимательно ихъ заявленія, то окажется, что кипрянамъ на удалось дать удовлетворительнаго отвѣта: они не подтверждали фактическими данными, что кипрскія церкви

были самостоятельны и сами ставили себѣ митрополита, а только заявляли, что такъ всегда было. Невозможно было въ Ефесѣ собрать точвыя и подробныя свидѣтельства по этому дѣлу, и соборъ долженъ былъ принять ихъ голословныя заявленія на вѣру и объявилъ кипрскую митрополию автокефальною, признавъ вторженія Іоанна неправильными.

Это являлось указаніемъ на то, что всѣ епископы, могущіе представить доказательства своей независимости, могутъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Такимъ былъ Ювеналій іерусалимскій. Онъ повелъ дѣло столь рѣшительно, что подчинилъ своей власти не только палестинскія епархіи, которыя едва-ли были въ зависимости отъ антиохійскаго епископа, но также Финикію и Аравію. Іоаннъ антиохійскій протестовалъ, но Ювеналій подкрѣпилъ себя императорскимъ эдиктомъ, который наложилъ на Іоанна молчаніе. Такой образъ дѣйствій возмутилъ даже Кирилла александрійскаго, который писалъ въ Римъ, побуждая къ возстанію самого папу, чтобы онъ потребовалъ *statu quo* перваго вселенскаго собора, что было неблагопріятно для Ювеналія. Но Ювеналій понималъ силу обстоятельствъ. Догматическій споръ былъ не конченъ, и Кириллъ александрійскій ради союза смотрѣлъ сквозь пальцы на этотъ захватъ.

Но антиохійскіе епископы не успокоились и воспользовались благопріятными обстоятельствами. Такъ какъ Ювеналій скомпрометировалъ себя союзомъ съ Діоскоромъ на разбойничьемъ соборѣ и на Халкидонскомъ соборѣ подвергался опасности низложенія, то онъ сдѣлался уступчивымъ. Когда на Халкидонскомъ соборѣ начались икономическія разсужденія, то состоялось между антиохійскимъ и іерусалимскимъ епископами полюбовное соглашеніе, причемъ Ювеналій возвратилъ антиохійскому епископу Финикію и Аравію, а самъ удовольствовался тремя Палестинами. Отцы собора съ удовольствіемъ встрѣтили это проявленіе духа мира и утвердили ихъ соглашеніе. Уступчивость Максима антиохійскаго объясняется тѣмъ, что положеніе его было непрочно, такъ какъ предшественникъ его Домнъ былъ еще живъ, и могло возникнуть дѣло, которое повело бы къ тому, что законнымъ епископомъ сдѣлался бы Домнъ, а Максимъ долженъ былъ бы ждать на покоѣ, пока Господь призоветъ къ себѣ Домна. Такъ какъ его положеніе было неблагопріятно, то ему желательно было, чтобы на него смотрѣли, какъ на человѣка уступчиваго и пріятнаго. Но когда послѣ

Халкидонскаго собора Максимъ утвердилъ свое положеніе, а Домнъ монастырское уединеніе предпочелъ общественной дѣятельности, Максимъ понялъ, что сдѣлалъ промахъ, что могъ потребовать большаго, и другіе епископы были недовольны его уступчивостью. Максимъ хотѣлъ дать дѣлу обратный ходъ, завелъ сношенія съ римскою церковью, но ему не удалось подвинуть папу. Соглашеніе на Халкидонскомъ соборѣ было достаточно яркимъ, чтобы образовать пятый патріархатъ.

О титулѣ, конечно, не могло быть и рѣчи, но во всякомъ случаѣ сдѣлался очевиднымъ конецъ того порядка, который былъ установленъ на первомъ вселенскомъ соборѣ. Если отъ епископа Воскресенія Христова завистли три Палестины, то онъ изъ епископа-суффрагана дѣлался самъ архіепископомъ. Такимъ образомъ Халкидонскій соборъ доставилъ торжество іерусалимскому епископу: прибывши на соборъ епископомъ, онъ возвратился архіепископомъ или патріархомъ, хотя эти названія и не были легализированы.

На первыхъ порахъ это доставило ему много хлопотъ: онъ долженъ былъ порвать связь съ Диоскоромъ и монофиситами, за что тѣ обвиняли его въ томъ, что онъ продалъ вѣру за патріаршество; они не желали видѣть его въ Іерусалимѣ, устроили нѣсколько дикихъ выходовъ противъ него, такъ что онъ долженъ былъ бѣжать изъ Іерусалима. Но онъ возвратился при помощи военной силы, восторжествовалъ и утвердился патріархомъ въ Іерусалимѣ. Итакъ, пятый патріархатъ остался фактомъ.

г) ПАТРИАРХАТЪ JUSTINIANAЕ PRIMAE.

Въ исторіи была еще попытка основать шестой патріархатъ или пятый восточный. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ желанію императора Юстиніана I почтить мѣсто своего рожденія, селеніе Ταῦρῆσιον. Онъ сдѣлалъ его важнымъ городомъ и назвалъ Justiniana Prima. Мѣстоположеніе этого города неизвѣстно, но можетъ быть онъ находился около Ахриды (древней Лихиды). Съ возвышеніемъ гражданскаго положенія этого города, онъ возвысиль и церковное значеніе его.

Дѣло создалось на чисто гражданской почвѣ. Сдѣлана была историческая справка, по которой praefectus praetorio per Шугисим имѣлъ свое пребываніе въ Сирміи, а подъ натискомъ

варваровъ онъ перешелъ въ Фессалонику. Епископы Фессалоники пользовались правами патріарха (объ этомъ говоритъ Феодоръ Чтецъ). Мѣсто рожденія Юстиніана лежало въ области, подчиненной епископу фессалоникскому. Юстиніанъ поставилъ на видъ, что, такъ какъ нашествіе варваровъ отражено, то нужно перенести мѣстопробываніе префекта преторіи на сѣверъ, но не въ Сирміи, а въ Юстиніану Первую. Въ то же время онъ почтилъ Юстиніану въ церковномъ отношеніи. 15 апрѣля 535 г. онъ написалъ къ епископу ея Кателліану новеллу, объявляя эту каеэдру независимою отъ фессалоникскаго епископа. Она приобрѣла права надъ обширными епархіями, куда еще отходили нѣкоторыя епархіи западнаго Иллирика. Но этимъ фессалоникская каеэдра ей не подчинялась и права ея не затрагивались. Императоръ хотѣлъ устроить въ Юстиніанѣ не то митрополию, не то патріархатъ. Такимъ образомъ, эта каеэдра создана императоромъ.

Въ Римѣ раздались протесты, но они были подавлены Юстиніаномъ, и патріархатъ создается по соглашенію съ папою Вигиліемъ. Вѣроятно, Вигилій былъ прижатъ къ стѣнѣ и купилъ свободу въ догматическихъ дѣлахъ уступками въ каноническихъ—прязнаніемъ *Justinianae Primae* патріархатомъ. Но если Юстиніану удалось уладить тѣ возраженія, которыя предьявлялись изъ Рима по поводу утвержденія новой каеэдры, то онъ не въ силахъ былъ устранить всѣхъ препятствій, ибо каеэдра эта была утверждена произвольно. Второму представителю ея, Бененату, пришлось вцутаться въ поднятый Юстиніаномъ вопросъ «о трехъ главахъ». Крупной роля играть епископу не пришлось, а самое вмѣшательство въ это дѣло окончилось для него довольно печально. Епископъ Юстиніаны Первой не имѣлъ мужества стать на сторону своихъ епископовъ, но примкнулъ къ партіи, которая осуждала «три главы», и защищалъ *judicatum* Вигилія. Но свои же епископы проучили его: они составили соборъ и произнесли надъ нимъ отлученіе. Поэтому на пятый вселенскій соборъ онъ не явился, и положеніе его оказалось слишкомъ неопредѣленнымъ. Онъ не имѣлъ поддержки сверху—отъ императора, и твердой опоры снизу—отъ епископовъ. Третьему епископу Юанну папа римскій послалъ *rallium*. Тотъ не отказался отъ этого почетнаго, но унижительнаго дара, и, слѣдовательно, самъ подчинился власти папы.

Такимъ образомъ, выдуманный Юстиніаномъ I патріархатъ

существовать недолго, ибо другие епископы не желали возвышенія каедръ, не имѣвшихъ ни религіознаго, ни гражданскаго значенія. Усилія Юстиніана разбились о несочувствіе старѣйшихъ патріарховъ къ новому патріархату.

д) Римскій патріархатъ и развитіе папства.

Западъ самъ по себѣ не создалъ системы, соотвѣтствующей положенію дѣлъ на востокѣ. Исторія патріархата на западѣ сводится къ исторіи одной римской каедръ. Римскіе іерархи были епископами Рима и его окрестностей, а также митрополитами надъ «*ecclesiae suburbicariae*». Въ этихъ предѣлахъ ихъ юрисдикція была безспорна. Кромѣ того они были патріархами надъ Италіей, и этотъ патріархатъ имѣлъ тенденцію расширяться все далѣе и далѣе. Пока римскіе епископы развивали свои права только на западѣ, они стояли на почвѣ канонической. Но они захотѣли уже быть папами на востокѣ и въ этомъ стремленіи своемъ сошли съ историко-канонической почвы на почву догматическую. Ихъ положеніе, какъ папъ, составило предметъ оживленной полемики и повело въ концѣ концовъ къ раздѣленію церквей.

Носителями централизаціи на западѣ являются римскіе епископы, большею частію дѣти того міродержавнаго Рима, который поставилъ своею историческою миссіею—властвованіе надъ народами, и въ своей исторической жизни заявилъ, что онъ въ совершенствѣ одаренъ тѣми духовными качествами, которыя были столь необходимы для выполненія такой задачи. Римскіе епископы были мастерами своего дѣла: національный инстинктъ въ ихъ дѣйствіяхъ нашелъ блистательное выраженіе. Что ихъ побѣды были дѣломъ ихъ національнаго генія, или—лучше—того направленія церковной жизни, импульсъ къ которому данъ воздѣйствіемъ романскаго на христіанское, это видно изъ того, что огромное большинство римскихъ епископовъ принадлежитъ скорѣе къ разряду посредственностей чѣмъ личностей высоко даровитыхъ. Но осуществлять свои централизаціонные планы имъ приходилось среди народовъ романскихъ или романизованныхъ, въ которыхъ правовые и властительные инстинкты были столь же тонко и полно развиты, какъ и въ самихъ римскихъ первосвященникахъ. Задача послѣднихъ была, поѣтому, весьма трудная, и исторія ея осуществленія возбуждаетъ интересъ даже эстетической природы,

какъ состязаніе достойныхъ другъ друга соперниковъ, борьба равныхъ съ равными, гдѣ каждый пунктъ приходится брать съ бою и послѣ упорнаго сопротивленія.

Національный инстинктъ выразился самымъ блистательнымъ образомъ въ дѣйствіяхъ римскихъ епископовъ. Но, признавая это объясненіе удовлетворительнымъ для цѣлостной исторіи папства, приходится задумываться, когда рѣчь идетъ о началѣ его обнаруженій. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время доказано, что церковь римская въ началѣ своего существованія была скорѣе церковью греческою, чѣмъ латинскою. Христіанство сначала здѣсь распространялось въ низшихъ слояхъ общества,—между рабами, которые были нелатинскаго происхожденія. Въ первые два вѣка существованія церкви епископы въ Римѣ были не римляне, а греки, и языкъ греческій былъ средствомъ официальной переписки. Первое посланіе римской церкви—папы Климента написано на греческомъ языкѣ; Ипполитъ извѣстенъ какъ одинъ изъ выдающихся греческихъ писателей. Только съ половины III вѣка, со времени папы Корнилія, римская церковь начала пользоваться латинскимъ языкомъ для сношенія съ западными церквами.

Такимъ образомъ, первые толчки римской централизаціи дали лица не латинскаго происхожденія. Изъ какихъ же теперь началъ исходили первые римскіе епископы, выразившіе тѣ претензіи, которыя впоследствии развились въ папистическія?

Перечитывая посланіе Климента къ Коринѣянамъ, можно убѣдиться, что оно написано отъ церкви, которая о себѣ не низкаго мнѣнія, которая при всемъ христіанскомъ смиреніи и любви знаетъ, что она представительница огромнаго нравственнаго значенія. Нужно при этомъ принять во вниманіе обстоятельства, среди которыхъ оно написано. Оно послано не отъ имени римскаго іерарха; изъ посланія мы не узнаемъ даже имени автора, можно догадываться только, что пишущій посланіе—одинъ изъ предстоятелей римской церкви. Онъ представляется пишущимъ отъ лица мірянъ, говоритъ во множественномъ числѣ и употребляетъ такіа выраженія: *«мы сами повинuemся начальству»*. Посланіе къ Коринѣянамъ писано по поводу безпорядковъ въ коринѣской церкви. Но кто пишущаго уполномочилъ ввязываться въ постороннія смуты? Въ Римѣ получено было только извѣстіе о неустройствѣ въ коринѣской церкви, и вдругъ предстоятель римской церкви бе-

реть на себя дѣло улаженія постороннихъ смуть. Самое посланіе не отъзывается высокоуміемъ, авторъ его заявляетъ, что онъ не учитъ, что онъ не авторитетъ для церкви апостольской; но тѣмъ не менѣе пишущій, хотя и во имя Божіе, требуетъ принятія его посланія и повиновенія. «Если не послушаетесь повелѣній.—говоритъ авторъ посланія къ Коринтянамъ,—то подвергнетесь не малой опасности: мы посылаемъ посланіе, чтобы вы знали, что мы заботились, чтобы у васъ скорѣе былъ возстановленъ миръ. Если же кто не послушаетъ, то лица, посланные нами, да будутъ свидѣтелями между нами и вами. Если же послушаетесь, то это доставитъ намъ радость». «Свидѣтелями между вами и нами» — эта библейская форма есть форма очень торжественная (напр. у Ис. Нав. XXII, 27). Такимъ образомъ, авторъ посланія говоритъ съ авторитетомъ, требуетъ повиновенія, усваиваетъ себѣ право заботиться объ умиротвореніи постороннихъ церковей. Это, такъ сказать, первое отношеніе римской церкви къ другимъ церквамъ.

Прошло нѣсколько времени и при римскомъ епископѣ Піѣ I (140—155 г.) братомъ его было написано сочиненіе «Пастырѣ» Ерма. Авторъ его не былъ іерархъ, былъ женатъ, происходилъ изъ торговаго сословія, и названное сочиненіе назначалъ для церкви римской; при этомъ экземпляръ его послалъ нѣкому Клименту, но съ тѣмъ, чтобы, онъ сообщилъ его всѣмъ церквамъ. Последнее было поручено Клименту; правда, это еще не говоритъ объ авторитетѣ Климента, но все же это было очень лестно для исполнителя этого порученія.

Черезъ одного преемника Пія мы встрѣчаемъ на римской кафедрѣ Сотира, отъ котораго сохранилось посланіе къ коринтской церкви во время епископства здѣсь лица, извѣстнаго своею литературною дѣятельностью, Діонисія коринтскаго. Посланіе Сотира замѣчательно тѣмъ, что въ немъ имѣются интересные штрихи, которыми обозначается своеобразное положеніе римской церкви среди другихъ церковей. Она занимаетъ въ отношеніи къ нимъ какъ бы покровительственное положеніе; она посылаетъ помощь бѣдствующимъ въ рудникахъ и слабымъ духомъ поддерживаетъ словомъ увѣщанія. Почему римская церковь посылаетъ матеріальное пособіе церкви коринтской,—это въ посланіи Сотира не разъяснено; можетъ быть, эта послѣдняя церковь просто нуждалась въ деньгахъ. Посланіе Сотира было принято торжественно и съ почетомъ прочи-

тано въ церкви коринеской. Указаніе на такое выдающееся положеніе церкви римской встрѣчается еще у Игнатія антиохійскаго; у него она называется «предстоящею въ любви». Такимъ образомъ уже въ первыя времена христіанства мы находимъ авторитетное положеніе церкви римской, до извѣстной степени признанное.

На чемъ же этотъ авторитетъ держался? Разумѣется, имѣло значеніе то обстоятельство, что на западѣ одна только римская церковь была «*sedes apostolica*» и «*ecclesia matrix*» для большинства другихъ, такъ что отношенія ея къ западнымъ церквамъ понятны. Но здѣсь мы видимъ, что стремленія римской церкви направлены на греческія церкви, которыя свѣта Христова ученія отъ нея не приняли и сами были апостольскаго происхожденія, такъ что здѣсь апостольскій авторитетъ церкви римской не могъ падать на вѣсы особенно сильно. Тотъ фактъ, что церковь римская, такъ сказать, гордилась мученичествомъ апостоловъ (особенно, если замѣтить отличіе «*μάρτυς*» отъ нашего «мученика»), получаетъ важное значеніе. Здѣсь апостолы сказали свое послѣднее слово, пострадавъ за І. Христа. Однако, это не особенно выдѣляло римскую церковь и у лица, жившаго и дѣйствовавшаго на западѣ, говорившаго и писавшаго по гречески.

Св. Иринеѣ ліонскій и былъ такимъ лицомъ. Этотъ пастырь церкви въ борьбѣ съ гностиками и ихъ ученіемъ говорить, что представители этого ученія не могутъ доказать происхожденіе его отъ апостоловъ, а католическая церковь можетъ доказать происхожденіе своего ученія отъ апостоловъ, и именно чрезъ преемство епископовъ. Но такъ какъ—говоритъ Иринеѣ—долго перечислять епископовъ всѣхъ церквей, то мы укажемъ на предстоятелей великой и древней церкви, устроенной и основанной отъ славныхъ двухъ апостоловъ Петра и Павла,—церкви римской. Преданіе, которое она имѣетъ отъ апостоловъ, хранить она чрезъ преемство епископское, и, указывая на него, мы побѣдимъ тѣхъ, которые по челоуѣкоугодію, тщеславію, злоупотребленію дѣлаютъ недолжное (*qui praeter quam oportet* [=греч. *ὑπερ*] *colligunt*), потому что необходимо къ этой церкви, вслѣдствіе ея преимущественнаго первѣтса, сходится вся церковь, т. е. всѣ вѣрующіе, и въ этой церкви сохраняется преданіе. *Ad hanc enim* [къ римской церкви] *propter potentiorum* [Massuet ex conj: *potiorem*] *principalitatem* *necesse est* [по греч. вѣроятно стояло: *διὰ τὴν ἰκανωτέραν πρωτεύσαν συνέρχονται*]

ἀνάγκη] omnem convenire ecclesiam, hoc est eos qui sunt undique fideles, in qua semper ab his qui sunt undique conservata est ea, quae est ab apostolis, traditio (Adv. haer. III, 3, 2).

Вотъ чѣмъ мотивируется положеніе римской церкви. Значеніе ея лежить въ томъ, что въ ней легко сохраняется преданіе, и хранителемъ этого преданія является не римскій епископъ самъ по себѣ, а сходящіеся въ Римѣ—qui sunt undique fideles. Такому вселенскому преданію естественно долженъ подчиняться каждый; но «схожденіе» къ римской церкви всей церкви вселенской означаетъ не это. Здѣсь стоитъ не «oportet» (= δεῖ), какъ выше, а простое «necesse est» (= ἀνάγκη), т. е. св. Ириней указываетъ не на долгъ, а заявляетъ простой историческій фактъ, совершающійся въ силу практической необходимости. Къ этой церкви собирались всѣ, собирались вслѣдствіе первенства Рима, какъ столицы, и потому римская церковь была естественнымъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ христіанъ—хранителей преданія. А что должно разумѣть подъ тѣмъ, что «всѣ необходимо сходятся къ римской церкви», разъясняетъ 9-е правило Антиохійскаго собора (IV в.). Здѣсь говорится: τοὺς καθ' ἑκάστην ἐπαρχίαν ἐπισκόπους εἰδέναι χρὴ, τὸν ἐν τῇ μητροπόλει προεστώτα ἐπίσκοπον καὶ τὴν φροντίδα ἀναδέχεσθαι πάσης τῆς ἐπαρχίας διὰ τὸ ἐν τῇ μητροπόλει ἀπανταχόθεν συντρέχειν πάντας τοὺς τὰ πράγματα ἔχοντας· ὅθεν ἔδοξε καὶ τῇ τιμῇ προηγεῖσθαι αὐτὸν, μηδέν τε πράττειν περὶ τὸν τοὺς λοιποὺς ἐπισκόπους ἄνευ αὐτοῦ—что «епископы каждой епархіи должны знать, что епископъ, предстоящій въ митрополіи, приемотреть на себя попеченіе о всей епархіи, такъ какъ въ митрополію отовсюду стекаются всѣ, имѣющіе дѣла; поэтому показалось намъ благоугоднымъ, чтобы епископъ митрополіи предшествовалъ и честію, и чтобы другіе епископы безъ его согласія ничего ни дѣлали». Такимъ образомъ, митрополитъ какъ бы стягивалъ вокругъ себя всѣхъ епископовъ извѣстной области. И Левъ V., передавая власть митрополита епископу Арля, мотивируетъ это тѣмъ, что здѣсь бываетъ стеченіе (concursum) изъ всѣхъ городовъ (ep. 65: ad hanc [civitatem] ex omnibus civitatibus multarum utilitatum causa concurritur).

Такимъ образомъ Римъ являлся центромъ потому, что онъ—столица всего міра. Отсюда несомнѣнна его выгода. Сюда стекались со всѣхъ концовъ христіанскаго міра, почему епископъ его могъ лучше всѣхъ другихъ знать о состояніи церквей,—могъ знать нужды и удовлетворять ихъ,—могъ знать смуты и

умиротворять ихъ; и наконецъ—въ догматическомъ отношеніи онъ могъ провѣрять свои мѣстныя богословскія воззрѣнія, справляясь, какъ мыслятъ другія церкви о томъ или иномъ догматѣ. Такимъ образомъ, человѣкъ, обратившійся въ Карфагенъ, могъ бы узнать только воззрѣніе этой церкви, а обратившійся въ Римъ могъ бы узнать воззрѣніе всей вселенской церкви. Заимствуя сравненіе изъ нашей обыкновенной практики, можно сказать, что римскій хронометръ потому имѣлъ такое преимущество, что онъ всегда былъ провѣренъ по вселенскому времени, тогда какъ другіе хронометры показывали только мѣстное время. Вотъ какъ сложились историческія преимущества римской церкви, опираясь на которыя, ея послѣдующіе предстоятели пошли прогрессивнымъ путемъ.

При папѣ Викторѣ (первомъ съ латинскимъ именемъ) былъ первый случай обнаруженія римскаго авторитета. Неизвѣстно, подъ какимъ вліяніемъ, но можно догадываться, что подъ вліяніемъ сектантовъ съ востока, римскій епископъ призналъ, что восточныя (малоазійскія) церкви не какъ должно (не въ воскресный день весенняго полнолунія) празднуютъ праздникъ пасхи. Отмѣнить эту практику Викторъ и рѣшился. Онъ пытался даже отлучить восточныя церкви, но эта первая претензія встрѣтила сильный отпоръ. Во главѣ практики восточныхъ церквей стоялъ епископъ церкви ефесской Поликрать. Онъ отъ имени всѣхъ малоазійскихъ (восточныхъ) церквей и далъ этотъ отпоръ. Онъ далъ понять Виктору, что здѣсь празднуютъ такъ пасху по преданію апостоловъ, и что онъ, 8-й изъ своихъ родственниковъ—епископовъ ефесскихъ, прочиталъ все Писаніе и угрозъ не боится. И св. Ириней, въ письмѣ къ Виктору, указывалъ на существованіе этого спора еще при св. Поликарпѣ смирнскомъ и Аникитѣ римскомъ, и что—значитъ—тревожиться нечего. Такъ этотъ споръ и окончился ничѣмъ.

При преемникахъ Виктора началась смута [изъ-за вопросъ о церковной дисциплинѣ], которая произвела даже раздѣленіе на западѣ. Тертуллианъ возставалъ противъ римскаго епископа за то, что онъ прощалъ за покаяніе и тяжкіе грѣхи. Корнилию, еп. римскому, пришлось вести борьбу съ Новаціаномъ. И Новаціанъ, и Корнилій обратились къ суду церкви вселенской; писали, напр., Діонисію александрійскому и другимъ. Оттуда уговаривали Новаціана отказаться отъ своихъ претензій на римскую кафедру. При второмъ преемникѣ Кор-

нилія, Стефанъ, между римскою и карфагенскою церковью вышло столкновеніе и смута, которыя могли охватить собою всю вселенскую церковь. Дѣло поднялось изъ-за крещенія еретиковъ; послѣднихъ, отказавшихся отъ своихъ заблужденій, римская церковь принимала въ свое лоно безъ перекрещиванія, церковь же карфагенская таковыхъ обыкновенно перекрещивала: Стефанъ, еп. римскій, надменно потребовалъ, чтобы церковь карфагенская оставила свою практику и, при принятіи въ церковь еретиковъ, слѣдовала практикѣ церкви римской. Въ спорѣ этомъ принялъ участіе Діонисій александрійскій, который сказалъ свое примирительное слово, результатомъ чего было то, что распря, возникшая было между церквами, мало-по-малу совсѣмъ прекратилась.

Такимъ образомъ, уже въ первый періодъ христіанской церкви мы видимъ со стороны римскихъ епископовъ попытки утвердить свой авторитетъ. Замѣчательно здѣсь то, чѣмъ кончились эти попытки: Викторъ и Стефанъ потерпѣли во время самаго спора пораженіе, но тѣмъ не менѣе они защищали такую практику, которая впоследствии была принята вселенскою церковью. Съ теченіемъ времени оказывалось, что для помѣстныхъ церквей слѣдовать практикѣ римской церкви гораздо безопаснѣе, чѣмъ какой-либо другой церкви. Что же касается до такихъ фактовъ, которые могли набросать нѣкоторую тѣнь на римскихъ епископовъ, то они скоро были забыты. Такъ ученіе папы Каллиста, отзывавшееся савелліанствомъ, было забыто еще въ половинѣ IV вѣка. Темное дѣло анти-папы Ипполита тоже скоро было предано забвенію; Ипполита представили даже епископомъ города Порты и только открытіе «Философумень» разъяснило все дѣло.

Очевидно, для того, чтобы выполнить задачу, хотя съ относительнымъ успѣхомъ, нужны были благопріятныя обстоятельства и богатые средства. Дѣйствительно, римскіе первосвященники выростаютъ не изъ ничтожества, какъ это было съ константинопольскими патріархами; они въ своей борьбѣ отправляются отъ весьма прочнаго, высокаго, исторически сложившагося положенія. За нихъ было обаяніе перваго іерарха въ христіанскомъ мірѣ. Они были первостоятелями той церкви, которая въ тяжелые годы гоненій приобрѣла себѣ славу практическаго благочестія,—того центра, который былъ образцомъ въ культурномъ отношеніи. Въ продолженіе трехъ столѣтій на римскомъ престолѣ смѣнилось 28 епископовъ и ни

одинъ изъ нихъ, насколько помнили люди нашего періода, не помрачилъ славы своего православія. Были примѣры, что они выступали съ претензіями, которыя встрѣчали сильный отпоръ со стороны ихъ современниковъ, но — замѣчательная историческая случайность: то мнѣніе, которое они отстаивали, въ концѣ концовъ одерживало побѣду. Такъ было съ вопросомъ о празднованіи пасхи, о дисциплинѣ относительно падшихъ, о крещеніи еретиковъ. Все это не могло не импонировать на весь христіанскій міръ. Еще прочнѣе поставленъ былъ авторитетъ римскихъ епископовъ на западѣ. Римская церковь была единственная «*sedes apostolica*» на западѣ и это высокое опредѣленіе стало для нея обыкновеннымъ названіемъ, почти собственнымъ именемъ, черезъ что она являлась какъ бы апостольскою каедрою по преимуществу. Для большей части западныхъ церквей Римъ былъ «*ecclesia matrix*». Преданіе о независимомъ происхожденіи нѣкоторыхъ церквей съ востока было скоро забыто, и папа Иннокентій I (416) могъ уже не боясь возраженій высказывать такую мысль, что во всей Италіи, Галліи, Испаніи и Афірикѣ не проповѣдывалъ никакой другой апостоль кромѣ св. Петра.

Такимъ образомъ, римскіе епископы уже въ предшествующій періодъ достигли весьма многого. Но свою задачу они разрѣшили еще далеко не въ полномъ объемѣ и въ разсматриваемый періодъ: таковы были ея размѣры и такова была сила противодѣйствія.

Римскій епископъ, какъ патріархъ запада.

Первый вселенскій соборъ въ 6 правилѣ, утверждая противъ притязаній мелитіанъ власть александрійскаго епископа надъ Египтомъ, Ливіей и Пентаполемъ согласно съ древними обычаями, указываетъ на подобныя же права и обычаи епископа римскаго. «Да хранятся древніе обычаи, существующіе въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ, чтобы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми ими, потому что и римскому епископу это обычно; равнымъ образомъ и въ Антиохіи и другихъ енархіяхъ да хранятся привилегіи церквей (τὰ προβεβηία)».

Правило это способно вызвать и вызывало много толкованій. Римская церковь старалась всегда основывать на немъ свои притязанія на первенство, и въ началѣ правила интерпретовала строчку: *Romana ecclesia semper habuit primatum*.

При этомъ забыто, что говорить о распорядкѣ вообще церквей на соборѣ не было никакого повода: правило имѣетъ въ виду лишь александрійскую церковь. Эта прибавка, какъ показываетъ греческій текстъ соборныхъ актовъ, не только не подлинна, но даже и глупа: она показываетъ только, *quali fronte* одарены были нѣкоторые римскіе дѣятели, если они не только основывали первенство Рима на фальшивой прибавкѣ, но и осмѣлились прочитать ее на IV вселенскомъ соборѣ послѣ позорнаго обличенія по дѣлу Апіарія еще 30 лѣтъ тому назадъ.

Дѣло перетолкованій осложняется еще однимъ обстоятельствомъ. Латинскій историкъ Руфинъ изложилъ содержаніе 6 правила такъ: «чтобы древній обычай сохранился въ Александріи и въ Римѣ и чтобы александрійскій епископъ имѣлъ попеченіе объ Египтѣ и римскій епископъ о *suburbicariae ecclesiae*». Пониманіе послѣдняго термина не установлено съ точностью, исторія его сама по себѣ довольно своеобразна.

При Августѣ вся Италія была раздѣлена на 11 *regiones*. Нѣкоторыя (сѣверныя) *regiones* назывались *annonariae*; другія, въ отличіе отъ нихъ, — *urbicariae* или *suburbicariae*. (Такъ, напр., различали *Pisenum annonarium* отъ *Pisenum suburbicarium*). На почвѣ такого дѣленія и возникаетъ вопросъ объ объемѣ субурбикарныхъ провинцій. При Діоклетіанѣ Италія была подѣлена на 17 провинцій, а эти провинціи—на 2 діэцеца. Система управленія была очень проста. Непосредственно послѣ императора во главѣ управленія стоялъ *praefectus praetorio*. А при Діоклетіанѣ было 4 императора и 4 префекта преторіи, которые въ этомъ числѣ были и во все послѣдующее время существованія римской имперіи. Префекты сдѣлались гражданскими начальниками, хотя въ правительственной системѣ Рима не было строгаго различія между гражданскими и военными чиновниками. Слово «*militare*» поэтому было приложимо ко всякому лицу, стоящему на государственной службѣ. Такимъ образомъ префекты преторіи были высшими сановниками въ государствѣ, и на нихъ невозможно было приносить апелляцію, пока префектъ не былъ смѣненъ съ своей должности. За префектами слѣдуютъ ихъ намѣстники, *vicarii діэцезовъ*, а послѣднимъ были подчинены *praesides*, которые носили разныя названія. Изъ 17 провинцій 7 сѣверныхъ составляли діэцезъ италійскій: во главѣ этого діэцеца стоялъ *vicarius Italiae*. Остальныя десять были подчинены викарію *in urbe Roma*. Но самый Римъ находился на особомъ положеніи:

во главѣ столицы стоялъ *praefectus urbis Romae*, сановникъ равнаго ранга съ *praefecti praetorio*. Это положеніе префекта города Рима подало поводъ къ особымъ осложненіямъ въ схемѣ управленія южною Италіею. *Vicarius in urbe Roma*, какъ и всѣ викаріи, былъ подчиненъ префекту преторіи Италиі. Но префектъ города Рима, конечно, не подчиненный викарію, своею властью вторгался въ дѣла викарія *in urbe Roma*. 10 провинцій, составлявшія діэцезъ викарія *in urbe Roma*, извѣстны были подъ названіемъ *provinciae suburbicae*. Нужно однако замѣтить, что въ предшествующее время можетъ быть названіе *provinciae suburbicae* распространялось не на всѣ 10 провинцій діэцеза, включавшаго между прочимъ и острова: Сицилію, Сардинію, Корсику и др.

Возникаетъ вопросъ, тождественны ли понятія: *provinciae suburbicae* и *ecclesiae suburbicae*? Обыкновенно рѣшаютъ его въ томъ смыслѣ, что они тождественны. И мнѣ въ свое время такое рѣшеніе казалось вѣроятнымъ. Но, кажется, здѣсь надо стать на другую точку зрѣнія ¹⁾.

Префектъ города Рима обладалъ странными привилегіями. Провинціи, лежація близко къ городу Риму, были подчинены префекту этого города. Еще въ отдаленныя республиканскія времена можно было подвергать гражданъ наказанію изгнанія (*exilium*) изъ города, въ которомъ ихъ лишали воды и огня, такъ что осужденные поневолѣ должны были оставлять Римъ. Предѣльный пунктъ, за которымъ изгнаннику *licet esse*, былъ опредѣляемъ на каждый особый случай спеціально: то было этимъ предѣломъ 100 камней, то болѣе ²⁾. И такимъ образомъ *ultra centesimum lapidem* сдѣлалось ходячимъ выраженіемъ относительно изгнанныхъ изъ города.

Мѣстности во всѣхъ провинціяхъ, находившіяся внутри сотога камня (*intra centesimum lapidem*), были въ вѣдѣніи

¹⁾ Изъ курса 1898/9 г.г. О разныхъ мѣнѣяхъ по этому вопросу см. K. L ü b e c k, Reichseinteilung und kirchliche Hierarchie des Orients bis zum Ausgange des vierten Jahrhunderts. Münster i. W. 1901. А. Б.

²⁾ По этому поводу извѣстенъ даже курьезъ съ Цицерономъ. Когда Цицеронъ приговоренъ былъ къ изгнанію за 400 миль отъ города, онъ, какъ умный и образованный человекъ со связями, своевременно освѣдомленный о томъ, что противъ него предпринимаютъ, уже намѣтилъ для себя мѣстоцрѣбываніе въ одномъ изъ городовъ южной Италиі. Но правительство во время спохватилось, и въ окончательной редакціи приговора было сказано, что Цицеронъ удаляется за 500 миль отъ города, и, вслѣдствіе этого, онъ долженъ былъ удалиться изъ Италиі.

префекта города Рима. Преступленія въ этихъ предѣлахъ разбирались мѣстными властями, а апелляція шла не къ префекту преторіи Италіи, а къ префекту города Рима. Такимъ образомъ этотъ высшій римскій сановникъ обладалъ своеобразною властью принимать апелляцію на разстояніи сотаго камня отъ Рима. Эта территория и называлась *regiones suburbicae*. При этомъ, когда префектъ выходилъ изъ Рима, то лишался своей власти, и лишь оставаясь въ Римѣ, пользовался своеобразной привилегіей.

Ростъ населенія большого города естественно увеличивался и потому осложнялись своеобразныя экономическія условія. Въ сакральныхъ вопросахъ границей Рима всегда считалось *romaeium*, та борозда, которую провелъ Ромулъ, но въ правовыхъ вопросахъ нужно было сдѣлать послабленія. Городъ кончается тамъ, гдѣ кончаются смежныя неразрывныя строенія. Очень важенъ былъ вопросъ, кого изъ гражданъ Рима нужно было считать присутствующимъ въ городѣ. Правительство расширило понятіе о городской чертѣ и признало присутствующими въ Римѣ тѣхъ, которые находились на разстояніи одной мили отъ города, считая отъ центра, а потомъ и это понятіе пришлось расширить, и разстояніе одной мили отъ города стали считать отъ того пункта, гдѣ кончаются городскія зданія. Римское населеніе питалось привознымъ хлѣбомъ, и какое-либо неустройство рѣчной системы причиняло ему много зла. Не мало безпокойствъ причинялъ Риму и недостатокъ воды. Самый важный водопроводъ, *aqua Marcia*, которымъ снабжался Римъ, находился въ 39 миляхъ отъ города. На основаніи всѣхъ этихъ экономическихъ потребностей, власть префекта города Рима слѣдовало распространить на всю сферу интересовъ Рима. Жизнь побудила признать такую границу 100 миль. Если городу угрожала голодь, то, по распоряженію префекта, всѣ бесполезные иностранцы, а затѣмъ челядь низшаго разряда, рабы, опозоренные вышею мѣрою наказанія, выселялись за 100 миль отъ Рима. Затѣмъ, правовое понятіе тѣсно связывало отношенія между освобожденнымъ рабомъ и его господиномъ. Этотъ рабъ становится *libertus*—свободнымъ, но не вполнѣ. Господинъ становился по отношенію къ нему *patronus*, а рабъ назывался *libertus*. На либертѣ лежали по отношенію къ патрону нѣкоторыя нравственныя и юридическія обязанности. Въ случаѣ недолжнаго поведенія со стороны *libertus*'а къ своему патрону, послѣдній могъ удалить его изъ

Рима за сотый камень—стоило только сказать объ этомъ префекту. Всѣ подобныя мѣропріятія съ успѣхомъ примѣняли потому, что власть находилась въ рукахъ префекта.

Такимъ образомъ, въ римскомъ управленіи было оригинальное понятіе о «сотомъ камнѣ». Фигура сотаго камня не можетъ быть начерчена въ видѣ правильной геометрической фигуры: нельзя, напримѣръ, отмѣрить этотъ сотый камень, установивъ ножку циркуля въ Римѣ, а другою очертивъ кругъ, радіусъ котораго бы равнялся ста камнямъ. На самомъ дѣлѣ сотый камень считался только по дорогамъ, которыя вели въ Римъ или шли изъ Рима. Это была весьма условная фигура. Только въ настоящее время съ достаточною математическою и географическою точностью выяснено (Pertsch), гдѣ на различныхъ дорогахъ лежалъ этотъ сотый камень. Римская миля равняется нашимъ 693 сажнямъ. *Ultra centesimum lapidem* лежали напр. *Perusia* (нынѣ *Perugia*—городъ, архіепископскую кафедру котораго занималъ Левъ XIII до избранія въ папы), *Capua*—метрополия Кампаніи. Площадь *intra centesimum lapidem* равна всего 27800 кв. километрамъ.

Спрашивается, *ecclesiae suburbicariae* лежали-ли въ 10 *provinciae suburbicariae*, или же въ *regiones suburbicariae intra centesimum lapidem*? Въ пользу второй альтернативы говорить уже то, что римскій епископъ здѣсь ставится въ аналогію съ высшимъ гражданскимъ сановникомъ (*vir illustris praefectus praefectio Romae*), а не со среднимъ (какъ *vicarius*). Загѣмъ, слишкомъ мало вѣроятности въ томъ, чтобы въ Сициліи и южной Италіи не привилось митрополитанское устройство. Вѣдь оно являлось выраженіемъ епископскаго самоуправленія, и напр., въ близкой къ Риму Африкѣ получило въ извѣстномъ видѣ широкое примѣненіе. Такимъ образомъ естественно предположить, что особыя отношенія римскаго епископа къ «церквямъ подгороднымъ» практиковалось *intra centesimum lapidem*, а не въ 10 *provinciae suburbicariae*.

Римскій іерархъ былъ епископомъ для города Рима, митрополитомъ по отношенію къ *ecclesiae suburbicariae*. Въ этихъ границахъ его юрисдикція была внѣ всякаго спора. Въ настоящій періодъ папы стремятся подчинить ей всю западную церковь, т. е. развить ее въ той территоріи, границами которой на сѣверѣ были епископіи германскія, на югѣ—церкви Африки, на западѣ—Галлія и Испанія, и на востокѣ—границы префектуры иллирійской. Такимъ образомъ, западная церковь

настоящаго періода начиналась весьма недалеко отъ Константинополя: нынѣшніе города Никополь и Филиппополь принадлежали востоку, но Сердика (ок. нынѣшней Софіи), Фессалоника, въ какихъ нибудь 400 верстахъ отъ стѣнъ Константинополя, со всею Греціею, причислены были уже къ западу.

Распространеніе въ этихъ границахъ патріаршей власти римскаго епископа представляетъ то любопытное явленіе, что она скорѣе и прочнѣе утверждается въ церквахъ, отдаленныхъ отъ Рима географически или этнографически.

Прежде всего, на сѣверѣ Италіи римскому епископу удалось утвердить въ древній періодъ власть весьма относительную. Онъ встрѣтилъ отпоръ со стороны церкви медиоланской (съ 17 подвѣдомыми епископіями), аквилейской (съ 14) и равеннской (съ 6).

Значеніе Медиолана возвышалось преданіемъ о древности распространенія здѣсь христіанства ап. Варнавою, политическимъ значеніемъ, такъ какъ Медиоланъ былъ сдѣланъ императорскою резиденціею, и, наконецъ, церковною славою, благодаря высокой личности Амвросія медиоланскаго. Не вступая въ рѣзкій конфликтъ съ Римомъ, медиоланская церковь относилась къ римской съ братской свободою, исключавшей ея подчиненность. Подлѣ великой личности Амвросія исчезала такая посредственность какъ Дамась. Было дано не мало доказательствъ незначительности для медиоланской церкви авторитета Рима. Авксентій медиоланскій былъ осужденъ въ 371 г., но оставался на каѳедрѣ и умеръ епископомъ въ 374 г. Потомъ на аквилейскомъ соборѣ при Амвросіи, хотя были представители изъ верхней Италіи, западнаго Иллирика и даже Галліи, но официальныхъ представителей отъ римской церкви не было. Амвросій дѣйствовалъ свободно и въ дѣлахъ своей собственной каѳедры. Въ 381 году на медиоланскомъ, вѣроятно, соборѣ онъ предсѣдательствовалъ, и рѣшенія этого собора были утверждены имъ самимъ безъ доклада въ Римъ. И далѣе медиоланскіе епископы дѣйствовали въ томъ же направленіи. Во время спора о трехъ главахъ медиоланская церковь формально отдѣлилась отъ Рима. Поставлялись медиоланскіе епископы не получая утвержденія и палліума изъ Рима. Лишь во время лангобардскаго гнета Григорію Великому († 604) удалось провести юрисдикцію надъ этою церквью, когда низверженный Лаврентіемъ II медиоланскимъ пресвитеръ Магнъ обратился съ апелляціею въ Римъ и былъ восстановленъ въ 593 году.

Аквилейская церковь, стоявшая во главѣ 14 епископій, возводила свое начало къ св. Марку и знать не хотѣла о подчиненіи Риму. Митрополиты ея усвоили даже себѣ титулъ патріарховъ. Во время спора о трехъ главахъ она тоже отдѣлилась отъ Рима, и ни лангобардскія завоеванія, ни централизаторскіе таланты Григорія В. не могли подчинить ее Риму. Формально она подчинилась въ 698 году при Павлинѣ аквилейскомъ. Но преданія объ автокефальности сохранились до XI вѣка.

Въ равеннской церкви протестъ былъ слабѣе. Значеніе Равенны возвысилось съ 408 года, когда Гонорій перенесъ сюда предъ нашествіемъ вестготовъ свою столицу. Кульминаціонный пунктъ ея процвѣтанія былъ въ третьей четверти VII столѣтія. Несмотря на позднее усиленіе ея, она съ успѣхомъ отстаивала свою самостоятельность.

Наоборотъ, въ церквахъ, отдаленныхъ отъ Рима, власть римскаго епископа признавалась охотно. Самыхъ преданныхъ римскимъ епископамъ сыновъ можно было встрѣтить на востокъ — въ Греціи, въ иллирійской префектурѣ. Центромъ римскаго вліянія была здѣсь Фессалоника ¹⁾. Еще во времена Дамаса фессалоникскіе епископы получили званіе викаріевъ апостольскаго престола — *vicarii sedis apostolicae*. Первымъ викаріемъ былъ Ахолій; его преемники, Анисій съ 383 г. и Руфъ съ 412 г., также были утверждаемы въ этомъ званіи римскими епископами. Въ качествѣ римскихъ викаріевъ фессалоникскіе епископы дѣйствовали, какъ настоящіе патріархи: они собирали дѣцезальные соборы, рѣшали дѣла, превосходившія компетенцію провинціальныхъ соборовъ, — только дѣлъ большой важности они не могли рѣшать безъ сношенія и согласія съ Римомъ, — рукополагали митрополитовъ и утверждали кандидатовъ на епископскія каѳедры. Такимъ образомъ, въ Фессалоникѣ римская централизація пустила глубокіе корни. Иннокентій I говорилъ съ епископами Македоніи въ тонѣ бесспорнаго авторитета по случаю вопроса о нѣкоторыхъ разносяхъ съ римскою церковію и видѣлъ обиду апостольскому престолу въ самомъ вопросѣ.

Объясняется такое странное положеніе Фессалоники довольно легко. Фессалоника, несомнѣнно, въ гражданскомъ от-

¹⁾ Ср. П. Тенарскій, Исторія фессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ константинопольскому патріархату. Спб. 1901. А. Б.

ношеніи имѣла большое значеніе; это видно изъ того, что проконсулы Ахаіи издавна имѣли здѣсь свою резиденцію, а при Константинѣ этотъ городъ чуть не сдѣлался столицей всей имперіи. Это, конечно, поднимало и значеніе ѳессалоникскаго епископа. Александръ ѳессалоникскій представлялъ изъ себя величину высокой важности. Но возникновеніе Константинополя—новой столицы имперіи сравнительно въ близкомъ разстояніи отъ Солуни заставляло догадываться, что, когда значеніе Константинополя окрѣпнетъ, этотъ близкій центръ произведетъ притягивающее вліяніе на Солунь и въ концѣ концовъ нужно ожидать подчиненія ѳессалоникскаго епископа константинопольскому. Такимъ положеніемъ воспользовались римскіе епископы. Римская церковь, поставивъ Ахоліа викаріемъ апостольскаго престола, тѣмъ самымъ установила зависимость ѳессалоники отъ Рима и предоставила ей много правъ и свой нравственный авторитетъ противъ ограниченной ея значенія со стороны Константинополя. Естественно было предвидѣть, что зависимость ѳессалоники отъ удаленнаго Рима будетъ менѣе стѣснительна, чѣмъ отъ Константинополя. Удаленность ѳессалоники отъ Рима и различіе ея жителей по языку и были поводомъ предоставленія ѳессалоникскимъ епископамъ широкихъ компетенцій. Въ самомъ дѣлѣ, не легко было челоуѣку греческаго происхожденія нести апелляцію въ Римѣ.

Своевременно учрежденное викаріатство пустило глубокіе корни. Отсюда становится понятнымъ, что когда въ 379 году часть иллирійской префектуры была присоединена къ восточной имперіи и самъ Ѳеодосій В. поселился въ Солуни, то солунскіе епископы не только не порвали связи съ Римомъ, но проявляли эту связь даже демонстративно. Когда епископу Ахолію представлялась возможность ѣхать на соборъ или въ Константинополь, или въ Римъ, то онъ поѣхалъ въ Римъ и тѣмъ показалъ, что принадлежитъ къ системѣ западныхъ церквей, а въ Константинополь прибылъ только къ концу засѣданій. Такое положеніе дѣлъ поддерживалось долго. Эдиктъ Ѳеодосія II (421) о подчиненіи восточнаго Иллирика въ церковномъ отношеніи Константинополю остался безъ послѣдствій, и только Левъ Исаврянинъ въ 732 г. насильственно заставилъ ѳессалоникскій экзархатъ присоединиться къ восточной системѣ церквей.

Съ такой же преданностью къ Риму относились епископы

отдаленной Испаніи. Если такъ было тамъ въ благополучную пору, то эти отношенія еще болѣе усилились, когда на Испанію обрушился гнетъ аріанъ-завоевателей. Испанская церковь весьма дорожила нравственной поддержкой Рима и, благодаря этому, власть Рима надъ Испаніей окрѣпла рано. Первое подлинное декретальное посланіе 385 года представляетъ собою отвѣтъ папы Сирикія епископу испанскому Имерію тарраконскому на его дисциплинарные вопросы.

Иначе шли дѣла въ Галліи ¹⁾. Духъ независимости временъ св. Иринѣя и до сихъ поръ оказывалъ сильное вліяніе на церковныя сношенія съ Римомъ. Обращенія къ папамъ за разрѣшеніемъ различныхъ церковныхъ вопросовъ не безпримѣрны и въ Галліи; но самый тонъ папскихъ декреталій лучше всего говоритъ о томъ, какъ слабо былъ еще утвержденъ папскій авторитетъ въ Галліи. Извѣстно, какъ папа Иннокентій принималъ предложенные ему вопросы епископовъ Македоніи. Вотъ въ какомъ тонѣ онъ отвѣчаетъ на подобнаго рода обращенія подчиненнымъ ему епископамъ итальянскимъ. «Мы не можемъ дивиться тому, что любовь твоя, слѣдуя установленіямъ отцовъ, обращается къ намъ, какъ главѣ и вершинѣ епископства, за разрѣшеніемъ недоумѣнныхъ случаевъ; но мы изумлены, что ты, разумный мужъ, хочешь совѣтоваться съ нами о томъ, что несомнѣнно извѣстно всѣмъ и каждому...» (Felicis piscegiانو). «Церковныя правила должно знать всякому епископу, потому что не знать ихъ архіерею тѣмъ болѣе неприлично, когда благочестивые міряне знаютъ ихъ и считаютъ нужнымъ соблюдать на дѣлѣ» (Maximo et Severo ерр. рег Brutios). Но вотъ какъ тотъ же самый папа на подобныя же запросы отвѣчаетъ галльскимъ епископамъ. «Хотя тебѣ, любезнѣйшій братъ,—пишетъ онъ епископу руанскому,—извѣстны всѣ церковныя правила о жизни и ученіи и нѣтъ ничего въ священныя книги, что было бы тебѣ непонятно, — за это ручаются тѣ заслуги и та святительская честь, которыми ты въ высокой степени обладаешь,—но такъ какъ ты неотступно просишь, чтобы я прислалъ тебѣ дисциплинарныя правила римской церкви, то я вполне повинуюсь (potem admodum degens) твоему желанію». «На твои вопросы, любезнѣйшій братъ,—пишетъ Иннокентій къ епископу тулузскому, — отвѣ-

¹⁾ Ср. Н. Малицкій, Борьба галльской церкви противъ папъ за независимость. М. 1903.

чаю по мѣрѣ моего разумѣнія, что представляется сообразнымъ съ здравымъ смысломъ, или что я вычиталъ въ св. Писаніи, или, наконецъ, что извѣстно изъ преданія. Твоя любовь, слѣдуя мудрымъ отеческимъ установленіямъ, предпочитаетъ лучше обратиться къ апостольскому престолу за указаніями въ недоумѣнныхъ случаяхъ, чѣмъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. И не стыднѣ ли совсѣмъ не знать чего-нибудь, чѣмъ научиться у другого? А и мнѣ самому полезны подобныя запросы: отвѣчая на нихъ, лучше выясняешь и для себя ихъ разумныя основы, такъ что всякій разъ, какъ учишь кого-нибудь, и самъ узнаешь что нибудь». Учрежденіе папскаго викаріата въ Галліи, повидимому, доказываетъ, что папы тамъ пользовались общепризнаннымъ авторитетомъ. Однако же первый опытъ въ этомъ родѣ при Зосимѣ (Патроклъ арльскій) былъ весьма неудаченъ, и потому послѣдующіе папы должны были разрушить свое созданіе, предоставивъ дѣла ихъ естественному теченію.

Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ поводовъ для папскаго вмѣшательства вездѣ служили апелляціи въ Римъ низложенныхъ. Галлія въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательное явленіе. Между 346 и 444 гг. извѣстны 8 случаевъ низложенія епископовъ галльскими соборами, и однако же ни одинъ изъ пострадавшихъ не апеллировалъ къ папскому престолу. Невозможно утверждать, чтобы дѣло каждаго изъ нихъ представлялось вполнѣ безнадежнымъ въ его собственныхъ глазахъ, или что постороннія обстоятельства воспрепятствовали апелляціи. Вѣрнѣе, галльскіе епископы въ общемъ такъ дорожили своею автономіею, что апелляція въ Римъ погубила бы низложеннаго во мнѣніи его собратій.

Насчитываютъ три случая до Льва V., когда папы вмѣшались въ дѣла галльской церкви. 1) Въ виду возвысившагося (политическаго) значенія города Арелата (Арля) епископы этой каедръ стали домогаться себѣ митрополитанскихъ правъ. Поддерживаемаго могущественнымъ Константиємъ Патрокла арльскаго папа Зосимъ (417) назначилъ даже своимъ викаріемъ. Митрополиты нарбоннскій, вьеннскій и марсельскій отстаивали свои права противъ папской креатуры. Прокула марсельскаго Зосимъ въ 418 г. объявилъ даже низложеннымъ, но онъ удержалъ свою каедръ и дѣйствовалъ какъ признанный всѣми епископъ. Бонифатій I въ 422 г., наконецъ, ограничилъ права Патрокла въ пользу митрополитовъ. 2) Второй разъ вмѣшался

въ церковныя дѣла Галліи Бонифатій по жалобѣ клириковъ на епископа валенскаго Максима (419), но онъ имѣлъ осторожность передать дѣло на судъ галльскаго собора. 3) Наконецъ, когда Келестинъ позвалъ къ своему суду по жалобамъ съ востока нѣкоего Даніила, человѣка, повидимому, сомнительной нравственности, то по странной случайности, можетъ быть не совсѣмъ непредназначенной, Даніила въ это время поставили въ епископы (428).

Такимъ образомъ, до самаго Льва V. папскій авторитетъ въ Галліи былъ крайне относительнымъ. Лишь этому великому представителю папства удалось проявить свою власть надъ Галліею съ значительнымъ успѣхомъ. Иларій арльскій, пользовавшійся высокимъ уваженіемъ, строгій аскетъ, но едва ли свободный отъ властолюбія, на одномъ соборѣ низложилъ нѣкоего Келидонія, епископа, какъ полагаютъ, безансонскаго. Имѣлъ ли надъ нимъ Иларій права юрисдикціи, это остается сомнительнымъ, и во всякомъ случаѣ, если онъ былъ и правъ въ этомъ, то его компетенція опиралась не на папскіе декреты. Келидоній былъ низложенъ за то, что, бывши прежде судьей, произнесъ нѣсколько смертныхъ приговоровъ и былъ женатъ на вдовѣ или, лучше сказать, на дѣвушкѣ, которая была невѣстой другого. Въ высшей степени темный вопросъ, дѣйствительно ли былъ виновенъ онъ въ томъ, что на него возводили. Но низложенный, онъ апеллировалъ въ Римъ, и здѣсь нашли обвиненіе совершенно недоказаннымъ. Сюда же пѣшкомъ прибылъ и Иларій. Въ своихъ объясненіяхъ съ папою Иларій, по мнѣнію его сторонниковъ, высказалъ только правду во всей ея рѣзкой неприкровенности, совсѣмъ неприкрашенную, а папа находилъ, что Иларій объяснялся съ нимъ языкомъ невозможно дерзкимъ. Сколько извѣстно, Иларій заявилъ прямо, что онъ явился въ Римъ вовсе не для того, чтобы поддержать свое обвиненіе противъ Келидонія или вести съ нимъ судебный процессъ, а чтобы протестовать противъ вмѣшательства Рима въ дѣла Галліи. Протестъ его уваженъ не былъ, дѣло предложено было на судъ римскаго собора (445). На Иларія посмотрѣли какъ на безпокойнаго человѣка, съ претензіями на юрисдикцію во всей Галліи; задумали было даже арестовать его. Но до окончанія суда Иларій спасся бѣгствомъ. Римскій соборъ возстановилъ Келидонія, лишивъ Иларія власти надъ вьенскою провинціею и права хиротоніи епископовъ, но не епископской каведры. Кон-

ституція Валентиніана III, писанная едва ли не подъ диктовку папы, придала легальное значеніе этому приговору. Однако же это не повредило тому высокому авторитету, какимъ Иларій пользовался у своей паствы. Попытка его примириться съ папою была, сколько извѣстно, неудачна. Въ 449 году онъ умеръ и причтенъ западною церковью къ лику святыхъ.

Таковъ былъ первый сколько-нибудь замѣтный успѣхъ папъ въ распространеніи своего авторитета надъ Галлією. Келлидоній, судя по всему, былъ возстановленъ по приговору римскаго собора, и въ этомъ самая важная для папъ сторона дѣла. Но какъ видно изъ другихъ подробностей всего этого процесса, эта побѣда папскаго авторитета была одною изъ скромныхъ. Уже одно то, что возможно было такъ рѣзко отстаивать автономію галликанскихъ церквей, говорить, что папская церковная власть здѣсь не пустила еще прочныхъ корней. Иларій выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ папъ; его подозрѣваютъ въ стремленіи подчинить своей церковной власти всю Галлію и въ полнѣйшемъ отрицаніи авторитета апостольскаго престола; онъ бѣжитъ изъ Рима, не дожидаясь соборнаго рѣшенія, и eo ipso—комментируетъ папа—какъ бы самъ отбѣкаетъ себя отъ общенія съ римскою церковью, котораго онъ не достоинъ; папа въ своемъ посланіи изображаетъ его самыми темными красками, и—однако Иларій умираетъ, окруженный общою любовью и уваженіемъ, съ ореоломъ святого. Пожалуй еще важнѣе другая подробность: такого-то рьянаго противника папа лишилъ только извѣстной части митрополитанскихъ правъ, но—по милосердію апостольскаго престола, *pro sedis apostolicae pietate*—не только не произнесъ на него отлученія отъ церкви, но не попытался даже лишить его епископской кафедры,—умѣренность для Рима весьма замѣчательная. И даже въ своемъ посланіи галликанскимъ епископамъ папа нисходитъ почти до заискиваній и заботливо отмѣчаетъ въ своихъ распоряженіяхъ ту подробность, что онъ не присваиваетъ себѣ права хиротоніи въ Галліи, какъ это, можетъ быть, случается по своему обыкновенію Иларій, для того чтобы сбить съ толку галльскихъ епископовъ, а только охраняетъ законныя митрополитанскія права отъ посягательства такихъ наглыхъ людей, какъ Иларій; что онъ, папа, ратуетъ не столько за свою честь, сколько за привилегіи самихъ галльскихъ епископовъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ апостольскій престолъ ничего не выигрываетъ, кромѣ

чувствъ признательности и любви со стороны Галліи за возстановленіе возмущеннаго церковнаго мира.

Послѣ этого борьба галликанской автономіи съ римскою централизаціею не повторялась. Галльскіе епископы поддерживаютъ добрыя отношенія къ Риму. Папы послѣдовательно посылаютъ арльскимъ епископамъ палліумъ и усвояютъ имъ права апостольскаго викарія. Такимъ образомъ, сами папы возстановляютъ преемниковъ Иларія въ тѣхъ привилегіяхъ, которыхъ они лишили этого послѣдняго, и такимъ образомъ утверждаютъ свой авторитетъ, примыкая къ существующимъ уже отношеніямъ.

Наиболѣе стойкими борцами съ римскими епископами оказались африканскіе отцы. Въ практикѣ борьбы съ римскими епископами африканскіе епископы оставили несомнѣнные образцы тактики борьбы, и сомнительно, удалось ли бы римскимъ епископамъ стать тѣмъ, чѣмъ они стали, если бы они не воспользовались благопріятными историческими обстоятельствами, — именно, если бы вандалы не сломили силы Африки.

По политическому дѣленію римской имперіи Африка входила въ составъ префектуры Италіи. Но провести здѣсь свое вліяніе римской церкви было трудно. Христіанство въ Африкѣ распространилось рано и выработало здѣсь своеобразный церковный строй въ такой формѣ, въ какой болѣе нигдѣ не встрѣчается. Какъ и въ южной Италіи, здѣсь было очень много епископовъ. Главнымъ епископомъ въ Африкѣ былъ епископъ карфагенскій — *primas* по самой каедрѣ; въ провинціяхъ во главѣ епископовъ стоялъ *senex*, старшій по хиротоніи епископъ; поремѣшенія съ одной каедрой на другую не допускались. Чтобы знать, кто изъ епископовъ старше, велись особые списки, хранившіеся въ церковныхъ архивахъ, куда заносились годъ и число хиротоніи каждаго епископа. Каждый епископъ въ Африкѣ прекрасно понималъ, что каедра сама по себѣ ничего не значитъ; все зависѣло отъ лѣтъ епископа. Епископъ какой-либо деревушки нисколько не чувствовалъ себя ничтожнымъ въ сравненіи съ епископомъ какого либо большаго города, если онъ былъ современникомъ ему по хиротоніи. Такимъ образомъ, африканская церковная система способствовала тому, чтобы между епископами воспитывался духъ равенства. Поэтому не легко было въ Африкѣ провести идею, что всѣ епископы должны подчиняться римскому.

Въ этомъ отношеніи въ Аѳрикѣ наблюдается такое явленіе. Въ Аѳрикѣ римскій авторитетъ признается и провозглашается съ давнихъ поръ, но только теоретически,—провозглашается, что Римъ есть центръ христіанскаго единенія и рѣшенія римской каѳедры должны считаться окончательными, но только тогда, когда Римъ стоялъ на одной сторонѣ съ африканскими епископами. Когда же Римъ стоялъ на противоположной точкѣ или шелъ даже противъ, тогда африканскіе епископы давали себя чувствовать довольно замѣтно римскимъ епископамъ. Какимъ образомъ римскія претензіи терпѣли пораженія со стороны африканскихъ епископовъ, совершенно удовлетворительную иллюстрацію этого представляютъ нѣсколько дѣлъ.

Въ 416 году карагенскіе епископы отправили въ Римъ посланіе, желая заручиться авторитетомъ римскаго первосвященника по вопросу о ереси Пелагія и Целестія. Папа Иннокентій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы показать свой авторитетъ, и благодарилъ африканскихъ епископовъ за то, что, слѣдуя отеческимъ преданіямъ, несмотря на отдаленность, они исполнили долгъ по отношенію къ апостольскому престолу, къ которому они и должны обращаться. Тенденціозность подобной благодарности очевидна. Отдаленность африканской перкви отъ Рима вымыслена, чтобы сильнѣе подѣйствовать на африканскихъ епископовъ, ибо извѣстно, что финикия, привезенные изъ Аѳрики въ Римъ, бывають такъ свѣжи, что, казалось, ихъ срывали въ Италіи. Равнымъ образомъ и почтительность африканскихъ епископовъ къ Риму слишкомъ преувеличена. Дѣло въ томъ, что почти одновременно съ посланіемъ африканскихъ епископовъ въ Римъ пять африканскихъ епископовъ дѣлають Иннокентію конфиденціально замѣчаніе, что онъ недостаточно энергично боролся съ пелагіанами.

Преемникъ Иннокентія Зосимъ надѣлалъ еще болѣе ошибокъ. Какъ неважный догматистъ и не понявшій хорошо даннаго вопроса, онъ попался въ ловушку. Ересіархи апеллировали въ Римъ. Они обстоятельно изложили все, что не относится къ дѣлу, а о благодати они выразились болѣе чѣмъ лагониически; зато выраженіемъ почтительности и покорности къ папѣ они совершенно очаровали его. И папа Зосимъ, ничего не подозрѣвая, дѣлаеть самый строгій выговоръ африканскимъ епископамъ за то, что они изъ-за мелочей спорятъ и осуждають благочестивыхъ людей въ родѣ Пелагія и Це-

лестія, и передалъ при этомъ, какъ многіе при чтеніи послѣдними православнаго исповѣданія вѣры проливали искреннія слезы. На такой выговоръ папы послѣдовала сильнѣйшая оппозиція, такъ что папа даже согласился отсрочить свое дальнѣйшее рѣшеніе впредь до полученія подробныхъ разъясненій изъ Африки. Оппозиція эта выразилась затѣмъ на Кароагенскомъ соборѣ 418 года. Отцы этого собора, не заботясь о папскомъ судѣ, представили свое рѣшеніе противъ еретиковъ на утвержденіе императора Гонорія и, помимо всякихъ сношеній съ папою, исходатайствовали эдиктъ противъ пелагианъ. Папа очутился въ положеніи весьма прискорбномъ и, не вдаваясь въ какія-либо разслѣдованія, послѣдилъ заднимъ числомъ примкнуть къ императорскому эдикту, вслѣдъ за которымъ разослалъ свой циркуляръ противъ еретиковъ (*epistola tractoria*).

Около того же времени въ Африкѣ возникло новое дѣло. Африканскій пресвитеръ Апіарій былъ низложенъ сиккскимъ епископомъ Урбаномъ (ученикомъ и другомъ блаж. Августина). На основаніи 5 правила I вселенскаго собора и по практикѣ африканской церкви, осужденный, если и могъ апеллировать, то только къ собору мѣстныхъ епископовъ. Эта же мысль, по внушенію Евсевія кесарійскаго, была проведена и на Антиохійскомъ соборѣ. Однимъ словомъ, заморскіе суды въ Африкѣ не признавались, и то лицо, которое обращалось съ своей апелляціей *ad transmarina iudicia*, никто не долженъ принимать въ церковное общеніе. Апіарій въ 418 году апеллировалъ въ Римъ къ папѣ Зосиму. Папа посмотрѣлъ благосклонно на апелляцію и принялъ его подъ свое мощное покровительство. Съ канонической точки зрѣнія трудно было оправдать незаконный поступокъ Апіарія. Однако въ Римѣ были подобраны въ пользу его нѣкоторые каноническіе пункты. 1) 17 правило Сердикскаго собора: если кто-либо изъ клириковъ будетъ несправедливо осужденъ, то онъ можетъ обращаться къ сосѣднимъ епископамъ за правосудіемъ, но пока его никто не долженъ принимать въ общеніе. 2) 3 правило того же собора предоставляло епископамъ право обращаться къ римскому епископу Юлію. 3) На основаніи 5 и 7 правилъ римская церковь имѣетъ право на помѣстные соборы посылать легата изъ своихъ пресвитеровъ. Зосимъ, хотя совершенно не кстати, но привелъ еще одно правило: епископы не должны обращаться къ суду императора. Приведенныя

здѣсь правила, относящіяся къ епископамъ, римская церковь примѣнила къ пресвитерамъ.

Папа послалъ на соборъ въ Африку своихъ легатовъ, епископа и двухъ пресвитеровъ. И вотъ въ 418 г. этотъ римскій протежé явился въ Африку въ сопровожденіи трехъ легатовъ апостольскаго престола: Фаустина, епископа потенпскаго (*ecclesiae potentinae, provinciae Italiae Piceni*) и пресвитеровъ Филиппа и Азелла (*Asellus*). Инструкція (*commonitorium*), имъ врученная, облекала ихъ полномочіемъ вести дѣло такъ, какъ если бы въ ихъ лицѣ въ Африкѣ присутствовалъ самъ онъ, папа, — *ita ac si nostra, imo quia nostra ibi in vobis praesentia est, cuncta peragite*. Кончалась она категорическимъ требованіемъ—Апіарія возстановить, Урбана отлучать (*excommunicando*) и даже вызвать въ Римъ на судъ папы.

Но какъ только въ 418 году началось въ Карфагенѣ разбирательство этого дѣла, сейчасъ же и обнаружилась слабость каноническихъ основъ, на которыхъ покоились эти властныя распоряженія. Сердикскіе каноны въ инструкціи папы названы были никейскими. Конечно, это могло произойти безъ всякой злостной цѣли, а по чисто археологическому недоразумѣнію. Правиль псевдо-никейскаго собора, на который Зосимъ ссылался, отцы никакъ не могли найти въ своихъ кодексахъ, сколько ни искали. Въ этомъ смыслѣ они отвѣтили въ Римъ Зосиму, который вскорѣ (26 декабря 418) умеръ. Его преемникъ Бонифатій долженъ былъ выдержать борьбу съ антипапой Евлаліемъ. Пока его положеніе было не упрочено, бездѣйствовали въ Африкѣ и римскіе легаты. Наконецъ, весной 419 года Бонифатій подтвердилъ ихъ полномочія и поручилъ вести дѣло по инструкціи Зосима, какъ бы по его собственной.

Тогда 25 мая состоялся въ Карфагенѣ соборъ, на которомъ присутствовало болѣе 217 епископовъ. Предсѣдательствовалъ Аврелій карфагенскій. Представлявшіе лицо римскаго епископа легаты занимали—Фаустинъ третье мѣсто, Филиппъ и Азеллъ—самыя послѣднія. Фаустинъ для славы римскаго имени хотѣлъ бы свести дѣло главнымъ образомъ на почву устныхъ наставленій, данныхъ ему римскимъ епископомъ, и затѣмъ добрыхъ обычаевъ, существующихъ на ряду съ канонами и управляющихъ церковною практикою. Епископы африканскіе стояли на томъ, что прежде всего слѣдуетъ подвергнуть разсмотрѣнію текстъ мнимыхъ никейскихъ правилъ, какъ онъ

записанъ въ римской инструкціи. Фаустинъ желалъ бы, чтобы вопросъ какъ о спорныхъ канонахъ, такъ и объ апелляціи пресвитеровъ и діаконовъ не былъ предметомъ пререканій, а былъ рѣшенъ въ духѣ братской любви—*charitate fraterna*—передачею его на благоусмотрѣніе римскаго епископа. Африканскіе отцы думали нѣсколько иначе. Нумидійскій легатъ Алипій, епископъ тагастскій, обратился къ «святому папѣ Аврелію» съ заявленіемъ, что слѣдуетъ непременно послать уполномоченныхъ не только въ Константинополь, но и въ Александрію и Антиохію, чтобы они у епископовъ этихъ мѣсть взяли копіи съ постановленій Никейскаго собора. Ихъ согласіе между собою безапелляціонно рѣшить вопросъ о спорныхъ канонахъ. слѣдуетъ просить и Бонифатія сдѣлать то же самое. Это предложеніе было одобрено. Августинъ усановилъ почту для разслѣдованія дѣла въ данную минуту, заявивъ, что африканскіе епископы признаютъ обязательными для себя каноны никейскіе, и послѣдуютъ и правиламъ, читаемымъ въ папской инструкціи, коль скоро они окажутся дѣйствительно никейскими. Канонъ объ апелляціи пресвитеровъ и діаконовъ былъ принятъ лишь въ строго буквальномъ его значеніи—въ смыслѣ дозволенія апеллировать къ «сосѣднимъ епископамъ». О результатахъ соборныхъ разсужденій дано было знать Бонифатію въ посланіи отцовъ собора. Урбанъ, епископъ сиккскій, относительно котораго въ папской инструкціи заключались самыя строгія требованія—или отлучить его или отправить на судъ въ Римъ, если онъ не исправится,—сдѣлалъ все возможное для исправленія. Самъ Апіарій извинился въ той смутѣ, которую причинилъ, и былъ прощенъ и возстановленъ. Но такъ какъ репутація его всетаки была потрясена, то отцы рѣшили возстановить его въ санѣ пресвитера *absolute*, безъ права жить въ Сиккѣ, т. е. онъ долженъ былъ искать себѣ такого епископа, который бы согласился его принять. Предложеніе было принято и дѣло закончено на время. Апіарій удалился къ епископу въ Табракѣ. Африканскіе отцы дали обѣщаніе добросовѣстно изслѣдовать дѣло.

Дѣйствительно, извѣстно, что они отправляли пословъ въ Константинополь, къ Аттику, и въ Александрію, къ Кириллу. Относительно же Антиохіи неизвѣстно.—посылали ли они туда пословъ или нѣтъ, такъ какъ никакихъ документовъ на этотъ счетъ не осталось. Аттикъ константинопольскій, показавъ имъ правила Никейскаго собора, добавилъ, что больше никакихъ

правиль нѣтъ подъ именемъ никейскихъ. Впрочемъ, изъ церковной исторіи извѣстно, что на этомъ соборѣ было разсужденіе о времени празднованія пасхи. Посольство возвратилось въ Африку съ копіями никейскихъ правилъ и посланіями Кирилла александрійскаго и Атика константинопольскаго. Всѣ эти документы, въ переводѣ на латинскій языкъ, 26 ноября 419 года были препровождены въ Римъ Бонифатію—безъ комментарій. Что инструкція Зосима цитовала правила не никейскія, было такимъ образомъ доказано.

Между тѣмъ Апіарій, уже пресвитеръ табракскій, былъ снова низложенъ и снова апеллировалъ въ Римъ. Келестинъ I принялъ его подъ свое покровительство, и опять Апіарій явился въ Кареагенѣ въ сопровожденіи того же легата Фаустина. На соборѣ (послѣ іюля 425 г.) Фаустинъ держалъ себя какъ истый адвокатъ Апіарія и ревностно отстаивалъ права римскаго епископа (принимать апелляціи). Три дня продолжались засѣданія; наконецъ Апіарій сознался въ такихъ преступленіяхъ, что о возстановленіи его въ пресвитерскомъ санѣ не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ Фаустинъ долженъ былъ сознаться, что онъ защищалъ несправедливое дѣло.

Въ результатѣ получилось новое посланіе африканскихъ отцовъ Келестину римскому. Ему рекомендовали не слишкомъ поспѣшно принимать апелляціи и возвращать церковное общеніе осужденнымъ. Никейскій соборъ не только пресвитеровъ, но и самихъ епископовъ подчинилъ мѣстному суду. Интересы справедливости достаточно ограждены уже тѣмъ, что обиженный можетъ апеллировать провинціальному собору, или даже собору всеобщему (*concilium universale*). Африканская церковь имѣетъ полную каноническую власть рѣшать церковныя дѣла въ своей области; *transmarinum iudicium*—неудовлетворительная гарантія правосудія уже потому, что на такой судъ не могутъ являться всѣ свидѣтели. Отцы надѣются что болѣе къ нимъ не будутъ присылать легатовъ а *latere* для исполненія римскихъ приговоровъ: такая посылка не предписана канонами и слишкомъ явно показываетъ мірское властолюбіе.

Подобное же дѣло возникло въ Африкѣ около того же времени. Блаж. Августинъ открылъ новую кафедру въ Фуссалѣ и назначилъ туда епископомъ нѣкоего пресвитера Антонія, потому что онъ зналъ нумидійскій языкъ. Но новопоставленный епископъ оказался человѣкомъ недостойнымъ во всѣхъ

отношеніяхъ: это былъ жестокой человѣкъ, позволявшій себѣ невозможныя излишества. Поэтому онъ былъ низложенъ съ кафедры съ сохраненіемъ сана, по предложенію бл. Августина, а иначе его присудили бы къ сложенію сана. Антоній апеллировалъ къ папѣ Келестину. Кафедра была закрыта. Дѣло апелляции обошлось въ данномъ случаѣ мирно, потому что и по рѣшенію африканскихъ епископовъ кафедра должна была закрыться.

Лишь вандалское завоеваніе (429) подломило могучую крѣпость мѣстной жизни африканской церкви и ослабило въ ней чувство ея независимости. Левъ V. былъ первый епископъ римскій, проявившій свою юрисдикцію за предѣлами Европы; онъ писалъ въ авторитетномъ тонѣ декреталии и въ Африку. Но вспышки прежней стойкой независимости были здѣсь и въ послѣдующія эпохи.

Притязанія римскаго епископа на главенство въ церкви вселенской: римскій епископъ, какъ папа.

Развивая свою власть патріарха въ предѣлахъ намѣченной территоріи, римскіе епископы не сходили съ пути общаго историко-каноническаго развитія. Другой природы были ихъ стремленія къ образованію папства. Патріаршая власть покоится на естественномъ тяготѣніи периферій къ своимъ центрамъ. Власть папы, какъ *episcopus universalis* (при чемъ прочіе епископы становятся къ нему въ положеніе его делегатовъ), держится на предположеніи особыхъ, дарованныхъ преемникамъ Петровымъ, полномочій. Патріархатъ говоритъ о себѣ только, что онъ *есть*; папство полагаетъ, что оно *должно быть*. Патріархатъ есть фактъ, папство—уже догматъ.

Но историческое папство и патріаршество не только развивались параллельно, но и переплетались между собою до неузнаваемости, и нельзя сказать, чтобы они когда-либо ставились въ противорѣчіе одно къ другому. Стремленія папства сначала всегда прикрывались стремленіемъ къ утвержденію патріаршихъ правъ, а потому и оставались незамѣтными для современниковъ. Если иллюстрировать подобное положеніе дѣла, то можно указать на слѣдующее. Когда дѣло идетъ о займѣ и кредиторъ желаетъ провѣрить имущество своего должника, то для него безразлично, насколько имущество послѣдняго превышаетъ сумму долга. Разъ римскій епископъ

мотивировать свои права римскаго патріарха, не обращали вниманія на выводы изъ этихъ правъ, прямо не вытекавшіе изъ нихъ, какъ изъ посылокъ. Но для будущаго это не было безразлично; ибо, когда живое преданіе церкви тускнѣло и приходилось обращаться къ памятникамъ, то всѣ подобныя плюсы сослужили важную службу для возвышенія римскаго епископа; то, на что прежде не обращала вниманія, сыграло весьма важную роль. Преимущества, которыми фактически пользовались римскіе епископы, хотя и не утверждались на какихъ-либо непреложныхъ основаніяхъ, которыя можно бы усмотрѣть въ письменныхъ памятникахъ, въ силу своей обычности, представлялись вполне законными, и для фактической власти римскаго епископа стало безразличнымъ, покоится ли она на томъ, что римскіе епископы — преемники ап. Петра, или на какихъ-либо другихъ основаніяхъ.

Съ IV в. положеніе папской власти начинаетъ измѣняться параллельно съ измѣненіемъ политическаго положенія Рима. Въ началѣ этого вѣка резиденція римскаго императора переносится съ запада на востокъ — въ Константинополь; съ раздѣленіемъ имперіи на восточную и западную императоры западной имперіи проживаютъ то въ Галліи, то въ Миланѣ и Равеннѣ. Измѣненіе политическаго положенія Рима сослужило немаловажную службу римскому епископу: папа остался единственнымъ представителемъ высшей власти въ Римѣ. Но въ этомъ была и своя опасная сторона. Въ глазахъ истыхъ римлянъ Римъ возвышался надъ всѣми городами Рима, и понятіе вселенной—*orbis* отождествлялось съ понятіемъ Рима—*urbis*; и когда при нашествіи готовъ палъ *urbis Roma*, то говорили, что скоро долженъ пасть и *orbis*. Что Римъ пересталъ быть центромъ жизни древняго міра, еще ясно не сознавалось, но инстинктивное чувство заставляло папъ примѣняться къ своему новому положенію. Могло статься, что къ Риму, послѣ потери имъ политическаго значенія и перенесенія его въ другіе центры, перестанутъ стягиваться частныя провинціальныя церкви, а потому нужны были римскимъ епископамъ другія прерогативы, которыя бы не зависѣли отъ историческихъ колебаній. Съ IV в. папы и начинаютъ это дѣло. Иннокентій I въ письмѣ къ Александру антиохійскому, какъ на особенное преимущество римской кафедры, указываетъ на то, что римскіе епископы—преемники ап. Петра. Развить это воззрѣніе, мотивировавшее права папъ такимъ образомъ

было важно потому, что эти права были правами римской церкви. Римские епископы съ древнѣйшихъ временъ признавали, что Римъ есть мѣсто кончины двухъ апостоловъ Петра и Павла. Но съ теченіемъ времени имя Павла какъ бы ступевывается и выдвигается на первое мѣсто имя Петра, отъ котораго римскіе епископы и начинаютъ выводить свое преемство.

Собственное понятіе о римскомъ епископѣ, какъ папѣ, составляется изъ нѣсколькихъ звеньевъ. Каждое звено подлежитъ особой провѣркѣ. Первая основа догмата о папствѣ есть то, что апостоль Петръ—*princeps apostolorum*, и, какъ таковой, имѣеть особыя полномочія. Второй тезисъ заключается въ томъ, что эти полномочія, дарованныя ап. Петру, должны были существовать всегда. А такъ какъ Петръ долженъ былъ умереть какъ личность, а учрежденія должны существовать непрестанно, то должны быть преемники его. Разъ это допущено, нужно было доказать, что этими преемниками являются именно римскіе епископы. Это третій тезисъ папства.

1) Рѣшеніе вопроса о полномочіяхъ ап. Петра сводится къ толкованію извѣстнаго мѣста Матѳ. XVI, 18: «*Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей*». Этими словами Христось будто бы утвердилъ главенство Петра въ кругу апостоловъ.

Одно изъ самыхъ энергичныхъ объясненій этого мѣста находится въ XII книгѣ комментарія на евангеліе Маттея Оригена. Этотъ толкователь, всегда столь спокойный, въ данномъ случаѣ принимаетъ полемическій тонъ. Въ концѣ концовъ Оригенъ отрубаетъ всякіе дальнѣйшіе выводы и утверждаетъ, что Христось не учредилъ среди апостоловъ ничего подобнаго главенству. По мнѣнію Оригена, «камень—всякій ученикъ Христовъ», и мы становимся (*γενόμεθα*) Пётросъ, когда исповѣдуемъ Христа подобно Петру, и къ намъ относятся слова: «*ты еси Петръ*», ибо всѣ питаемся отъ духовнаго камне (1 Кор. X, 4). «Если ты думаешь, что вся церковь основана только на Петрѣ, то что ты скажешь объ Иоаннѣ, сынѣ громовомъ, или о всякомъ другомъ апостолѣ? Если Петру сказано, что врата адовы не одолѣютъ его, то развѣ другихъ одолѣютъ? Такъ ли это? Если одному Петру даны ключи царства небснаго, то никто изъ блаженныхъ не получитъ ихъ? Если эти изреченія имѣють общее значеніе, то почему не толковать все сказанное такъ, что всѣ тезоименны (*παρόνομοι*) Христу—духовному камню, что

сказанное Петру сказано всякому Петру (λέλεκται τῷ Πέτρῳ, καὶ παντὶ Πέτρῳ), а, слѣдовательно, Петръ есть лишь имя для всякаго ученика и всякому ученику даны ключи царства небеснаго».

Даже западные отцы не отвѣчаютъ на вопросъ о полномочіяхъ Петра съ удовлетворительною для притязаній Рима ясностью. Киприанъ († 258), допуская, что на Петрѣ основана церковь, вовсе не думаетъ о какомъ-либо первенствѣ его власти. Когда Павелъ вступилъ съ Петромъ въ разсужденіе, онъ не заявилъ никакихъ надменныхъ и исключительныхъ притязаній, не сказалъ: «мнѣ принадлежитъ первенство, и прочіе должны мнѣ повиноваться».

Амвросій медиоланскій († 397) употребляетъ, правда, выраженіе: «ubi ergo Petrus, ibi ecclesia», и называетъ Петра «petra et fundamentum» церкви. Но такъ онъ называетъ Петра въ такомъ мѣстѣ, на которое римскимъ епископамъ неудобно ссылаться, именно—въ утреннемъ гимнѣ, гдѣ говорится, между прочимъ, что ап. Петръ искупилъ свое отреченіе слезами. Амвросій explicitissime приписываетъ Петру primatum confessionis utique, non honoris, primatum fidei, non ordinis—первенство исповѣданія, а не чести, вѣры, а не чина. Въ похвальномъ словѣ въ день ап. Петра и Павла онъ не рѣшается поставить Петра выше Павла, называя обоихъ «principes ecclesiae».

Бл. Иеронимъ († 420) камнемъ и главою церкви называетъ Христа, который далъ имя камня Петру, какъ представителю апостоловъ, и вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ апостоламъ. По его мнѣнію, первенство Петра имѣетъ лишь дисциплинарное значеніе—для предотвращения сектантскихъ раздѣленій. Онъ съ особеннымъ удареніемъ выставляетъ равенство сана всѣхъ епископовъ и фактическое различіе авторитета ихъ объясняетъ изъ различія политическаго значенія ихъ городовъ. Онъ не знаетъ епископа, который стоялъ бы ко всей вселенской церкви въ такомъ же отношеніи, какъ каждый епископъ къ своей церкви, или какъ императоръ къ имперіи, а въ отношеніи къ прочимъ епископамъ занималъ бы такое положеніе, какъ, напр., архипресвитеръ къ пресвитерамъ. Онъ знаетъ одного капитана на кораблѣ, одного генерала въ арміи, одного императора въ государствѣ, одного епископа въ городѣ,—но ничего не говоритъ объ одномъ духовномъ центрѣ въ Римѣ. Поэтому и его почтительное отношеніе къ папѣ Дамасу не имѣетъ догматическаго характера.

Бл. Августинъ († 430) приводитъ два мнѣнія относительно значенія словъ Мѡ. XVI, 18. Одни,—говорить онъ,—считаютъ Петра камнемъ,—напр. Амвросій мѡдіоланскій въ своемъ утреннемъ гимнѣ: «при пѣніи пѣтуха и самая скала церкви оплакивала свою вину». Другіе, наоборотъ, подъ камнемъ разумѣютъ Христа. Самъ Августинъ не рѣшаетъ вопроса аподиктически, но обращаетъ вниманіе на то, что Петръ названъ въ греческомъ текстѣ Πέτρος, а церковь основана ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρᾳ, и что отъ послѣдняго слова происходитъ Πέτρος, подобно тому, какъ слово «христианинъ» отъ имени «Христосъ». Основнымъ камнемъ церкви, по нему, служить Христосъ, Петръ же самъ основанъ на этомъ камнѣ. Выраженіе «*дамъ ти ключи*» указываетъ его преимущество (excellentia), такъ какъ онъ носитъ образъ всей церкви (quia ipsius universitatis et unitatis ecclesiae figuram gessit). Объ олицетвореніи церкви въ Петрѣ бл. Августинъ говоритъ не разъ. Но все же ключи, по Августину, получилъ не homo unus, sed unitas ecclesiae. Петру дается то же, что дано всѣмъ, ибо всѣмъ сказано: «*примите Духъ Святъ*» (Іо. XX, 22). Къ universa ecclesia и относится то преимущество несокрушимой твердыни, благодаря которому она не падаетъ. Въ Петрѣ Августинъ не видитъ не главу; не начальника церкви, но все же высшее средоточіе преимуществъ церкви и, кажется, средоточіе необходимое. Въ ап. Петрѣ—начало вселенскаго епископата. О преемствѣ высокой позиціи Петра бл. Августинъ не думаетъ.

Бл. Августинъ, какъ извѣстно, былъ душою карагенскихъ соборовъ, которые отстаивали свою свободу противъ римской централизаціи. Но въ его сочиненіяхъ есть отѣнки, которыми могли бы воспользоваться папы. Сторонники Рима съ удовольствіемъ читаютъ слова Августина: римская церковь, въ которой «*всегда процвѣтало первенство апостольскаго престола*» (semper apostolicae cathedrae viguit principatus). Возникаетъ вопросъ: какъ возможна у такого ума, какъ умъ бл. Августина, такая непослѣдовательность? Это объясняется тѣмъ, что въ древности въ полемикѣ часто допускалась излишняя широта взгляда, допускалось то, что не было бы допущено при положительномъ проведеніи ученія. Бл. Августинъ пользовался съ большимъ высокословіемъ (μεγαλοφωνία) авторитетомъ Рима, когда нужно было направлять рѣчь противъ сектантовъ. Особенно часто защитники папизма истолковываютъ въ пользу своихъ возрѣній его изреченіе по поводу дѣла о пелагианѣхъ. Авгу-

етиняъ рассказываетъ своей паствѣ, что сдѣлано въ церкви въ отношеніи къ пелагианамъ [sermo 131]. Составлены два собора; ихъ постановленія отправлены *ad sedem apostolicam*; получены оттуда *rescripta*. Такимъ образомъ «*causa finita est*» — «дѣло кончено»; «*utinam aliquando error finiatur*». Въ позднѣйшее время предъ «*causa finita est*» прибавлено: «*Roma locuta est*», «Римъ сказалъ — и дѣло кончено». Какъ будто Риму принадлежитъ послѣднее слово, и какъ будто выражается въ этихъ словахъ принципъ, а не отдѣльный фактъ.

Такимъ образомъ, первая посылка римско-католическихъ воззрѣній далеко не прочна.

2) Вторая посылка также не отличается особенною прочностью. Если Христосъ и учредилъ принципатъ, даровавъ особыя полномочія Петру, то на всѣ ли времена, или какъ личную прерогативу апостола Петра? Всякій понимаетъ, что провѣрить этотъ тезисъ святоотеческими мнѣніями трудно. Отцы и учителя рѣдко имѣли поводъ высказываться относительно предѣловъ этого преимущества. Поэтому совершенно случайнымъ является, что по этому вопросу поданъ одинъ голосъ, и этотъ голосъ принадлежитъ Тертуліану въ его сочиненіи о цѣломудріи (*de pudicitia* с. 21). Какъ извѣстно, это сочиненіе было вызвано тѣмъ, что римскій епископъ произвелъ ослабленіе древней практики въ отношеніи къ согрѣшившимъ плотскими грѣхами. «А по поводу твоего приговора я спрошу, откуда ты взялъ такое право въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ? Кто ты, что ниспровергаешь и измѣняешь самоочевидное намѣреніе Господа, который предалъ это *лично* (*personaliter*) Петру? На *тебѣ*, сказалъ, созижду церковь Мою, и дамъ *тебѣ* ключи, а не церкви, и которыхъ *ты* разрѣшишь или свяжешь, а не которыхъ разрѣшать или свяжутъ». Такимъ образомъ, допуская, что ап. Петръ занималъ въ кругу апостоловъ чрезвычайное положеніе, нельзя отсюда выводить преимуществъ римской церкви, такъ какъ со смертію Петра эти преимущества, какъ думаетъ Тертуліанъ, и окончились.

3) Третій вопросъ: дѣйствительно ли эти преимущества усвоены по преемственному наслѣдству римской кафедрѣ? По методу остатковъ его можно рѣшать въ пользу римской церкви. Римскій епископъ, какъ преемникъ ап. Петра, пользуется и его преимуществами. Вопросъ сводится къ тому, былъ ли ап. Петръ епископомъ Рима? Слѣдуетъ признать, что тѣ протестанты, которые говорили, что ап. Петръ никогда не былъ въ

Римѣ, неправы и [слишкомъ] страдаютъ недостаткомъ консерватизма, потому что преданіе о пребываніи и смерти Петра въ Римѣ стоитъ твердо, и отвергать его значило бы перестроить всю исторію церкви. Евсевій, съ другой стороны, ничтоже сумняся, предполагаетъ, что ап. Петръ 25 лѣтъ епископствовалъ въ римской церкви и здѣсь умеръ мученическою смертью. Но въ настоящее время для всякаго, прошедшаго сносную историческую школу, ясно, что это легендарное сказаніе.

Здѣсь выдвигается еще вопросъ, можно ли апостоловъ считать епископами мѣстныхъ церквей. Въ этомъ случаѣ ап. Петръ являлся бы епископомъ церквей всѣхъ тѣхъ городовъ, гдѣ онъ проповѣдывалъ. Онъ дѣйствовалъ и въ Антиохіи, гдѣ онъ встрѣтился съ ап. Павломъ; слѣдовательно, Петръ и антиохійскій епископъ. Являются двѣ каѳедры Петра. Съ какою же соединены чрезвычайныя преимущества? Если съ тою, къ которой относится болѣе продолжительное пребываніе апостола, то въ Св. Писаніи нѣтъ указаній на продолжительное пребываніе ап. Петра въ Римѣ. Вопросъ о вавилонской церкви является такимъ, который никогда не можетъ найти себѣ удовлетворительнаго разрѣшенія. Преданіе о кончинѣ въ Римѣ можно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ явился сюда только передъ кончиною. Апостоль Павелъ считаетъ себя обязаннымъ сдѣлать нѣчто и для Рима, а онъ держится такой тактики, чтобы не создавать на чужомъ основаніи. Ставится вопросъ, черезъ чье посредство—Петрово или Павлово—занесено христіанство въ Римъ. Преемство римскаго епископа на каѳедрѣ Петра является, такимъ образомъ, довольно условнымъ. Исторія не усматриваетъ достаточныхъ основаній считать римскаго епископа преемникомъ ап. Петра. Древніе церковные писатели не выдѣляли Петра, какъ единственнаго основателя римской каѳедры, а подчеркивали, что римская церковь основана двумя апостолами. Вводя Павла, они уничтожали римскія претензіи. Риму стоило большихъ хлопотъ заставить забыть, что въ основаніи римской каѳедры участвовалъ и Павелъ. А Златоустъ представляетъ антиохійскаго епископа преемникомъ ап. Петра въ смыслѣ отнюдь не менѣе возвышенномъ, чѣмъ въ какомъ могъ такъ назвать себя римскій епископъ.

Что касается самихъ римскихъ первосвященниковъ, то они при всякомъ удобномъ случаѣ стараются напомнить, что они—преемники ап. Петра, князя апостоловъ, и имъ принадлежитъ

право и обязанность очень широкаго блюстительства въ дѣлахъ церковныхъ. Сиріикій († 399) писалъ въ Испанію, что онъ имѣетъ больше чѣмъ всѣ другіе ревность о христіанской вѣрѣ, *major sanctis zelus*, и носить тяжести всѣхъ; но онъ вѣруеть, что въ лицѣ его носить ихъ и ап. Петръ, который поддерживаетъ своихъ наслѣдниковъ во всѣхъ дѣлахъ ихъ управленія. Иннокентій († 417) напоминаетъ итальянскимъ епископамъ, что они во всемъ должны слѣдовать римской церкви и только ей одной; она основана княземъ апостоловъ и вѣрно хранить всѣ его преданія; что епископы поступаютъ правильно, когда доносятъ о церковныхъ дѣлахъ ему, какъ главѣ и вершинѣ епископства (*ad nos quasi ad caput atque ad apicem episcopatus referre*). Свои фактическія преимущества они основываютъ именно на преемствѣ ап. Петра. Они не могли игнорировать, конечно, что своимъ высокимъ положеніемъ они много обязаны гражданскому значенію Рима; но зато они постоянно доказываютъ, что политическій моментъ въ церковныхъ дѣлахъ имѣетъ второстепенное значеніе. И вопреки существовавшей на востокѣ практикѣ, они нисколько не заботились о томъ, чтобы согласовать церковное дѣленіе провинцій съ гражданскимъ. Въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ епископамъ проглядывалъ извѣстный церковный аристократизмъ, потому что они обращали вниманіе не на апостольское происхожденіе церквей, а на ихъ происхожденіе отъ князя апостоловъ Петра, и съ этой точки зрѣнія расположены были смотрѣть какъ на равныхъ себѣ лишь на епископовъ александрійскихъ и антиохійскихъ, оставляя за собою то преимущество предъ антиохійскою церковью, что она имѣла Петра своимъ епископомъ какъ бы на перепутьѣ, а Римъ—при самомъ завершеніи его земного подвига. Эти воззрѣнія со всею ясностью высказываются въ перепискѣ Иннокентія съ Александромъ антиохійскимъ, и безспорно, сообщаютъ римской теоріи церковнаго строя величавый и устойчивый характеръ, какого не могло имѣть фактически болѣе правильное представленіе о немъ на востокѣ. Въ общемъ папская теорія высказывается здѣсь еще, весьма скромно и прикровенно.

Всѣ эти незаконченныя мысли и выраженія о первенствѣ епископа римскаго получаютъ, наконецъ, завершеніе въ замѣчательно ясной, сильно выраженной и полной системѣ перваго *doctor ecclesiae* на римской кафедрѣ, Льва В. (440—461). Это ученіе излагалъ онъ главнымъ образомъ въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ, произносимыхъ имъ *die natali ipsius* (въ

день его хиротонии) предъ собраніемъ итальянскихъ епископовъ. Нѣкоторыя мѣста повторены въ этихъ словахъ буквально. Вотъ главные пункты этого ученія.

1. Апостоль Петръ а) есть *princeps* всего чина апостоловъ, превосходящій всѣхъ другихъ и по власти (при равенствѣ чести и избранія—*par electio, in similitudine honoris*— между апостолами было и *quaedam discretio potestatis*). Опасность паденія угрожала всѣмъ апостоламъ, но Христось особенно, *proprie, speciali cura*, молится о Петрѣ: пребудеть непоколебимъ *princeps apostolorum*,—и твердость другихъ обезпечена въ его твердости. б) Ап. Петръ есть основаніе всей церкви. Онъ самъ опирается на несокрушимую крѣпость единого основанія, Христа, но эта твердость, свойственная Христу *propria potestate*, сообщается Петру *participatione*. Петръ воспринять въ тѣлснѣе общеніе нераздѣльнаго единства со Христомъ—*in consortium individuae unitatis assumptus*— и представляетъ посредство между Христомъ и всею церковью. Связанный съ послѣднею какъ голова съ тѣломъ, онъ въ себѣ сосредоточиваетъ благодатные дары, которые только черезъ него нисходятъ и на самихъ апостоловъ. Полнота благодати и власти изобильно сообщается вполне прежде всего Петру, и уже черезъ него, какъ главу, органически передивается, *manat*, и на все тѣло церкви. в) Такимъ образомъ Петръ есть *totius ecclesiae princeps, primas* всѣхъ епископовъ. Ему ввѣрено попеченіе о всѣхъ овцахъ, на него возложены заботы, *sollicitudo*, всѣхъ пастырей церкви.

«Все,—говорится въ *sermo IV*,—земля и небо, было покорно воплощенному Слову; все служило цѣлямъ божественнаго домостроительства. Однако же изъ цѣлаго міра избирается одинъ Петръ и поставляется выше всѣхъ апостоловъ и всѣхъ отцовъ церкви. Всѣхъ апостоловъ Господь спрашиваетъ, что думаютъ о немъ люди, и лишь до тѣхъ поръ они отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ, пока передаютъ колеблющіяся мнѣнія человѣческаго невѣдѣнія. Но лишь только спрашивается, что думаютъ сами ученики, является первымъ въ исповѣданіи Господа тотъ, кто былъ первымъ въ апостольскомъ достоинствѣ. И когда онъ сказалъ: «Ты—Христось, Сынъ Бога живаго»,—отвѣчалъ ему Иисусъ: «Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Юинь,—потому блаженъ, что Отецъ Мой научилъ тебя, что Я—единородный Сынъ Бго. И какъ Отецъ Мой открылъ тебѣ божество Мое, такъ и Я исповѣдую тебѣ твое превосходство.

Ты—Петръ. Т. е., Я — несокрушимая скала, Я — тотъ крас- угольный камень, который творить обоя едино, Я — то осно- вание, кромѣ котораго никто не можетъ положить иного. Од- накоже и ты—скала, потому что утверждаешься Моею силою, такъ что свойственное Мнѣ въ силу Моей власти у Меня обще съ тобою по участию. И на этомъ камнѣ Я созижду вѣчный храмъ, и возносящаяся къ небу высота Моей церкви воздвигнется на твердости этой вѣры». Такимъ образомъ «въ награду за вѣру Господь предоставлялъ блаженнѣйшему ап. Петру первенство апостольскаго достоинства, на этомъ крѣпкомъ основаніи, на твердости Петровой, устроля вселен- скую церковь». Слѣдовательно, между апостолами не было полного равенства: «и между блаженнѣйшими апостолами при сходствѣ чести было нѣкоторое различіе по власти, и хотя избраніе всѣхъ было одинаково, однакоже одному было предо- ставлено преимущество предъ прочими». Петръ есть князь апостоловъ, ихъ глава и центръ, въ которомъ органически со- средоточены духовные интересы и преимущества ихъ собора, и таинственное посредство между Христомъ и ими. Всѣмъ апостоламъ предъ страданіями Христа предстояла общая опас- ность искушенія и соблазна. «И однакоже Господь преимуще- ственно заботится о Петрѣ, о его вѣрѣ собственно мо- лится, какъ бы показывая тѣмъ, что положеніе другихъ бу- детъ безопаснѣе, если умъ (ихъ) князя останется непоколе- бимымъ. Итакъ въ лицѣ Петра ограждается твердость всѣхъ, и помощь божественной благодати распредѣляется такъ, чтобы та крѣпость, которую даруетъ Христосъ Петру, чрезъ Петра сообщалась апостоламъ». Съ этою цѣлію, воспринятый въ общеніе нераздѣльнаго единства со Христомъ, Петръ былъ облагодатствованъ по преимуществу: онъ одинъ получилъ мно- гое, и ничто не сообщается никому другому иначе, какъ чрезъ общеніе съ нимъ. Въ немъ, какъ верховномъ апостолѣ, сосредоточены прежде всего общія всѣмъ апостоламъ права и обязанности апостольства, и отъ него, какъ главы, эти дары текутъ и на все тѣло. Петръ же есть органическое средо- чіе священства и пастырства. «Господь удостоилъ его такого общенія въ Своей власти, что если есть у Петра что-либо общее съ другими начальниками церкви, этимъ послѣднимъ не иначе какъ чрезъ самого Петра Онъ даетъ то, въ чемъ имъ не отказано». «Онъ есть князь всей церкви, и ему при- надлежитъ попеченію всѣхъ пастырей о вѣрннхъ ему ов-

цахъ, такъ что, хотя въ народѣ Божіемъ есть много священниковъ и много пастырей, но въ собственномъ смыслѣ всѣми управляетъ Петръ, равно какъ и Христось въ преимущественномъ смыслѣ управляетъ ими».

2. Всѣ другіе пастыри церкви, апостолы и священники, получили свою власть отъ Самого Христа. Онъ—ея источникъ. Слѣдовательно, они не делегаты верховнаго апостола. Но а) всѣ дары и прерогативы апостольства, священства и пастырства даны вполнѣ и прежде всего Петру и уже черезъ него и не иначе, какъ черезъ его посредство, подаются Христомъ и всѣмъ другимъ апостоламъ и пастырямъ. б) Хотя въ народѣ Божіемъ много священниковъ и много пастырей, но всею вселенскою церковью управляетъ *principaliter* Самъ Христось и *proprie* ап. Петръ. На этихъ пунктахъ *jus proprium episcopatus* приближается къ *jus delegatum* (не въ принципѣ, а *de facto*).

3. *Primatus, principatus* ап. Петра есть учрежденіе не временное, а постоянное, потому что вѣчна истина его исповѣданія: «Ты—Христось, Сынъ Бога живаго». И какъ Христось есть Сынъ Божій во вѣки, такъ и Петръ, взявши бразды правленія церковью, не оставляетъ ихъ. *Невидимо*, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ и нынѣ (лично самъ) пасеть стадо Христово, и теперь-то даже полнѣе совершаетъ порученное ему и всесторонне отправляетъ свои обязанности въ Самомъ Христѣ и съ Самимъ Христомъ, его прославившимъ. А *видимо* онъ пасеть церковь черезъ своихъ преемниковъ на римской кафедрѣ, въ которой живетъ власть и сияетъ авторитетъ его.

4. Общеніе римскихъ епископовъ съ верховнымъ апостоломъ весьма близко—и по глубинѣ, и по результатамъ—воспроизводитъ *consortium potentiae* ап. Петра со Христомъ. а) По глубинѣ, потому что это общеніе почти личное: римская церковь въ лицѣ новаго епископа принимаетъ Петра на кафедрѣ Петровой; нравственное достоинство не оскудѣваетъ въ преемникахъ апостола, не смотря на ихъ нравственные личные недостатки; Петръ говоритъ устами своихъ преемниковъ. б) По результатамъ, потому что дарованная Петру благодатная сила черезъ это *consortium se transfundit*, переливается, и на его преемниковъ: они наслѣдники его *plenitudo potestatis*. Не на ряду съ другими, а прежде всѣхъ епископовъ они преемствуютъ Петру. Римская кафедра есть духовный центръ всего христіанскаго міра. Тогда какъ другіе епис-

копы обязаны заботиться лишь о вѣрннхъ имъ паствахъ, отъ преемника Петрова требуется та многообъемлющая любовь, которой вѣрена вся вселенская церковь, и «*cura cum omnibus communis*», и нѣтъ такой церковной единицы, въ управленіи которой онъ не принималъ бы участія.

Такимъ образомъ, взору Льву В. предносится вселенская церковь, управляемая по частямъ епископами, обобщаемая въ митрополитахъ, черезъ посредство викаріевъ апостольскаго престола входящая въ соприкосновеніе съ своимъ центромъ и въ немъ объединяемая. Весь церковный строй является отображеніемъ отношеній, существовавшихъ между апостолами. Какъ тамъ при равенствѣ избранія не было равенства власти, такъ и епископы равны между собою по (іерархическому) достоинству, но не по своимъ каноническимъ правамъ, но не по своему участію въ церковномъ управленіи. Есть между ними митрополиты, юрисдикція которыхъ ограничивается отдѣльною провинціею. Надъ ними возвышаются тѣ, которыхъ римскій епископъ назначилъ своими намѣстниками, призвавъ ихъ къ участію въ трудахъ по церковному управленію, хотя и безъ полноты власти. Они должны быть посредниками въ сношеніяхъ провинцій съ единымъ центромъ вселенской церкви, каедрою Петровой, на которой возсѣдаетъ облеченный *plenitudo potestatis* преемникъ первоапостола. Попеченіе о всѣхъ церквахъ принадлежитъ римскому епископу *principaliter ex divina institutione*. Но и митрополитанскую власть Левъ В., признаетъ за «*divinitus data*», и лишь викаріи папы обладаютъ своею властью въ строгомъ смыслѣ *jure delegato*. *Episcopatus universalis* римскаго первосвященника, намѣченный Львомъ В., не исключаетъ іерархическаго (сакраментальнаго) равенства всѣхъ епископовъ, послѣднимъ не принадлежитъ только *plenitudo potestatis*.

Изъ этой теоріи Левъ В. извлекалъ такія практическія слѣдствія (противъ Иларія арльскаго):

1) Такъ какъ вся церковь основана на твердости Петровой, то удаляющійся отъ этой твердыни ставитъ себя внѣ гаянственнаго тѣла Христова—церкви.

2) Кто посягаетъ на авторитетъ римскаго епископа и отказываетъ въ повиновеніи апостольскому престолу, тотъ не хочетъ подчиняться блаженному апостолу Петру.

3) Кто отвергаетъ власть и первенство, *principatum* ап. Петра, тотъ ничуть не можетъ уменьшить его достоинства,

но надменный духомъ гордости, низвергаетъ самого себя въ преисподнюю.

Въ то же время Валентиніанъ III (отъ 8 іюля 445 г.) подъ вліяніемъ Льва В. писалъ въ Галлію: «Пусть никто не покушается на что-нибудь недозволенное этимъ престоломъ и для всѣхъ пусть будетъ закономъ то, что постановилъ авторитетъ апостольскаго престола. Епископа, вызваннаго на судъ въ Римъ, должна принудить явиться гражданская власть. Ибо только тогда возможенъ повсюду миръ церковный, когда вся вселенная будетъ признавать своего правителя... И развѣ есть что нибудь въ дѣлахъ церковныхъ, превышающее авторитетъ такого первосвященника?»

Выраженія другихъ римскихъ епископовъ блѣдны сравнительно съ этой развитою системою и лишь изъ нея получаютъ полное освѣщеніе.

Если мысль о непогрѣшимости римскаго епископа и была внѣ представленій Льва В., то на юридической почвѣ все же были уже даны всѣ прерогативы, какія потомъ были утверждены на Ватиканскомъ соборѣ. Судъ надъ римскимъ епископомъ и не нуженъ: хотя бы онъ и имѣлъ недостатки, но они искупаются, покрываются достоинствами Петра, который былъ на римской каедрѣ епископомъ. Такимъ образомъ предполагается, что серьезныхъ прегрѣшеній и не должно быть въ римскомъ епископѣ. Какъ смотрѣлъ Левъ В. на своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые отрекались даже отъ истинной вѣры, это было бы весьма интересно знать, но Левъ В. объ этомъ не высказывается.

Рѣчи Льва въ день его посвященія должны были получить тѣмъ болѣе важное значеніе, что епископы ближайшихъ къ Риму областей пріѣзжали сюда и приносили папѣ поздравленія. Изъ позднѣйшихъ памятниковъ видно, что считалось даже неприличнымъ для епископовъ не быть въ Римѣ въ годовщину хиротоніи папы. Папа Григорій В. писалъ нѣкоторымъ епископамъ даже увольнительныя письма. Поэтому Левъ В. говорилъ, взвѣсивая каждое слово. Если нѣкоторыя его выраженія не отличаются желательной опредѣленностью, то надо помнить, что церковь въ то время жила еще въ формахъ классическаго образованія, и Левъ В. былъ отдаленнымъ преемникомъ Цицерона и Юлія Цезаря. Особенностью этого образованія служить эстетичность языка: Математичность и логичность нашего изложенія для современнаго читателя

безвкусыми. У насъ одинъ и тотъ же терминъ въ цѣляхъ точности употребляется на всемъ протяженіи рѣчи, а всякая прибавка является попыткою измѣнить его смыслъ. Папа же для эстетическихъ цѣлей, во избѣжаніе повтореній, варьировалъ слова. Левъ В. высказалъ положеніе, что всѣ апостолы получали отъ Іисуса Христа высшія полномочія, но получили черезъ посредство ап. Петра, какъ своей главы, и свое отношеніе къ другимъ епископамъ папа ставитъ въ аналогію съ отношеніями ап. Петра, но неясно. Мы ожидаемъ отъ папы отвѣта на вопросъ: полномочія другихъ епископовъ передаются на нихъ черезъ римскаго епископа, или нѣтъ? Папа не далъ отвѣта, а это было бы очень важно. Свои полномочія подданные получаютъ отъ государя и ихъ теряютъ съ его смертію; преемникъ его долженъ возстановить ихъ. И легатъ пользовался полномочіями папы лишь при его жизни, а послѣ его смерти онъ долженъ былъ ожидать новыхъ полномочій. Если всѣ полномочія получались черезъ живого папу, то какъ объяснить состояніе церкви по смерти папы? Всѣ эти вопросы, столь необходимые для насъ, для современниковъ Льва не выступали или выступали не съ такой настойчивостью.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы обозрѣть широту выводовъ, вытекавшихъ изъ взглядовъ Льва В. Если полномочія Петра исключительны, то папы необходимо имѣютъ *plenitudo potestatis* не только по отношенію къ западу, но и къ востоку. Исторія должна отвѣтить, насколько эта необходимость сознавалась и проводилась въ жизнь.

Остаются два вопроса: а) насколько подобныя воззрѣнія были признаны на западѣ, и б) насколько эти тенденціи были заявлены и признаны на востокѣ?

а) На западѣ.

1) Соборъ Сердикскій (343 г.), вселенскій по первоначальному намѣренію, бывшій голосомъ большей части западнаго христіанства, составляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи римскаго престола. Юлій I самъ подъ извѣстными предлогами на соборъ не явился. «Въ высшей степени цѣлесообразно, — говоритъ самъ соборъ, — что епископы о дѣлахъ отдѣльныхъ провинцій будутъ докладывать главѣ (*ad caput*), т. е. каедрѣ ап. Петра» (начало проповѣди, что папа важнѣе собора?). Отцы собора предоставили римскому епископу

преимущество—отъ всѣхъ епископовъ, считающихъ себя несправедливо низложенными, принимать апелляціи съ тѣмъ, чтобы или утвердить состоявшійся приговоръ, или кассировать его и передать дѣло на пересмотръ собора изъ мѣстныхъ епископовъ съ правомъ посылать туда римскаго пресвитера въ качествѣ легата *a latere* (пр. 3).

Значенія этого правила не слѣдуетъ ни преувеличивать, ни ослаблять. аа) Отцы собора по своему свободному усмотрѣнію (*si vobis placet, honoremus*) даровали римскому епископу это преимущество, какъ новую почесть, а не констатировали только существующее право «главы» церкви. бб) Привилегія дана правиломъ Юлію римскому лично и въ виду исключительнаго положенія даннаго момента (надъ всѣмъ востокомъ тяготѣло подозрѣніе въ аріанствѣ; для православныхъ епископовъ на востокѣ не было апелляціоннаго безпристрастнаго трибунала). Но вв) эту прерогативу чествовали собственно «память св. ап. Петра»: эта привилегія могла, слѣдовательно, перейти и къ преемникамъ Юлія. Съ нашей точки зрѣнія здѣсь противорѣчіе: съ одной стороны упоминаютъ Петра, будто указывая на нѣчто вѣчное, а съ другой — Юлія, какъ будто это имѣло временное значеніе. Несомнѣнно, что данное правило съ его послѣдствіями было продумано плохо его составителями, но фактъ былъ вызванъ обстоятельствами: среди аріанскихъ волненій одинъ Римъ могъ имѣть рѣшающее значеніе. Представимъ, что въ цѣлой провинціи былъ лишь одинъ православный епископъ. На соборѣ аріанскіе епископы могли придаться къ какой-либо канонической его винѣ и поступить съ нимъ несправедливо. Понятно, что такой епископъ могъ найти управу только при вмѣшательствѣ западнаго православнаго епископа. Поэтому ограничивать указанные привилегіи однимъ Юліемъ нѣтъ смысла, тѣмъ болѣе что во времена Сердикскаго собора Юлій былъ старъ и могъ скоро умереть. гг) Соборъ препроводилъ Юлію правила съ порученіемъ (*disponere debet*) опубликовать ихъ въ подвѣдомомъ Риму митрополитанскомъ округѣ (*ergo римскій епископъ не важнѣе собора, а подчиненный собору митрополитъ?*). дд) Въ Африкѣ правила сердикскія не только не были приняты къ руководству, но были даже забыты. Но въ Римѣ о нихъ не забыли, а смѣшали ихъ даже съ никейскими, и пользовались ими какъ точкою опоры для развитія своей власти.

2) Еще болѣе важное признаніе сдѣлалъ римскій *synodus*

Palmaris (502 г., 4-е засѣданіе 23 октября), созванный Теодорихомъ В. для рѣшенія спора между двумя папами Симмахомъ и Лаврентіемъ. Теодорихъ просилъ отцовъ возстановить церковный миръ Италіи и произнести приговоръ *sive discussa sive indicussa causa*, или входя, или не входя въ разслѣдованіе самого вопроса, такъ какъ въ епископахъ возникло сомнѣніе въ своемъ правѣ—соборно судить папу. И они, исполняя заповѣди Божіи, дали Италіи ея правителя (въ лицѣ Симмаха), *totam causam Dei iudicio reservantes*, «предоставивъ самое спорное дѣло суду Божію». Принципъ, которымъ руководствовался соборъ, діаконъ Эннодій († 521 епископомъ тичинскимъ) защищалъ въ особомъ апологетикѣ. «Кто можетъ сомнѣваться,—писалъ онъ,—въ святости того мужа, который стоитъ на высотѣ такого сана? Да если бы ему и недоставало добрыхъ дѣлъ личныхъ, ихъ восполняютъ заслуги его предшественника (ап. Петра). Можетъ быть, Богу угодно, чтобы дѣла другихъ людей оканчивались здѣсь людскимъ судомъ; но не можетъ быть и вопроса, что Онъ своему суду предоставилъ архипастыря этой каведры (*sedis istius praesulem suo, sine questione, reservavit iudicio*)». Какъ ни лестно для папскаго престола рѣшилъ *synodus Palmaris*, но въ Галліи епископы были недовольны уже и тѣмъ, что дѣло папы было передано на судъ епископовъ (потому потребовался апологетикъ Эннодія). Это говорить о томъ, какой успѣхъ сдѣлалъ папскій авторитетъ въ сознаніи западнаго христіанства.

3) На римскомъ соборѣ 531 года Θεодосій эхинунтскій изъ Θεссаліи (слѣдовательно *греческій* епископъ) заявилъ какъ о вещи всѣмъ извѣстной (*constat*), что «престолъ апостольскій по праву усваиваетъ себѣ первенство (*principatum*) въ цѣломъ мірѣ и къ нему одному необходимо отовсюду подавать апелляціи по церковнымъ вопросамъ».

б) На востокъ.

По системѣ Льва В., власть римскаго папы простирается на всю вселенскую церковь, слѣдовательно и на восточную. Знали ли на востокѣ, что думаютъ о себѣ римскіе епископы, и признавали ли справедливость такихъ воззрѣній?

Какъ отнеслась восточная церковь къ выводамъ Льва В.? Восточная церковь никакъ не отнеслась. Самое трудное для

историка въ исторіи раздѣленія церквей, что оно явилось не *ex abrupto*, какъ *deus ex machina*, а подготовлено всей предыдущей исторіей. Нельзя смотрѣть на общеніе между церквами восточною и западною въ древнее время, какъ на полное. Таковымъ оно было лишь въ первые три вѣка. Но это объяснялось, во-первыхъ, одинаковостью языка: церковь римская была въ сущности греческою. Греческій языкъ былъ непонятенъ лишь на глухихъ окраинахъ запада и былъ языкомъ документальнымъ. Большая часть галльскихъ церквей была греческими. Въ церквахъ Карфагена языкъ употреблялся греческій¹⁾. Съ конца III в. церкви западныя все болѣе и болѣе дѣлались латинскими. Самое худшее было то, что востокъ мало зналъ о жизни запада. Можетъ быть раздѣленіе церквей и не состоялось бы, если бы востокъ интересовался жизнью окраинъ запада. Западъ же очень горячо и съ интересомъ относился къ востоку. Послѣ раздѣленія церквей многіе ученые аббаты на западѣ толковали объ одной церкви, не зная, что церковь раздѣлилась. Доказательствомъ такого интереса служить, далѣе, греческій элементъ въ западной литургической практикѣ — въ мессѣ (*Κύριε ἐλέησον*). Епископы захудалыхъ западныхъ епископій, побывавшіе на востокѣ, подробно и съ интересомъ описываютъ то, что они тамъ видѣли. А на востокѣ ничего этого не было.

Надо отмѣтить и другую черту запада. Восточные императоры были старѣйшими въ имперіи. Папы отправляли въ Константинополь референдаріевъ и апокрисіаріевъ для докладовъ императору или его министру о церковныхъ дѣлахъ запада. Папы черезъ нихъ были хорошо освѣдомлены о константинопольскихъ патріархахъ и о жизни на востокѣ. Для константинопольскихъ же патріарховъ не было нужды обращаться въ Римъ, сношенія Константинополя съ Римомъ были

¹⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Къ вопросу объ Acta Martyrum Scilitanorum. „Христ. Чт.“ 1903, II, 60—68 (отд. оттискъ 34—42) („Языкъ актовъ. — На какомъ языкѣ совершалось богослуженіе въ Карфагенѣ?“). Мнѣніе объ употребленіи латинскаго языка въ богослуженіи западной церкви уже въ древнѣйшее время высказываетъ А. И. Садовъ, Латинскій языкъ въ Богослуженіи древней западной Церкви. „Христ. Чт.“ 1912, I, 157—179. По вопросу вообще о греческомъ вліяніи въ сѣверной Африкѣ ср. W. Thieling, Der Hellenismus in Kleinafrika. Der griechische Kultureinfluss in den römischen Provinzen Nordwestafrikas. Leipzig und Berlin 1911.

случайны, и константинопольскіе апокрисіаріи въ Римѣ—явленіе немислимое, а они могли бы своему патріарху сослужить большую службу. Затѣмъ, возникавшіе въ Римѣ безпорядки изъ-за выбора епископа улаживались мѣстными властями, а не всею церковью. Причиною этого невмѣшательства востока въ дѣла запада были отчасти бурные споры изъ-за ересей на востокъ; важнѣйшія церковныя недоразумѣнія на западѣ происходили по раздѣленіи церквей.

Такимъ образомъ, обстоятельства сложились такъ, что западъ въ лицѣ Рима изъявлялъ желаніе контролировать церковную жизнь востока, а послѣдній долженъ былъ противиться этому. Востокъ же не вмѣшивался въ жизнь запада не по нравственнымъ только причинамъ, но и по равнодушію, а главнымъ образомъ по крайнему невѣдѣнію обстоятельствъ церковной жизни запада. Въ отношеніяхъ восточныхъ и западныхъ церквей исторически установилось неравенство, и лишь въ пользу одного Рима.

Замѣчательно, что случаи вмѣшательства запада въ церковныя дѣла востока были еще и до Льва В., и его предшественники находили возможнымъ отправляться прямо отъ второй послылки, не нуждаясь въ полныхъ воззрѣніяхъ Льва. Для запада идея папизма были фактами, а для востока лишь красивыми риторическими фразами.

Первый случай папскаго вмѣшательства былъ при Аѳанасіи В., но и этотъ случай былъ таковъ, что дѣло началось прямо со второй послылки. Аѳанасій В. долженъ былъ удалиться изъ Александріи, иначе его вытѣснила бы вооруженная сила. Въ Римѣ онъ не походилъ на просителя, что видно изъ его энциклики, гдѣ онъ не считаетъ себя подлежащимъ суду Рима; онъ просто увѣдомилъ папу о фактѣ своего изгнанія и говорилъ, что, еслибы новый александрійскій епископъ прислалъ грамоту общенія, то епископы должны ее разорвать. Въ то же самое время на востокъ произошли весьма важныя обстоятельства. Въ надеждѣ на симпатіи императора Константія восточные собрались въ началѣ 340 года на соборъ въ Антиохіи и на мѣсто удалившагося Аѳанасія избрали какого-то каппадокійца Григорія, который подъ прикрытіемъ военной силы вступилъ въ Александрію и послѣ многихъ кровавыхъ насилій овладѣлъ церковью. Отцы антиохійскаго собора, сдѣлавши это, послали къ Юлію посланіе, въ которомъ извѣщали объ этомъ событіи. Разсчетъ отцовъ былъ тотъ, что ихъ послы

найдутъ Юлія неподготовленнымъ, но случилось иначе: они столкнулись съ послами Аѳанасія В., и эти изблѣчили ихъ. Срамъ былъ такъ великъ, что одинъ изъ восточныхъ пословъ постыдно бѣжалъ, а остальные смиренно просили Юлія отложить разслѣдованіе дѣла на годъ. Ни Аѳанасій В., ни отцы антиохійскаго собора не требовали суда,—послы просили его ех tempore безъ вѣдома пославшихъ.

Когда Юлій черезъ годъ напомнилъ восточнымъ отцамъ объ этомъ, они продержали пословъ Юлія до истеченія годичнаго срока и затѣмъ написали ему посланіе, въ которомъ третируютъ его право вмѣшательства въ церковныя дѣла востока. Они представили ему дилемму: быть въ общеніи или со всѣмъ востокомъ, или же съ однимъ Аѳанасіемъ. Пересмотръ восточнаго дѣла на западномъ соборѣ—дѣло необычное: восточные отцы не вмѣшивались въ дѣло между Корниліемъ и Новатіаномъ; равно и дѣло Павла Самосатскаго рѣшено на востокѣ безъ вмѣшательства запада. Епископъ римскій напрасно предполагаетъ, что онъ важнѣе другихъ епископовъ: если на его сторонѣ преимущество богатства, то на сторонѣ восточныхъ—преимущества высшаго богословскаго знанія и добродѣтели; и не восточнымъ епископамъ слѣдовало за западными: свѣтъ вѣры съ востока распространился на западъ. Они провели, такимъ образомъ, въ своемъ письмѣ ехидную мысль, что Юлій вмѣшивается въ чужія дѣла, надменный величіемъ города своей кathedры. Юлій не остался въ долгу. Онъ не сталъ оспаривать послѣдняго тезиса, а только язвительно напомнилъ, что если бы на востокѣ всѣ кathedры были равны, то не было бы переходовъ съ меньшихъ кathedръ на большія. Свой вызовъ онъ мотивировалъ апелляціею къ собору самихъ же восточныхъ пословъ. Наконецъ указывалъ, что обычай (τοῦτο ἥθος ἦν) требовалъ, чтобы о дѣлѣ епископа апостольской кathedры александрійской предварительно написали римскому епископу и потомъ рѣшали его, а не присылали къ подписанію уже состоявшійся приговоръ. Основаній этого «обычая» Юлій нисколько не разъяснял. Такимъ образомъ, первая посылка не освѣтилась и здѣсь. Дѣло Аѳанасія В. было рѣшено Сердикскимъ соборомъ (343), который собрался тогда, когда дѣло Аѳанасія осложнилось дѣлами другихъ восточныхъ епископовъ, изгнанныхъ аріанами и искавшихъ защиты на западѣ.

Въ эпоху разложенія аріанства римскій авторитетъ под-

нялся и на востокъ. Простые вѣрующіе, некомпетентные въ догматическихъ тонкостяхъ, стали желать вѣдшихъ гарантій православія своихъ епископовъ, въ особенности тѣхъ, которыхъ подозревали въ арианствѣ. Общеніе съ Римомъ считалось такою гарантіею, потому что на западѣ ариане не имѣли силы, а православіе римской церкви считалось незапятнаннымъ. Это мнѣніе было болѣе лестно для Рима, чѣмъ основательно: православіе римлянъ выглядѣло крѣпкимъ потому, что они не принимали серьезнаго участія въ богословской борьбѣ противъ арианъ; но въ години испытанія Либерій подписалъ полуаріанскій символъ и Викентій капуйскій въ Арминѣ допустилъ отмѣну никейскаго символа. При слабомъ знакомствѣ съ догматическими партіями на востокѣ, въ Римѣ принимали всѣхъ, кто подписывалъ никейскій символъ, и тѣмъ перѣдко только увеличивали восточную смуту. А въ глазахъ лицъ высокопросвѣщенныхъ римская каѳедра дискредитировала свой авторитетъ тѣмъ, что не поняла, что во главѣ каѳолическаго теченія на востокѣ стоитъ Мелетій антиохійскій, а Павлинъ представляетъ только секту, и стала на сторону послѣдняго.

Какъ извѣстно, попытка папъ урегулировать своимъ вліяніемъ постановленія II вселенскаго собора кончилась неудачно. Точно также Флавианъ антиохійскій не явился на судъ папы по его требованію и дѣло его кончилось мирно по вліянію Златоуста. Вмѣшательство папы Иннокентія въ дѣло Златоуста было безуспѣшно, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ этомъ дѣлѣ принялъ участіе самъ императоръ, хотя поводъ для вмѣшательства папы былъ самый законный. Оно вызвано было посланіемъ къ папѣ самого Златоуста. Самыя характерныя строки этого посланія—его заключительныя слова. Показывая, что данное происшествіе касается не его только, а есть дѣло общецерковное, Златоустъ прибавляетъ въ концѣ посланія: «и Венерію, епископу медиоланскому, и Хроматію епископу аквилейскому я писалъ то же. Будь здоровъ о Господѣ». Это прибавленіе весьма неблагопріятно для претензій римскаго епископа.

Вообще нельзя преувеличивать нѣкоторыхъ сторонъ въ подобныхъ апелляціяхъ къ Риму. Нужно помнить, какъ здѣсь обыкновенно стояло дѣло. Когда епископъ съ востока обращался къ папѣ, то онъ обычно занималъ высокое положеніе въ своей церкви, такъ что въ случаѣ нужды ему некуда было

апеллировать, какъ только на западъ. Таково было положеніе Златоуста. Онъ могъ обратиться за содѣйствіемъ къ Флавіану антиохійскому, который былъ выше его по положенію, но тотъ ничего не могъ сдѣлать для него по своей старости. Естественно, что Златоусту оставалось искать опоры и защиты отъ своихъ сильныхъ враговъ (Феофила александрійскаго) только на западѣ. Многія явленія кажутся простыми только потому, что они уже урегулированы. Два истца, заспорившіе по поводу вексельной уплаты, обращаются къ судѣ и не благодарятъ его за разбирательство дѣла, такъ какъ судья поставленъ на это. Точно также отправляющій письма по почтѣ не благодаритъ почтовыхъ чиновниковъ, потому что они обязаны экспедировать оплаченную корреспонденцію. Но въ древнее время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, отношенія не были урегулированы въ такой степени. За отсутствіемъ формальныхъ инстанцій нужна была живая энергія какого-либо вліятельнаго лица. Въ указанномъ выше случаѣ нужно было такое лицо, которое своимъ вліяніемъ могло бы содѣйствовать собранію большого собора. Папа являлся именно такимъ лицомъ.

Одному изъ преемниковъ Златоуста, Несторію, также пришлось встрѣтиться съ авторитетомъ папы, которымъ былъ тогда Келестинъ. Можетъ быть, послѣдній держался возрѣвнѣннй Льва на власть папы, но онъ не выразилъ этого ясно. Надо замѣтить, что онъ не отличался богословскимъ образованіемъ и не могъ потому разобраться достойно въ спорѣ Несторія съ Кирилломъ. Еще долго спустя на западѣ смѣшивали несторіанство съ пелагіанствомъ. Но Несторій и не думалъ обращаться къ Келестину, какъ авторитету. Послы папы явились на соборѣ по этому дѣлу съ инструкціей неособенно корректной. Папа велѣлъ держать имъ себя въ качествѣ судей, но не пускаться въ пренія. Послы выражались: «никто не сомнѣвается, но всѣмъ вѣкамъ извѣстно, что святой и блаженнѣйшій Петръ, князь (ἐπαρχος=ἐπαρχος, что значитъ собственно префектъ преторіи, второе лицо послѣ императора) и глава апостоловъ, столпъ вѣры и основаніе церкви, пріявшій отъ Господа ключи царства небснаго, донинѣ живетъ и судить въ лицѣ своихъ преемниковъ». Кириллъ умолчалъ на это заявленіе и далъ дѣлу такой оборотъ, какъ будто бы легаты высказались такъ въ качествѣ уполномоченныхъ не одной только римской каедрѣ, но всѣхъ западныхъ епископовъ.

Такое пониманіе сильно умаляло проводимую легатами тенденцію.

Участіе Льва В. въ дѣлахъ востока по поводу еutihianства представляется особенно интереснымъ. Все, что мы знаемъ о Левѣ В., повидимому, заставляетъ ожидать, что онъ со всей полнотою выразитъ папскую притязательность. Все, повидимому, сложилось самымъ благопріятнымъ образомъ для возможно энергичнаго заявленія этой проводимой имъ идеи о полнотѣ власти римскаго епископа. Съ одной стороны, папа—истинный римлянинъ, съ характеромъ твердымъ, съ богатымъ запасомъ многолѣтней административной опытности, съ горячею вѣрою въ свое первенство, заявившій себя со славою въ дѣлѣ распространенія римской юрисдикціи на западъ. Съ другой стороны, никогда еще имя римскаго первосвященника не стояло такъ общепризнанно высоко, какъ въ эту эпоху Кирилла и Келестина, когда даже представители интеллигентныхъ круговъ на востокѣ предрасположены были смотрѣть на папскій авторитетъ съ римской точки зрѣнія. А затѣмъ—крайняя запутанность въ церковныхъ отношеніяхъ: неосмысленный страхъ передъ призракомъ несторіанства, до крайности, до ереси утрированныя воззрѣнія защитниковъ александрійскихъ воззрѣній, ревность по вѣрѣ, разрѣшившаяся разбойничьимъ соборомъ. И между тѣмъ—довѣріе къ Риму общее: сюда апеллируетъ монофиситъ Евтихій; къ папѣ же прибѣгаетъ Флавіанъ константинопольскій. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ епископовъ восточныхъ, Феодоритъ кирскій, въ посланіи, не чуждомъ даже лести, повергаетъ свое дѣло на судъ римскаго первосвященника. Анатолій константинопольскій добрыми отношеніями къ Риму пытается загладить подозрительную законность его избранія, свою слишкомъ близкую связь съ дѣятелями второго Ефесскаго собора.

Не смотря на всѣ эти благопріятныя знаменія времени, Левъ В. дѣйствуетъ съ поразительною осмотрительностью. Твердо и ясно развивая свои церковно-административныя идеи передъ тѣми, отъ кого нельзя было ждать возраженій, передъ епископами западными, онъ весьма умѣренъ въ своей перепискѣ съ востокомъ.

Левъ В. не высказывался ясно, и если мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми притязательными фразами, въ родѣ фразы: «св. Петръ говоритъ устами Льва», то эти фразы представляютъ лишь ораторское украшеніе, ничуть не выражающее

идей папства. Извѣстно, какъ послѣдовало самое вмѣшательство Льва въ это дѣло. Онъ получилъ въ 448 г. аппелляцію отъ Евтихія, осужденнаго Флавіаномъ, и долженъ былъ что-нибудь сдѣлать. Сначала онъ не проявлялъ проницательности и не понималъ, что Евтихій еретичествуетъ, такъ что даже принялъ его подъ свою мощную защиту. Самое сильное выраженіе его претензій мы видимъ въ томъ, что онъ упрекаетъ, почему ему не были доставлены всѣ свѣдѣнія о происшедшемъ соблазнѣ. Но составленіе свѣдѣній объ еретикахъ требовало много времени, а Флавіанъ не торопился сдѣлать это и получилъ отъ папы письмо, въ которомъ Левъ V. просилъ его поспѣшить, такъ какъ онъ, папа, до зрѣлаго изслѣдованія не можетъ высказать рѣшенія. «Мы удивляемся, какъ могъ ты умолчать объ этомъ соблазнѣ, а не позаботился, напротивъ, увѣдомить насъ прежде всего, чтобы никакое сомнѣніе на этотъ счетъ не было возможно. Мы желаемъ знать основанія твоего поведенія въ этомъ дѣлѣ. Мы естественно озабочены имъ; поспѣвши же со всею полнотою и ясностью извѣстить насъ,—что тебѣ должно бы сдѣлать уже и раньше. Ибо мы, считая дѣла, касающіяся священныхъ лицъ, весьма важными, до зрѣлаго ихъ изслѣдованія не можемъ высказаться въ пользу той или другой стороны, не выслушавъ всего со всею справедливостію».

Здѣсь мы встречаемся съ весьма слабымъ подобіемъ того столкновенія, которое вышло у Юлія съ антиохійскими епископами. Флавіанъ писалъ Льву V. по этому дѣлу лишь для того, чтобы папа не оставался въ невѣдѣніи, что Евтихій на константинопольскомъ соборѣ отлученъ отъ церкви; константинопольскій патріархъ просилъ папу извѣстить объ этомъ и подвѣдомыхъ ему епископовъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ по ошибкѣ не принялъ Евтихія въ церковное общеніе. Словомъ, Флавіанъ сообщаетъ намъ опредѣленіе собора лишь къ свѣдѣнію и, пожалуй, даже къ исполненію. А Левъ V. думаетъ о пересмотрѣ всего этого дѣла. Но изъ его словъ далеко не ясно, вступаетъ ли онъ въ это дѣло какъ третейскій судья, какъ *judex ex compromisso*, или же въ силу принадлежащаго ему *jure divino* права высшаго надзора надъ всею вселенскою церковью. Съ вѣрнымъ тактомъ, онъ неясностью фразы прикрываетъ свои напистическія притязанія отъ протеста и возраженій.

Халкидонскій соборъ 451 г. въ исторіи римскаго приматства составляетъ фактъ обоюдоострый по своему смыслу.

Здѣсь церковный авторитетъ Рима поднялся на такую высоту, до которой онъ не доходилъ прежде. И однако же именно здѣсь нанесенъ былъ самый тяжкій и глубокий ударъ римскимъ притязаніямъ. По этой двусторонности своей Халкидонскій соборъ есть истинное порожденіе національнаго характера грековъ, непрямого, почти лукаваго.

Вся видимость собора, декоративная сторона его, составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи папства. Льва приглашали на соборъ: онъ не явился—по тѣмъ же побужденіямъ, по которымъ уклонился отъ участія въ Сердикскомъ соборѣ и Юлій. «Это не согласно было съ установившимися обычаями». Легаты папы держали его имя поистинѣ честно и грозно. Слова «такого-то епископа принялъ въ общеніе святѣйшій папа города Рима»,—являлись предвѣстникомъ благополучнаго исхода этого дѣла. Самъ Анатолій заявилъ, что Діоскоръ низложенъ не за вѣру, а за то, что онъ осмѣлился произнести анаѹему на папу,—и противъ этого не возражали. Нѣсколько документовъ, прочитанныхъ на соборѣ, адресованы: «святѣйшему и боголюбезнѣйшему вселенскому архіепископу и патріарху великаго Рима, и святому вселенскому собору, собранному въ Халкидонѣ», что ставить вселенскій соборъ въ положеніе совѣщательнаго собранія при папѣ. Посланіе собора Халкидонскаго къ папѣ—по буквѣ—составляетъ одинъ изъ самыхъ неудобныхъ документовъ для защиты положенія, что вселенскій соборъ выше папы. «Ты былъ для всѣхъ истолкователемъ голоса блаженнаго Петра. По твоей инициативѣ мы показали чадамъ церкви наслѣдіе истины». «Ты въ лицѣ твоихъ намѣстниковъ управлялъ нами съ благосклонностью, какъ глава членами». «Вотъ что мы сдѣлали вмѣстѣ съ тобою, который присутствовалъ съ нами духомъ, братски намъ сочувствовалъ, и почти зримъ былъ въ мудрости твоихъ мѣстоблюстителей. Благоволи, святѣйшій и блаженнѣйшій отецъ, признать и наше опредѣленіе о константинопольской каедрѣ своимъ, достолюбезнымъ и приличнымъ для благоустройства. Все дѣло началось отъ твоей святости, и по всегдашней твоей благосклонности мы и осмѣлились утвердить, зная, что всякое исправленіе, производимое дѣтми, относится къ ихъ собственнымъ отцамъ. Итакъ, умоляемъ, почти нашъ судъ твоимъ утвержденіемъ. И какъ мы заявляли согласіе съ тобою во всемъ добромъ, такъ и твоя святость да воздастъ дѣтямъ должно. Но—подъ этою лукаво льстивою

формою Льву подносили опредѣленіе собора о томъ, что константинопольскій архіепископъ имѣть преимущества равныя съ римскимъ, противъ чего протестовали со всею рѣшительностью папскіе легаты, находя въ немъ ограниченіе преимуществъ апостольскаго престола, учрежденныхъ будто бы отцами собора Никейскаго.

Четвертый вселенскій соборъ состоялся отчасти по вліянію Льва, но онъ склоненъ былъ преувеличивать значеніе своего посланія. Восточные епископы подписали это посланіе въ ознаменованіе его и своего православія, а папа представлялъ, будто бы имъ рѣшалось все дѣло. Противъ «томоса» (исповѣданія Льва В.) высказались съ сомнѣніемъ въ его полномъ православіи нѣкоторые епископы, подлежащіе экзарху вессалоникскаго викариата, относящагося къ римской же церкви. И нужны были сильныя мѣры, чтобы успокоить эти сомнѣнія. Вообще вопросъ о православіи означеннаго посланія оставался открытымъ, пока не признано было вселенскимъ соборомъ, что оно строго православно. На соборѣ его читали и обсуждали, а потомъ утвердили голосованіемъ. Только потому оно признано памятникомъ православнымъ, а не потому, что шло отъ папы.

Самый сильный ударъ папѣ былъ нанесенъ при утверженіи 28 правила. Вопросъ о преимуществахъ константинопольскаго патріарха на Халкидонскомъ соборѣ назрѣвалъ постепенно. Первоначально была намѣчена иная программа церковнаго устройства, при чемъ Константинополю не предполагалось дать того высокаго положенія, какое онъ занялъ въ дѣйствительности. Составленъ былъ проектъ 28 правила и при обсужденіи его произошли случайно событія, вскрывшія ходъ дѣла. Если бы не сохранились подробности дѣяній этого собора, то, повидимому, можно было бы предположить, что это правило было встрѣчено всеобщимъ согласіемъ и не встрѣтило препятствій, войдя въ церковно-каноническую жизнь. Но оказывается, что папскіе легаты протестовали противъ этого правила; они торжественно удалились изъ засѣданія, предполагая, что это произведетъ соответствующее ихъ намѣренію смущеніе между отцами собора и что съ ними потомъ согласятся всѣ. Но правило было принято, и такой исходъ дѣла возможно было предвидѣть. Римскіе послы держали себя авторитетно и грозно, а это не всегда вызываетъ сочувствіе въ собесѣдникахъ. Поэтому естественно, что ихъ неудовольствіе не встрѣтило отголоска въ восточныхъ отцахъ.

Въ слѣдующее засѣданіе послы выступили съ заявленіемъ, что въ ихъ отсутствіе сдѣлано было постановленіе, несогласное съ данными имъ наставленіями Льва V., и что надъ отцами собора было сдѣлано нравственное насиліе. Въ дополнительномъ засѣданіи разсматривался этотъ вопросъ, и отцы потребовали отъ пословъ, чтобы они указали, съ какими мнѣніями Льва несогласно постановлено собора. Послы сослались на инструкцію папы, въ которой заповѣдывалось сохранять существующій въ церкви іерархической порядокъ каедръ и протестовать противъ его нарушенія. Когда у нихъ потребовали каноническихъ основаній, они сослались на 6 правило Никейскаго собора, начинающееся словами: «Да хранятся древніе обычаи». Легатами это правило читалось съ прибавкой въ пользу первенства римскаго епископа: «Римская церковь всегда имѣла первенство». Когда было прочитано подлинное греческое правило, прибавки не оказалось.

Слѣдуетъ отмѣтить, что если бы этотъ фактъ случился въ Кароагенѣ, то тамъ поступили бы иначе: папскихъ легатовъ принудили бы тамъ выпить чашу униженія до дна. Восточные отцы констатировали правильное чтеніе даннаго мѣста, но не сдѣлали историческихъ справокъ, справки же были бы неблагопріятны для римскаго престижа. Не прошло 40 лѣтъ съ того времени, какъ Римъ заявилъ притязанія на господство въ Кароагенѣ. Для выясненія точнаго текста правилъ Никейскаго собора, африканскіе епископы послали тогда на востокъ за подлинными канонами, и они въ точномъ латинскомъ переводѣ были отправлены въ Римъ. Но эта сторона дѣла совсѣмъ не была подчеркнута на Халкидонскомъ соборѣ.

28-ое правило осталось въ силѣ, несмотря на возраженія легатовъ. Кромѣ того, отцы заявили, что они сдѣлали это постановленіе вполне добровольно.

Не легко было примириться съ этимъ Льву V. Онъ рѣзко протестовалъ противъ этого канона, въ письмахъ къ императору, императрицѣ и самому Анатолию, но основанія его протеста были слабы. Справедливо оцѣнилъ фальшивое положеніе, въ какомъ очутился въ своей полемикѣ папа. Шаффъ. «Левъ объявилъ возвышеніе константинопольскаго епископа до степени патріарха дѣломъ гордости и честолюбія,—онъ, смиренный и скромный папа!—вторженіемъ въ права другихъ восточныхъ митрополитовъ,—онъ, который себѣ позволялъ подобныя вторженія въ Галлію!—и прежде всего въ гарайтиро-

ванные Никейскимъ соборомъ права римскаго престола—на основаніи позднѣйшей римской интерполляціи, — и нарушеніемъ церковнаго мира,—который папы никогда не нарушали!»¹⁾ Права, предоставленныя Халкидонскимъ соборомъ константинопольскому патріарху, оскорбляли, по мнѣнію Льва, права митрополитовъ, хотя на самомъ дѣлѣ они не превышали правъ, напр., ессалоникскаго митрополита, тѣмъ болѣе, что самъ Левъ не заботился о соблюденіи правъ митрополитовъ. Онъ недавно (въ 451 г.) просилъ Анатолія константинопольскаго позаботиться объ Евсеіи дорилейскомъ, но Дорилея была подвѣдома митрополиту синнадскому, а послѣдній экзарху ефесскому въ асійскомъ діоцезѣ. Такимъ образомъ Дорилея была внѣ вліянія Константинополя. Папа упорно выдвигалъ церковное значеніе каедръ и ихъ возвышенію по политическимъ мотивамъ считалъ несправедливымъ, въ то время какъ политическіе мотивы были вообще главными основаніями возвышенія каедръ, и самъ Римъ возвысился благодаря именно этому. Одинъ изъ папскихъ легатовъ, Юліанъ косскій, совѣтовалъ Льву В. признать совершившійся фактъ, но папа не согласился признать 28 правило. Такъ кончился первый актъ этой борьбы Рима съ востокомъ.

Анатолій константинопольскій писалъ въ Римъ миролюбивое посланіе. Это непонятное на первый взглядъ обстоятельство будетъ ясно, если мы припомнимъ этнографическія и психологическія особенности типовъ востока и запада. Психологія этихъ типовъ была совершенно диспаратная. Въ данномъ случаѣ востокъ проигралъ, потому что греки вообще были способны уступать. Тяжелое историческое прошлое тяготѣло надъ эллинами. Востокъ не выработалъ себѣ твердаго историческаго характера, такъ чтобы могъ стать лицомъ къ лицу съ Римомъ и защищать себя на правовой почвѣ. Греки переоцѣнивали тѣ стороны своей природы, которыя въ нихъ признаются самыми характерными: гибкость ума, тонкость наблюденій и вѣру въ силу своего краснорѣчія. Произойди подобный случай въ Карфагенѣ, престижу папъ былъ бы нанесенъ прямой ударъ, а здѣсь вышло другое. Соборъ и Анатолій, рѣшившись твердо стоять за 28 правило, не высказались рѣшительно противъ папъ, такъ что ударъ нанесенъ былъ косвенно. Папу не оспаривали, какъ личность, вмѣшивающуюся не въ свое дѣло.

¹⁾ Ph. Schaff, Geschichte der alten Kirche. Leipzig 1867. S. 639.

а его стали умилоствлять, какъ разгнѣваннаго властелина. Соборъ представилъ дѣло такъ, что папскіе легаты не поняли его. Папа Левъ какъ будто не посвятилъ своихъ легатовъ въ тайну отношеній Рима къ Константинополю. По мнѣнію отцовъ собора, Левъ будетъ даже радъ возвышенію Константинополя, потому что это возвышеніе клонится къ чести самого Рима. Константинополь—второй Римъ; возвышая второй Римъ, соборъ этимъ самымъ возвышалъ и первый. Такимъ образомъ, все дѣло имѣло такой видъ, будто соборъ, съ одной стороны, возвышеніемъ Константинополя, и съ другой—принятіемъ «томоса», почтилъ папу, и отъ себя просилъ его почтить ихъ (отцовъ собора) утвержденіемъ халкидонскаго опредѣленія о Константинополѣ.

Но такое краснорѣчіе нисколько не тронуло папу. Онъ хотѣлъ уничтожить это постановленіе своимъ молчаніемъ о соборѣ. Въ дѣло вмѣшался императоръ Маркіанъ, который былъ поставленъ въ неловкое положеніе такимъ отношеніемъ папы къ дѣлу. Маркіанъ потребовалъ, чтобы Левъ высказался опредѣленно, и Левъ долженъ былъ заговорить. Но еще до утвержденія папы 28 правило Халкидонскаго собора на востокъ вошло въ церковную жизнь, а въ Римѣ на посланіе Анатолія смотрѣли, какъ на обращеніе къ папѣ за разрѣшеніемъ вопроса о положеніи константинопольскаго патріарха. Во время акакіанской смуты Геласій цитировалъ Анатоліево посланіе, какъ отказъ отъ опредѣленія Халкидонскаго собора.

Такъ представляется это дѣло въ исторіи. Мы, восточные, можемъ сослаться на смыслъ факта, и этотъ фактъ говоритъ въ нашу пользу: правило читается въ спискѣ постановленій собора, хотя фразы и цвѣтистости говорятъ не въ нашу пользу. Но здѣсь проявляется лишь различіе характеровъ востока и запада. Головы, оцѣнивающія факты по ихъ смыслу, будутъ держаться восточнаго пониманія халкидонскаго опредѣленія.

Во всякомъ случаѣ, миръ въ этотъ разъ не былъ нарушенъ. Но церковный раздоръ вскорѣ послѣдовалъ изъ-за акакіанской схизмы. Акакій константинопольскій явленіе довольно проблематичное. Онъ болѣе или менѣе симпатизировалъ монофиситамъ и прислуживался гражданской власти. Халкидонскій соборъ издалъ «ѳрес» и 28 правило. Василискъ, желая присоединить монофиситовъ, вздумалъ отмѣнить «ѳрес», но Акакій поднялъ бурю, потому что поколебать Халкидонскій соборъ—значило свести къ ничтожеству и значеніе констан-

тинопольской каеды. Онъ наложилъ трауръ въ церквахъ, и императоръ долженъ былъ первоначально уступить, а потомъ даже лишился престола вслѣдствіе оппозиціи Акакія и православныхъ. Дѣло свелось къ тому, что правительству въ лицѣ Зинона, новаго императора, пришлось считаться съ необходимостью дѣйствовать въ пользу православія. Самъ Акакій готовъ былъ мирволить монофиситамъ, но не могъ теперь открыто стать на ихъ точку зрѣнія; поэтому онъ запутался въ своихъ отношеніяхъ.

Въ Александріи патріархомъ въ это время былъ Петръ Монгъ, умѣренный монофиситъ, находившійся, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ египетскихъ монашескихъ массъ. Въ Антиохіи же патріархомъ былъ Петръ Гнафевсъ, монофиситъ ревностный настолько, что самъ Акакій хвалился тѣмъ, что никогда не имѣлъ съ нимъ общенія. На этомъ основаніи можно сомнѣваться въ томъ, что составленіе *ἐνωτικόν*'а принадлежитъ Акакію. Между тѣмъ *ἐνωτικόν* послужилъ основаніемъ для римскаго епископа къ обвиненію его въ ереси. Осудить Акакія было легко. Онъ высказался благопріятно о Петрѣ Монгѣ, который принялъ *ἐνωτικόν* и былъ признанъ въ качествѣ александрійскаго епископа. А сей послѣдній былъ въ общеніи съ Петромъ Гнафевсомъ, хотя самъ Акакій и хвалился, что никогда не имѣлъ съ нимъ общенія. Въ Римѣ не было головъ, способныхъ къ догматическимъ тонкостямъ, но за то были хорошіе юристы, тотчасъ увидѣвшіе непослѣдовательность Акакія. Они смотрѣли на ересь, какъ на contagious — проказу, заразу. Если Акакій и не былъ въ общеніи съ Гнафевсомъ, то имѣлъ соприкосновеніе съ Монгомъ, имѣвшимъ общеніе съ Гнафевсомъ, и слѣдовательно, путемъ контакта, зараза ереси черезъ третье лицо дѣлается и Акакія еретикомъ.

Поводомъ къ возбужденію обвиненій противъ него послужило бѣгство Іоанна Талаи въ Римъ. Личность Іоанна Талаи менѣе всего достойна сопоставленія съ Аѳанасіемъ, въ положеніи котораго онъ очутился. Прошлое его не было изъ свѣтлыхъ. Онъ симпатизировалъ монофиситамъ, и можетъ быть, готовъ уже былъ открыто перейти на ихъ сторону, но его православные избрали на каеду св. Марка. Противъ него были два обвиненія: въ политическомъ бунтѣ и клятвенномъ преступленіи. Онъ участвовалъ въ заговорѣ противъ императора Зинона и при помилованіи далъ клятву не занимать александрійскую каеду. Поэтому-то его избраніе въ александрій-

скаго патріарха въ Константинополѣ не признали законнымъ. Іоаннъ Талайя отправилъ своихъ уполномоченныхъ діаконовъ за утвержденіемъ и далъ имъ секретную инструкцію руководиться во всемъ совѣтами вельможи Илла. Этотъ въ то время случайно былъ въ Антиохіи. Послы, не смѣя вручить общительную грамоту Акакію безъ Илла, отправились въ Антиохію. Акакій былъ оскорбленъ тѣмъ, что люди, пришедшіе повиданному къ нему, скрылись. Между тѣмъ изъ Рима требовали отъ Акакія вѣстей о положеніи египетскихъ дѣлъ. Петръ Монгъ, признавшій энотиконъ, былъ поставленъ александрійскимъ епископомъ, а Іоаннъ отправился въ Римъ съ жалобою къ Феликсу II. Папа осудилъ энотиконъ, отлучилъ константинопольскаго епископа Акакія отъ церковнаго общенія, а также Петра Монга, сказавъ первому: «знай, что по суду Св. Духа и апостольскаго авторитета ты никогда не будешь изъять отъ узъ анаемы» (28 іюля 484 г.). Это отлученіе, доведенное до свѣдѣнія Акакія, произвело броженіе, и начался разрывъ между церквами. Преемники Акакія, патріархи константинопольскіе Македоній и Евтихій, были вполне православны, были низложены за борьбу противъ монофиситовъ и даже причислены къ лику святыхъ, какъ исповѣдники. Но Римъ, создавъ схему контагиозности, крѣпко держался ея.

Во время этой такъ называемой схизмы Акакія Геласій I римскій громко заявилъ папистическія тенденціи передъ греческими иллирійскими епископами. Акакій, по нему, безъ позволенія Рима не имѣлъ права вести дѣло о возстановленіи александрійскаго епископа Петра Монга, прежде низложеннаго, такъ какъ Акакій только суффраганъ митрополита ираклійскаго, а епископъ александрійскій, какъ епископъ второй апостольской каѳедры, подсуденъ только епископу первой апостольской каѳедры, римскому. Въ силу первенства Петрова епископъ римскій утверждаетъ приговоры соборовъ, многое рѣшаетъ и безъ соборовъ, принимаетъ апелляціи отовсюду, а отъ римскаго приговора никакая апелляція невозможна. Это латинское посланіе Геласія, вѣроятно, не всѣмъ на востокъ было извѣстно, и формальнаго протеста не вызвало.

Акакіанская схизма кончилась торжествомъ для римскаго епископа. Понять это не трудно, такъ какъ такъ называемые «акакіане» были совсѣмъ не монофиситы, а православные, и тяготились такою ненормальностью, какъ разрывъ съ право-

славнымъ Римомъ. Этимъ недовольствомъ воспользовался отложившійся отъ императора Анастасія генераль Виталианъ, и рядомъ побѣдъ принудилъ Анастасія завязать переговоры съ Римомъ, которые при Анастасіи не имѣли, однако, успѣха. А когда воцарился (9 апрѣля 518 г.) православный Юстинъ, то въ первое же воскресенье православные настоятельно потребовали отъ константинопольскаго патріарха Іоанна Каппадокійскаго анаѳемы Севиру, монофиситскому патріарху антиохійскому, и торжественнаго прославленія памяти отцовъ собора Халкидонскаго. Анаѳема была произнесена, *ἀνάξις* въ честь Халкидонскаго собора былъ совершонъ 6 іюля. Въ этотъ день народъ потребовалъ, чтобы имена константинопольскихъ патріарховъ, скончавшихся въ изгнаніи за православіе, Евфимія († 5 августа около 500 г.) и Македонія II († 25 апрѣля 516 г.), были внесены въ диптихи. И эта просьба была тогда же исполнена. Окончательно это торжество православія надъ временно преобладавшимъ монофиситствомъ выразилось на константинопольскомъ соборѣ (изъ 40 епископовъ) 20 іюля, который рассмотрѣлъ и призналъ подлежащимъ удовлетворенію прошенію изъ 5 пунктовъ: 1) имена Евфимія и Македонія II вставить въ диптихахъ и смертные останки ихъ перенести въ Константинополь, 2) возвратитъ на каѳедры всѣхъ епископовъ, сосланныхъ за поддержку Евфимія и Македонія, 3) внести въ диптихи четыре вселенскіе собора, 4) равно и имя Льва V. римскаго, и 5) предать анаѳемѣ Севира. Такого же характера были и постановленія соборовъ—іерусалимскаго (6 августа 518 г.), тирскаго (16 сентября 518 г.) и апамейскаго.

Православной восточной церкви оставалось только формально возстановить общеніе съ православнымъ западомъ. Съ этою цѣлю завязаны были переговоры съ Римомъ, и передъ пасхою 519 г. (пасха—31 марта) прибыли въ Константинополь послы папы Гормисды, епископы—Іоанчъ и Германъ, пресвитерь Бландъ, и діаконы—Феликсъ и Діоскоръ, съ очень опредѣленною инструкцією, отзывавшеюся злоупотребленіемъ выгодами своего положенія. Путь легатовъ до Константинополя походилъ на триумфальное шествіе. Прибывъ въ столицу, они настояли на томъ, чтобы патріархъ Іоаннъ подписалъ принесенный изъ Рима *libellus* или, такъ называемую, *formula Hormisdæ*, въ которой читаются, между прочимъ, слѣдующія строки: «*Prima salus est rectae fidei regulam custodire, et a*

patrum traditione nullatenus deviare; quia non potest Domini nostri Jesu Christi praetermitti sententia, dicentis: *Tu es Petrus, et super hanc petram aedificabo Ecclesiam meam.* Haec quae dicta sunt rerum probantur effectibus: quia in sede apostolica inviolabilis semper catholica custoditur religio. De hac igitur fide non cadere cupientes, sed patrum sequentes in omnibus constituta, anathematizamus omnes haereses.—Anathematizamus similiter Acacium quondam Constantinopolitanae urbis episcopum, complicem eorum [Евтихія—Диоскора—Монга] et sequacem factum, nec non et perseverantes eorum communioni et participationi.—Spero in una communione vobiscum, quam apostolica sedes praedicat — — me futurum, promittens in sequenti tempore sequestratos a communione Ecclesiae catholicae, id est in omnibus non consentientes sedi apostolicae, eorum nomina inter sacra non recitanda esse mysteria. Quodsi in aliquo a professione mea deviare tentavero, his quos condemnavi, per condemnationem propriam consortem me esse profiteor». Въ великій четвертокъ (28 марта), in coena Domini, подписалъ Иоаннь этотъ libellus. Въ тотъ же день въ присутствіи легатовъ были вычеркнуты изъ диптиха имена Акакія и его преемниковъ-епископовъ, равно какъ императоровъ Зинова и Анастасія.

Такъ Римъ торжествовалъ побѣду надъ воображаемыми монофиситами въ Константинополѣ. Но провинція оказалась болѣе стойкой, чѣмъ столица: тамъ ничего не имѣли противъ анаемы монофиситамъ, но и слышать не хотѣли объ исключеніи изъ диптиховъ православныхъ епископовъ только за то, что они имѣли общеніе съ Акакіемъ и его православными преемниками. И легаты вынуждены были податься и не настаивать. Къ точкѣ зрѣнія провинціи примкнула вполсѣдствіи и великая церковь: Евфимій и Македоній II причислены къ лику святыхъ (5 августа и 25 апрѣля).

Побѣжденныхъ обыкновенно возмущаетъ не столько самая побѣда непріятели, сколько неумѣренное торжество побѣдителей. Это пришлось легатамъ испытать тамъ, гдѣ они, можетъ быть, ожидали всего менѣе сопротивленія, — въ Фессалоникѣ, отъ викарія папы, епископа Дороея. Этотъ епископъ имѣлъ общеніе съ константинопольскою церковію, и во время проѣзда легатовъ въ столицу, отказался подписать везомый libellus, общавъ, впрочемъ, сдѣлать это послѣ, когда онъ получитъ извѣщеніе изъ Константинополя. Послы, вѣроятно, немало раздражили ес-

салоникскую паству, остановившись у нѣкоего Іоанна, ревностнаго поборника римскихъ воззрѣній, который поэтому «sempre separatus fuit a communione Dorothei propter synodum Chalcedonensem». Когда, покончивъ дѣло въ Константинополь, легаты возвращались въ Фессалонику отбирать подписку подъ libellus, Дороеей созвалъ на соборъ подвѣдомыхъ ему епископовъ и повидимому хотѣлъ нѣсколько импонировать легатовъ народною демонстраціею противъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, для чего-то было запрещено служить литургію внѣ городской черты, и массы окрестнаго населенія столпились въ Фессалонику. Противъ libellus Дороеей имѣлъ какія-то возраженія и, будто бы, говорилъ объ угрожающей вѣрѣ опасности. Агитація охватила городъ. Матерямъ рекомендовали скорѣе нести своихъ малютокъ ко крещенію, чтобы, съ наступленіемъ гоненія, дѣтямъ не умереть язычками, и за два дня до прибытія пословъ, словно въ новую пасху, Дороеей окрестилъ свыше 2.000 душъ. Запасные св. дары стали раздавать народу (въ виду угрожавшаго замѣшательства) цѣлыми корзинами. Это возбудило чернь такъ, что когда прибывшіе легаты остановились у своего Іоанна catholicus, вдругъ вспыхнулъ противъ нихъ бунтъ. Іoannes catholicus убить, легатъ епископъ Іоаннъ раненъ, и всѣ легаты едва могли спастись въ баптистеріи св. Марка. Возлагая отвѣтственность за все случившееся прямо на «еретика» Дороею и выдающагося пресвитера Аристиды, писали легаты къ Гормисдѣ о всемъ случившемся. Немедленно пришло отъ папы письмо къ возвратившимся въ Константинополь легатамъ: «еретика» Дороею епископомъ болѣе не считать; ходатайствовать предъ императоромъ о присылкѣ Дороею въ Римъ на судъ къ папѣ; на вакантное мѣсто фессалоникскаго епископа избрать лицо благонадежное и отнюдь не пресвитера Аристиды. Но случилось такъ, что Дороеей былъ вызванъ императоромъ въ Константинополь, повидимому оправдался, и во всякомъ случаѣ въ Римъ не былъ посланъ, а возвратился въ Фессалонику, гдѣ и скончался, какъ чтимый народомъ (ὁ ἀγιώτατος) архіепископъ. А преемникомъ его былъ именно Аристидъ, какъ сдѣлалось это извѣстно изъ изданнаго въ 1887 г. памятника ¹⁾.

Несомнѣнно, что при Юстиніанѣ (въ началѣ спора о трехъ главахъ) уваженіе къ римскому епископу на востокѣ стояло весьма высоко, но несомнѣнно и то, что римскому престижу на-

¹⁾ V. Rose, Leben des heiligen David von Thessalonike. Berlin 1887.

несенъ былъ ударъ, когда Вигилій, ставъ въ рѣшительную оппозицію Юстиніану, былъ отправленъ въ ссылку. Пелагій, преемникъ его, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ востоку. Но нельзя сказать этого вообще о западной церкви. Это время можно бы назвать кризисомъ, если бы востокъ имѣлъ правильный взглядъ на дѣла запада. На востокъ дорожили Римомъ именно потому, что входя въ церковное общеніе съ этимъ центромъ запада, вступали въ общеніе со всею западною церковію. Но съ V вселенскаго собора отношенія на западѣ были таковы, что этимъ восточнымъ ожиданіямъ не соответствовали. Отношенія между восткомъ и западомъ были, такъ сказать, половинчатая. Римскій епископъ имѣлъ сношенія съ восточными и западными церквами, но съ нимъ не имѣли сношенія нѣкоторые западные епископы. Собственно оппозиція дольше другихъ областей держалась на сѣверѣ Италіи и закончилась послѣ 681 г. (около 700 г.). Оппозиція къ V вселенскому собору въ Галліи и Испаніи затихла ранѣе и до схизмы не дошла; но во всякомъ случаѣ испанскіе соборы въ VI и VII вв. игнорируютъ V вселенскій соборъ.

Нѣсколько штриховъ, падающихъ на промежутокъ между V и VI вселенскими соборами, уясняютъ характеръ отношеній Рима къ востоку. Извѣстно, что римскій епископъ и другіе изъ значительныхъ епископовъ имѣли въ Константинополѣ своихъ представителей—*ἀποκριτάριοι*, *responsales*, положеніе которыхъ въ значительной степени гражданское. Ихъ можно было назвать агентами римской церкви при константинопольскомъ дворѣ, но вмѣстѣ и при константинопольскомъ епископѣ. Римскіе апокрисіаріи должны были зорко слѣдить, чтобы константинопольская кафедра не сдѣлала большихъ успѣховъ, невыгодныхъ для Рима. Послѣ бѣгства патріарха Севира кафедра антиохійская въ 519 г. сдѣлалась вакантною. Назначили епископомъ Павла и хотѣли его—противъ каноновъ—рукоположить въ Константинополѣ (антиохійскій патріархъ, по канонамъ, имѣлъ право рукополагать митрополитовъ, а его рукополагали всѣ митрополиты востока). Энергичный протестъ папскаго легата Діоскура повелъ къ тому, что Епифаній константинопольскій отправился въ Антиохію и тамъ рукоположилъ Павла. Въ 538 г. успѣхъ константинопольскаго патріарха былъ болѣе значителенъ. Мина константинопольскій въ присутствіи апокрисіаріевъ—римскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, рукоположилъ Павла во епископа александрійскаго, въ Константинополѣ. Мы узнаемъ, что это лицо было выдвинуто римскимъ апокрисіаріемъ Пелагіемъ.

Здѣсь произошло раздѣленіе вліяній. Римскій епископъ могъ видѣть здѣсь свое вліяніе въ томъ, что рукополагали римскаго избранника, константинопольскій патріархъ—въ томъ, что онъ въ Константинополѣ рукополагалъ епископа александрійскаго. Впрочемъ римскій успѣхъ здѣсь былъ ефемерный. Одна печальная исторія повела къ низложенію Павла, и на римскаго апокрисіарія имп. Юстиніаномъ была возложена обязанность вмѣстѣ съ антиохійскимъ, іерусалимскимъ и ефесскимъ епископами отправиться на востокъ и снять съ Павла омофоръ. А въ 572 г. Іоаннъ IV александрійскій принялъ хиротонію отъ Іоанна Схоластика константинопольскаго.

Въ Римѣ заботились о томъ, чтобы константинопольская кафедра не распространяла своего вліянія среди другихъ восточныхъ церквей. Столкновеніе между востокомъ и Римомъ произошло во второй половинѣ VI вѣка ¹⁾. Около 588 г. противъ антиохійскаго патріарха Григорія выдвинуты были обвиненія каноническаго свойства. Императоръ передалъ это дѣло константинопольскому патріарху, каковымъ былъ Іоаннъ Постникъ (582, † 30 августа 595). Это былъ аскетъ въ строгомъ смыслѣ слова, и по наружности онъ былъ сухой, какъ щепка. Смирненіе его было именно монашеское. Онъ былъ сакелларіемъ и діакономъ константинопольской церкви. И когда, послѣ смерти Евтихія, выборъ палъ на него, онъ энергично отказывался, и его нужно было взять подъ своеобразный арестъ во дворецъ. Не соглашаясь быть патріархомъ, онъ выставялъ на видъ, между прочимъ, и ту причину, что онъ до 3 часовъ по-полудни не можетъ видѣться съ народомъ. Но онъ, будучи очень строгимъ къ себѣ, былъ въ то же время снисходителенъ къ другимъ. Покаянныя правила Іоанна Постника были признаны (на соборѣ 1081 г. въ Константинополѣ) образцомъ списхожденія къ слабостямъ человѣческимъ. Онъ проявилъ на кафедрѣ широкій умъ и теплое сердце. То—фактъ, что онъ принималъ энергичное участіе въ преслѣдованіи язычниковъ со стороны константинопольскаго правительства, но это язычество соединялось съ волшебствомъ. Но онъ также противился гоненіямъ противъ христіанъ инославныхъ. Когда его, по вступленіи на кафедру, просили о разрѣшеніи полицейскихъ преслѣдованій монофиситовъ и ссылались на то, что такъ

¹⁾ Cp. H. Gelzer, Der Streit über den Titel des ökumenischen Patriarchen, въ Jahrbücher für protestantische Theologie, XIII (1887), S. 549—584.

водилось при Евтихія, то онъ не согласился и очень ловко отвѣтилъ (рекомендовалъ спросить у Евтихія *теперь*,—дозволяетъ ли онъ эти преслѣдованія). Впослѣдствіи, когда повелъ рѣчь о томъ же императоръ Маврикій, Іоаннъ опечалился. «За что мы будемъ преслѣдовать діакриноменовъ? Что такое они сказали или сдѣлали кромѣ того, что отвѣчаетъ ихъ вѣроисповѣданію?» Этимъ Іоаннъ и пріостановилъ преслѣдованіе.

Съ этимъ Іоанномъ Постникомъ вышло столкновение у римскаго епископа Пелагія II (578—590) и потомъ Григорія Двоеслова (590—604). Эта борьба началась по дѣлу Григорія антиохійскаго. Акты суда были отправлены въ Римъ. Римскій папа былъ возмущенъ, что константинопольскій патріархъ въ этихъ актахъ «*se universalem appellare conatus est*», и воспрепятствовалъ своему апокрисіарію (архидіакону) священнодѣйствовать съ нимъ, а «*eiusdem synodi acta ex auctoritate sancti Petri apostoli cassavit*», за исключеніемъ, впрочемъ, оправдательнаго приговора Григорію. Чѣмъ кончились эти напряженныя отношенія, установившіяся при Пелагіи, неизвѣстно, но Григорій В. долго оставался въ добрыхъ отношеніяхъ съ Іоанномъ. Около 593 г. споры возобновились. На двухъ пресвитеровъ было возведено обвиненіе въ ереси. Акты были отосланы въ Римъ. Изъ нихъ Григорій усмотрѣлъ, [что Іоаннъ «*se raene per omnem versum οἰκουμένην patriarcham nominaret*» («*superbum ac pestiferum oecumenicum, hoc est, universalis vocabulum*»)]. Григорій обвинялъ его въ гордости, честолюбіи, превозношеніи и пр., но трудно указать въ чемъ именнo состоялъ самый *corpus delicti*, самый фактъ, за который Іоанна обвиняли.

Въ сакраментальномъ смыслѣ всѣ патріархи—только епископы. Такъ на всѣхъ соборахъ, съ III по VII вселенскій, патріархи подписывались епископами. Но въ обращеніи къ нимъ и рѣчи о нихъ (на соборахъ—съ IV вселенскаго) входитъ въ силу титулъ архіепископа, но нѣтъ факта, чтобы константинопольскій патріархъ называлъ самъ себя архіепископомъ. Еще позднѣе явилось названіе патріарха. Съ конца V в. оно начало даваться главнымъ епископамъ и все болѣе и болѣе входило въ силу, а въ VIII и IX вв. является окончательнo установившимся (константинопольскаго въ VI в. титулуютъ *ἀρχιεπίσκοπος καὶ πατριάρχης*). Что касается до титула «вселенскій», то въ первый разъ онъ на разбойничьемъ соборѣ усвоится Діоскору (такъ его называлъ еп. Олимпій эвасскій изъ Асіи), затѣмъ на Халкидонскомъ соборѣ

названъ «вселенскимъ» Левъ В., но не отцами собора, а въ жалобахъ александрийцевъ на Діоскора, поданныхъ на имя Льва и вселенскаго собора (въ подписи легата Пасхасина Левъ В. названъ «universalis [греч. переводъ οἰκομενικῆς] ecclesiae papa»). Затѣмъ этотъ титулъ встрѣчается въ примѣненіи къ Іоанну Каппадокійскому, патриарху константинопольскому, въ 518 и 519 гг., но уже составляетъ нѣчто совсѣмъ обычное. Видимо, этотъ обычай установился во время «акакіанской схизмы». Этотъ же титулъ, ничтоже сумняся, на востокъ усваиваютъ и папамъ: Гормисдѣ (514—523), Бонифатию II (530—532), Агапиту I (535—536), Феоодору I (642—649), Мартину I (649—655), Домну (676—678), Агаѳону (678—681), Льву II (682—683), Іоанну V (685—686) и Іоанну VI (701—705). Смыслъ этого титула, конечно, очень широкъ. Титулъ «вселенскаго патриарха», конечно, не обозначаетъ епископства только надъ нѣкоторою частью вселенной, потому что и всѣ епископы также могли бы называться вселенскими, но надъ «вселенной». Вселенскій епископъ тотъ, который стоитъ въ центрѣ. Византійскіе императоры титуловались: δεσπότης τῆς οἰκομενικῆς. По аналогіи съ этимъ явился и титулъ «вселенскій патриархъ». Поэтому, когда въ Римѣ узнали о такомъ титулѣ, которымъ величался константинопольскій патриархъ, то явилось недовольство.

Изъ сличенія всѣхъ мѣстъ въ перепискѣ Григорія В. получается тотъ выводъ, что Іоаннъ самъ себя вселенскимъ не называлъ и съ такимъ титуломъ не подписывался; слѣдовательно, никакого новшества онъ не ввелъ. Григорій требовалъ отъ Іоанна, «ne stulto ac superbo vocabulo appellari consentiat». Легко понять, что подъ актами, посланными въ Римъ, Іоаннъ подписался «ἐπίσκοπος», но въ патриаршей канцеляріи его постоянно титуловали вселенскимъ, въ такихъ фразахъ, какъ «ὁ ἀγιώτατος ἀρχιεπίσκοπος καὶ οἰκομενικὸς πατριάρχης εἶπεν», или «προκαθεζομένου τοῦ ἀγιωτάτου ἡμῶν ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως καὶ οἰκομενικοῦ πατριάρχου Ἰωάννου». Іоаннъ *позволялъ* себя такъ титуловать. Но ко времени Іоанна Постника этотъ титулъ былъ ходячій, Іоаннъ могъ именно въ силу своего характера (смиренія) не отказываться отъ этого титула, потому что такое отречение лишь подчеркивало бы важный смыслъ титула. Григорій же истолковывалъ этотъ титулъ по существу дѣла, филологически, и — утрировалъ его. Онъ говорилъ, что если Іоаннъ есть епископъ вселенскій, то онъ одинъ епископъ во вселенной, и слѣдова-

тельно прочіе епископы не епископы, что этимъ во всякомъ случаѣ уничижаются епископы восточные—антіохійскій и александрійскій, и поэтому написалъ письмо къ императору и императрицѣ, и къ Іоанну Постнику, и къ Евлогію, патриарху александрійскому, и къ Анастасію антіохійскому, придавая такимъ образомъ этому дѣлу общецерковное значеніе. Своему апокрисиарію (діакону) онъ велѣлъ прекратить въ Константинополѣ священнослуженіе съ Іоанномъ Постникомъ.

Но отвѣтъ на это воззваніе съ востока послѣдовалъ для Григорія самый неожиданный. Евлогій александрійскій изъ вѣжливости какъ будто раздѣлялъ мнѣніе Григорія, но вмѣстѣ съ тѣмъ титуловалъ вселенскимъ самого Григорія, какъ епископа римскаго. Григорій ревностно протестовалъ противъ такой вѣжливости и развивалъ мысль о равенствѣ всѣхъ епископовъ. Но Анастасій антіохійскій (въ посланіи не сохранившемся, но смыслъ котораго извѣстенъ изъ отвѣта Григорія) самого Григорія дѣлалъ отвѣтственнымъ за смуту, которую онъ «не изъ-за чего» производилъ въ церкви: «*me dicitis morum meorum debere reminisci et maligno spiritui quaerenti animas scribare pro nulla causa locum dare*». Императоръ Маврикій тоже отвѣтилъ: «*ut pro appellatione frivoli (пустого, ходячаго, избитаго) nominis inter nos scandalum generari non debeat*». Итакъ востокъ къ этимъ римскимъ воззваніямъ отнесся съ полнымъ равнодушіемъ.

Когда по смерти Іоанна на кафедрѣ вступилъ Кириакъ (595—606), онъ, не признавая разрыва между церквами, послалъ свое общительное посланіе въ Римъ и его поддержалъ императоръ, и Григорій пошелъ на нѣкоторыя уступки. Григорій въ отвѣтномъ посланіи Кириаку хвалилъ его за православіе, но совѣтовалъ ему отказаться отъ титула «вселенскій». Своему апокрисиарію служить вмѣстѣ съ Кириакомъ онъ не разрѣшилъ, но подателя синодики Кириака принялъ въ свое общеніе ¹⁾.

¹⁾ Съ этою синодикомъ вышелъ инцидентъ, освѣщающій слабость римской эрудиціи въ церковной исторіи. Въ своемъ общительномъ посланіи Кириакъ между прочимъ перечислялъ еретиковъ, которыхъ онъ признаетъ осужденными, и въ ихъ ряду стояло имя Евдоксія константинопольскаго (аріанина). Григорій В. задрѣлъ Кириака на этомъ пунктѣ, — опасаясь, не предастъ ли онъ анаемѣ кого-либо православнаго, — обратился къ Евлогію александрійскому за разрѣшеніемъ вопроса о томъ кто этотъ невѣдомый въ Римѣ Евдоксій. А когда Евлогій успокоилъ папу,

Въ злополучное правленіе Фоки римскіе епископы продолжали агитацію противъ титула «вселенскій», и повидимому, не безъ успѣха. Бонифатію III (606 — 606) удалось получить отъ Фоки указъ, — «*ut sedes apostolica beati Petri apostoli caput esset omnium ecclesiarum, id est ecclesia Romana, quia ecclesia Constantinopolitana primam se omnium ecclesiarum scribebat*». Чтобы Фока *запретилъ* константинопольскому епископу давать титулъ *οἰκουμηνικός*, изъ этого извѣстія не видно (но Фока могъ имѣть неудовольствіе на Кириака за строгое охраненіе послѣднимъ. [это фактъ] церковнаго права убѣжища); а въ правѣ на титулъ «вселенскаго» константинопольскому и римскому епископу никогда не отказывали. Во всякомъ случаѣ, за константинопольскимъ патріархомъ, не смотря на всякіе римскіе протесты, удержался спорный титулъ и донынѣ.

Римскій смыслъ оппозиціи противъ титула «вселенскій» въ перепискѣ Григорія I закрытъ былъ тѣмъ, что Григорій ставилъ вопросъ на общую почву, понималъ его какъ дѣло всѣхъ епископовъ; его смиреніе не позволяло выставять свои собственныя преимущества. Впрочемъ, и смиреніе бываетъ о двухъ концахъ. Григорій называлъ себя «*servus servorum Dei*», но это титулъ болѣе претенціозный, чѣмъ *οἰκουμηνικός*; *πατριάρχης*: изъ Марк. X, 44 видно, что именно «*primus*» долженъ быть таковъ.

Но это, о чемъ умолчалъ Григорій, досказалъ Адріанъ I (772—795) въ своихъ посланіяхъ къ императрицѣ Иринѣ и къ Тарасію константинопольскому (отъ 26 октября 785 г.). Императрица Ирина, извѣщая Адріана о поставленіи Тарасія во епископа константинопольскаго, называла, по обычаю, Тарасія «вселенскимъ патріархомъ». Въ отвѣтъ на это Адріанъ спрашиваетъ: что онъ долженъ думать объ этомъ титулѣ? скрывается ли въ немъ *imperitia*, или *schisma*, или *haeresis*? Если именуемый «вселенскимъ» этимъ самымъ даетъ понятъ, что онъ выше римскаго епископа, *supra praelatam sibi sanctam Romanam ecclesiam, quae est caput omnium Dei ecclesiarum, describatur*, то онъ безъ сомнѣнія выставяетъ себя противникомъ св. соборовъ и еретикомъ; если онъ «вселенскій», то онъ—смѣшно сказать—имѣетъ первенство даже надъ ка-

что Евдоксій—еретикъ, и сослался на исторію Созомева, то Григорій опять впалъ въ колебаніе, такъ какъ Созомева, будто бы, не приѣмлетъ римская цѣрковь*.

одрою римской церкви. Въ концѣ концовъ папа высказывается очень категорично: кто называетъ себя вселенскимъ, тотъ чуждъ православной вѣры. Итакъ, борьба противъ титула «вселенскій» выяснилась какъ борьба за римское верховенство. Такимъ образомъ, возстановившееся на этотъ разъ общеніе римской кафедры съ константинопольскою осложнено было совсѣмъ не миролюбивыми задатками, которые и повели къ раздѣленію церквей.

Таковы же были отношенія и между римскимъ папою Николаемъ I и константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ. Если въ вопросѣ о поставленіи Фотія Николай не высказалъ своего взгляда на титулъ «*oikoumenikos*», то въ посланіи къ болгарамъ онъ поставилъ вопросъ о константинопольской кафедрѣ ясно. На вопросъ болгаръ: сколько настоящихъ патріарховъ (*veraciter patriarchae*), Николай I отвѣчалъ, что ихъ три: римскій, alexandрійскій и антиохійскій; есть еще два епископа: константинопольскій и іерусалимскій, которые именуется патріархами, но они не имѣютъ такого авторитета, какъ *veraciter patriarchae*; они патріархи, такъ сказать, *honoris causa*. Причина этого та, что настоящіе патріархи—преемники кафедръ, основанныхъ первоверховными апостолами (*principes apostolorum*) Петромъ и Павломъ. А константинопольская кафедра 1) апостолами не основана, 2) на первомъ вселенскомъ соборѣ, который славнѣе и достопочтеннѣе всѣхъ прочихъ, не упомянута (11 мая 330 г. Константинополь былъ только основанъ), и 3) своими преимуществами обязана политическому значенію Константинополя. А іерусалимская кафедра, хотя на Никейскомъ соборѣ и упомянута, но не подъ именемъ Іерусалима, а подъ именемъ Эліи (т. е. папа выдвигаетъ здѣсь противъ іерусалимской кафедры какъ разъ тотъ мотивъ [политическое значеніе города], примѣненіе котораго въ пользу Константинополя онъ считаетъ неумѣстнымъ). Разумѣется, если уже іерусалимская церковь подъ перомъ папы является безъ ясныхъ признаковъ кафедры апостольской, то константинопольскій епископъ не могъ стать *veraciter patriarcha* никогда. Такимъ образомъ, ко времени Фотія возрѣнія Рима на Константинополь были тверды, имѣя длинный рядъ прецедентовъ, и новый моментъ исторіи составляетъ переходъ константинопольскаго епископа въ наступленіе.

Эпикликою 867 г. Фотій приглашалъ восточныхъ патріарховъ на вселенскій соборъ, чтобы судить (никому, по Геласію, не-

подсуднаго) римскаго папу, и обвинялъ его въ ереси. Этою ересью было слово *Filioque*. Это западное воззрѣнiе на исхожденiе Св. Духа уже давно смущало восточныхъ. Еще Максимъ Исповѣдникъ (ок. 650) въ посланiи къ Марину старается разъяснить это выраженiе, которое монофелиты встрѣтили у папы Мартина и изъясняли такъ, чтобы набросить тѣнь на православiе Мартина. Этотъ инцидентъ не возымѣлъ особаго значенiя, потому что возраженiя исходили со стороны заблуждающихся. Въ 767 году, во время иконоборческихъ смутъ, востокъ отправилъ посольство на западъ, по поводу чего былъ созванъ соборъ въ Жантильди (*Gentiliacum*), на которомъ обсуждался и вопросъ объ исхожденiи Св. Духа. Что было постановлено на этомъ соборѣ, неизвѣстно, потому что акты этого собора до насъ не сохранились. Но съ этого времени на западѣ появляется литература (Алкуинъ, Теодульфъ орлеанскiй, Павлинъ аквилейскiй, *Libri Carolini*) въ защиту *Filioque*. Въ началѣ IX в. отъ западныхъ монаховъ на Елеонской горѣ въ Иерусалимѣ поступила ко Льву III (795 — 816) жалоба на восточныхъ, которые подозрѣвали западныхъ изъ-за употребленiя *Filioque* въ ереси. Ахенскiй соборъ 809 г. высказался въ пользу западныхъ монаховъ. Лавирующая политика римскихъ папъ закончилась наконецъ тѣмъ, что они стали защитниками *Filioque*. Фотiй на это воззрѣнiе посмотрѣлъ, какъ на ересь. Западная церковь отъ *Filioque* не отступилась. Изверженiе Этны или Везувiя нельзя засыпать пескомъ. Такъ не принесли дѣйствительной пользы и палъятивныя мировыя между востокомъ и западомъ. Въ этомъ и состоитъ значенiе 867 г., какъ эпохи. Наконецъ 16 iюля 1054 г. окончательный разрывъ совершился.

Считая перiодъ отъ миланскаго эдикта до Фотiя (857—312), мы будемъ имѣть 545 лѣтъ отношенiй между восточной и западной церквями. Если мы высчитаемъ время, падающее на мирныя отношенiя, то получимъ около 300 лѣтъ, остальные 200 лѣтъ приходятся на время разрыва. Именно, съ собора Сердикско-Филиппопольскаго 343 г. начался разрывъ, намѣченный уже съ 340 года. Для всего востока этотъ разрывъ прекратился не въ одно время. Можно полагать, что онъ прекратился въ 379 г., когда антиохiйскiе отцы подписали документы, присланные съ запада, и вступили въ общенiе съ Римомъ. Но на соборѣ 381 г. вопросъ о Павлинѣ и Мелетiи антиохiйскомъ снова обострился и изъ-за этого порвалось общенiе между

римскою и антиохійскою церковію, и этотъ разрывъ продлился до 398 г., когда при содѣйствіи Іоанна Златоуста общеніе было восстановлено. Такимъ образомъ, для антиохійскаго патріархата разрывъ продолжался 55 лѣтъ ($343+55=398$). Изъ-за энотикона Зинона возникъ разрывъ, тянувшійся 35 лѣтъ. Трудно опредѣлить продолжительность времени самаго разрыва, вызваннаго споромъ о трехъ главахъ, потому что разрывъ продолжался спорадически и окончился на западѣ неодновременно. Изъ-за титула «вселенскій» разрывъ длился около 15 лѣтъ ($588-604$). Затѣмъ, волненіе изъ-за монофелитовъ—отъ 640 до $678=38$ лѣтъ. И наконецъ, около 82 лѣтъ длился разрывъ во время иконоборческихъ смуть ($730-785$ и $815-842$). Такимъ образомъ, $55+35+38+82=210$ лѣтъ, не считая смуты изъ-за трехъ главъ и титула вселенскій. Если прибавить къ этому, что и въ остальное время отношенія запада и востока не всегда отличались особенною сердечностью, то переходъ къ отношеніямъ послѣ Фотія и даже послѣ Кируларія утрачиваетъ характеръ контраста.

Такимъ образомъ, патріаршая власть римскаго епископа надъ западными церквями и сознаніе церковнаго приматства крѣпли и развивались параллельно. Эти оба стремленія переплетались между собою и поддерживали другъ друга. Въ томъ и другомъ отношеніи римскіе епископы достигли многого, но развитіе папистической идеи едва ли даже не опередило укрѣпленіе ихъ церковной юрисдикціи на западѣ. Какъ патріархъ латинскій, епископъ римскій простиралъ свое вліяніе на огромнѣйшій изъ церковныхъ діоцезовъ—отъ Балканъ до Атлантическаго океана, отъ Рейна до песчаныхъ пустынь мавританскихъ, и лишь на сѣверѣ Італіи его власть была не упрочена. Еще величавѣе были идеи, на которыя хотѣли опираться въ Римѣ. На престолѣ св. Петра возсѣдалъ не обыкновенный епископъ, съ чисто номинальнымъ первенствомъ между равными ему собратьями. Нѣтъ, римскіе епископы видѣли въ себѣ живое воплощеніе князя апостоловъ,—да такъ смотрѣли на нихъ и другіе, особенно на западѣ. *Ex divina institutione* они присвоили себѣ право надзора надъ всею вселенскою церковію. Никто не долженъ былъ возвышать своей головы до равенства съ ними, имъ должно было принадлежать послѣднее, рѣшающее слово въ церковныхъ вопросахъ, на которое уже не къ кому больше апеллировать; ихъ судіею признавали только Бога, и никого изъ епископовъ. Здѣсь идея цер-

ковнаго приматства достигаетъ тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ она предносилась уму средневѣковыхъ папъ; этому образу еще недостаетъ красокъ, той жизненности, какую придали ему потомъ историческіе факты, какою отличается слово оправданное историческими фактами отъ простой претензіи,—но контуръ его одинъ и тотъ же тамъ и здѣсь.

Римскіе епископы достигали успѣха путемъ не всегда чистымъ; они не прочь были отъ союза съ самыми худшими элементами христіанскаго общества,—лишь бы это вело къ утвержденію ихъ авторитета. Ихъ цѣлямъ сослужили хорошую службу даже самыя политическія бѣдствія, обрушившіяся надъ частными западными церквами. Но та связь, которая установилась между Римомъ и западными церквами, была уже настолько прочна, что заставляла забывать о ея началѣ. Галльскихъ епископовъ времени собора 501 г. лишь полвѣка раздѣляетъ отъ Иларія арльскаго; но различіе въ ихъ возрѣпійяхъ было огромное. Такихъ успѣховъ нельзя объяснить какою-нибудь единичною, не совсѣмъ чистою выходкою. Будущность на западѣ римской каедрѣ предстояла блестящая: автокефальные епископы сѣверной Италиі не хотѣли признать юрисдикціи Рима, но они признавали идею римскаго приматства, неподсудность римскаго епископа своимъ собратьямъ. Борьба при такихъ условіяхъ могла вестись лишь на фактической, а не принципиальной почвѣ. И автокефальные порывы были лишены твердыхъ логическихъ основаній.

Успѣхи римскихъ первосвященниковъ на востокъ были слабы, однако же не до такой степени, какъ это представляется съ точки зрѣнія позднѣйшихъ отношеній. Не одинъ фактъ пришлось бы урѣзывать, чтобы подвести его подъ скромную рамку ученія о первенствѣ между равными, и *primatus honoris* Рима на востокъ находить свое выраженіе въ событіяхъ, гдѣ сильно примѣшивается *primatus potestatis*. Во всякомъ случаѣ, то безспорно, что папство быстро достигло своего разцвѣта лишь послѣ окончательнаго разрыва съ восточною церковію, значить. вліяніе послѣдней задерживало этотъ историческій процессъ. То обстоятельство, что папы, говорившіе съ такимъ авторитетомъ на западѣ, весьма сильно понижали свой тонъ, когда адресовались къ епископамъ востока,—говорить именно объ этомъ вліяніи востока, какъ противодѣйствующей и замедляющей силы. Но именно эти факты и даютъ намъ право думать, что и восточная церковь въ лицѣ ея представителей

осталась не безучастною въ дѣлѣ развитія папства. Последнее, конечно, есть результатъ исторіи западной церкви, благоприятныхъ обстоятельствъ; но въ числѣ этихъ обстоятельствъ видное мѣсто занимаютъ тактъ первосвященниковъ Рима и безтактность іерарховъ восточныхъ. Говоримъ не о положительномъ воздѣйствіи востока на ростъ папства, — хотя въ любезныхъ посланіяхъ къ римскимъ папамъ съ востока встрѣчаются выраженія, о которыхъ ихъ авторамъ оставалось бы лишь помыслить и размыслить; пусть вліяніе этихъ излишковъ греческаго витійства было ничтожно. Востокъ оказалъ Риму немаловажную услугу отрицательнымъ путемъ, — своими попущеніями разнаго рода, тѣмъ, что не проявилъ во всемъ объемѣ своего значенія, какъ замедляющей, сопротивляющейся силы.

Въ самомъ дѣлѣ, отношенія между двумя половинами христіанскаго міра уже издавна принимаютъ такой характеръ, который трудно назвать вполне здоровымъ. Восточныя церкви начинаютъ замыкаться въ кругу своей собственной жизни, не видятъ ничего дальше извѣстныхъ догматическихъ интересовъ. Теорія невмѣшательства практикуется на востокѣ до утрировки; здѣсь не замѣтно желанія — присматриваться къ духовной жизни запада. Нельзя указать ни одного церковнаго вопроса, который былъ бы тамъ рѣшенъ подъ вліяніемъ церкви восточныхъ. Сколько разъ папы заявляли себя по однимъ только спорамъ о главнѣйшихъ каедряхъ на востокѣ! Напротивъ, хотя въ самомъ Римѣ не разъ выборы были спорны, эти волненія улаживались своими, мѣстными средствами, безъ какого бы то ни было вмѣшательства іерарховъ востока. Не говоря уже о прискиллианистахъ, дѣлѣ Лепорія, — даже самый пелагианскій споръ рѣшенъ былъ на западѣ, можно сказать, безъ вѣдома восточной церкви, — и это тогда, когда сама исторія призывала восточную церковь къ участію въ этомъ дѣлѣ (потому что оно было возбуждено на соборѣ Діоспольскомъ), когда, по самому содержанію догматической разности, восточные отцы съ ихъ выдержаннымъ синергизмомъ были лучшими, желательными посредниками въ этомъ дѣлѣ, — когда пелагиано искали въ ученіи Златоуста опоры для своихъ воззрѣній, когда они прямо апеллировали отъ Рима къ суду восточныхъ епископовъ, и съ этого цѣлю совершали путешествіе на востокъ. И въ результатъ всего этого лишь Феодоръ мопсуэстійскій сочиненіемъ, да Несторій отозвались на эту аппелляцію. Самое дѣло пелагианъ на востокѣ осталось въ неизвѣстности;

западное рѣшеніе принято было здѣсь съ полнѣйшимъ формализмомъ, и имя Целестія занесено было въ число отъявленныхъ еретиковъ. Очевидно, все это могло быть для западныхъ христіанъ краснорѣчивымъ фактическимъ урокомъ на тему: «Roma locuta est, causa finita est». Нечего ждать откуда нибудь поддержки противъ римскаго приговора; остается только или покориться, или вести борьбу на собственный страхъ и не на легальной почвѣ.

Неудивительно, что церковная жизнь запада, ея животрепещущіе интересы были terra incognita на востокѣ. Борьба за автономію галликанскихъ и африканскихъ епископовъ прошла незамѣченною на востокѣ, ни разу мы не видимъ, чтобы хоть кто-нибудь на востокѣ попытался поддержать эти церкви такъ, какъ папы поддерживали епископовъ александрійскихъ противъ покушеній Константинополя. На востокѣ видимо не обращали вниманія на то, какого рода представленія входятъ мало по малу въ церковное сознаніе запада, какой характеръ принимаетъ здѣсь церковная организація. Весьма ясное ученіе Льва V. о римскомъ главенствѣ надъ всею вселенскою церковію ни въ комъ не вызвало тревоги на востокѣ, да едва ли и стало извѣстно здѣсь своевременно.

Напротивъ, на востокѣ дѣйствовали прямо въ интересѣ римской централизаціи. Достаточно обратить вниманіе на то, что сношенія востока съ частными западными церквами теперь прекращаются, по крайней мѣрѣ о нихъ не говоритъ исторія. Разрѣшая на вселенскихъ соборахъ важнѣйшіе догматическіе вопросы, мало заботились о томъ, чтобы западная церковь была представлена съ достаточною полнотою. Ни на Ефесскомъ соборѣ, ни на Халкидонскомъ мы не встрѣчаемъ полномочныхъ представителей церквей Галліи и Испаніи. Приглашая на соборъ восточныхъ не только митрополитовъ, но и епископовъ, императоры не заботятся о томъ, чтобы привлечь западныхъ епископовъ къ болѣе активной роли, къ живѣйшему участію; сношенія съ ними ведутся чрезъ посредство папъ, что разумѣется возвышало ихъ значеніе, какъ церковнаго центра.

Самая борьба съ папами со стороны востока велась не съ тою энергіею, какая была бы желательна. Лишь Антіохійскій соборъ 341 г. заговорилъ съ римскимъ іерархомъ языкомъ твердымъ и рѣшительнымъ, высказалъ безъ всякихъ околнчностей воззрѣніе восточной церкви и опротестовалъ вмѣша-

тельство папъ по существу, и это былъ, къ сожалѣнiю, соборъ полуарiанскiй. Въ слѣдующее затѣмъ время восточные епископы никогда не возвышали своего голоса до той ноты, которую церковь привыкла слышать въ посланiяхъ римскихъ первосвященниковъ; къ нимъ обращались чаще всего въ тонѣ напускнаго смиренномудрiя, до утрировки примѣняя къ дѣлу правило: «худой миръ лучше доброй войны». На востокъ какъ-будто не хотѣли понять, что каждое римское притязанiе имѣетъ значенiе не для настоящаго только, но и для будущаго. Нѣтъ примѣра, чтобы на подобныя претензiи епископы восточные посмотрѣли такъ же серьезно, какъ отцы Кароагенскаго собора, и своевременно приняли мѣры къ окончательному разрѣшенiю спорнаго вопроса.

Римскiй епископъ требуетъ къ себѣ на судъ Нектарiя константинопольскаго и Флавiана антиохiйскаго. Эта претензiя возбуждаетъ, можетъ быть, на востокѣ лишь улыбку; но никакого рѣшительнаго отвѣта въ духѣ Антиохiйскаго собора; вся борьба ограничивается лишь пассивнымъ сопротивленiемъ. Не нужно было владѣть особенною пронизательностiю, чтобы понять, что изъ своего систематическаго уклоненiя отъ участiя во вселенскихъ соборахъ римскiе епископы создаютъ спеціальную привилегiю апостольскаго престола. И однако же на востокѣ не дѣлають никакой серьезной попытки обязать папъ явиться на соборъ и такимъ образомъ дать имъ почувствовать, что они равны другимъ епископамъ. Напротивъ, легаты папскiе являютя на соборы съ невозможными инструкцiями, не какъ братья, а какъ судьи, и ихъ окружають всевозможнымъ почетомъ. Вселенскiй соборъ Халкидонскiй наноситъ сильное пораженiе папскимъ видамъ, но—къ сожалѣнiю—это не былъ ударъ прямой и открытый, а немного лукавый. Всему дѣлу на бумагѣ придали такой видъ, какъ будто извѣстное опредѣленiе издано по ошибкѣ, и восточные отцы дѣйствовали безъ сознаниа своего права. Папа отказался признать 28 канонъ, вздумавъ поразить своими громами константинопольскаго патрiарха. Въ отвѣтъ на это Анатолий пишетъ съ видомъ провинившагося дитяти, оправдывается; императоръ тоже говорить съ Львомъ почтительно и скромно. Вмѣсто того, чтобы указать забывшемуся iерарху его границы, напомнить ему, что на востокѣ сознають свои права такъ же ясно, какъ и 110 лѣтъ тому назадъ,—Льва Великаго умиляютъ, какъ разгнѣваннаго властелина. Словомъ, выступаетъ на сцену ви-

вантійская *oikonomia* съ ея непривлекательными чертами,—не какъ образъ дѣйствія силы, снисходящей до приспособленія къ обстоятельствамъ времени (таковъ обычный характеръ римской *dispensatio*), а какъ трусливое заискиваніе стороны, не совсѣмъ увѣренной въ своею правѣ.

Послѣдствія этой манеры дѣйствій для будущаго были неутѣшительныя. Если востокъ, отстаивая свое ученіе о церковной свободѣ, опирался на факты, которые говорили въ его пользу несомнѣнно тодько при извѣстномъ освѣщеніи, то западъ, проповѣдая свое ученіе о римскомъ главенствѣ, могъ забрасывать своихъ противниковъ цитатами, буквальный смыслъ которыхъ былъ непосредственно ясенъ. Каждая римская претензія, не опротестованная во время, входила въ церковное сознаніе запада,—и съ теченіемъ времени лишь выигрывала въ своемъ значеніи. Каждый изворотъ византійской икономіи въ Римѣ умѣли истолковывать въ свою пользу. *Qui tacet, consentire videtur*. И черезъ 50 лѣтъ почтительныя писанія Анатолія и Маркіана папа Геласій цитировалъ какъ доказательство того, что константинопольская каедрa отказалась отъ правъ, предоставленныхъ ей Халкидонскимъ соборомъ, но не признавшихъ папою, и все дѣло передала во власть римскаго престола.

Слѣдствіемъ этой византійской тактики было то, что на востокѣ о серьезной полемикѣ противъ папскихъ притязаній вздумали уже слишкомъ поздно, когда они получили авторитетъ освященной вѣками древности, когда эти идеи пропикля въ сознаніе западнаго христіанскаго міра, когда за папою стояла покорная ему западная церковь. Такъ папство, пытавшееся на счетъ начинавшагося церковнаго сепаратизма, наконецъ укрѣпило раздѣленіе церквей.

СОВОРЫ.

Общее состояніе церковнаго строя въ настоящемъ періодѣ характеризуется на востокѣ и на западѣ побѣдою централизаціи на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Развивающаяся самостоятельность приходовъ не подняла особенно сильно значенія пресвитеровъ, потому что параллельно съ этимъ возрасталъ авторитетъ епископовъ. Высокое положеніе, которое приобрѣли различные церковные чиновники (какъ, напр., архидіаконы, экононы), это торжество бюрократиче-

скаго—такъ сказать—принципа надъ іерархическимъ, также говорить о ростѣ централизаціи: эти мелкія свѣтила получили свое значеніе отъ того, что были близки къ епископу, сіяли заимствованнымъ отъ него свѣтомъ. Укрѣпленіе митрополитанской системы сопровождалось чувствительнымъ ограниченіемъ самодѣятельности епископовъ: авторитетъ послѣднихъ настолько же, если не болѣе, потерялъ въ восходящемъ порядкѣ, насколько выигрывалъ въ нисходящемъ. Наконецъ, образованіе четырехъ патріархатовъ на востокѣ, начинающееся преобладаніе константинопольскаго патріарха надъ прочими, и развитіе власти римскаго первосвященника надъ западомъ—довершаютъ общую картину іерархическаго процесса, совершавшагося въ разсматриваемый періодъ.

Высшее представительство церковнаго строя въ настоящій періодъ находимъ въ церковныхъ соборахъ. Ихъ главенство надъ частными іерархами признавалось на востокѣ и допускалось (хотя и не безъ нѣкоторыхъ умственныхъ ограниченій) на западѣ. Можно различать три степени соборнаго института: 1) соборъ митрополитанскій (провинціальный, епархіальный); 2) соборъ діецезальный и 3) вселенскій.

Начало двумъ первымъ формамъ положено въ предшествующій періодъ. По обычной практикѣ провинціальные соборы составлялись дважды въ годъ. Примѣромъ діецезальнаго собора могутъ быть африканскіе соборы; напр., въ 256 г. на Карфагенскомъ соборѣ по вопросу о крещеніи еретиковъ принимали участіе 87 епископовъ. Тотъ и другой видъ собора завѣдывалъ обыкновенно текущими дѣлами подвѣдомой территоріи. Особое развѣтвленіе діецезальнаго собора представляютъ *собоροι ἐκδημοκραται* въ Константинополѣ, на которыхъ принимали участіе епископы, случайно находившіеся въ Константинополѣ, къ какой бы митрополіи и діецезу они ни принадлежали.

Высшимъ органомъ церкви въ дѣлахъ суда, управленія и вѣроученія были вселенскіе соборы. Этотъ родъ [соборовъ] могъ возникнуть лишь въ настоящій періодъ, когда за церковь было признано право на существованіе. По самой трудности ихъ составленія они собирались лишь по важнѣйшимъ церковнымъ вопросамъ и именно догматическимъ. По самому своему смыслу, вселенскій соборъ (*οἰκουμενικὴ*) есть тотъ, на которомъ вѣрно выразился голосъ всей вселенской церкви,—опредѣленіе весьма низкопробное съ логической стороны (не-

известное въ опредѣляемомъ повторяется и въ опредѣляющемъ), однако же дальше его идти нѣтъ возможности. Всѣ частнѣйшіе, внѣшніе признаки вселенскости собора оказываются обманчивыми. Для вселенскаго собора не требуется, конечно, ни созваніе его папою, ни его участіе, ни участіе представителей всѣхъ частныхъ церквей, ни даже немедленное признаніе его въ этомъ качествѣ всѣми частными церквями. Нужно именно то одно, чтобы здѣсь выражена была истина, содержащая всею вселенскою церковію. А это узнается иногда только путемъ долговременнаго историческаго процесса. Сама церковная жизнь, исторія, налагаетъ эту печать на соборы, а не какія нибудь внѣшнія отмѣты. Такъ было съ соборами—Никейскимъ, обоими Константинопольскими, Ефесскимъ и Халкидонскимъ.

Самый процессъ соборной дѣятельности не совѣмъ отвѣчаетъ тому идеалу, какой составляетъ объ этомъ высшемъ церковномъ представительствѣ, когда на него смотрять сквозь призму великаго значенія тѣхъ христіанскихъ истинъ, которыя на соборахъ нашли свое выраженіе. Да это въ сущности совершенно естественно. Соборы составлялись изъ видимыхъ членовъ церкви, съ ихъ силою и слабостью, и такъ же, какъ и ихъ члены, носятъ небесныя сокровища въ скудельныхъ сосудахъ. Самое время и цѣль ихъ собранія говорить о томъ, что процедура ихъ не можетъ быть идиллическою. Они созывались, когда церковное волненіе доходило до крайнихъ предѣловъ, догматическія страсти возбуждены до послѣдней степени; въ соборахъ видѣли послѣднее средство для того, чтобы успокоить церковь.

Есть еще одна особенность въ веденіи вселенскихъ соборовъ, которая даетъ нѣкоторымъ поводъ думать о стѣсненіи свободы ихъ членовъ. Это—участіе въ соборахъ или самихъ императоровъ, или ихъ уполномоченныхъ, государственныхъ чиновниковъ. На первый взглядъ это толкованіе представляется весьма основательнымъ. Дѣйствительно, мнѣніе императора—даже и не поддерживаемое грубыми способами, какъ это было съ Константиємъ—не могло не импонировать на нѣкоторыхъ слабодушныхъ епископовъ, и должно было давать направленіе ихъ рѣшеніямъ. Комиты Константія, явившіеся его уполномоченными на соборахъ, своею ревностною поддержкою аріанской партіи заслужили недобрую славу въ исторіи.

Но если разсмотрѣть этотъ вопросъ внимательнѣе, то ока-

зывается, что онъ разрѣшается въ другой, болѣе общій,—въ вопросъ о пріемахъ покровительства государства церкви, и затѣмъ, главное ало какъ тамъ, такъ и здѣсь, всетаки въ самихъ епископахъ. Вѣдь такъ или иначе, но должны же были узнать послѣдніе, въ какую сторону клонятся догматическія симпатіи двора, и если эти представители церкви не обладали стойкимъ мужествомъ, были люди нравственно слабые, они и безъ участія власти въ соборныхъ засѣданіяхъ, при подачѣ голосовъ, сообразовались бы съ требованіемъ минуты. А если мы сравнимъ различные соборы по ихъ образу дѣйствій, то вредное вліяніе государственныхъ чиновниковъ на ихъ свободу сократится до *minimum'a*.

Въ эпоху, близкую ко времени Никейскаго собора, знаменитѣйшіе защитники церковной свободы высказываются противъ участія чиновниковъ на соборахъ. «Не пиши указовъ,—наставлялъ Осій кордубскій,—не посылай комитовъ». Соборъ съ участіемъ чиновниковъ Аѳанасій В. противопоставляетъ истинно церковному синоду, какъ еретическій православному. «Если императоръ хочетъ церковнаго мира,—говорилъ папа Либерій,—то пусть соберется церковный соборъ вдали отъ дворца, пусть на этомъ соборѣ не присутствуетъ императоръ, не является комитъ (придворный чиновникъ), не приходитъ съ угрозами намѣстникъ провинціи».

Второй вселенскій соборъ 381 г., Константинопольскій, вполне удовлетворялъ этому идеалу: на немъ не присутствовалъ ни императоръ, ни его представители. Это былъ по истинѣ «соборъ архіереевъ». Однако же дѣла и здѣсь пошли не совсѣмъ тихо и мирно: нѣкоторыя его засѣданія казались Григорію Назіанзину собраніемъ журавлей. Отклоняя впоследствии одно приглашеніе на соборъ, онъ написалъ: «я принялъ за правило не являться на эти собранія. Много я видѣлъ на своемъ вѣку соборовъ, но не помню ни одного, послѣ котораго дѣла пошли бы лучше, чѣмъ прежде».

Соборъ Ефесскій 431 г. тоже былъ весьма близокъ къ тому идеалу, который предносился уму папы Либерія. Императорскій комиссаръ явился сюда съ самою благопріятною для церковныхъ интересовъ инструкціею. Онъ протестовалъ противъ открытія перваго соборнаго засѣданія. Здѣсь его посредствомъ хитрости заставили прочитать императорскую сакру и затѣмъ безцеремонно выпроводили за дверь. Соборныя засѣданія пошли безъ участія императорскихъ намѣстниковъ. Однако

же, кто не приобрѣлъ непоколебимой вѣры въ очевидную разумность и необходимость каждаго историческаго факта, тотъ едва ли удержится отъ сожалѣнія, что въ данномъ случаѣ побѣда осталась не за императорскимъ комиссаромъ: онъ стоялъ на сторонѣ истинной церковной свободы,—его церковные противники ослѣплены были интересами партіи.

На слѣдующемъ предполагаемомъ вселенскомъ соборѣ, Ефесскомъ 449 г., присутствовали императорскіе комиссары, но это были личности вполне безцвѣтныя, ихъ роль была самая ничтожная. Всѣмъ руководилъ Діоскоръ. Однако же—это былъ по истинѣ разбойничій соборъ, хотя здѣсь трепетали не предъ представителями императора, а предъ александрійскимъ патріархомъ и его вѣрными церковными соратниками.

Когда въ 451 г. собрался новый вселенскій соборъ въ Никее, то папскіе легаты, съ такою честью противостоявшіе прежде Діоскору, поставили непремѣннымъ условіемъ своего участія въ будущихъ засѣданіяхъ, чтобы соборъ находился вблизи императорской резиденціи. Въ противномъ случаѣ они хотѣли возвратиться въ Италію, и извѣстно, что IV вселенскій соборъ называется не Никейскимъ, а Халкидонскимъ. Такимъ образомъ, легаты великаго папы Льва I въ интересахъ церковной свободы требуютъ какъ разъ противоположнаго тому, чего желалъ сто лѣтъ тому назадъ Либерій. Засѣданія Халкидонскаго собора происходили въ присутствіи императорскихъ уполномоченныхъ, и нужно отдать справедливость, что они съ честью выполняли возложенное на нихъ порученіе, и какъ христіане, и какъ представители юриспруденціи. Они всегда являлись сторонниками порядка и порядочности; не требовали отъ отцовъ собора ничего противнаго справедливости, ограничивали свою роль постановкой вопросовъ и формулировкой результатовъ соборныхъ разсужденій. На самыя постановленія они вліяли такъ же мало, какъ и предсѣдатель вышшняго уголовного суда, поставляя вопросъ на обсужденіе присяжныхъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь можно припомнить слова Спасителя: не приходитъ царство Божіе открыто, оно внутри васъ. Свобода, истинно церковный характеръ соборовъ зависятъ не отъ соблюденія тѣхъ или другихъ вышнихъ формальностей, а отъ духа, нравственнаго характера самихъ епископовъ.

Съ догматической точки зрѣнія вселенскій соборъ есть органъ Св. Духа, живущаго въ церкви. Вѣрованіе, что Св. Духъ не оставитъ своимъ божественнымъ руководствомъ со-

бравшихся, всегда одушевляло ихъ самихъ. «Изволися Духу Св. и намъ»—это наиболѣе общая форма соборныхъ рѣшеній. Но съ исторической точки зрѣнія, которая имѣетъ дѣло лишь съ человѣческимъ элементомъ въ церкви, соборы представляютъ лишь одно изъ средствъ для выясненія сознанию членовъ церкви вѣчныхъ истинъ, содержимыхъ церковію. Взятые въ связи съ историческими условіями данной эпохи, соборы не могутъ быть оцѣниваемы всегда однимъ и тѣмъ же масштабомъ. Лица, одушевленные искреннею любовію къ истинѣ и благу церкви, какъ Григорій Назіанзинъ, впадали иногда въ тяжелое сомнѣніе относительно цѣлесообразности этого рода церковнаго представительства.

Очевидно, лучшая сторона собора состоитъ въ томъ, что здѣсь открывалась возможность для личныхъ объясненій между сторонниками различныхъ партій. Различнаго рода недоразумѣнія можно всего вѣрнѣе устранить именно этимъ путемъ. Затѣмъ, совмѣстное изслѣдованіе основаній вѣры, положенныхъ въ церковномъ преданіи, могло благотворно воздѣйствовать на богословскую мысль.

Но на ряду съ этою свѣтлою стороною идетъ и темная. Соборъ можно было собрать слишкомъ рано: противники, въ возбужденіи догматическаго спора, не имѣли еще времени для спокойнаго обсужденія воззрѣній противоположнаго лагеря. Это очевидно не обѣщало безпристрастнаго, дружелюбнаго отношенія къ нимъ и на самомъ соборѣ. вмѣсто ожидаемаго примиренія получался лишь еще болѣе усиленный разладъ. Съ этой стороны замѣчаніе Григорія Богослова вполне справедливо.

Перемѣны въ формѣ церковнаго союза.

Характерная черта церковнаго строя эпохи вселенскихъ соборовъ та, что онъ основанъ на фактахъ. Тутъ совершенно отсутствуютъ заранѣе придуманныя системы. Церковное управленіе создается на основаніи историческихъ данныхъ. Разъ явилась потребность въ соборахъ, начальникомъ церкви—предсѣдателемъ собора назначается такое лицо, которое представляетъ изъ себя самую крупную религіозную величину (старѣйшій или вліятельнѣйшій епископъ). Если же этого лица не было, то его мѣсто занималъ епископъ центральнаго города (преимущество каѳедры). Такимъ образомъ,

въ основѣ церковнаго строя лежало начало естественности, свободной отъ предвзятыхъ теорій. Политическое значеніе городовъ имѣло важное значеніе. Оно легло въ основу митрополитанскаго строя, но не какъ теорія, а какъ живой фактъ, съ которымъ, какъ видно изъ 9 правила Антиохійскаго собора, нельзя было не считаться: городъ, занимавшій главное положеніе въ гражданскомъ отношеніи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ мѣстомъ для собраній окружныхъ епископовъ. Но этотъ политическій моментъ не имѣлъ всеобъемлющаго значенія. Это доказывается не только отдѣльными фактами председательства на соборахъ епископовъ старѣйшихъ, но и тѣмъ, что, напримѣръ, въ Африкѣ митрополитанская система не привилась вовсе: *senes*, старѣйшіе по хиротоніи епископы провинціи, замѣняли митрополитовъ. Не имѣла односторонняго значенія и чисто церковная теорія, теорія значенія кафедръ по ихъ происхожденію. Иерусалимъ былъ окруженъ ореоломъ славы и чести, какъ «мать церквей». Однако, разъ онъ низведенъ былъ до скромнаго значенія Эліи Капитолины и утратилъ свое центральное положеніе въ христіанскомъ мірѣ, о какомъ-либо преимущественномъ предъ всѣми авторитетѣ іерусалимскаго епископа нѣтъ и рѣчи. Антиохія, гдѣ церковь прославлена пребываніемъ первоапостоловъ, гдѣ сами христіане впервые получили это имя, въ церковномъ отношеніи ниже Александріи, кафедра которой возводитъ свое начало только къ ев. Марку, ученику ап. Петра. Но въ политическомъ отношеніи Александрія считалась важнѣе Антиохіи, а потому, хотя и «*нѣсть ученикъ надъ учителя своего*» (МѠ. X, 24), но даже самые односторонніе защитники церковной теоріи, римскіе епископы, не пытаются поставить іерарха антиохійскаго выше александрійскаго.

Изъ сказаннаго раньше видно, что въ послѣдовательномъ развитіи церковнаго строя по образцу гражданскаго дѣленія имперіи произошелъ разладъ. Понятіе діоцеза не нашло здѣсь примѣненія, такъ какъ діоцезальный строй былъ уничтоженъ въ зародышѣ вслѣдствіе развитія патріархатовъ. Получилось такое положеніе дѣлъ, что діоцезы не имѣли значенія въ церкви и замѣнены были патріархатами. Но это ничего не говоритъ о крѣпости той единицы церковнаго союза, которую представляетъ митрополія; епархія могла бы быть крѣпка, какъ въ церковномъ, такъ и гражданскомъ отношеніи. Однако, и здѣсь не обошлось такъ. Оказалось, что она не могла выдер

жать хода исторіи. Провѣрка жизненности этой формы церковнаго союза возможна на двухъ пунктахъ: во-первыхъ, насколько епархія заявила себя активнымъ участіемъ въ церковной жизни; во-вторыхъ, насколько она сама по себѣ была крѣпка.

1) Важною стороною митрополитанскаго строя были епархіальные соборы. Митрополить мыслился дѣйствующимъ совмѣстно со своими епископами суффраганами (*ἐπαρχιώται*). Апостольское правило 37 (36, 38) устанавливаетъ два собора въ годъ (на четвертой недѣлѣ пятидесятницы и 12 октября). Никейскій соборъ правиломъ 5 (предъ четыредесятницею и осенью) и Антиохійскій правиломъ 20 (на четвертой недѣлѣ пятидесятницы, т. е. послѣ третьей недѣли пасхи, и 15 октября) подтверждаютъ это требованіе. Но правило 19 собора Халкидонскаго звучитъ уже диссовансомъ.

До слуха отцовъ Халкидонскаго собора дошло, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ (*ἐν ταῖς ἐπαρχίαις*) не было установленныхъ ежегодныхъ митрополичьихъ соборовъ, вслѣдствіе чего въ дѣлахъ церковныхъ произошелъ застой. Халкидонскій соборъ постановляетъ, чтобы соборы епископовъ обязательно созывались дважды въ годъ (срокъ не назначается) въ томъ городѣ, который назначить митрополить, и полагаетъ братскій выговоръ (*ἀδελφικῶς ἐπιπλήττεσθαι*) тѣмъ изъ епископовъ, которые безъ уважительной причины не явятся на соборы.

Но халкидонское правило не могло уничтожить начавшагося неурядка, и изъ 123 (155) новеллы (546 г.) Юстиніана мы узнаемъ, что и черезъ сто лѣтъ послѣ собора печальное явленіе повторялось очень часто. Въ новеллѣ настойчиво требуется, чтобы епископы собирались однажды или дважды въ годъ (срокъ не назначенъ), и указывается на опущенія въ дѣлахъ церковныхъ, какъ результатъ того, что епископы подъ различными предлогами уклонялись отъ соборовъ. Черезъ двадцать лѣтъ, въ 137 (174) новеллѣ (565 г.) того же Юстиніана, мы опять наталкиваемся на то же явленіе. Новелла, указывая на эти неурядки и признавая устраненіе ихъ самонужнѣйшимъ (*τῶν ἀναγκασιωτάτων ἐστὶν ἐπανορθῶσαι*), вѣнчаетъ епископамъ въ обязанность собираться по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ (въ іюнѣ или сентябрѣ); патріархъ обязывается собирать соборы въ лично ему подвѣдомственной области, а митрополить—приглашать всѣхъ своихъ подчиненныхъ епископовъ. Но, на этотъ разъ не полагаясь уже на дѣйствительность своихъ внушеній

Юстиніанъ снабжаетъ свою новеллу особымъ параграфомъ (§а), которымъ гражданскимъ начальникамъ областей (τοὺς τῶν ἐπαρχῶν ἄρχοντας) предписываетъ наблюдать, чтобы митрополиты своевременно собирали соборы, и побуждать ихъ къ тому, а равно и подчиненныхъ епископовъ къ явкѣ на соборъ; а если митрополитъ будетъ откладывать созваніе собора не смотря на побужденіе, довести до свѣдѣнія самого императора; для того, чтобы пресѣчь самую возможность соглашенія между митрополитомъ, епископами и начальникомъ области, къ наблюденію за митрополитомъ приглашаются и остальные чиновники (officium, τὰξίς), подъ страхомъ суровой казни за укрывательство.

Но проходитъ еще полтора ста лѣтъ, и изъ 8 правилъ собора Трулльскаго (692 г.) мы узнаемъ, что соборы епархіальные созываются неисправно. Отцы Трулльскаго собора вмѣняютъ митрополитамъ въ обязанность по крайней мѣрѣ однажды въ годъ (въ промежутокъ отъ пасхи до конца октября) созывать епархіальные соборы и повторяютъ положенное Халкидонскимъ соборомъ наказаніе («братскій выговоръ») епископовъ за уклоненіе безъ уважительной причины. Наконецъ VII вселенскій соборъ въ 6 правилѣ настаиваетъ на томъ же: соборы слѣдуетъ созывать хотя однажды въ годъ. Соборъ между причинами неявки епископовъ предполагаетъ препятствія со стороны гражданскихъ властей (архонтовъ, которые стали бы препятствовать собиранію епископовъ на соборы, положено было отлучать), но не считаетъ и митрополитовъ совсѣмъ безпричастными въ этомъ опущеніи и назначаетъ имъ наказаніе.

Такимъ образомъ, довольно темная картина является на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ; соборный институтъ все клонится къ упадку, не смотря на усилія поддержать его со стороны свѣтской и церковной власти. Общую причину этого явленія слѣдуетъ видѣть въ характерѣ администраціи того времени. Усиѣхи централизаціи уже ко времени Халкидонскаго собора были очень значительны въ строѣ церковнаго управленія. Всѣ важнѣйшія отправления церковной жизни сосредоточены были въ рукахъ митрополитовъ. Между тѣмъ епархіальный соборъ былъ такимъ институтомъ, который являлся противовѣсомъ централизаціонному началу и вносилъ въ митрополитанскій строй моментъ децентрализаціи. На судъ и оцѣнку собора представлялись даже и тѣ мѣры, которыя были приняты митрополитомъ по текущимъ нуждамъ церкви. Соборъ такимъ образомъ являлся высшей судебной инстанціей

сравнительно съ судомъ митрополита. Соборъ до извѣстной степени контролировалъ митрополита и ограничивалъ централизаціонныя стремленія митрополитовъ.

Но если нѣкоторые митрополиты не расположены были поддерживать жизненную энергію соборнаго начала, то имѣли также свои мотивы къ уклоненію отъ соборовъ и нѣкоторые епископы. Миновавъ ту причину, которая выставляется самими епископами, т. е. трудность путешествія, укажемъ на то, что епископы на соборахъ ограничивали не только митрополита, но и другъ друга. Правда, неисправный епископъ, и уклонившись отъ участія на соборѣ, долженъ былъ ожидать непріятной визитаціи митрополита, но этой визитаціи могло и не быть. И то несомнѣнно, что на правонарушенія со стороны епископовъ можно было найти судъ и управу и не на соборѣ, а у самого митрополита. Однако соборный, открытый судъ былъ въ состояніи вскрывать большее количество правонарушеній, чѣмъ митрополией закрытый судъ. Митрополитъ считался съ отдѣльными жалобами; на соборѣ по поводу этихъ жалобъ можно было ожидать указаній на аналогичныя, хотя и не столь выдающіеся факты-проступки, и частныя факты получали значеніе характеристики общаго состоянія епархіи въ данное время.

Если были *побужденія* не противиться успѣхамъ (дальнѣйшимъ) централизаціи, то однимъ изъ важныхъ *слѣдствій* успѣховъ, этимъ началомъ уже достигнутыхъ, было то, что епископы чувствовали свою слабость для самостоятельнаго дѣйствования и въ случаѣ нужды—борьбы съ центральной властью митрополита. На сильномъ всегда практическимъ смысломъ западѣ на Сердикскомъ соборѣ (пр. 6 [4]) было рѣшено не ставить епископовъ въ малыхъ городкахъ, чтобы такимъ образомъ не умалить авторитета ихъ сана (*aut in vico aliquo, aut in modica civitate, cui sufficit unus presbyter, ne vilescat nomen episcopi et auctoritas*). Это практическое мѣропріятіе не примѣнялось на востокѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ множество епископовъ. Напр., въ Асіи (по картѣ въ Atlas sacer Wiltsch'a, около 10.300 кв. верстъ = нѣсколько меньше Ломжинской губерніи) было 43 епископіи, а въ Лидіи (около 16.700 кв. верстъ = нѣсколько болѣе Карской области, такъ что Асія и Лидія вмѣстѣ = Тульской губерніи)—25. Многочисленность—не всегда показатель силы. При такомъ множествѣ епископовъ дѣйствительнымъ авторитетомъ могъ пользоваться митрополитъ,

безъ соизволенія котораго иногда епископы-суффраганы и шагу ступить не рѣшались. Это сказалось и на Халкидонскомъ соборѣ. Когда 22 октября 451 г. проектъ вѣроизложенія былъ одобренъ, послышались голоса: «митрополиты пусть немедленно подпишутъ». А епископы Египта, гдѣ централизація достигла своего зенита, не только монофиситствующие, но и православные, указывая на существующій въ египетскомъ округѣ обычай—«не дѣлать ничего такого безъ указанія и мнѣнія архіепископа», наотрѣзъ отказались подписать томось Льва до избранія архіепископа александрійскаго (преемника Діоскору), и просили дать имъ отсрочку, «чтобы мы, по древнему обычаю, послѣдовали его (архіепископа) мнѣнію», и соборъ вынужденъ былъ дать эту отсрочку.

А разъ соборный институтъ уже не проявлялъ особой жизненности, поводовъ не собираться на епархіальные соборы оказывалось довольно. Напримѣръ, былъ на востокѣ обычай, по которому епископъ въ годовые праздники своего кафедральнаго города (обыкновенно память мѣстныхъ мучениковъ) приглашалъ къ себѣ сосѣднихъ епископовъ; на этихъ праздникахъ, безъ сомнѣнія, разсуждали и о текущихъ нуждахъ церкви и дѣлахъ, что дѣлало вторичное обсужденіе тѣхъ же дѣлъ, которыхъ, разумѣется, было не всегда много, на предстоящемъ епархіальномъ соборѣ излишнимъ; на этихъ же съѣздахъ могли епископы узнать, что особо важныхъ дѣлъ въ церковной жизни не было, а слѣдовательно и собора на этотъ годъ не требовалось. А борьба монофиситства съ халкидонскимъ православіемъ при постоянныхъ колебаніяхъ византійскаго правительства даже дѣлала соборы и нежелательными для православія. Православный епископъ могъ спокойно жить въ своей епархіи, даже если и былъ подчиненъ монофиситскому митрополиту; являясь же на епархіальный соборъ, онъ рисковалъ очутиться предъ альтернативою: или волей-неволей высказаться опредѣленно и за это уступить свое мѣсто монофиситу, а самому навлечь на себя преслѣдованіе, или же на соборѣ подписаться подъ какимъ-нибудь сомнительнымъ догматическимъ вѣроопредѣленіемъ и опять ждать хлопотъ и огорченій.

2) Митрополитанская система основывается на политическомъ, административномъ строѣ имперіи. Митрополія, главный городъ церковной епархіи, былъ главнымъ городомъ и гражданской епархіи (*επαρχία, provincia*). Сліяніе политическихъ

центровъ съ центрами церковной жизни было естественно, потому что главный пунктъ извѣстной мѣстности въ политическомъ отношеніи естественно служилъ и сборнымъ пунктомъ для духовныхъ лицъ. Значеніе гражданскаго дѣленія для церковнаго строя было санкціонировано на Константинопольскомъ I и Халкидонскомъ соборахъ, возвысившихъ константинопольскую кафедру именно на основаніи политическомъ. Церковно-административная система въ главномъ представляла изъ себя сколокъ съ политической административной системы, которая покоилась на томъ, что правители отдѣльныхъ городовъ были подчинены начальнику провинціи (*judex*), а этотъ послѣдній—викарію діоцеза, а діоцезъ составлялъ часть одной изъ 4 префектуръ. Та же тройственная постепенность введена была и въ церковное управленіе. Но несомнѣнно, что въ церковныхъ сферахъ живо чувствовалось неудобство этого нецерковнаго основанія, изъ котораго вытекало церковное раздѣленіе. Еще Василій В. протестовалъ—но безъ успѣха—противъ того, что раздѣленіе Каппадокіи на двѣ гражданскія епархіи повело за собою такое же раздѣленіе и въ церковномъ отношеніи. Когда (ок. 415 ч.) Александръ антиохійскій обратился къ Иннокентію римскому съ вопросомъ, должно ли гражданское раздѣленіе вести за собою соответствующее церковное раздѣленіе, то оттуда получилъ былъ отрицательный отвѣтъ. На эту же точку зрѣнія сталъ и Халкидонскій соборъ, постановивъ, что дѣленіе церковныхъ епархій не должно воспроизводить всѣ перомѣны въ гражданскомъ дѣленіи (на этомъ основаніи виритская митрополія опять признана была простою епископіею, зависимою отъ тирскаго митрополита). На этомъ соборѣ былъ сдѣланъ и еще шагъ впередъ въ направленіи отдѣленія отъ политическаго строя; изъ уваженія къ халкидонской кафедрѣ, какъ находившейся въ городѣ, гдѣ происходилъ соборъ, епископу халкидонскому былъ усвоенъ титулъ митрополита, хотя и безъ изъятія его отъ подчиненія митрополиту никомидійскому. Этимъ создано было то положеніе, что 1) митрополитовъ могло быть не столько, сколько гражданскихъ *judices*, и 2) церковное положеніе самыхъ митрополитовъ было неодинаково. Это внесло неясность, а затѣмъ и колебанія въ старый митрополитанскій строй.

Впослѣдствіи императоры все болѣе убѣждались въ неудобствѣ системы трехстепенной зависимости (*provincia, dioecesis, praefectura*). Необходимость защищать имперію сперва

отъ персовъ (при Юстиніанѣ и Иракліи), потомъ отъ арабовъ, которые отнимали одну область за другою, принудила бросить традиціонную систему, объединить въ однихъ лицахъ и военную и административную власть, и ввести дѣленіе на темы (θέματα= legiones) или военные округа ¹⁾. Разумѣется, что съ перемѣнными успѣхами оружія мѣнялись и центральные пункты этихъ темъ, а вмѣстѣ—по связи митрополитанской системы въ ея основѣ съ административнымъ гражданскимъ строемъ—поднимался вопросъ объ удобствѣ прежней митрополитанской системы и въ церковномъ отношеніи. Новая гражданская система отразилась и на церковной организаціи: перемѣщеніе гражданскихъ центровъ повело къ перемѣщенію епархій и митрополій. Новая система, конечно, значительно пошатнула старую: старые города обнищали: церковная власть должна была перемѣщать митрополию въ другіе города, или предоставлять право одному лицу завѣдывать двумя городами. Въ параллель такому порядку вещей можно указать на положеніе дѣлъ въ Россіи. На Русь три митрополита. Кіевскій митрополитъ—величина установившаяся, признанная и въ Греціи. Затѣмъ митрополитъ московскій, собственно говоря случайный,—тотъ же митрополитъ кіевскій, переселившійся, такъ сказать, на дачу, сначала во Владиміръ, а потомъ въ Москву. Получилось раздвоеніе кіевской митрополіи по требованію исторической русской жизни. Но когда возвысился Петербургъ, то объявился новый третій митрополитъ—новгородскій и петербургскій. Это былъ не кто иной, какъ новгородскій архіепископъ, возвышенный до сана митрополита. Новгородскій архіепископъ не могъ бы имѣть первенства, если бы онъ оставался въ Новгородѣ, который давалъ митрополиту лишь важный древній титулъ, а значеніе, силу власти онъ имѣлъ какъ митрополитъ петербургскій. Такъ было и въ Византіи. Но еще ранѣе государство позволяло частый произволъ въ расчлененіи епархій: хотя церковные уставы и правила высказывались за неизмѣнность церковнаго строя, однако, какъ скоро государство дѣлало новую митрополию, и церковь образовывала новый центръ, и во вновь открывающихся епархіяхъ получался новый титулъ. Когда люди начинаютъ тяготѣть къ Царскому Селу, то трудно заставить ихъ тяготѣть къ Нарвѣ.

¹⁾ Ср. Н. Gelzer, Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig 1899. Ю. Кулаковскій, Къ вопросу о темахъ Византійской Имперіи. „Кіевскій Изборникъ“, 1904, стр. 95—118 (и отдѣльно). А. Б.

Вообще вопросъ о томъ, въ какое отношеніе стать къ политической основѣ митрополитанскаго строя, исторически рѣшался далеко не послѣдовательно. Напр., Юстиніанъ изъ двухъ Сирій сдѣлалъ три, назвавъ третью Теодоріадою, въ честь своей супруги, съ главнымъ городомъ Лаодикіей, принадлежавшимъ прежде первой Сиріи, но въ своемъ эдиктѣ прямо оговорилъ, что это политическое дѣленіе не должно вести къ образованію новой (лаодикійской) митрополіи. Но тотъ же Юстиніанъ изъ двухъ Каппадокій сдѣлалъ три, и это повело за собою образованіе новой церковной митрополіи (въ Каппадокии III съ главнымъ городомъ Мокиссомъ или Юстиніанополемъ).

Трудно было рѣшить поставленный вопросъ принципиально потому, что слѣдствія того или другаго рѣшенія были радикальныя. Удерживать церковное *status quo*, игнорируя послѣдствія переменъ, значило расходиться и съ буквою каноновъ (напр. Антіох. пр. 3, Констант. I пр. 3, Халк. пр. 28), въ которыхъ политическій моментъ выраженъ очень ясно, и съ самую жизнь, которая — на перекоръ программамъ — могла выдвинуть новые центральные пункты. А признать политическій моментъ во всей полнотѣ его значенія — значило идти на очень крупныя переменъ, отзывающіяся разрывомъ съ церковнымъ прошедшимъ. Напр., положеніе александрійской каѳедры вскорѣ послѣ Халкидонскаго собора обрисовалось штрихами, недопускающими перетолкованія. Когда монофиситы отпали отъ каѳолическаго общенія безнадежно, православная египетская паства осталась невелика и состояла изъ непостоянныхъ, торговыхъ и пришлыхъ элементовъ. Если стать на точку зрѣнія политическаго момента и совершившихся фактовъ, то приходилось признать александрійскій патриархатъ болѣе не существующимъ. Александрійскій епископъ долженъ былъ занять теперь очень невидное мѣсто въ рядахъ епископовъ. Пошатнуто также было положеніе антіохійской и іерусалимской церкви, такъ что востокъ послѣ Ираклія въ сущности ограничивался предѣлами константинопольскаго патриархата.

Но и въ послѣ-иракліевскій періодъ церковные люди Византіи стояли за старый порядокъ вещей. Это видно изъ рѣшенія вопроса о кипрской церкви на Трулльскомъ соборѣ (пр. 39). Кипрская церковь, на основаніяхъ, не совсѣмъ твердо обоснованныхъ исторически, на III вселенскомъ соборѣ получила автокефальность. Петръ Монгъ хотѣлъ снова подчинить ее Антіохіи, но открытіе на островѣ Кипрѣ мощей св. ап.

Варнавы остановило это дѣло. Съ 649 г. Кипръ завоеванъ былъ арабами, и въ 690 г. импер. Юстиніанъ II приказалъ кипрскимъ христіанамъ выселиться въ Геллеспонтъ. Явился вопросъ: какое положеніе должна теперь занять кипрская церковь? Трулльскій соборъ рѣшилъ, что кипрскій (т. е. константинскій или новоюстиніанопольскій митрополитъ Кипра) еп. Іоаннъ первенствуетъ въ Геллеспонтѣ, рукополагается своими собственными епископами (бывшихъ каедръ на островѣ Кипрѣ), и самъ кизикскій епископъ (митрополитъ Геллеспонта) получаетъ хиротонію отъ проэдра—еп. кипрскаго и подчиненъ ему наравнѣ съ другими епископами Геллеспонта. Какъ долго это практиковалось, трудно сказать, такъ какъ еп. Константины возвратился въ Кипръ, когда онъ снова былъ отвоеванъ греческими войсками.

Сила новаго историческаго теченія брала свое и весьма своеобразно. Если мы возвратимся къ Халкидонскому собору, то увидимъ, что митрополиты оказали содѣйствіе къ разрушенію церковныхъ діецезовъ: они согласились, чтобъ ихъ посвящали въ Константинополь, а не въ Кесарію, Ефесъ и Ираклію. Три экзархата превратились въ нуль и остались только титулами. Но если подчиненные экзархамъ митрополиты охотно содѣйствовали устраненію этой высшей инстанціи, то теперь подчиненные митрополитамъ епископы колеблютъ митрополитанскій строй, стараясь изъять себя изъ-подъ зависимости отъ своего митрополита и стать въ непосредственныя отношенія къ патріарху константинопольскому. Это стремленіе къ полученію титулярной автокефальности со стороны епископовъ понятно: подчиненіе власти ближайшей они мѣняли на зависимость отъ власти отдаленной.

Легко объяснимо, что на встрѣчу этой тягѣ шли съ сочувствіемъ и въ Константинополь. Это расширяло вліяніе патріарха константинопольскаго и было для Великой церкви выгодно и въ матеріальномъ отношеніи. Доходы отъ хиротоній были явленіемъ давно извѣстнымъ. Еще на Халкидонскомъ соборѣ, когда митрополиты выразили свое удовольствіе по поводу того, что они, по 28 правилу, будутъ получать хиротонію не отъ экзарховъ, а отъ константинопольскаго патріарха,—диссонансомъ прозвучало замѣчаніе митрополита анкирскаго (въ Галатіи I) Евсевія, что за хиротонію у экзарховъ онъ не стоитъ, но проситъ только, чтобы города не вносили тяжелой платы за хиротонію; такъ какъ, если изъ-

бранные городомъ рукополагаются не въ самомъ городѣ соборомъ епархіальныхъ епископовъ, то взимается разорительная плата (*λύονται αὶ οὐσίαι*). «Я говорю, прибавилъ Евсевій, по опыту, такъ какъ заплатилъ за своего предшественника огромную сумму». Послышались возгласы одного константинопольскаго пресвитера: «это воспрещено канонами! алтари чисты!» Но Евсевій возразилъ, что объ Анатоліи онъ наилучшаго мнѣнія, но «никто не безсмертенъ». Это дѣло на соборѣ было закончено предложеніемъ Фалассія кесарійскаго—сойтись у Анатолія и составить правила относительно этого. Однако уже въ 459 г. преемникъ Анатолія Геннадій созываетъ соборъ противъ симоніи, главнымъ образомъ имѣя въ виду злоупотребленія этого рода въ Галатіи.

Слѣдующую попытку регулировать доходъ этого рода мы встрѣчаемъ новеллѣ 123 (155) (546 г.) Юстиніана. Изъ нея мы узнаемъ, что въ то время былъ твердо установленный обычай, по которому хиротонисуемый епископъ дѣлалъ пожертвованіе въ пользу церкви хиротонисующаго. Юстиніанъ не воспрещаетъ этого и не смотритъ на это, какъ на симонію, *ἐπειδὴ τοῦτο οὐκ ἔστιν ἀγορασία, ἀλλὰ προσφορά*, — и конечно правъ въ этомъ: продажа (симонія) бываетъ тамъ, гдѣ есть покупатель; а въ данномъ случаѣ «приношеніе» поступало отъ всякаго рукополагаемаго, и слѣдовательно митрополитъ былъ нисколько не заинтересованъ въ томъ, чтобы рукоположить опредѣленное лицо, а не другого кого-нибудь; это «приношеніе» не есть покупка такъ же, какъ гербовая марка на прошеніе не есть подкупъ судьи. Юстиніанъ въ своей новеллѣ опредѣляетъ тахішимъ «приношенія». «*Προσφορά*» слагалась изъ двухъ взносовъ: а) «обычнаго» (*ἐξ ἔθους, ἐκ συνήθειας*), поступавшаго собственно въ пользу нотаріевъ и другихъ служащихъ (*ὀπηρετοῦντες*) епископа рукополагающаго, и б) «за настолованіе» (*ὕπερ ἐνθρονιαστικῶν*), взноса въ пользу рукополагавшихъ епископовъ (или митрополита?). Юстиніанъ постановляетъ, чтобы патріархи вносили за настолованіе и обычнаго никакъ не болѣе 20 литръ золота. Для другихъ епископій приношенія опредѣлялись по разрядамъ. Всѣ церкви по размѣрамъ доходовъ своихъ были раздѣлены на 6 разрядовъ. Къ первому разряду отнесены были тѣ церкви, доходъ которыхъ былъ не менѣе 30 литръ, на наши деньги 12540 рублѣй ¹⁾. Къ послѣднему разряду отнесены церкви,

¹⁾ Литра равняется 418 рублямъ. Она слагается изъ 72 червонцевъ или солидовъ, византійскихъ *νομίσματα*, а *νομίσμα* стоила около 5 р. 80¼ коп.

доходы которых падали ниже 2 литръ, на наши деньги 836 рублей. Можно себѣ вообразить, насколько было неблестяще положеніе епископальныхъ церквей. Епископія перваго разряда обязывались платить 100 за на столваніе и 300 νομίσματα обычныхъ—18⁰/₁₀₀ со всѣхъ доходовъ той церкви, въ которую епископъ былъ поставляемъ. Съ епископовъ церквей послѣдняго разряда никакого взноса не полагалось. Съ 5 разряда, доходы которыхъ были не болѣе 3 литръ и не менѣе 2 литръ—12 νομίσματα за на столваніе и 16 обычныхъ.

Πρόσδος τῆς ἐκκλησίας τοῦ χειροτονουμένου	Π ρ ο σ φ ο ρ ά	
	ὕπερ ἐνθρονιαστικῶν	ὕπερ πάσης ἄλλης συνηθείας
литръ золота λίτρα χρυσοῦ	византійскихъ червонцевъ νομίσματα	византійскихъ червонцевъ νομίσματα
не менѣе 30	100	300
менѣе 30—не менѣе 10	100	200
менѣе 10—не менѣе 5	50	70
менѣе 5—не менѣе 3	18	24
менѣе 3—не менѣе 2	12	6 (al. 16)
менѣе 2	ничего	ничего

Такимъ образомъ, минимальный взносъ въ качествѣ приношеній составлялъ [около 13%] съ годового дохода той церкви, въ которую епископъ поставлялся. Это «приношеніе» совершенно открыто принималъ отъ рукоположеннаго протопресвитерь или архидіаконъ хиротонисующаго. Такъ какъ правила VII вселенскаго собора раскрываютъ передъ нами серьезное экономическое неустройство восточной церкви (изъ 22 правилъ собора 6 или 7 предусматриваютъ «скверное сребролюбіе»), то мы въ правѣ предполагать, что матеріальная выгода отъ «приношеній» не осталась безъ вліянія на ходъ борьбы между старымъ строемъ и новымъ теченіемъ.

Подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ противоположныхъ силъ жизнь естественно пошла по діагонали. Отдѣльныхъ фактовъ

борьбы византийская хронографія сохранила очень немного ¹⁾; но итогъ движенія въ общихъ чертахъ извѣстенъ. — а) Патріархи, надломленные исторіею, удержали однако исторически унаслѣдованныя прерогативы. б) Митрополиты съ меньшимъ успѣхомъ отстаивали свое положеніе. аа) Правда, исторія уважалась и въ отношеніи къ нимъ, но иногда довольно своеобразно. Напр., послѣ упадающей въ своемъ значеніи Перги (митрополія Памфилии II) выросъ въ своемъ значеніи городокъ Силэй; тогда пергская кафедра была закрыта, и епископъ силэйскій сталъ титуловаться митрополитомъ силэйскимъ или пергскимъ. Но бб) явились новые митрополиты, епархіи которыхъ выдѣлились изъ прежнихъ. вв) Нѣкоторые древніе митрополиты были понижены въ спискахъ напр., викарій ѳессалоникскій, прежде на соборахъ III, IV, V и VI всел. занимавшій мѣсто прямо послѣ патріарха іерусалимскаго, выше протоѳера на кесарійскаго, спустился на 16 мѣсто между митрополитами. гг) Нѣкоторые новые митрополиты занимаютъ мѣсто выше древнихъ, напр., титулярный халкидонскій уже на V всел. соборѣ выше многихъ дѣйствительныхъ. дд) Но особенно важно было образование автокефальныхъ архіепископій.

Между монастырями съ теченіемъ времени стали появляться монастыри такъ называемые ставропигіальные. Монастырь, какъ община монаховъ, не можетъ быть независимымъ отъ епископовъ. Ему откуда-нибудь нужно брать пресвитеровъ. Ставропигія освобождала монастырь отъ подчиненія епископу данной мѣстности и подчиняла его непосредственно патріарху. Случаи, когда патріархи учреждали монастыри въ епископіяхъ, были нерѣдки. Автокефальныя епископія представляютъ нѣчто подобное этимъ ставропигіальнымъ монастырямъ.

Въ половинѣ V вѣка патріарху константинопольскому въ подвѣдомыхъ ему трехъ дѣшезахъ было подчинено 30 митрополитовъ: 12 въ Понтѣ, 12 въ Асіи и 6 во Фракіи. [Документъ, написанный именемъ св. Епифанія кипрскаго и относимый Гельцеромъ къ VII в., *Ἐκθεσις πρωτοκλεισίων πατριάρχων τε καὶ μητροπολιτῶν*, перечисляетъ уже 33 митрополита]. Но что составляетъ характерное явленіе, то это то, что [теперь еще]

¹⁾ Ср. Н. А. Скабалановичъ, Византийское государство и церковь въ XI в. Спб. 1884, стр. 416, 417, ЖЭЖ 69, 71; ср. стр. 157; фактъ 25 мая 1029 г.

оказываются 34 архієпископія, подчиненныя константинопольскому патріарху, которыя съ точки зрѣнія V вѣка были совершенно новымъ явленіемъ, и онѣ суть великіе показатели того, что митрополитанская система не выдержала напора исторіи и клонилась къ окончательному устраненію. Въ IX в. въ патріархатѣ константинопольскомъ на 34 митрополіи приходились 41 *αὐτοκέφαλοι* (т. е. *ἀρχιεπίσκοποι*). [Въ началѣ X в. число митрополитовъ было уже 51, столько же было и архієпископовъ] ¹⁾.

Фактовъ для исторіи возникновенія этихъ архієпископій извѣстно слишкомъ мало; поэтому гипотезы для объясненія этого явленія неизбѣжны. Видимо, автокефальность ихъ была фиктивная. Одно лицо въ церкви не можетъ быть «самоглавнымъ». За смертью архієпископа кто-либо долженъ былъ поставить ему преемника. И, вѣроятно, ставилъ ихъ архієпископъ константинопольскій (хотя въ XI в. митрополиты энергично отстаивали свои права) и «автокефальный» при богослуженіи «возносилъ имя» только патріарха константинопольскаго, а не своего епархіального митрополита. Зависимость ихъ отъ митрополита была номинальна, или просто нулевая. Обязаны ли они были принимать участіе на митрополитическихъ (мѣстныхъ) соборахъ — это еще вопросъ. Они являлись только членами синода въ Константинополѣ. Любопытно процентное отношеніе этихъ архієпископій: сравнительно болѣе всего ихъ появилось въблизи Константинополя. Оказывается, напримѣръ, что въ Европѣ восточной, т. е. той епархіи, гдѣ лежитъ Ираклія и Константинополь, было 5 автокефальныхъ (архієпископовъ) и еще только 5 простыхъ епископовъ, подвѣдомственныхъ митрополиту. Но были и отдаленныя автокефальныя церкви. Всякая каѳедра, имѣвшая когда-либо святого епископа или мученическія мощи, стремилась къ автокефальности. Такимъ образомъ, образованіе автокефальныхъ церквей составило цѣлый рядъ пятенъ, прорывавшихъ плотную сѣть митрополитанской системы.

Но автокефальное архієпископство представляло только

¹⁾ Cp. H. Gelzer, Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitae episcopatum. (Aus den Abhandlungen der k. bayer. Akademie der Wiss. I. Cl. XXI, Bd. III, Abth.). München 1901. Также Georgii Cyprii descriptio orbis Romani. Ed. H. Gelzer. Lipsiae 1890. А. Б.

начало движенія въ епископскихъ санахъ. Сравнивъ подложашіе списки въ ихъ хронологической послѣдовательности, можно замѣтить, какъ епископы сначала дѣлаются архіепископами, а потомъ митрополитами. Такъ, напримѣръ, было съ смирнскимъ епископомъ. Сперва епископъ, ἐπαρχιώτης асійскій (подвѣдомый митрополиту ефесскому), въ IX в. уже αὐτοκέφαλος (ἀρχιεπίσκοπος), наконецъ, μητροπολίτης. Та же самая исторія съ Κουτάειον τῆς Φρυγίας Σαλουταρίας, съ Μιτωλήνη τῶν Νήσων. Всѣ эти превращенія совершались на первыхъ порахъ очень логично. Послѣдовательность выражалась въ томъ, что у митрополитовъ (въ отлчіе отъ архіепископовъ) былъ какой-нибудь θρόνος ὑποκειμένος (подвѣдомственная епархія), и въ случаѣ, если архіепископъ становился митрополитомъ, то, чтобы была у него своя подчиненная какъ бы епархія, выдѣляли изъ той же епархія нѣсколько епископій (у митрополита котіайскаго было только 3 θρόνοι ὑποκειμένοι). Но въ концѣ концовъ дѣло свелось къ простой титулатурѣ, и появились митрополиты въ родѣ евхаетскаго въ Еленопонтѣ, у котораго θρόνος ὑποκειμένος οὐκ ἔστι.

Параллельно съ этимъ наблюдается и слѣдующее явленіе: списки митрополитовъ принимаютъ строго опредѣленный видъ (становятся разрядными списками), и въ нихъ митрополитовъ то повышаютъ на нѣсколько мѣстъ, то понижаютъ, и это дѣлается по постановленію константинопольскаго σὺνοδος ἐνδημοῦσα. Этотъ разрядной списокъ опредѣляетъ «τάξις πρωτοκαθεδρίας», порядокъ, въ которомъ митрополиты сидятъ на соборахъ. Соборъ Халкидонскій можетъ считаться нормою для этого списка въ его древнѣйшей формѣ. Въ этихъ спискахъ дѣлались помѣтки: митрополитъ такой-то, тогда-то занималъ такое-то мѣсто, потомъ повышенъ или пониженъ. Изъ каедръ очень крупная была ессалоникская; она занимала столь высокое мѣсто, что Θεοδὸρ Ὁμολογητὴς этого епископа называетъ даже патріархомъ. Когда же она перешла въ подчиненіе константинопольскому патріарху, то мѣсто въ спискахъ заняла уже низшее (въ концѣ концовъ 16-е).

Новые порядки создали новую терминологию, которая отразилась и на Россіи. По ходу исторіи должно бы дѣло стоять такъ: высшее положеніе епископа обозначается словомъ «архіепископъ», который былъ выше митрополита (имѣлъ подвѣдомыхъ ему митрополитовъ); имена ἑξάρχος и πατριάρχης—простые варианты имени ἀρχιεπίσκοπος. Такъ въ древнюю пору и

было. Съ понятіемъ «архіепископъ» непрѣнно связана была мысль объ его автокефальности, и когда митрополитъ кипрскій признанъ былъ неподчиненнымъ архіепископу антиохійскому (на III вселенскомъ себорѣ), онъ, какъ автокефальный, сталъ именоваться уже не *μητροπολίτης*, а *ἀρχιεπίσκοπος*. Но потомъ появились номинальныя самоглавности; но по существующему *usus* и этихъ *αὐτοκέφαλοι* стали называть архіепископами, и *ἀρχιεπίσκοπος* оказался ниже митрополитовъ. Эта позднѣйшая терминологія перешла къ намъ въ Россію. У насъ сначала былъ одинъ только митрополитъ кievскій, потомъ явился титулярный архіепископъ новгородскій; впоследствии одинъ титулъ митрополита раздѣлился на три, но «архіепископъ» у насъ сталъ ниже «митрополита». Въ сущности, митрополиты русскіе, не имѣя у себя подчиненныхъ епископовъ, являлись только простыми титулованными лицами. Не логиченъ титулъ архіепископа бѣлградскаго и митрополита сербскаго (должно бы быть: архіепископъ сербскій и митрополитъ бѣлградскій, ибо Бѣлградъ=*μητρόπολις*). Митрополитъ черногорскій долженъ бы былъ называться архіепископомъ черногорскимъ, какъ «самоглавный», но не имѣющій въ подчиненіи епископскихъ кафедръ.

Такимъ образомъ, теперь трудно опредѣлить, вслѣдствіе этой измѣненной титулатуры, какое положеніе занимало въ исторіи тотъ или иной «архіепископъ», потому что слово «архіепископъ» стали употреблять неправильно. Напримѣръ, Василій В. по объему своей власти долженъ бы быть названъ «архіепископомъ»; но неизвѣстно, послалъ ли онъ на самомъ дѣлѣ этотъ титулъ, такъ какъ титулы въ то время еще только вырабатывались. А св. Николай мирликійскій никогда не былъ архіепископомъ, потому что мирликійскіе (*τὰ Μῦρα τῆς Λυκίας*) епископы всегда были только митрополитами епархіи Ликии.

Помимо указанныхъ перемѣнъ, успѣхи древней константинопольской кафедры выразились въ расширеніи ея области на счетъ другихъ патріархатовъ. Къ ней при Львѣ Исаврѣ были присоединены восточный Илирикъ, зависѣвшій прежде отъ Рима, и епархія Исаврія (съ митрополіею Селевкіею и 23 епископіями), зависѣвшая прежде отъ антиохійскаго патріарха.

Такимъ образомъ всѣ дѣла были стянуты къ Константинополю. Здѣшніе соборы вѣдали дѣла всей восточной церкви. Третьимъ правиломъ VII вселенскаго собора былъ нанесенъ

ударъ праву народа на участіе въ избраніи епископа, которое исторически свелось къ вліянію «мірскихъ начальниковъ» на эти выборы. Соборъ передаетъ эти выборы епископамъ. Но нѣкоторые константинопольскіе патріархи дѣлали попытки устранить отъ этого участія и епископовъ и рѣшать дѣла объ избраніи единолично.

СЛѢДУЕТЪ ИСПРАВИТЬ:

Стран.	Строка.		
7	Къ строкамъ 19—20	должно было быть сдѣлано примѣчаніе, что письмо Θεоны къ Лукіану, изданное впервые d'Achéry въ 1675 г., теперь считается подложнымъ. Ср. А. Нагпаск, Der gefälschte Brief des Bischofs Theonas an Lucian, въ Texte u. Untersuchungen, XXXV, 3 (1903).	
10	22 сверху	креста	въ видѣ креста
22	Въ примѣчаніи 2	должно быть еще указано: Михайловъ день. Христ. Чт. 1892, II, 626—7 (отд. от. 38—39).	
28	16 сверху	авинейя	авдинея
30	20 „	сестрѣ	падчерицѣ
113	14 снизу	о томъ	о немъ
118	12 сверху	Валентіанъ	Валентиніанъ
138	6 „	II. Церковный строй.	Второй отдѣлъ. Церковный строй.
147	16 снизу	жила	жила въ супружествѣ
149	7—9 сверху	Θеодоритъ — поставяль	Домнъ антиохійскій [можетъ быть, подъ вліяніемъ Θεодорита] поставяль
204	13 сверху	крѣпостѣ	крѣпостцѣ

Въ „Исторіи церкви въ періодъ до Константина В.“ (Спб. 1910):

162	3, 15 снизу	312	313
163	7 сверху	312	313
163	9—10 „	О содержаніи — 313 г.	<i>опустить</i>
163	18—19 снизу	312 года отъ миланскаго же	311 года отъ миланскаго
370	7 „	въ лицѣ Іеронима	въ лицѣ [своихъ представителей кромѣ Іеронима]
452	13 снизу	періода—	періода—обратиться